22218

Изданіе неофиціальное.

Я. А. Канторовичъ
ПРИСЯЖНЫЙ ПОВѢРЕННЫЙ.

АВТОРСКОЕ ПРАВО

34677

НА ЛИТЕРАТУРНЫЯ, МУЗЫКАЛЬНЫЯ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ И ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

НОВЫЙ ЗАКОНЪ 15 МАРТА 1911 г.,

съ историческимъ очеркомъ и съ разъясненіями, извлеченными изъ мотивовъ Редакціонной Комиссіи по составленію проекта Гражданскаго Уложенія, объяснительной записки къ проекту Министра Юстиціи и дебатовъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Юридическаго книжнаго склада „ПРАВО".
1911.

28218.

Изданіе неофиціальное.

Я. А. Канторовичъ
ПРИСЯЖНЫЙ ПОВѢРЕННЫЙ.

АВТОРСКОЕ ПРАВО

3461

НА ЛИТЕРАТУРНЫЯ, МУЗЫКАЛЬНЫЯ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ И ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

НОВЫЙ ЗАКОНЪ 15 МАРТА 1911 г.,

съ историческимъ очеркомъ и съ разъясненіями, извлеченными изъ мотивовъ Редакціонной Комиссіи по составленію проекта Гражданскаго Уложенія, объяснительной записки къ проекту Министра Юстиціи и дебатовъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Юридическаго книжнаго склада „ПРАВО".
1911.

Библиотека НКФ СССР

85187

Типографія А. Г. Розена — Спб. Театральная пл., 2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ . . . . . I—III

ГЛАВА ПЕРВАЯ.—Исторія развитія авторскаго права 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.—Международная защита авторскаго права 51

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.—Авторское право въ Россіи 68

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.—Сравнительный обзоръ законоположеній объ авторскомъ правѣ по русскому и иностраннымъ законодательствамъ . . . 105

I. Объектъ авторскаго права 105

II. Субъектъ авторскаго права 175

III. Содержаніе авторскаго права . . . 194

IV. Возникновеніе, переходъ и прекращеніе авторскаго права 248

V. Защита авторскаго права 333

ПОЛОЖЕНІЕ ОБЪ АВТОРСКОМЪ ПРАВѢ (Законъ 15 марта 1911 г. объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя, художественныя и фотографическія произведенія) 374

Алфавитный указатель 416

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Институтъ авторскаго права заключаетъ въ себѣ спеціальныя и своеобразныя черты, отличающія его отъ всѣхъ другихъ институтовъ гражданскаго права. Институтомъ этимъ охраняются не только имущественные интересы авторовъ, но также и ихъ права и интересы личные—нравственные и духовные.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ институтомъ затрагиваются интересы общественные—интересы культуры и просвѣщенія.

Благодаря этому, правоотношенія, нормируемыя закономъ объ авторскомъ правѣ, выходятъ далеко за предѣлы частно-гражданскихъ отношеній и пріобрѣтаютъ исключительный интересъ—какъ юридическій, въ виду своеобразной правовой конструкціи этого права, такъ и общественный, въ виду предъявляемыхъ къ нему требованій культурно-просвѣтительнаго свойства.

Въ настоящей книгѣ мы имѣли въ виду освѣтить новый законъ объ авторскомъ правѣ со стороны его общественно-правовой конструкціи и со стороны методологическаго и техническаго изложенія отдѣльныхъ нормъ его.

Для этого, прежде всего, мы считали нужнымъ предпослать историческій очеркъ развитія авторскаго права, такъ какъ только изъ историческаго хода

развитія этого понятія выясняется сущность этого права и мѣсто его въ ряду другихъ институтовъ гражданскаго права.

Затѣмъ, законоположенія новаго закона систематизированы нами, соотвѣтственно принятому въ наукѣ права методу, по отдѣльнымъ элементамъ, входящимъ въ составъ авторскаго права; приэтомъ, по отдѣльнымъ постановленіямъ закона приводятся сравнительныя данныя о соотвѣтственныхъ постановленіяхъ иностранныхъ законодательствъ и нашего прежде дѣйствовавшаго законодательства и также объясненія, извлеченныя изъ первоначальнаго проекта, вошедшаго въ работу Редакціонной Комиссіи по составленію проекта Гражд. Уложенія, изъ проекта, внесеннаго Министромъ Юстиціи въ Госуд. Думу, изъ преній въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ, изъ доклада СПБ. Литературнаго Общества и др.

Мы считали нужнымъ подробно остановиться на вопросѣ о свободѣ переводовъ съ иностранныхъ произведеній, такъ какъ, по нашему мнѣнію, этотъ вопросъ имѣетъ для Россіи огромное значеніе, которое недостаточно взвѣшено нашимъ правительствомъ, предрѣшившимъ уже этотъ вопросъ—принятіемъ на себя обязательства о заключеніи конвенцій съ Франціей, Германіей и Австріей.

Также, сравнительно значительное мѣсто отведено нами вопросу о срокѣ длительности авторскаго права, такъ какъ этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, не получилъ въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ того рѣшенія, которое соотвѣтствуетъ интересамъ просвѣщенія въ Россіи.

При изложеніи текста новаго закона мы считали полезнымъ привести, подъ соотвѣтственными статьями, тѣ изъ кассаціонныхъ рѣшеній, относя-

щихся къ прежде дѣйствовавшему закону, которыя могутъ имѣть разъяснительное значеніе и при дѣйствіи новаго закона.

Въ концѣ книги приложенъ подробный алфавитный указатель.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исторія развитія авторскаго права.

I.

Въ составъ понятія авторскаго права входятъ три вида права собственности своеобразнаго характера: право собственности на произведенія литературы, на произведенія музыки и на произведенія художества. Изъ нихъ болѣе раннее развитіе и признаніе въ положительныхъ законодательствахъ получило право собственности на литературныя произведенія или такъ называемое право литературной собственности. Лишь впослѣдствіи, по аналогіи съ литературною собственностью и на общихъ основаніяхъ съ защитою права авторовъ литературнаго произведенія, были установлены въ законодательствахъ правила, охраняющія право композиторовъ и художниковъ на ихъ произведенія. Поэтому, историческій ходъ развитія авторскаго права, главнымъ образомъ, касался литературной собственности, понятіе которой, въ его экономическихъ и юридическихъ основаніяхъ, распространилось на музыкальную и художественную собственность, а въ самое новѣйшее время также и на фотографическую собственность.

„*Литературною собственностью*“ принято называть принадлежащее автору исключительное право воспроизведенія и продажи своихъ произведеній. Право это, имѣющее сходственныя черты съ правомъ собственности въ общемъ смыслѣ, вошло во многія законодательства, между прочимъ въ наше, дѣйствовавшее до новаго закона, законодательство, какъ одинъ изъ видовъ собственности, и утвердило за собою сообщенный ему французскими юристами конца XVIII столѣтія терминъ—propriété littéraire. Новѣйшія законодательства, въ томъ числѣ нашъ новый законъ, избѣгаютъ выраженія „*собственность*“ по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ и называютъ право авторовъ на ихъ произведенія „авторскимъ правомъ“ (Urheberrecht, droit d'auteur, copyright), наполняя это право самостоятельнымъ содержаніемъ и опредѣляя его, какъ „право автора механическимъ путемъ розмножать письменное произведеніе“. То или другое опредѣленіе авторскаго права имѣетъ своимъ основаніемъ различныя научныя теоріи, оказывавшія, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, весьма большое вліяніе на юридическую конструкцію этого института.

Литературная собственность или авторское право, имѣя въ виду защиту имущественныхъ интересовъ авторовъ, принадлежитъ къ числу вопросовъ частногражданскаго права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ литературная собственность соприкасается съ областью вопросовъ публичнаго права, такъ какъ она затрагиваетъ самые важные интересы общества,—его духовные интересы. Этимъ объясняется огромный интересъ, выпавшій на долю этого вопроса въ научной литературѣ—не только юридической, но и философской—и вызвавшій обширную полемику

въ законодательныхъ собраніяхъ и международныхъ литературныхъ конгрессахъ. Благодаря этому же двойственному характеру института литературной собственности, юридическая конструкція его представляетъ до сихъ поръ предметъ спора для ученыхъ и считается далеко не выясненной въ наукѣ права.

Для надлежащаго выясненія вопроса о литературной собственности необходимо предварительное ознакомленіе съ исторіею возникновенія и дальнѣйшаго развитія этого понятія. Habent sua fata libelli! И право автора на свою книгу имѣетъ тоже свою судьбу и исторію, весьма интересную и поучительную, между прочимъ, потому, что по этой исторіи можно прослѣдить культурный ростъ книжнаго дѣла и его значеніе въ различныя эпохи европейской образованности.

II.

Литературная собственность — понятіе новѣйшаго времени, продуктъ новѣйшихъ техническихъ, экономическихъ и культурно-общественныхъ условій жизни.

Древнему міру было совершенно чуждо это понятіе. Воззрѣнія древнихъ на авторскій трудъ носили идеальный характеръ и исключали всякія представленія о какомъ либо матеріальномъ вознагражденіи за эстетическое удовольствіе, доставляемое произведеніями литературы и искусства. Вознагражденіемъ для авторовъ служили — вѣнокъ, слава, безсмертіе. Гомеръ обходилъ греческія страны и пѣлъ свои божественныя пѣсни о подвигахъ боговъ и героевъ-полубоговъ, получая лишь гостепріимный пріемъ. Пиндару, возбуждавшему своею воинствен-

ною пѣснію воинственный экстазъ греческихъ воиновъ, было чуждо представленіе о гонорарѣ за свой патріотическій подвигъ. Сократъ училъ истинѣ по внутреннему влеченію и не требовалъ отъ своихъ слушателей никакого вознагражденія за свои лекціи по логикѣ и философіи. Даже аѳинскій театръ не служилъ мѣстомъ развлеченія, а былъ религіознымъ учрежденіемъ, въ которомъ, рядомъ съ представленіями трагедій Эсхила, Еврипида и Софокла, совершались торжественные обряды въ честь Діонисія.

Въ римской жизни литература достигла значительной степени развитія и являются даже зачатки книжной торговли. Но и для римлянъ понятіе литературной собственности въ его современномъ смыслѣ не могло имѣть мѣста. Въ ихъ время письменный способъ передачи мыслей былъ крайне несовершененъ, произведенія литературы могли только переписываться на пергаментѣ или папирусѣ, при помощи ручнаго труда переписчиковъ, и такая переписка отдѣльныхъ экземпляровъ была сопряжена съ громадной тратой времени, труда и матеріальныхъ средствъ, вслѣдствіе чего каждый экземпляръ сочиненія (манускриптъ) былъ очень дорогъ и доступенъ только людямъ съ значительнымъ состояніемъ. Римскіе писатели для обезпеченія своего существованія должны были искать покровительства меценатовъ, и, по словамъ Момсена, „наряду съ поваромъ, красивымъ мальчикомъ, фокусникомъ, въ толпѣ греческихъ прислужниковъ, которыми окружалъ себя знатный римлянинъ, выдающуюся роль играли и философъ, поэтъ, составитель мемуаровъ“. Нѣкоторые знатные римляне, какъ разсказываетъ Сенека, окружали себя рабами, изъ которыхъ

каждый зналъ наизусть всѣ произведенія какого-нибудь поэта, такъ что по приказанію своего господина они *говорили* предъ нимъ тѣ или другіе отрывки изъ произведеній поэтовъ. При необходимости затратить трудъ и время на изготовленіе, путемъ переписки, каждаго отдѣльнаго экземпляра сочиненія, представлялось вполнѣ естественнымъ, что каждый пользовался полной свободой переписывать какую угодно рукопись, и съ точки зрѣнія римскаго правосознанія являлось бы въ высшей степени страннымъ запрещеніе переписки всякому другому, кромѣ одного, уполномоченнаго на то авторомъ. Поэтому римскому праву было совершенно чуждо понятіе литературной собственности, и въ наслѣдіи, доставшемся отъ римлянъ позднѣйшей юриспруденціи, не имѣется на этотъ счетъ никакихъ слѣдовъ. Въ римскомъ правосознаніи существовала не *литературная* собственность, а собственность на каждый отдѣльный экземпляръ литературнаго произведенія, на манускриптъ, какъ на тѣлесную вещь, имѣющую цѣнность въ своемъ качествѣ вещи, а не своего умственнаго содержанія.

Еще менѣе были благопріятны условія воспроизведенія и распространенія книгъ въ средніе вѣка. Переписка книгъ сосредоточилась исключительно въ монастыряхъ и производилась монахами, замѣнившими прежнихъ даровыхъ переписчиковъ—рабовъ. Во всѣхъ большихъ монастыряхъ имѣлось особое отдѣленіе Scriptorium для переписки книгъ. Оригиналъ изъ рукъ автора переходилъ къ монахамъ-переписчикамъ. Нерѣдко текстъ книги диктовался сразу нѣсколькимъ переписчикамъ. Такъ какъ переписчики были часто люди малограмотные, то они дѣлали много ошибокъ и даже иногда иска-

жали самый смыслъ текста. На изготовленіе одного такимъ образомъ переписаннаго экземпляра сочиненія требовалось много усидчиваго труда и довольно продолжительнаго времени, нерѣдко болѣе года, вслѣдствіе чего цѣны этихъ рукописныхъ сочиненій были крайне высокія. Сохранилось много разсказовъ, свидѣтельствующихъ о баснословной дороговизнѣ книгъ въ средніе вѣка. Библіотеками могли обзаводиться лишь самыя богатыя, коронованныя особы. Библіотеки, состоявшія изъ ста названій, считались весьма богатыми и составляли огромнѣйшее состояніе. Labourеur въ своей Histoire de Charles VI (Paris, 1663) даетъ списокъ книгъ весьма богатой по тому времени библіотеки, принадлежавшей французскому принцу крови герцогу Іоанну де Бери. Вся она состояла изъ 84 томовъ, въ томъ числѣ библія на французскомъ языкѣ, стоившая 400 ливровъ, библія на латинскомъ языкѣ, стоимостью въ 735 ливровъ, экземпляръ сочиненія Тита Ливія въ 135 ливровъ, книга подъ заглавіемъ Les grandes Chroniques de Burgues въ 80 ливровъ, книга Іоанна Боккаччіо „О благородныхъ мужчинахъ и женщинахъ“ въ 80 ливровъ и т. д. При этомъ Лабуреръ прибавляетъ, что герцогъ этотъ весьма любилъ книги, которыя въ то время были такъ рѣдки, что ихъ ставили въ ряду драгоцѣнностей. Людовикъ XI, желая пріобрѣсти для себя списокъ съ манускрипта арабскаго писателя Розеса, которымъ обладалъ медицинскій факультетъ Парижскаго университета, отдалъ послѣднему въ залогъ манускрипта всю свою серебряную посуду [1]). Въ духовныхъ завѣщаніяхъ того времени особенно важное мѣсто

[1]) Табашниковъ. Литерат. собствен., стр. 179.

занимали распоряженія относительно оставшихся книгъ. Книги давались въ приданное, и невѣсты, за которыми числилась библіотека изъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ, считались весьма богатыми. Обыкновенно книги прикрѣплялись къ столу желѣзными цѣпями и оберегались какъ сокровище.

При глубокомъ невѣжествѣ и грубости нравовъ въ средніе вѣка, спросъ на книги былъ крайне ничтоженъ, и литература выражалась, главнымъ образомъ, въ изустныхъ пѣсняхъ, которыя пѣвцы (трубадуры, миннензингеры, минстрели и др.) распѣвали, переходя изъ одного замка въ другой. Этими пѣснями удовлетворялись умственныя потребности средневѣковой публики. Чтеніе же книгъ было доступно только немногочисленному классу духовныхъ лицъ и ученыхъ, которые были далеки отъ мысли удерживать за собою, въ качествѣ авторовъ, исключительное право воспроизведенія своихъ сочиненій, а напротивъ, были очень рады, если кто либо бралъ на себя трудъ переписки и тѣмъ содѣйствовалъ распространенію ихъ сочиненій.

III.

Идея о правѣ авторовъ на ихъ произведенія впервые возникаетъ лишь съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія,—съ развитіемъ типографскаго искусства, когда сдѣлалось возможнымъ одновременное сниманіе многочисленныхъ копій съ одной и той же рукописи, при неизмѣримомъ, сравнительно съ прежнимъ способомъ переписыванія рукописей, сокращеніи труда и матеріальныхъ средствъ. Пріобрѣтеніе книги, благодаря этому, сдѣлалось доступнымъ по

своей дешевизнѣ всѣмъ и каждому, и книга стала предметомъ торговли, получивъ рыночную цѣнность, подобно всякимъ другимъ предметамъ производства.

Благодаря удивительному изобрѣтенію Гутенберга, создалась новая отрасль промышленности и возникъ новый источникъ дохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ явились новые имущественные интересы, нуждавшіеся въ правовомъ освященіи. Само по себѣ возникновеніе новой отрасли промышленности и связанныхъ съ нею имущественныхъ интересовъ не представляло бы ничего экстраординарнаго въ смыслѣ правового явленія. Человѣчество безостановочно прогрессируетъ, все болѣе и болѣе раздвигая предѣлы господства надъ природой и безпрерывно расширяя кругъ завоеваній въ матеріальномъ мірѣ. И право, группируя явленія гражданскаго быта, принимаемыя имъ подъ свою охрану, по общимъ ихъ признакамъ, обладаетъ достаточной эластичностью, чтобы каждое вновь возникающее явленіе могло быть подводимо подъ тотъ или другой типъ ужъ установленныхъ юридическихъ правоотношеній, безъ надобности, на каждый разъ, въ особомъ актѣ законодательнаго нормированія. Но сфера имущественныхъ интересовъ, вызванныхъ возникшей вновь отраслію промышленности — книжной, представляла одну особенность, благодаря которой это новое явленіе оставалось внѣ дѣйствія положительныхъ нормъ. Именно, возникшій новый продукъ — экземпляръ произведенія литературы, книга,—кромѣ своей цѣнности въ качествѣ вещи, имѣетъ еще другую экономическую цѣнность, въ качествѣ источника обогащенія посредствомъ дальнѣйшаго размноженія его въ однородныхъ копіяхъ и распространенія въ продажѣ. Конкретно эта особенность выразилась въ слѣдующемъ. Первые

издатели, предпринимавшіе какое нибудъ изданіе, должны были, разумѣется, затрачивать расходы на пріобрѣтеніе рукописи, на сличеніе съ другими рукописями, на исправленіе ошибокъ и т. д., разсчитывая возмѣстить всѣ свои расходы сбытомъ книги. На дѣлѣ же оказывалось, что, выпустивши въ свѣтъ книгу, они вскорѣ встрѣчали убыточную для себя конкурренцію въ лицѣ другихъ издателей, которые, пользуясь отпечатаннымъ экземпляромъ, перепечатывали его, не затрачивая никакихъ предварительныхъ расходовъ, какіе имѣли первые издатели, и продавали книгу по цѣнѣ болѣе дешевой, убивая такимъ образомъ первое изданіе.

Несправедливость такого порядка вещей живо чувствовалась тогдашнимъ обществомъ, въ средѣ котораго раздаются постоянныя жалобы на контрафакторовъ и упреки въ ихъ безчестности. Такъ, Лютеръ, Эразмъ Ротердамскій и другіе горько жалуются на контрафакторовъ, осыпая ихъ упреками и называя ихъ ворами. Но какъ ни чувствовалась несправедливость контрафакціи и вредъ, приносимый ею частному интересу, — юридическая защита нарушаемыхъ интересовъ была совершенно невозможна, потому что нельзя было это явленіе ни юридически конструировать, ни найти для него мѣсто въ какой нибудь нормѣ дѣйствовавшаго гражданскаго или уголовнаго законодательства, которому было чуждо понятіе контрафакціи. Попытки тогдашнихъ ученыхъ мотивировать неправомѣрность контрафакціи ограничивались лишь указаніями на ея несоотвѣтствіе требованіямъ естественнаго права и справедливости и не шли дальше этихъ соображеній, которыя, конечно, не могли имѣть никакихъ практическихъ результатовъ, въ смыслѣ прекращенія контрафакціи. Получился, та-

кимъ образомъ, вновь возникшій *нарушаемый* интересъ и требовалось вмѣшательство законодательной власти для его охраны. Это и былъ первый моментъ будущаго гражданскаго института, зародившагося, какъ всегда въ правѣ, на почвѣ борьбы противоположныхъ интересовъ.

Издатели для защиты своихъ интересовъ стали обращаться къ заступничеству правительственной власти. Но для изданія соотвѣтственной законодательной мѣры о контрафакціи не было еще тогда правосознаніемъ выработано научной формулы юридическихъ основаній авторскаго права, и заступничество власти, на первыхъ порахъ, выразилось въ томъ, что правительствами выдавались отдѣльныя привиллегіи издателямъ, ходатайствовавшимъ о томъ предъ правительствомъ. Привиллегіи выдавались отдѣльно на каждый случай, печатались на первой страницѣ книги и заключали въ себѣ дарованіе исключительнаго права на печатаніе изданія указанному издателю и запрещеніе всѣмъ другимъ его перепечатывать. Древнѣйшая изъ привиллегій была выдана Венеціанской Республикой 3-го января 1491 г. юристу Петру Равенскому, магистру каноническаго права, по поводу его сочиненія „Phoenix“. Приводимъ содержаніе этой привиллегіи, такъ какъ въ ней очень характерно выразились представленія того времени о литературной собственности. Она гласила слѣдующее:

„Явившійся къ свѣтлѣйшему вождю и въ славныя наши владѣнія знатный юрисконсультъ по имени Петръ изъ Равенны, читающій каноническое право, почтительно заявилъ, что въ теченіе всей своей жизни употребилъ весьма много старанія и труда... почему смиренно просилъ, дабы запре-

щено было другимъ собирать плоды его трудовъ и безсонныхъ ночей. Признавая справедливость и пристойность этой просьбы... повелѣвается, чтобы никто не осмѣливался въ городѣ Венеціи и въ всѣхъ подвластныхъ намъ славныхъ владѣніяхъ печатать или продавать напечатанные экземпляры сказаннаго сочиненія, озаглавленваго Phoenix, подъ страхомъ конфискаціи этихъ экземпляровъ и уплаты двадцати пяти ливровъ за каждый изъ нихъ. Тому же наказанію подлежатъ и тѣ, кои станутъ продавать въ вышеназванныхъ славныхъ владѣніяхъ тѣ же книги, напечатанныя въ другихъ мѣстахъ, исключая только того типографа, которому вышесказанный докторъ это разрѣшитъ".

Такимъ образомъ привиллегія, даруемая правительствомъ издателямъ, была первоначальной формой защиты интересовъ первыхъ издателей, а вмѣстѣ съ ними и авторовъ, получавшихъ отъ нихъ гонораръ и заинтересованныхъ въ успѣхѣ предпринимаемыхъ первыми изданій. Затѣмъ, по мѣрѣ развитія книжной торговли и издательскаго дѣла, такое казуистическое разрѣшеніе вопроса о контрафакціи, въ видѣ отдѣльныхъ привиллегій ad hoc, сдѣлалось недостаточнымъ, неудобнымъ, настояла потребность обобщить всѣ отдѣльные случаи, возвести привиллегіи въ общее правило и издать общій законъ, нормирующій и защищающій авторовъ и издателей отъ приносимаго имъ контрафакціею ущерба, — независимо отъ ходатайствъ о томъ отдѣльныхъ издателей. Такой переходъ отъ частныхъ привиллегій къ общему закону совершается, начиная съ XVIII столѣтія, во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, законодательства которыхъ помѣщаютъ въ своихъ гражданскихъ кодексахъ законоположенія

о контрафакціи, образовавшія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи нынѣ дѣйствующіе законы объ авторскомъ правѣ [1]).

IV.

Исторія постепеннаго развитія института такъ называемой литературной собственности въ положительныхъ законодательствахъ идетъ рядомъ съ научнымъ анализомъ того, что называется правомъ авторовъ на ихъ творенія,—выясненіемъ юридической природы авторскаго права, мѣста, принадлежащаго ему въ общей системѣ права, основаній, объекта и содержанія этого права, влекущаго за собою неправномѣрность контрафакціи. Необходимо было выяснить и обосновать всѣ эти вопросы прежде, чѣмъ построить юридическій институтъ на томъ мѣстѣ, на которомъ обычаемъ и правосознаніемъ ничего раньше не было заложено. И вотъ со стороны матеріально заинтересованнаго въ этомъ вопросѣ сословія писателей и издателей, а также и ученыхъ юристовъ и философовъ усердно ищется

---

[1]) Въ настоящее время дѣйствуютъ слѣдующіе иностранные законы объ авторскомъ правѣ: Французскій законъ отъ 14 іюля 1866 г., англійскій законъ — 1 іюня 1842 г., германскій законъ — 11 іюня 1870 г., измѣненный закономъ 19 іюня 1901 г., венгерскій законъ—26 апрѣля 1884 г., белгійскій законъ—22 марта 1886 г., норвежскій законъ—8 іюня 1876 г. и 12 мая 1877 г., австрійскій законъ—26 декабря 1895 г., швейцарскій законъ—23 анрѣля 1883 г., датскій законъ—1857 г., италіанскій законъ 19 сентября 1882 г., испанскій законъ—10 января 1879 г., шведскій законъ—10 августа 1877 г., финляндскій законъ—15 марта 1880 г., португальское гражд. уложеніе—1 іюля 1867 г., Японскій—28 декабря 1887 г., Монакскій—1889 г., Румынскій—13 апрѣля 1862 г., колумбійскій—1886 г., мексиканское гражд. улож. 1871 г.

формула этого вновь народившагося права, и нѣтъ числа ученіямъ, теоріямъ и воззрѣніямъ, выставленнымъ по этому предмету въ цѣломъ рядѣ трактатовъ, изслѣдованій, полемическихъ брошюръ и т. д., въ преніяхъ законодательныхъ собраній и правительственныхъ комиссій, при обсужденіи многочисленныхъ законопроектовъ о литературной собственности и, наконецъ, въ новѣйшее время—въ дебатахъ на международныхъ литературныхъ конгрессахъ.

Изложеніе всѣхъ этихъ ученій и сужденій вмѣстѣ съ критической оцѣнкой ихъ представило-бы весьма обширную и сложную работу, и мы ограничимся лишь краткимъ обзоромъ главныхъ теорій, объясняющихъ основанія и существо авторскаго права.

Всю массу теорій и воззрѣній на литературную собственность, выставленныхъ изслѣдователями этого вопроса, можно свести къ двумъ главнымъ принципіальнымъ взглядамъ и соотвѣтственно этому распредѣлить изслѣдователей по двумъ группамъ. Къ одной группѣ принадлежатъ писатели, которые принимаютъ произведенія литературы, науки, искусства, вообще такъ называемыя умственныя произведенія за одинъ изъ видовъ собственности, относя право авторовъ на ихъ произведенія къ категоріи вещныхъ правъ и основывая институтъ литературной собственности на общихъ началахъ собственности, по аналогіи съ правомъ собственности на тѣлесныя вещи.

Они говорятъ: основаніемъ всякой собственности служитъ трудъ. Произведенія литературы, наукъ и искусства—не въ ихъ внѣшней матеріальной оболочкѣ, а въ ихъ внутреннемъ умственномъ содержаніи—составляютъ такой-же продуктъ индивидуальнаго труда, какъ и всякіе другіе продукты,

обращающіеся въ гражданскомъ оборотѣ. Права авторовъ на ихъ произведенія ничѣмъ не отличаются отъ правъ земледѣльца, ткача, кустаря на ихъ произведенія и наравнѣ съ послѣдними должны пользоватся защитой закона на общихъ основаніяхъ охраны благопріобрѣтенной собственности. Затѣмъ, чтобы еще болѣе утвердить эту точку зрѣнія и устранить всякія сомнѣнія, невольно вызываемыя фиктивностью этой своеобразной, незримой, безтѣлесной собственности, писатели эти прибавляютъ указанія на священность и неприкосновенность умственной собственности, заслуживающей признанія и уваженія въ большей степени, чѣмъ собственность матеріальная, ибо послѣдняя играетъ лишь низшую служебную роль въ то время, какъ первая раздвигаетъ горизонты и освѣщаетъ своимъ свѣтомъ міръ; при этомъ они ссылаются на то, что трудъ писателей, работающихъ кровью своего мозга и нервами своего сердца, несравнимо болѣе тяжкій трудъ, чѣмъ трудъ физическихъ работниковъ. На этомъ основаніи сторонники литературной собственности требуютъ признанія ея положительными законодательствами на основаніяхъ и въ объемѣ установленнаго наукой гражданскаго права института собственности въ общепринятомъ смыслѣ, съ примѣненіемъ къ этому виду собственности всѣхъ послѣдствій принципа собственности—безусловности, неограниченности и безсрочности.

Эта теорія имѣла особенный успѣхъ среди французскихъ писателей конца XVIII столѣтія, развивавшихъ ее въ многочисленныхъ брошюрахъ и памфлетахъ и, въ особенности, въ дебатахъ въ законодательныхъ собраніяхъ. Она явилась отраженіемъ революціонныхъ идей о правахъ личности и

была выдвинута, какъ протестъ противъ установившагося порядка продажи издательскихъ привиллегій, которымъ дореволюціонное правительство пользовалось въ своихъ интересахъ, какъ средствомъ для извлеченія государственныхъ доходовъ, въ ущербъ интересамъ авторовъ, влачившихъ жалкое существованіе, благодаря алчности и эксплоататорству издателей и книгопродавцевъ. Этимъ объясняется страстный полемическій характеръ памфлетовъ, какъ „Lettres à un ami“ абата Pluquet, анонимнаго памфлета подъ заглавіемъ „Memoires sur les vexations qu'exercent les libraires et imprimeurs de Paris“, и многочисленныхъ мемуаровъ и петицій, вызванныхъ борьбой съ привиллегіями, по поводу изданныхъ въ 1778 г. извѣстныхъ правительственныхъ arrêts. Въ противоположность принципу, лежавшему въ основѣ привиллегій, что исключительное право изданія дается государствомъ, какъ уступка, какъ милость, тому или другому издателю, была выдвинута теорія о принадлежащемъ автору безспорномъ, независимомъ отъ привиллегіи и основанномъ на естественныхъ правахъ личности, правѣ собственности на продуктъ его ума.

Подъ вліяніемъ этой теоріи, французскій законъ 1793 г., впервые послѣ революціи регулировавшій законоположенія о правахъ авторовъ и издателей на литературныя произведенія, присвоилъ авторскому праву терминъ propriété littéraire, послужившій отправной точкой для юридическаго конструированія этого института какъ въ дальнѣйшемъ законодательствѣ Франціи, такъ и въ законодательствахъ другихъ странъ. Въ дебатахъ по поводу этого закона, а также въ слѣдовавшемъ затѣмъ цѣломъ рядѣ законодательныхъ комиссій провозгла-

шался принципъ полной безусловной литературной собственности и высказывались требованія, сущность которыхъ весьма ярко выражена въ афоризмѣ Альфонса Карра: que la propiété littéraire soit enfin une propriété!.

Но замѣчательно: каждый разъ, когда вопросъ этотъ дебатировался въ законодательныхъ собраніяхъ на почвѣ предварительныхъ общихъ теоретическихъ сужденій, собранія, подъ вліяніемъ увлекательныхъ рѣчей ораторовъ о священности и неприкосновенности умственной собственности, единогласно принимали резолюціи, провозглашавшія принципъ полной, бнзусловной, вѣчной литературной собственности, аналогичной съ другими видами собственности. Но затѣмъ, когда приходилось эти общія сужденія формулировать въ видѣ точнаго опредѣленія закона и примѣнить къ произведеніямъ литературы всѣ послѣдствія провозглашеннаго принципа,—обнаруживалась невозможность примѣненія этого принципа, и на мѣстѣ литературной собственности оказывалось ограниченное во времени и объемѣ простое право авторовъ на исключительное пользованіе изданіями своихъ произведеній. Такъ было съ закономъ 1793 г., изданію котораго предшествовалъ докладъ Лаканаля, провозгласившаго восторженно принятый всѣмъ собраніемъ принципъ полной литературной собственности, по словамъ докладчика, болѣе священной и безспорной, чѣмъ другіе виды собственности,—а въ законѣ эта безспорная собственность была ограничена 10-лѣтнимъ срокомъ. То же самое повторилось съ законодательными комиссіями 1825, 1836, 1839 и 1861 г. Въ послѣдней комиссіи, учрежденной Наполеономъ III подъ предсѣдательствомъ министра Валевскаго,

была принята слѣдующая резолюція: „принявъ въ соображеніе, что произведенія ума и искусства составляютъ настоящую собственность и что посему справедливость требуетъ, чтобы эта собственность длилась безконечно, комиссія полагаетъ нарядить редакціонный комитетъ для написанія проекта устава о собственности литературной и артистической, съ тѣмъ, чтобы комитетъ взялъ за основаніе своей работы принципъ безсрочности". Однако комитету пришлось отступить отъ предложеннаго ему принципа, такъ какъ, при всѣхъ его стараніяхъ, оказалось невозможнымъ умѣстить литературную собственность на ложѣ института собственности, и работа комитета кончилось установленіемъ срочнаго авторскаго права.

85187

Благодаря этому постоянно обнаруживавшемуся разладу между возвѣщаемымъ принципомъ и его примѣненіемъ въ опредѣленіяхъ закона, указывающему на полную несообразность примѣненія къ литературнымъ произведеніямъ неподходящаго чуждаго принципа, теорія литературной собственности отвергнута всѣми законодательствами и осталась во многихъ изъ нихъ лишь въ видѣ одного заглавія авторскаго права. Въ настоящее время она имѣетъ весьма мало послѣдователей и въ ученой литературѣ.

Научное обоснованіе авторскаго права, какъ одного изъ видовъ собственности, сводится у всѣхъ приверженцевъ этой теоріи къ сравненію литературнаго произведенія съ „вещью". Одинъ изъ сторонниковъ этой исторіи нѣмец. юристъ Эйзенлоръ [1]) называетъ литерат. произведеніе *„оформленною*

[1]) Eisenlohr. Die literarische-artistische Eigenthum und Verlagsrecht, 1855.

идеею", въ параллель съ вещью, какъ „*оформлено ною матеріею*". Такую же параллель между произведеніями науки и искусства, такъ назыв. умственными произведеніями, и продуктами матеріальнаго міра проводятъ Кремеръ, Фалькманъ, Гейдеманъ и другіе юристы и также нѣкоторые изъ экономистовъ, какъ извѣстный франц. экономистъ Лабуле. Послѣдній сопоставляетъ пріобрѣтеніе авторскаго права съ первоначальнымъ способомъ пріобрѣтенія— оккупаціею и сравниваетъ автора, разрабатывающаго свою идею въ формѣ литерат. произведенія, съ земледѣльцемъ, собирающимъ плоды съ занятаго имъ для разработки поля [1]). Другой нѣмецкій политико-экономъ Адольфъ Вагнеръ [2]) находитъ въ институтѣ литературной собственности подкрѣпленіе проводимой имъ *легальной* теоріи собственности, именно теоріи, по которой основаніе всякаго права собственности лежитъ не въ завладѣніи и трудѣ, согласно господствующимъ ученіямъ о собственности, а исключительно во внѣшнемъ моментѣ — въ положительномъ законѣ, въ признаніи права собственности со стороны государственной власти. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Вагнеръ считаетъ авторское право новымъ видомъ собственности— духовною собственностью, которая выдвинута прогрессирующимъ правовымъ развитіемъ жизни и которая должна быть включена въ общую систему собственности. По мнѣнію Вагнера, наша система собственности, покоющаяся въ рамкахъ понятій и формъ римской жизни, не соотвѣтствуетъ современнымъ новѣйшимъ условіямъ, техническимъ и

---

[1]) Laboulaye. Etudes sur la propriété littéraire en France et en Angleterre.

[2]) Wagner. Lehrbuch der Politischen Oekonomie.

экономическимъ, общественной жизни,—такъ какъ временамъ неразвитой духовной жизни и несовершенныхъ техническихъ и экономическихъ условій соотвѣтствуетъ право собственности только на тѣлесныя вещи, а нашему времени должно отвѣчать установленіе болѣе широкаго понятія о правѣ собственности, которое допускало бы возможность включить въ это понятіе также право духовной собственности.

Въ русской литературѣ, въ которой вопросъ о литер. собственности вообще очень мало разработанъ, сторонникомъ теоріи *собственности* литературной является проф. Табашниковъ [1]), который обнаруживаетъ въ своемъ изслѣдованіи крайнюю односторонность взглядовъ и доводитъ сравненіе литерат. произведеній съ матеріальными вещами до полнаго тождества. „По нашему мнѣнію, говоритъ проф. Табашниковъ, сочиненіе есть вещь; эта вещь, хотя и не похожа на остальныя, но тѣмъ не менѣе она имѣетъ реальное бытіе, распознается внѣшними чувствами и способна къ вопроизведенію до безконечности и къ денежной оцѣнкѣ“. На этомъ основаніи проф. Табашниковъ не признаетъ никакихъ ограниченій для авторскаго права и требуетъ полнаго сравненія этого права съ правомъ собственности на началахъ безусловности, неограниченности и вѣчности.

V.

Теорія литературной собственности подверглась весьма сильной критикѣ со стороны многихъ уче-

[1]) Табашниковъ. Литер. музык. и худож. собств., 1878 г.

ныхъ юристовъ и экономистовъ, которые, идя путемъ логики и научнаго анализа, приходятъ къ полному отрицанію литературной собственности, въ виду совершеннаго отсутствія въ этомъ понятіи объекта собственности—*вещи*, безъ которой выраженіе „литературная собственность", „propriété litéraire" мыслимо лишь, какъ метафора, но не какъ юридическое понятіе, выражающее реальный видъ собственности.

Самымъ яркимъ выразителемъ взгляда, отрицающаго литературную собственность, является Прудонъ, который въ своей извѣстной брошюрѣ, переведенной также на русскій языкъ, „Majorats littéraires" всесторонне и обстоятельно разсматриваетъ этотъ вопросъ и со свойственною ему рѣзкою послѣдовательностью и силою діалектическаго таланта шагъ за шагомъ разбиваетъ все строеніе теоріи о литературной собственности. Прудонъ разсматриваетъ этотъ вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и особенно подробно останавливается на выясненіи того, что́ принимается за объектъ литературной собственности,—съ точки зрѣнія науки политической экономіи. И онъ приходитъ къ выводу, что установленіе литературной собственности представляетъ non-sens, абсурдъ, такъ какъ такая собственность противорѣчитъ всѣмъ принципамъ науки политической экономіи. Ибо ее нельзя вывести ни изъ понятіи *продукта*, ни изъ понятій *мѣны*, *кредита*, *капитала*, *процента*. Къ какой бы категоріи экономическихъ отношеній ни относить авторское право,—въ этомъ правѣ ничего иного нельзя находить, кромѣ права автора, какъ производителя, на продуктъ его труда, въ видѣ отпечатанныхъ экземпляровъ, а это право осуществляется имъ по общему закону всякой мѣны,

по которому товаръ съ момента продажи переходитъ въ полную собственность покупщика. Ничего иного, кромѣ обмѣна услугами и продуктами между авторомъ и обществомъ, нѣтъ; авторъ продаетъ результаты своихъ умственныхъ трудовъ — книгу и получаетъ отъ общества въ обмѣнъ другія услуги и произведенія труда. Можно говорить объ установленіи въ пользу автора, въ виду многихъ весьма справедливыхъ основаній, привиллегіи исключительнаго, на извѣстный срокъ, права изданія своихъ произведеній, но абсурдно, съ точки зрѣнія науки политической экономіи, примѣнять къ авторскому праву законы ренты, ибо автора нельзя уподобить капиталисту или землевладѣльцу, извлекающему непрерывный доходъ изъ своей собственности. Основаніе земельной собственности лежитъ въ ограниченности почвы, которую съ незапамятныхъ временъ, еще раньше всякаго положительнаго закона, люди раздѣлили между собою — путемъ ли завладѣнія, захвата или иными способами,—а впослѣдствіи время и законъ освятили неприкосновенность этой собственности. Но та почва, на которой работаютъ представители литературы, науки и искусства — область мыслей, идей, художественныхъ образовъ—не можетъ состоять въ частной собственности и не подлежитъ размежеванію по отдѣльнымъ участкамъ при помощи пограничныхъ знаковъ... Затѣмъ, разсматривая литературную собственность съ точки зрѣнія общественной этики и сравнивая услугу писателя съ услугами духовныхъ лицъ, судей, профессоровъ и т. д., Прудонъ говоритъ: „Къ сферѣ интеллектуальной непримѣнимъ принципъ завладѣнія; въ эту сферу не допускается эгоизмъ и продажность. Религія, правосудіе, наука, поэзія, искусство теряютъ

все свое значеніе какъ только они дѣлаются объектомъ торга, потому что ихъ распредѣленіе и вознагражденіе подчинены совершенно другимъ правиламъ, чѣмъ распредѣленіе и вознагражденіе промышленныхъ продуктовъ".

Въ такомъ же смыслѣ Прудонъ выражается въ одномъ изъ своихъ писемъ по поводу Брюссельскаго конгресса 1858 г., по поводу котораго, полемизируя съ извѣстнымъ защитникомъ теоріи литературной собственности Жюль Симономъ, Прудонъ пишетъ: „Дѣло идетъ о непродажности всего, относящагося къ уму и совѣсти. Въ этомъ смыслѣ міръ *полезнаго* и міръ *справедливаго, истиннаго, прекраснаго* составляютъ двѣ отличныя одна отъ другой области. Экономисты до такой степени утратили нравственный смыслъ, что не понимаютъ этого. Они не видятъ, что *истинное, прекрасное, справедливое* представляютъ собою религію будущаго, что эта религія, точно такъ же, какъ христіанство, священна и что все погибнетъ, если признаютъ на общихъ основаніяхъ литературную собственность".

Другой французскій писатель Ренуаръ [1]), доказывая несостоятельность теоріи литературной собственности съ точки зрѣнія науки права, останавливается затѣмъ на вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя произошли бы для общества отъ примѣненія къ произведеніямъ литературы, науки и искусства принципа собственности и отъ закрѣпощенія ихъ на вѣки вѣчные за авторами и ихъ потомствомъ. „...Произведенія ума, говоритъ Ренуаръ, не будутъ

---

[1]) Renouard. „Traité des droits d'auteurs, dans la littérature, les sciences et les beaux arts".

уже принадлежать человѣчеству; они станутъ товаромъ и будутъ котироваться на биржѣ... Этихъ послѣдствій достаточно для осужденія догмы литературной собственности. Хотя теоріи становятся убѣжденіями людей путемъ изслѣдованія ихъ основаній, но оцѣнка ихъ производится по послѣдствіямъ; теорія есть регуляторъ практики, но за то практика есть пробный камень теоріи. Если принципъ собственности, будучи приложенъ къ произведеніямъ мысли, не можетъ привести къ инымъ послѣдствіямъ, кромѣ невозможныхъ и опасныхъ, мало того, если онъ не приводитъ къ результатамъ полезнымъ для человѣчества и для благосостоянія общества, то на этомъ одномъ основаніи ужъ можно смѣло утверждать, что въ отношеніи къ означеннымъ произведеніямъ онъ не есть принципъ истинный... Такимъ образомъ, заключаетъ Ренуаръ, литературная собственность, разсматриваемая фолософски въ своихъ основаніяхъ— есть заблужденіе, олицетворенная практически въ своихъ послѣдствіяхъ—есть соціальное зло".

Въ такомъ же смыслѣ, исходя изъ точки зрѣнія утилитарно-общественной, высказался также Наполеонъ I въ одномъ изъ засѣданій государстоеннаго совѣта отъ 2 сентября 1808 года. Приводимъ это мнѣніе Наполеона, содержащее въ себѣ въ краткой и выразительной формѣ практическіе мотивы необходимости ограниченія литературной собственности.

„Вѣчность собственности въ семействахъ авторовъ, говоритъ Наполеонъ, приведетъ къ неудобствамъ. Литературная собственность есть собственность безтѣлесная, которая будучи теченіемъ времени и преемственными переходами раздѣлена между множествомъ индивидовъ, кончится тѣмъ, что перестанетъ

существовать для всѣхъ, ибо какимъ образомъ большое число собственниковъ, часто далеко другъ отъ друга живущихъ и спустя нѣсколько поколѣній, едва знающихъ другъ друга, согласятся и подѣлятъ между собою расходы на перепечатку общаго имъ автора? А между тѣмъ если это имъ не удастся и если имъ однимъ будетъ принадлежать право изданія, то лучшія книги незамѣтно выйдутъ изъ употребленія. Кромѣ того представится другое, не менѣе важное неудобство. Прогрессъ просвѣщенія будетъ остановленъ, такъ какъ комментировать и дѣлать примѣчанія къ сочиненіямъ не будетъ дозволено, а толкованіе, примѣчанія и комментаріи не могутъ быть отдѣлены отъ текста, на печатаніе котораго комментаторы не имѣютъ права“ [1]).

Наиболѣе вѣсскія возраженія встрѣтила теорія литературной собственности среди нѣмецкихъ писателей, разработавшихъ этотъ вопросъ съ большею обстоятельностью и всею силою научнаго анализа. Этому предмету посвящены изслѣдованія цѣлаго ряда выдающихся нѣмецкихъ цивилистовъ. Вехтеръ, Іолли, Клостерманъ, Герберъ, Гарумъ, Блюнчли, Безелеръ и другіе — рѣзко вооружаются противъ установленія литературной собственности, доказывая абсурдность, безсодержательность этого понятія, основаннаго на невѣрной аналогіи съ общеустановленнымъ въ наукѣ права понятіемъ собственности, съ которымъ литературная собственность не имѣетъ ничего общаго, кромѣ чисто метафорическаго сближенія.

Герберъ говоритъ: „...Что касается умственнаго содержанія рукописи, то особое право на него юри-

---

[1]) Табашниковъ, стр. 72.

дически вовсе не мыслимо. Если кто-либо, съ позволенія или безъ позволенія автора, читаетъ его произведеніе и усваиваетъ себѣ мыслительное содержаніе его, то объ искѣ, вытекающемъ изъ похищенія мыслительнаго имущества, тутъ и рѣчи быть не можетъ. Все, что въ этомъ отношеніи приводилось въ качествѣ содержанія авторскаго права, сводится къ тому, что авторство даннаго лица есть *историческій* фактъ. Если писатель предъявляетъ къ публикѣ притязаніе на признаніе его авторомъ ученаго открытія, то это нисколько не отличается отъ того, какъ если полководецъ требуетъ признанія его побѣдителемъ въ данномъ сраженіи... Юридическая защита мыслей, независимо отъ своей практической неосуществимости, служила бы не столько защитою, сколько униженіемъ этихъ мыслей и вырожденіемъ права, ибо всякій видъ умственной дѣятельности могъ бы быть отнесенъ къ области корыстныхъ дѣяній“ [1]). Вехтеръ находитъ даже опаснымъ подводить авторское право подъ понятіе собственности, такъ какъ это значило бы „злоупотреблять словомъ и лишить собственность ея существеннаго значенія, растворивъ ее въ понятіи имущественнаго права вообще“ [2]).

Весьма удачно формулирована несостоятельность теоріи литературной собственности англійскими юристами-практиками, которые, по поводу одного судебнаго спора между двумя лондонскими издателями, высказали слѣдующіе доводы:

„Всякая вещь, чтобы состоять въ чьей либо

---

[1]) Gerber. „Ueber die Natur der Rechte des Schriftstellers und Verlegers“.

[2]) Wächter. „Das Autorrecht nach dem gemeinen deutschen Rechte“.

собственности, должна быть способна къ тому; она должна обладать такими качествами, которыя давали бы возможность овладѣть ею, наложить на нее печать исключительнаго господства, устраняющаго отъ пользованія ею всякое третье лицо. Но такъ называемая литературная собственность не обладаетъ ни однимъ такимъ признакомъ. Объектъ ея не есть тѣлесная вещь, такъ какъ въ ней дѣло идетъ не объ отпечатанной бумагѣ, но о содержащихся въ книгахъ мысляхъ, лишенныхъ тѣла, а потому неосязаемыхъ. Она не способна къ оккупаціи или владѣнію, потому что для того или другого необходимъ такой моментъ времени, съ котораго бы они начинались. Но когда же, спрашивается, начинается право автора? Съ момента ли зарожденія въ его головѣ идей его книги, съ момента ли изображенія этихъ идей на бумагѣ, или съ момента изданія книги? Въ первыхъ двухъ случаяхъ нелѣпо было бы утверждать, что ему принадлежитъ преимущественное право на эту идею и что онъ вправѣ воспрепятствовать другимъ обнародывать ту же идею; въ послѣднемъ же случаѣ странно было бы считать ее частною собственностью съ того именно дня, когда она становится общею. Далѣе, у нея нѣтъ характеристическихъ признаковъ собственности, ибо на идею невозможно наложить какую либо печать частнаго господства; идеи незримы и не подлежатъ внѣшнему обладанію. Она не можетъ состоять въ исключительномъ пользованіи, такъ какъ мысли будучи разъ обнародованы, выходятъ изъ сферы частнаго господства автора и становятся общимъ достояніемъ, какъ воздухъ и вода“ [1]).

[1]) Табашниковъ, стр. 325.

VI.

На мѣсто теоріи о литературной *собственности* юристами, не признающими авторское право за право собственности, были выставлены различныя другія теоріи—для объясненія существа и основаній этого института. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія теоріи.

Теорія, основывающая авторское право на *договорѣ* между авторомъ и публикою. Теорія эта относитъ авторское право къ категоріи обязательственныхъ правъ и прибѣгаетъ для этого къ помощи фикціи о молчаливомъ соглашеніи, будто бы возникающемъ, при обнародываніи книги, между авторомъ и публикой—не только современной публикой, но и далекимъ потомствомъ—соглашеніи, въ силу котораго авторъ, продавая книгу, сохраняетъ за собою исключительное право воспроизведенія сочиненія, а покупатель, пріобрѣтая книгу, обязывается не перепечатывать ее. Представителями этой теоріи являются преимущественно нѣмецкіе цивилисты: Пюттеръ, Оппель, также итальянскій юристъ Манцони.

Другая теорія признаетъ авторское право *личнымъ* правомъ и основываетъ неправомѣрность контрафакціи на правахъ личности автора (Rechte der Person), достоинству и чести котораго наносится оскорбленіе перепечатываніемъ его произведенія безъ его согласія. Къ представителямъ этой теоріи принадлежатъ нѣкоторые изъ выдающихся нѣмецкихъ юристовъ—Блюнчли, Безелеръ, Ортлофъ, Гарейсъ, Гарумъ, Гирке, Данъ.

Ортлофъ [1]) доводитъ эту теорію о личномъ характерѣ авторскаго права до того, что сопоставляетъ созданіе литературнаго произведенія съ рожденіемъ дѣтей и приравниваетъ авторское право къ отеческой власти. По его мнѣнію, созданіе духовнаго произведенія представляетъ такой же юридическій актъ, какъ произведеніе на свѣтъ дѣтей, и подобно отеческой власти, авторское право существуетъ совершенно независимо отъ воли законодателя, какъ естественное проявленіе правоспособной личности автора, и въ силу этого имѣетъ право на признаніе и защиту со стороны государства и закона.

Гарейсъ [2]) относитъ авторское право къ особой категоріи правъ, которыя онъ называетъ Individualrechte, юридическая сущность которыхъ основана на томъ прововомъ положеніи, что государство обезпечиваетъ за каждымъ индивидуумомъ право на проявленіе своей индивидуальности. Этой присущей каждому потребности къ проявленію своей индивидуальности соотвѣтствуютъ многочисленныя индивидуальныя права, какъ права, охраняющія неприкосновенность и свободу личности, права на имя (фирму) и честь, право авторское, художественное и музыкальное.

Третья теорія, представителемъ которой является Герберъ [3]), основываетъ неправомѣрность контрафакціи, исключительно на предписаніи уголовнаго закона. По мнѣнію Гербера, совершенно не суще-

---

[1]) Ortloff. Das Autor- und Verlagsreeht.

[2]) Gareis. Das juristische Wesen der Autorechte, sowie des Firmen-und Markenschutzes.

[3]) Gerber. Ueber die Natur der Rechte des Schriftstellers und Verlegers.

ствуетъ авторскаго права, какъ частно-гражданскаго института, а существуетъ только въ положительномъ законѣ запрещеніе перепечатки чужаго произведенія—запрещеніе, основанное на тѣхъ или другихъ соображеніяхъ законодателя,— и нарушеніе этого запрещенія влечетъ за собою обязательство ex-delictu, что и создаетъ такъ называемое авторское право.

VII.

Указанныя теоріи основаны на попыткахъ подвести авторское право подъ одну изъ категорій, установленныхъ въ системѣ права. Въ этихъ попыткахъ ярко выразилась склонность юристовъ слѣдовать по пути, проложенному римскимъ правомъ, и боязнь отступать отъ этого пути въ сторону новыхъ требованій прогрессирующей правовой жизни. Стремленіе юристовъ во что-бы то ни стало включить авторское право въ рамки установленныхъ категорій права и поставить этотъ институтъ въ органическую связь съ общими правоположеніями, привело къ результатамъ операціи съ прокустовымъ ложемъ: авторское право оказалось слишкомъ незначительнымъ, чтобы наполнить собою широкое понятіе собственности, и слишкомъ сложнымъ по своему содержанію, чтобы умѣститься въ рамкахъ, которыя ему даютъ различныя теоріи, силящіяся объяснить его существо. Неудачность этихъ попытокъ побудила ученыхъ отказаться отъ стремленія подчинить авторское право какимъ-либо установленнымъ категоріямъ, и въ послѣднее время среди ученыхъ все болѣе распространяется взглядъ на авторское право, какъ на совершенно самостоятельное правовое явле-

ніе, не находящееся ни въ какой связи съ общими гражданскими правоположеніями.

Такую правильную постановку, вопросъ объ авторскомъ правѣ получилъ лишь въ новѣйшее время, именно въ нѣмецкой литературѣ семидесятыхъ годовъ, разработавшей этотъ вопросъ съ большою обстоятельностью, по случаю предстоявшаго изданія новаго германскаго закона о правахъ авторовъ на ихъ произведенія 11 Іюня 1870 г. Авторское право (Urheberrecht) разсматривается новѣйшими цивилистами, какъ совершенно особое самостоятельное право, освященное положительнымъ закономъ не въ силу какихъ-либо общегражданскихъ правовыхъ основаній, а въ силу особыхъ соображеній чисто полицейскаго свойства. При такой постановкѣ вопроса, авторское право является не результатомъ общеустановленныхъ гражданскихъ правоотношеній, подъ которыя стремились его подвести прежнія теоріи, а скорѣе изъятіемъ изъ нихъ, установленнымъ закономъ въ пользу писателей, съ цѣлью, путемъ предоставленія автору исключительнаго права воспроизведенія своихъ произведеній, доставить справедливую и разумную премію писательскому труду, неподдающемуся иной оцѣнкѣ. „Авторъ, говоритъ Шефле [1]), какъ рабочій, долженъ получить свою плату. Но по свойству продукта нѣтъ возможности получить эту плату заразъ, а потому закономъ создана для автора возможность выручить слѣдуемое ему вознагражденіе въ теченіе извѣстнаго времени, при постепенной промысловой эксплуатаціи произведеній... Авторское право, та-

---

[1]) Schöffle. „Die nationalökonomische Theorie der ausschlissenden Absazverhältnisse“.

кимъ образомъ, есть искусственный снарядъ для обезпеченія за авторами ренты за ихъ трудъ".

Другой нѣмецкій цивилистъ Клостерманъ говоритъ: „Существо умственной собственности состоитъ въ ограниченіи свободы третьихъ лицъ, коимъ воспрещается размноженіе сочиненія помимо воли автора. Въ силу этого, умственная собственность относится къ тѣмъ классамъ правъ, которыя обозначаются словомъ „регальныя привиллегіи" (Gerechtigkeiten) или слишкомъ узкимъ названіемъ промысловыхъ правъ (Gewerbeberechtigungen) и которыя всѣ сходятся въ томъ, что только управомоченный въ правѣ совершать извѣстныя дѣйствія (исключительное право охоты, желѣзнодорожныя привиллегіи и т. п.") [1]). Въ такомъ же смыслѣ высказывается Іолли [2]), который видитъ существо авторскаго права исключителчно въ запрещеніи чего-то третьимъ лицамъ, въ требованіи отъ нихъ воздержанія отъ извѣстнаго дѣйствія. Это ограниченіе свободы третьихъ лицъ, по мнѣнію Іолли, установлено закономъ въ пользу авторовъ по соображеніямъ цѣлесообразности и справедливости, такъ какъ допущеніе контрафакціи, съ одной стороны, убило бы издательское дѣло и тѣмъ парализовало бы обращеніе идей въ обществѣ, а съ другой стороны, несправедливо лишило бы авторовъ возможности въ достаточной степени вознаградить себя за всю массу потраченныхъ ими трудовъ.

Такимъ образомъ, по ученію этихъ цивилистовъ, основанія авторскаго права лежатъ исключительно

---

[1]) Clostermann. „Das Geistige Eigenthum an Schriften, Kunstwerken und Erfindungen nach deutschem und internationalen Rechte".

[2]) Iolly. „Die Lehre vom Nachdruck."

въ постановленіяхъ положительнаго закона, которымъ однимъ это право освящается, вытекая, какъ привиллегія, изъ милостиваго пожалованія законодателя; мотивы же этой привиллегіи основаны на соображеніяхъ цѣлесообразности и вытекаютъ изъ началъ полицейской дѣятельности государства. Такого же взгляда на авторское право въ нашей литературѣ придерживается Спасовичъ.

Противъ взгляда на авторское право, какъ на привилегію, вооружаются нѣкоторые писателя, находя оскорбительнымъ для писательскаго труда пользоваться привилегіею, представляющей какъ-бы милостыню со стороны государства. „Авторы, говоритъ одинъ изъ этихъ писателей Kohler, не нуждаются въ милостынѣ, въ благотворительной поддержкѣ, они требуютъ настоящаго права, которое бы отпечатлѣлось на ихъ произведеніяхъ: отказъ имъ въ подобномъ правѣ равносиленъ отказу въ защитѣ собственности“ [1]). Между прочими извѣстный поборникъ литературной собственности, Жюль Симонъ на Брюссельскомъ конгрессѣ 1858 г. высказался въ рѣзкой формѣ, что онъ считаетъ оскорбленіемъ для писателей—получать привиллегію и, что лучше, совсѣмъ отказаться отъ авторскаго права. По поводу этихъ словъ Жюль Симона Спасовичъ возражаетъ: „Сочинителямъ нечего оскорбляться пустяками. Амбиція ихъ можетъ оставаться въ покоѣ, не всякая привиллегія по существу своему ненавистна; есть привиллегіи справедливыя, основательныя, противъ которыхъ никто не вооружается; таковы напр. привиллегіи на изобрѣтенія—родной

---

[1]) Kohler. Das Autorecht; Шершеневичъ, Авторское право, стр. 61.

братъ авторскаго права. Разница между ними лишь та, что привиллегіи на изобрѣтенія даются каждому изобрѣтателю отдѣльно; право же авторское, выросшее изъ привиллегіи, установлено для цѣлаго класса лицъ и не нуждается въ особомъ пожалованіи“ [1]).

Въ послѣднее время среди ученыхъ юристовъ замѣчается стремленіе обобщить всѣ возникшія на почвѣ современной жизни правовыя явленія съ монопольнымъ характеромъ и ввести ихъ въ систему права въ видѣ новой категоріи монопольныхъ правъ. Французскій юристъ Рогенъ [2]) обозначаетъ эти монопольныя права общимъ названіемъ *monopoles de droit privé*, сущность которыхъ заключается не въ возможности пользованія предметомъ, но въ возможности воспрепятствовать всякому другому присвоеніе предмета. „Un monopole est un droit de non-imitation“,—и авторское право, по мнѣнію Рогена, составляетъ одно изъ входящихъ въ эту категорію монопольныхъ правъ. Другой французскій юристъ Пикаръ [3]) пытается установить въ системѣ права новую группу правъ, которыя онъ называетъ drois intellectuels и которыя должны образовать четвертый правовой институтъ—духовный, дополнительный къ существующимъ тремъ основнымъ классамъ правовыхъ институтовъ—личному, вещному и обязательственному. Въ эту новую категорію должны войти: авторское, художественное и музыкальное право, привиллегіи на изобрѣтенія, право на фаб-

[1]) Спасовичъ. Права авторскія и контрафикація, 1865 г.; также „Вопросъ о такъ назыв. литер. собственности“. Вѣстн. Европы, 1874 г.

[2]) Roguin, La régle de droit.

[3]) Picard, Embriologie juridique (Journal de droit intenational privé 1883).

ричные рисунки и модели, на торговое и фабричное клеймо, право на фирму [1]). Однородную теорію проводятъ нѣмецкіе юристы Коллеръ и Штоббе, у которыхъ авторское право относится къ вновь вводимой ими въ систему права категоріи правъ, называемыхъ Rechte an immateriellen Gütern.

Отдѣльно отъ этой теоріи, но весьма близко примыкая къ ней, стоитъ въ нашей литературѣ воззрѣніе проф. Шершеневича.

Онъ относитъ авторское право къ группѣ правъ, означаемыхъ имъ подъ общимъ названіемъ *исключительныхъ* правъ, которыя порождены новыми отношеніями и условіями общественной жизни и которыя вслѣдствіе этого не умѣщаются въ узкихъ рамкахъ правовыхъ институтовъ римскаго права и основавныхъ на этихъ институтахъ категорій современной системы гражданскаго права. „Кругъ частныхъ потребностей человѣка—говоритъ проф. Шершеневичъ— находитъ себѣ удовлетвореніе, съ одной стороны, въ непосредственномъ обладаніи вещами, съ другой—въ дѣйствіяхъ другихъ лицъ. Съ юридической стороны, та и другая цѣль достигается существованіемъ вещнаго и обязательственнаго права. Но современныя экономическія условія вызываютъ новыя отношенія, новые интересы, внѣ указанныхъ обладанія вещами и распоряженія дѣйствіями другихъ лицъ. Обнаруживается, что нѣкоторыя дѣйствія доставляютъ имущественную выгоду лицу, совершающему ихъ, если отъ совершенія такихъ же дѣйствій будутъ удержаны другія лица. Таковы интересы, соединенные съ извѣстной фирмою, которые заключаются въ исключительной возможности

---

[1]) Шершеневичъ, Авторское право, стр. 62 и 63.

производить торговлю подъ даннымъ именемъ предпріятія. Таковы интересы фабриканта въ отношеніи рисунковъ и моделей производимыхъ у него продуктовъ, заключающіеся въ исключительной возможности создавать даннаго рода вещи. Таковы интересы фабриканта или купца въ отношеніи фабричнаго или торговаго клейма, которые состоятъ въ томъ, что извѣстнаго рода продукты или товары обозначаются знакомъ, способствующимъ большему ихъ распространенію. Таковы интересы автора, художника, композитора, заключающіеся въ томъ, чтобы сочиненія, картины, музыкальныя произведенія не могли быть свободно распространяемы, исполняемы всѣми другими лицами. Такъ какъ цѣль юридической защиты клонится во всѣхъ этихъ случаяхъ къ предоставленію извѣстнымъ лицамъ исключительной возможности совершенія извѣстныхъ дѣйствій, съ запрещеніемъ всѣмъ прочимъ возможности подражанія, то эти права слѣдовало бы назвать *исключительными*. Вся эта группа исключительныхъ правъ выдвинулась, благодаря новѣйшимъ соціальнымъ условіямъ, причемъ каждое изъ нихъ имѣетъ свое особое экономическое основаніе. Такъ, основаніемъ установленія права на фирму, на клеймо является стремленіе обезпечить за лицомъ матеріальную выгоду, создаваемую его честнымъ отношеніемъ къ своему торговому дѣлу, обезпечить результаты трудовой дѣятельности; основаніемъ авторскаго, художественнаго или музыкальнаго права представляется желаніе обезпечить матеріальное существованіе лицъ, которыхъ дѣятельность сосредоточивается на духовныхъ интересахъ общества“ [1]).

[1]) Шершеневичъ, Авторское право, стр. 71—72.

Мѣсто въ системѣ права проф. Шершеневичъ опредѣляетъ для „*исключительныхъ*“ правъ между вещнымъ и обязательственнымъ правомъ, такъ какъ, съ одной стороны, они находятся въ соотношеніи съ вещными, а съ другой стороны—съ обязательственными правами. Въ составъ этой новой группы „исключительныкъ“ правъ входятъ: авторское, художественное, музыкальное право, привиллегіи на промышленныя изобрѣтенія, право на фирму, на фабричное и товарное клеймо, право на фабричные рисунки и модели. Какъ справедливо замѣчаетъ проф. Шершеневичъ, „содержаніе этой категоріи правъ будетъ постепенно расти по мѣрѣ дальнѣйшаго усложненія современной экономической жизни и созданія совершенно новыхъ отношеній“.

VIII.

Музыкальная собственность или авторское право на музыкальныя произведенія въ своемъ историческомъ ходѣ развитія прошло тѣ же ступени, какъ и литературная собственность. До изобрѣтенія механическаго способа печатанія, музыкальныя произведенія могли размножаться только посредствомъ ручного труда переписки отдѣльныхъ экземпляровъ. Поэтому въ то время о контрафакціи не могло быть рѣчи и въ установленіи защиты авторскихъ правъ композиторовъ не было надобности.

Только съ XV вѣка, когда въ Венеціи былъ изобрѣтенъ механическій способъ печатанія при посредствѣ подвижного нотнаго шрифта, начинаетъ развиваться контрафакція музыкальныхъ произведеній и возникаетъ нарушенный интересъ компози-

торовъ, который требовалъ защиты со стороны государства. Какъ и по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ, на первыхъ порахъ такая защита осуществлялась посредствомъ привиллегій, которыя правителями различныхъ государствъ выдавались авторамъ или издателямъ музыкальныхъ произведеній. Но затѣмъ, съ теченіемъ времени и по мѣрѣ развитія нотнаго производства, привиллегіи уступаетъ мѣсто общимъ законодательнымъ постановленіямъ, имѣющимъ цѣлью оградить авторское право композиторовъ отъ нарушенія ихъ интересовъ контрафакторами.

По дѣйствующимъ законамъ, право композитора на музыкальное произведеніе разсмотривается на одинаковыхъ основаніяхъ, какъ право автора на литературное произведеніе, такъ какъ то и другое право по существу своему имѣютъ вполнѣ сходственныя черты. Музыкальное произведеніе, такъ-же какъ и литературное, является результатомъ творческой дѣятельности композитора, выраженной въ опредѣленной формѣ, и можетъ служить предметомъ гражданскаго оборота. Разница между литературнымъ и музыкальнымъ произведеніями заключается въ томъ, что въ первомъ мысли автора, его настроеніе и вообще его духовная дѣятельность осуществляется въ словахъ, а во второмъ духовная дѣятельность композитора проявляется въ тонахъ и звукахъ. Въ виду такой аналогіи право на литературное произведеніе и право на музыкальное произведеніе являются составною частью одного и того же понятія авторскаго права, и къ обоимъ этимъ правамъ могутъ быть примѣняемы одни и тѣ же постановленія закона.

Нѣкоторое различіе между правомъ на литератур-

ныя произведенія и правомъ на музыкальныя произведенія заключается въ томъ, что въ то время, какъ права автора литературнаго произведенія, за исключеніемъ произведенія драматическаго, сводятся исключительно къ праву издавать и вообще размножать его всѣми возможными способами, авторское право композитора, по свойству произведенія музыкальнаго, выражается не только въ правѣ изданія произведенія, но и въ правѣ публичнаго его исполненія. Благодаря этому двоякому содержанію авторскаго права на музыкальныя произведенія, дѣйствующіе законы заключаютъ въ себѣ особыя постановленія о правѣ публичнаго исполненія музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній.

IX.

Художественная собственность, т. е. право художника на свое художественное произведеніе получило признаніе въ положительныхъ законодательствахъ значительно позже, можно сказать, въ самое послѣднее время. Это объясняется тѣмъ, что самовольно повторять и издавать чужія художественныя произведенія, въ виду способа ихъ производства, гораздо труднѣе, чѣмъ контрафакція литературныхъ и музыкальныхъ произведеній. Контрафакція въ области художественныхъ произведеній сдѣлалась возможной только въ самое послѣднее время, благодаря колоссальному развитію техническихъ пріемовъ и способовъ передачи художественныхъ произведеній, въ особенности благодаря усовершенствованнымъ способамъ фотографическаго воспроизведенія.

По существу своему художественная собственность является одною изъ составныхъ частей авторскаго права, такъ какъ подъ художественнымъ произведеніемъ, какъ и подъ литературнымъ и музыкальнымъ произведеніемъ, разумѣется выраженіе творческой мысли, умственной дѣятельности автора (художника) въ опредѣленной внѣшней формѣ. Поэтому, въ современныхъ законодательствахъ за художникомъ, такъ-же, какъ и за авторомъ литературнаго или музыкальнаго произведенія, по тѣмъ же основаніямъ, признается исключительное право на его произведеніе.

Но, въ отличіе отъ литературнаго и музыкальнаго произведенія, способы производства художественныхъ произведеній болѣе разнообразны, выражаясь въ различныхъ отрасляхъ искусства (живопись, ваяніе и зодчество) и въ каждой отрасли различаясь по матеріалу и средствамъ, которыми художникъ оперируетъ для проявленія своего художественнаго творчества. Такъ, въ живописи — искусство, посредствомъ котораго предметы изображаются на какой либо поверхности,—изображеніе пишется на бумагѣ, холстѣ, деревѣ или иномъ матеріалѣ различными красками или рисуется карандашомъ, перомъ и т. д. При гравированіи произведеніе живописи вырѣзывается на стали, мѣди, камнѣ, деревѣ или на иномъ матеріалѣ и затѣмъ механическимъ способомъ отпечатывается въ видѣ гравюръ. Къ этому же роду изящныхъ искусствъ относятся дагерротипы, мозаики и т. д.

Въ ваяніи, въ отличіе отъ живописи, произведеніе создается съ сохраненіемъ тѣлесныхъ осязательныхъ формъ изображаемаго предмета. Матеріаломъ для этихъ произведеній можетъ служить глина,

воскъ, камень, металлъ, дерево, кость и др. Произведенія ваянія различны: статуи, бюсты, барельефы, горельефы и т. д. По матеріалу и способу исполненія изображеній, ваяніе, какъ родъ искусства, раздѣляется на отдѣльныя отрасли: лѣпленіе или моделеровка, литейное дѣло или торевтика, глинтика, медальерное искусство, и др.

Наконецъ, объектомъ художественной собственности являются произведенія зодчества (архитектурныя), если они имѣютъ своимъ назначеніемъ не только служить матеріальнымъ потребностямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ или независимо отъ этого, своею оригинальностью, красотою линій и изяществомъ художественной конценціи, удовлетворяютъ требованіямъ эстетическимъ.

Соотвѣтственно этому разнообразію формъ и способовъ исполненія въ области художественнаго творчества, весьма разнообразны формы и способы контрафакціи въ этой области, въ особенности, въ новѣйшее время, благодаря различнымъ изобрѣтеніямъ въ графическомъ и фотографическомъ искусствѣ и огромнымъ успѣхамъ техники вообще.

Все это дѣлаетъ крайне затруднительнымъ обнять и формулировать въ законодательныхъ опредѣленіяхъ всѣ особенности художественной собственности для установленія защиты права на художественныя произведенія и огражденія художника отъ возможныхъ видовъ контрафакціи. Поэтому въ большинствѣ современныхъ законодательствъ постановленія объ авторскомъ правѣ на художественныя произведенія отличаются неполнотою, неопредѣленностью и неточностью опредѣленій и въ общемъ являются устарѣлыми и не отвѣчающими современнымъ требованіямъ.

Почти во всѣхъ законодательствахъ постановленія о художественной собственности включены въ общій законъ объ авторскомъ правѣ и только въ нѣсколькихъ странахъ признано болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ нормировать защиту авторскаго права на художественныя произведенія, въ виду многихъ особенностей этого вида авторскаго права, въ отдѣльномъ законѣ. Такъ, въ Германіи, рядомъ съ закономъ 11 іюня 1870 г. объ авторскомъ правѣ на литературныя и музыкальныя произведенія, получившимъ переработку въ двухъ законахъ 19 іюня 1901 объ авторскомъ и издательскомъ правѣ, дѣйствуютъ особые законы 9 и 10 января 1876 г. объ авторскомъ правѣ на художественныя и фотографическія произведенія.

X.

Съ художественною собственностью весьма близко соприкасается другой видъ права на художественныя произведенія,—такъ называемая *художественно-промышленная* собственность. И тотъ и другой видъ собственности тождественны между собою въ томъ отношеніи, что имѣютъ объектомъ своимъ не тѣлесную вещь, не внѣшнюю форму художественнаго произведенія, а то внутреннее содержаніе его, которое составляютъ результатъ творческой фантазіи художника и служитъ не къ удовлетворенію нашихъ матеріальныхъ потребностей, а къ возбужденію въ насъ эстетическихъ эмоцій. Но художественная собственность и художественно-промышленная собственность глубоко различны между собою по своимъ культурно-экономическимъ основаніямъ, и поэтому юридическая защита каждой изъ

нихъ должна нормироваться различными законодательными опредѣленіями.

Область искусства и область промышленности—одна, служащая къ удовлетворенію потребностей духовныхъ, другая, служащая къ удовлетворенію потребностей матеріальныхъ—составляютъ двѣ совершенно различныя формы проявленія человѣческой дѣятельности. Каждая изъ нихъ подчиняется особымъ законамъ производства (творчества) и зависитъ отъ особыхъ условій спроса, предложенія и распространенія. Отсюда—и различный характеръ юридической защиты права собственности на произведенія искусства и на произведенія промышленности.

Но не всегда граница между указанными областями выступаетъ въ рѣзко очерченномъ видѣ. Искусство и промышленность могутъ соприкасаться между собою, находиться въ соединеніи, дополняя одно другое. Искусство, независимо отъ своей задачи удовлетворять эстетическому чувству или, вѣрнѣе, благодаря этой задачѣ своей, можетъ имѣть еще другое значеніе—служитъ цѣлямъ промышленности, украшая собою промышленныя издѣлія, сообщая имъ своеобразный внѣшній видъ и тѣмъ увеличивая ихъ рыночную цѣнность. Съ другой стороны, промышленность, хотя преслѣдуетъ исключительно матеріальные интересы, тѣмъ не менѣе, въ видахъ успѣшнаго осуществленія этихъ интересовъ и достиженія успѣха въ конкурренціи, заинтересована въ союзѣ съ искусствомъ, чтобы, благодаря ему, разнообразить свои издѣлія и удовлетворять разнообразнымъ вкусамъ и требованіямъ потребителей.

Такая промышленно-служебная роль искусства и такое значеніе художественнаго элемента въ промышленности начинаютъ выступать съ особенною

силою со времени широкаго развитія промышленности въ связи съ огромными успѣхами техники. Подъ вліяніемъ доминирующей роли промышленности въ общественно-экономической жизни, область искусства подверглась воздѣйствію различныхъ факторовъ, значительно измѣнившихъ характеръ и сферу примѣненія художественнаго творчества. Конечно, попрежнему остается на своемъ пьедесталѣ и всегда будетъ властвовать надъ міромъ такъ называемое чистое искусство—искусство an und für sich, себѣ довлѣющее и не знающее другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ духа и чистой красоты. Оно имѣетъ свои храмы, своихъ жрецовъ и своихъ вѣрующихъ. Но рядомъ съ этими храмами дымятся фабричныя трубы промышленныхъ заведеній, въ которыхъ автоматическія машины выдѣлываютъ и выбрасываютъ на рынокъ милліоны издѣлій, сдѣланныхъ по *рисунку* или *модели* художника.

Рисунокъ и *модель* пріобрѣтаютъ въ современной промышленной жизни все болѣе прогрессирующее значеніе, какъ существенный элементъ промышленной конъюнктуры, которая, подъ вліяніемъ огромной конкурренціи, напряженно и безпрерывно ищетъ средствъ разнообразить свое производство,—для удовлетворенія разнообразнымъ вкусамъ и потребностямъ и для расширенія круга потребителей. И право, идущее за жизнью и нормирующее ея интересы, должно было принять къ своему свѣдѣнію вновь возникшій интересъ—интересъ, связанный съ защитой права собственности на тотъ элементъ промышленной конъюнктуры, которая вносится въ промышленность рисункомъ и моделью.

Но какъ юридически обосновать защиту этого вида собственности? Какъ установить объективные

признаки рисунка и модели, какъ объекта этой защиты, въ отличіе отъ произведенія искусства, подлежащаго защитѣ, какъ объектъ художественной собственности? Опредѣленіе этихъ признаковъ весьма трудно, потому что для этого приходится провести разграничительную грань между художественными произведеніями, имѣющими одинъ и тотъ же источникъ—художественное творчество, и одно и то же назначеніе—удовлетвореніе чувству красоты.

Для иллюстраціи возьмемъ слѣдующій примѣръ: художникъ сдѣлалъ рисунокъ, изображающій, напр., какую-либо историческую сцену или аллегорическія фигуры, который затѣмъ фабричнымъ путемъ воспроизведенъ на обояхъ или на фаянсѣ; или скульпторъ сдѣлалъ оригинальную скульптурную группу, которая послужила моделью для фабричнаго производства своеобразнаго фасона чернильницы или пепельницы. Несомнѣнно—чтобы сдѣлать этотъ рисунокъ или скульптурную группу, требуется извѣстная доля творчества и художественнаго таланта; возможно даже, что художникъ проявилъ въ этихъ произведеніяхъ высокую степень творческой оригинальности, благодаря которой эти предметы, независимо отъ ихъ утилитарной цѣли, получаютъ сами по себѣ большую художественную цѣнность. Но будутъ ли этотъ рисунокъ или эта скульптурная группа, существующія не сами по себѣ, а въ соединеніи съ предметами потребленія, съ которыми они неразрывно связаны,—объектомъ художественной собственности? Какимъ критеріемъ руководиться при установленіи признаковъ художественнаго произведенія, какъ объекта художественной собственности? Очевидно, что нельзя руководиться критеріемъ большей или меньшей степени художественности,

изящности, оригинальности рисунка или критеріемъ большей или меньшей степени проявленной художникомъ творческой фантазіи и художественнаго таланта на созданіе этого рисунка. Такой критерій не можетъ считаться годнымъ потому, что ни законодатель, ни судья не могутъ взять на себя несвойственную имъ задачу критики и оцѣнки художественныхъ произведеній и разрѣшать вопросы искусства, которые, притомъ, разрѣшаются различно, въ зависимости отъ существующихъ школъ, отъ различныхъ исходныхъ художественныхъ принциповъ, отъ различныхъ относительныхъ пононятій о красотѣ въ данную эпоху и въ данной странѣ. Очевидно, законъ не можетъ строить свои опредѣленія на такихъ субъективныхъ, относительныхъ основаніяхъ.

Между тѣмъ разграниченіе между собственностью художественною и собственностью художественно-промышленною для установленія различнаго порядка защиты того и другого вида собственности—настойчиво требуется какъ интересами промышленности и общественнаго развитія, такъ и интересами чистаго искусства. Ибо защита художественнаго произведенія, какъ единичнаго и вѣчно остающагося акта художественнаго творчества, имѣетъ совершенно иное основаніе и отвѣчаетъ совершенно инымъ потребностямъ, чѣмъ защита художественно-промышленнаго произведенія, служащаго, какъ модель, для массовой репродукціи однородныхъ издѣлій, вызываемыхъ потребностями моды и рынка. И характеръ творчества, и цѣль, и назначеніе творческой дѣятельности, и экономическіе и юридическіе результаты этой дѣятельности—въ обоихъ случаяхъ совершенно различны.

Отвѣчая этой потребности, теорія и новѣйшія

законодательства, а главнымъ образомъ судебная практика, въ особенности французская, стоящая, какъ извѣстно, на большой высотѣ правотворческой дѣятельности, принимаютъ такой объективной критерій для различенія между собственностью художественною и собственностью художественно-промышленною: то произведеніе искусства, которое имѣетъ цѣль въ себѣ самомъ, которое себѣ довлѣетъ, не имѣя иного назначенія и не зная другихъ задачъ и интересовъ, кромѣ высшихъ интересовъ духа и красоты, — словомъ, тотъ единичный экземпляръ произведенія, который составляетъ непосредственный результатъ творчества художника, направленнаго исключительно на созданіе этого произведенія— есть объектъ художественной собственности. А то произведеніе искусства, которое, само по себѣ, самостоятельной, себѣ довлѣющей, цѣли не имѣетъ, которое имѣетъ утилитарное назначеніе, служа для украшенія предмета потребленія, съ которымъ оно неразрывно соединено, увеличивая собою цѣнность этого предмета, дѣлая его болѣе привлекательнымъ въ сравненіи съ такимъ же предметомъ, не имѣющимъ на себѣ или въ себѣ этого художественнаго украшенія,—это объектъ художественно-промышленной собственности.

Въ этомъ назначеніи художественнаго произведенія и заключется опредѣляющій моментъ для разрѣшенія вопроса,—какой защитѣ подлежитъ данное художественное произведеніе — какъ объектъ художественной собственности или какъ объектъ художественно-промышленной собственности.

Изъ изложеннаго видно, что вопросъ о различіи между произведеніемъ искусства, какъ объектомъ художественной собственности, и произведеніемъ

искусства, какъ объектомъ художественно - промышленной собственности—есть вопросъ факта, и въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшеніе его зависитъ отъ заключенія компетентныхъ экспертовъ и усмотрѣнія суда. Законодателю же весьма трудно въ своихъ законодательныхъ опредѣленіяхъ установить опредѣленные объективные признаки этого различія. Вотъ почему этотъ вопросъ, не смотря на то, что онъ возникъ еще въ началѣ XVIII ст., именно въ 1711 г., когда, по ходатайству ліонскихъ фабрикантовъ шелковыхъ издѣлій, былъ изданъ ордонансъ въ защиту рисунковъ въ ліонскихъ вышивальняхъ и ткацкихъ мануфактурахъ, и несмотря на то, что, съ развитіемъ промышленности, этотъ вопросъ безпрерывно останавливаетъ на себѣ вниманіе законодателей,—до сихъ поръ не могъ получить вполнѣ удовлетворительнаго разрѣшенія въ законодательствахъ, которыя почти всѣ, въ томъ числѣ и наше, даютъ только общія указанія и очертанія признаковъ, отличающихъ художественно - промышленную собственность отъ художественной собственности, предоставляя судебной практикѣ восполнять ихъ казуистически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Въ нашемъ законѣ постановленія о художественно-промышленной собственности помѣщены въ ст. 199 — 209 т. XI уст. о промыш. Хотя въ ст. 199 [1]) дается признакъ произведенія художественно-промышленной собственности — предназна-

[1]) Ст. 199 гласитъ: изобрѣтатель рисунка или модели, предназначенныхъ для воспроизведенія въ заводскихъ, фабричныхъ или ремесленныхъ издѣліяхъ, можетъ обезпечить себѣ на опредѣленный срокъ право исключительнаго пользованія означеннымъ изобрѣтеніемъ. Таковое же право предоставляется и лицамъ, пріобрѣвшимъ законнымъ путемъ фабричные рисунки или модели у изобрѣтателя.

ченіе его для воспроизведенія въ заводскихъ издѣліяхъ,—однако наша судебная практика склонна смѣшивать указанные два вида собственности и ставить художественно-промышленную собственность подъ защиту законовъ о художественной собственности. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что наши судебныя инстанціи вообще очень мало приспособлены къ разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ своеобразными особенностями духовной собственности. При слабомъ развитіи у насъ художественныхъ запросовъ, какъ въ искусствѣ, такъ и въ промышленности, случаи, относящіеся къ этой области, весьма рѣдки въ нашей судебной практикѣ. Можно сказать, что у насъ совсѣмъ не существуетъ судебной практики по этого рода дѣламъ, а тѣ единичные случаи, которые доходятъ до судебныхъ инстанцій, до сената включительно, обыкновенно разрѣшаются самымъ примитивнымъ образомъ, на общихъ шаблонныхъ основаніяхъ, не выходя изъ предѣловъ обыкновеннаго уголовнаго правонарушенія и оставаясь внѣ вліянія какихъ-либо общихъ руководящихъ началъ, опредѣляющихъ своеобразныя особенности въ области нарушеній художественной собственности [1]).

XII.

Къ области художества нѣкоторыя изъ новѣйшихъ законодательствъ относятъ также произведенія *фотографіи* и содержатъ спеціальныя постановленія о защитѣ права *фотографической соб-*

[1]) Подробнѣе объ этомъ—см. статью Канторовича „Собственность, художественная и собственность художественно-промышленная“, въ „Правѣ“, 1909 г. № 13 (По поводу дѣла Фельтена и Киббеля).

ственности. Къ произведеніямъ фотографіи въ тѣсномъ смыслѣ относятся также произведенія геліографіи, пирографіи, хромолитографіи, фотомеханическія и многія другія подобныя произведенія, получаемыя воздѣйствіемъ свѣта на различные химическіе составы.

Всѣ эти произведенія получаются механическимъ путемъ, вслѣдствіе чего въ дѣятельности фотографа, въ отличіе отъ дѣятельности художника, нѣтъ того творческаго элемента, которымъ обусловливается и обосновывается авторское право на художественныя произведенія. Поэтому большинство современныхъ законодательствъ, и въ ихъ числѣ дѣйствовавшее до сихъ поръ наше законодательство, а также доктрины не признаютъ вовсе произведенія фотографіи объектомъ авторскаго права.

Однако, въ послѣднее время, благодаря огромнымъ успѣхамъ, которые сдѣлало фотографическое искусство, и широкому примѣненію, которое фотографія получила въ области искусства, выдвинулась необходимость защиты фотографическихъ произведеній отъ нарушенія ихъ посторонними лицами. Такая защита оправдываетя тѣмъ, что хотя произведенія фотографіи получаются механическимъ путемъ, однако, для того, чтобы фотографическіе снимки достигали совершенства, отъ фотографа требуется извѣстный вкусъ въ расположеніи предметовъ и композиціи, умѣнье пользоваться настоящимъ освѣщеніемъ, техника отдѣлки негатива и ретушевки и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ при воспроизделеніи фотографическимъ путемъ произведеній искусства требуется нерѣдко художественное чутье, приближающее дѣятельность фотографа къ дѣятельности художника, чѣмъ объясняется различіе въ достоинствахъ одного и того же изображенія на

различныхъ фотографическихъ снимкахъ. Также требуется отъ фотографа значительное умѣніе при воспроизведеніи сложныхъ снимковъ, имѣющихъ научное значеніе, напр., по астрономіи, (каналы на планетѣ Марсъ, сфотографированные знаменитымъ американскимъ астрономомъ Лоуэлемъ), медицинѣ и т. д. Все это несомнѣнно служитъ основаніемъ къ признанію произведеній фотографа заслуживающими защиты, какъ объекта извѣстной творческой дѣятельности его.

Съ другой стороны, въ виду того, что творческая дѣятельность фотографа проявляется въ весьма слабой степени, лишь приближаясь къ дѣятельности художника, фотографическія произведенія не могутъ пользоватся защитой наравнѣ съ художественными произведеніями.

Поэтому во всѣхъ законодательствахъ, въ которыхъ фотографическія произведенія признаются объектомъ авторскаго права, право это охраняется въ теченіе болѣе короткаго времени, сравнительно съ произведеніями художественными. При этомъ право фотографа охраняется лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такъ, по нашему закону и также германскому, венгерскому, австрійскому оно охраняется только отъ повторенія механическимъ, химическимъ или инымъ подобнымъ способомъ, т. е. при помощи же фотографіи, а не отъ всякихъ повтореній вообще. Поэтому не запрещается повтореніе фотографическихъ произведеній во всѣхъ отрасляхъ живописи и ваянія. Наконецъ, для сохраненія за фотографомъ права на его произведенія требуется отъ него соблюденіе нѣкоторыхъ формальностей, безъ соблюденія которыхъ это право не можетъ пользоваться защитой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Международная защита авторскаго права.

I.

Защита авторскихъ правъ въ настоящее время не ограничивается предѣлами отечества автора, а получила международный характеръ. Международное обращеніе литературныхъ произведеній, въ видѣ переводовъ съ иноземныхъ языковъ, а въ странахъ съ одинаковымъ языкомъ (какъ, напримѣръ, Бельгія и Франція, Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Австрія и Германія)—въ видѣ перепечатки произведеній одноязычныхъ странъ, представляло для авторовъ весьма значительный ущербъ. Извѣстно, какъ широко пользовались Соединенные Штаты свободой перепечатки произведеній англійской литературы. Свободные отъ уплаты авторскаго гонорара, американскіе издатели издавали все, что выходило въ Англіи, и не только пользовались плодами дарового авторскаго труда у себя въ Соединенныхъ Штатахъ, но еще вывозили въ Англію отпечатанныя въ Америкѣ произведенія англійскихъ авторовъ и конкуррировали такимъ образомъ съ англійскими книгопродавцами. То же самое продѣлывала Бельгія съ французскими произведеніями и Австрія съ произведеніями Германіи. Не меньшій

ущербъ носятъ авторы отъ свободы переводовъ съ ихъ произведеній на иностранные языки. Быстрое развитіе духовнаго общенія между цивилизованными народами вызвало въ каждой странѣ огромный ростъ переводной литературы по различнымъ отраслямъ знанія и искусства. Свобода переводовъ, благодаря беззащитности авторскаго права внѣ предѣловъ отечества автора, открываетъ чужеземнымъ издателямъ полную возможность наводнять книжные рынки переводами съ чужихъ произведеній. Въ особенности потребляетъ много переводовъ Россія.

Ущербъ, наносимый авторскому труду свободой переводовъ, побудилъ авторовъ поднять вопросъ о международной защитѣ авторскаго права. Существуютъ два способа международной охраны авторскаго права:

1) огражденіе правъ иноземныхъ авторовъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ правами отечественныхъ авторовъ, силою закона, дѣйствующаго въ данной странѣ, которымъ, на условіяхъ взаимности или безъ условія взаимности, права иностранцевъ приравниваются къ правамъ подданныхъ этой страны;

2) международное огражденіе духовной собственности посредствомъ частныхъ соглашеній (сепаратныхъ конвенцій) между отдѣльными государствами или общимъ соглашеніемъ нѣсколькихъ государствъ, вошедшихъ въ одинъ союзъ (Бернская конвенція).

Первый способъ былъ примѣненъ Франціею декретомъ 28 марта 1852 г., поставившимъ иностраннаго автора въ равныя условія съ отечественными въ отношеніи защиты его правъ, безъ всякихъ условій взаимности. Проф. Мартенсъ называетъ этотъ декретъ „рыцарскимъ“, такъ какъ

въ немъ безкорыстно выразился принципъ уваженія чужого труда, независимо отъ взаимнаго признанія этого принципа со стороны другихъ странъ. Такой же законъ, но на условіяхъ взаимности, былъ изданъ также въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ — законъ Платтъ-Симонда 1891 г., признающій за авторами всѣхъ національностей тѣ же права, какими пользуются американскіе авторы.

За исключеніемъ этихъ двухъ законовъ, международная защита литературной собственности выразилась, главнымъ образомъ, установленіемъ сепаратныхъ конвенцій между различными государствами. Число этихъ конвенцій, начиная съ 50-хъ годовъ, все увеличивается, но содержащіяся въ нихъ мѣры защиты авторскихъ правъ, вслѣдствіе крайняго разнообразія этихъ мѣръ и въ виду разъединенности государствъ, связанныхъ, каждое государство въ отдѣльности, разнообразными и сложными конвенціями, оказались на практикѣ недостаточными и неудобными. Вслѣдствіе этого на Парижскомъ литературномъ конгрессѣ 1878 г. возникла идея о необходимости международнаго союза для защиты авторской собственности. Послѣдствіемъ пропаганды этой идеи образовалась „Интернаціональная ассоціація литературы и искусства“ (Association littéraire et artistique internationale), состоящая изъ членовъ различныхъ государствъ. По иниціативѣ этого союза и благодаря содѣйствію швейцарскаго правительства состоялась Бернская конвенція 9 Сентября 1886 г., въ которой приняли участіе Германія, Франція, Бельгія, Англія, Испанія, Италія, Швейцарія, республика Либеріи и Гаити, Тунисъ, а впослѣдствіи присоединились къ Бернской конвенціи также Черногорія, Люксенбургъ, Монако,

Норвегія и Японія. По этой конвенціи договаривающіяся государства составляютъ союзъ для защиты правъ авторовъ на ихъ литературныя и художественныя произведенія (Union internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques). Основныя положенія Бернской конвенціи выражены во 2-ой статьѣ ея, которая гласитъ:

„Авторы, принадлежащіе къ числу подданныхъ одного изъ государствъ союза или ихъ правопреемники (leurs ayants cause), пользуются въ другихъ государствахъ союза защитой ихъ произведеній, напечатанныхъ въ этихъ государствахъ или еще неизданныхъ, на основаніи правъ, которыя предоставлены, въ настоящемъ или будущемъ, національнымъ авторамъ. Для того, чтобы пользоваться защитой своихъ правъ, авторъ долженъ исполнить формальности, предписанныя законодательствомъ страны, гдѣ впервые напечатано произведеніе (du pays d'origine de l'oeuvre); срокъ защиты произведенія въ другихъ государствахъ не можетъ превышать того, которымъ оно пользуется въ странѣ своего изданія. Считается мѣстомъ изданія произведенія та страна, гдѣ оно было впервые напечатано, или, если это изданіе появилось одновременно въ нѣсколькихъ государствахъ союза, то изъ нихъ, въ которомъ законодательство устанавливаетъ наивысшій срокъ защиты. Для произведеній неизданныхъ мѣстомъ изданія считается государство, къ которому принадлежитъ авторъ“.

Исключительное право автора на переводъ своихъ сочиненій предусмотрѣно въ ст. 5 и охраняется въ теченіе десяти лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ сочиненія.

По ст. 18, къ Бернской конвенціи могутъ при-

мкнуть и другія государства, кромѣ тѣхъ, которыя вошли въ Союзъ, причемъ для такого присоединенія достаточно письменное сообщеніе швейцарскому правительству.

Международная защита авторскихъ правъ своимъ успѣхомъ, главнымъ образомъ, обязана Виктору Гюго, который энергично пропагандировалъ идею объ образованіи международнаго союза и содѣйствовалъ проведенію этой идеи на Парижскомъ литературномъ конгрессѣ 1878 г. На этомъ же конгрессѣ была признана необходимость періодическихъ литературныхъ конгрессовъ.

II.

Вызванное на западѣ движеніе въ пользу международной защиты авторскихъ правъ не могло не коснуться и Россіи и побудило наше правительство согласиться на заключеніе конвенціи съ Франціею, произведенія которой болѣе другихъ распространяются въ Россіи. Эта конвенція была заключена 25-го марта 1861 г., а въ слѣдующемъ году 18-го іюля 1862 г. была заключена конвенція также съ Бельгіею. Срокъ этихъ конвенцій былъ опредѣленъ въ 25 лѣтъ. По истеченіи этого срока въ 1887 г. Россія не возобновила договоровъ и попрежнему осталась свободной отъ всякихъ международныхъ обязательствъ по защитѣ авторскихъ правъ. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время въ Россіи существуетъ полная свобода переводовъ съ литературныхъ произведеній всѣхъ странъ.

Вопросъ о защитѣ правъ иностранныхъ авторовъ въ Россіи—въ виду того, что изъ всѣхъ

странъ Россія является наибольшей потребительницей переводовъ съ иностранныхъ произведеній— сдѣлался жгучимъ вопросомъ, вызывавшимъ и продолжающимъ вызывать горячіе полемическіе споры въ нашей печати и литературныхъ кругахъ. Изъ иностранныхъ государствъ наиболѣе заинтересована въ этомъ вопросѣ Франція, на долю которой приходится наибольшее количество потребляемыхъ въ Россіи переводовъ. Поэтому, начиная съ возникновенія русско-французскаго аліанса, идетъ безпрерывная агитація въ пользу заключенія литературной конвенціи между Россіею и Франціею. По этому поводу Золя, въ въ качествѣ президента Société des gens de lettres, обратился въ 1890 г. къ русской печати съ открытымъ письмомъ, въ которомъ указываетъ, что Россія не меньше Франціи заинтересована въ заключеніи литературной конвенціи. „Лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ—говоритъ Золя — господствовало мнѣніе, что въ литературномъ отношеніи вы гораздо больше жили Франціею, чѣмъ Франція вами, вслѣдствіе чего разсчетливые умы и находили, что обложеніе пошлиною продукта, который выписывается, но не вывозится, было-бы глупостью. Дѣло однако-же въ томъ, что времена эти прошли; не только ваши великіе, но даже самые скромные романисты нынѣ переводятся и наводняютъ нашъ рынокъ. Тутъ есть взаимность, которая идетъ исключительно въ вашу честь, и если правда, что наши драматическія произведенія привозятся къ вамъ все еще въ большемъ количествѣ, то неужели вы думаете, что достаточно переводить ихъ, печатать и исполнять даромъ для того, чтобы извлекать изъ нихъ дѣйствительные барыши? Это безспорно первобытный взглядъ, поверхностный взглядъ, который слабѣетъ

и разсѣивается, какъ только его подвергаютъ точному анализу. Что происходитъ въ дѣйствительности? Вашъ литературный рынокъ загромождается массами переводныхъ французскихъ романовъ. Коль скоро никакого разрѣшенія не требуется, коль скоро никакихъ пошлинъ платить не надо, любой издатель воленъ пускать въ продажу свой собственный переводъ. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, что въ Россіи появились одновременно, конкурируя между собою, четырнадцать изданій „Débâcle“. Какъ только въ Парижѣ выходилъ фельетонъ романа, переводчики поспѣшно его переводили и отсылали съ вечернею почтою. И сообразите всѣ невыгодныя стороны такого положенія: начать съ того, что переводы эти, дѣлаемые на скорую руку, были просто ужасны и недостойны литературной націи; затѣмъ интересъ такъ раздроблялся, что ни одна газета не извлекала пользы изъ этого и, наконецъ, происходило нѣчто въ родѣ кулачества, очень убыточнаго для національныхъ произведеній. Вообразите, напротивъ, что французскія проиведенія пользуются охранительными правами. Тотчасъ все измѣняется, Débâcle уступается одной только газетѣ, одному только книжному магазину, который заботится о томъ, чтобы переводъ сдѣланъ былъ тщательно, и ведетъ дѣло такъ, чтобы имѣть хорошіе барыши, а главное,— тогда въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ русскія газеты не будутъ заполнены французскимъ романомъ въ ущербъ русскимъ“.

Предложеніе Золя, однако, не встрѣтило сочувствія въ нашемъ обществѣ. Большинство органовъ нашей печати высказалось противъ заключенія конвенціи, указывая на то, что прекращеніе свободы переводовъ крайне гибельно отзовется на рас-

пространеніи просвѣщенія въ Россіи и что всѣ выгоды отъ заключенія конвенціи съ Франціею будутъ на сторонѣ одной Франціи, въ виду неравномѣрности обмѣна между Франціею и Россіею въ отношеніи переводной литературы. Возраженія противъ конвенціи весьма обстоятельно сгруппированы въ статьѣ проф. Янжула, напечатанной въ „Рус. Вѣд.“ за 1891 г., № 112.

„Всѣмъ хорошо извѣстно, говоритъ проф. Янжулъ, какой насмѣшкой звучатъ слова „свобода и равенство“ договора между двумя неравносильными сторонами. Если въ отношеніи политическомъ, военномъ и проч. наше отечество, по справедливости, считается великой державой, дружбу и расположеніе которой нужно заискивать, то, къ сожалѣнію, народное образованіе, а за нимъ наука и литература, хотя и сдѣлали извѣстный прогрессъ, но въ цѣломъ Россія далеко еще отстоитъ отъ всей западной Европы и Америки; въ то время, какъ, напримѣръ, Англія, по старымъ свѣдѣніямъ, вывозитъ заграницу книгъ не менѣе, какъ на сумму въ 10 милліоновъ нашихъ рублей, Россія вывезла книгъ за 1889 г. по всѣмъ границамъ (включая сюда и Туркестанъ, т.-е. въ свои же владѣнія) всего лишь на 570 тысячъ рублей, т.-е. чуть-ли въ 20 разъ меньше! Вообще по количеству книгъ и журналовъ, по размѣрамъ ихъ выпусковъ и по общему обороту всего книжнаго дѣла и книжной производительности мы еще находимся настолько позади почти всѣхъ европейцевъ, что еще до сихъ поръ переводная или заимствованная литература является у насъ весьма важной умственной пищей для цѣлаго народа“.

Далѣе проф. Янжулъ указываетъ на то, что французскіе писатели, агитирующіе нынѣ такъ

усердно въ пользу этой конвенціи, могутъ, конечно, сдѣлать нѣсколько упрековъ и возраженій по нашему адресу ссылкой на необходимость уваженія правъ чужой собственности и святости ихъ соблюденія. На это можетъ отвѣтить: во-первыхъ, является еще спорнымъ вопросъ, сохраняется-ли право автора на его произведеніе, переведенное при помощи чужого труда и таланта на чуждый для автора языкъ, котораго онъ даже не понимаетъ. Мы склонны скорѣе думать, что переводъ является самостоятельнымъ произведеніемъ и что права автора ограничиваются изданіемъ книги лишь на его родномъ языкѣ (если, конечно, онъ не позаботился перевести ее на чужой), и притомъ изданной, какъ благоразумно рѣшаетъ американскій законъ, лишь въ своей собственной странѣ. Но это уже составляетъ вопросъ покровительственной политики, и нѣкоторыя отступленія, разумѣется, диктуются тутъ только началами возмездія и соотвѣтствующихъ по выгодѣ уступокъ. Но помимо всѣхъ прочихъ до сихъ поръ высказанныхъ соображеній, противъ выставленнаго положенія существуетъ одинъ аргументъ, наиболѣе вѣсскій, даже неоспоримый: какъ-бы ни были важны извѣстные интересы частныхъ лицъ, но они всегда и повсюду стушевываются, пренебрегаются, приносятся въ жертву, когда приходятъ въ коллизію съ общественной и государственной пользой; таково общее правило всякой раціональной политики въ Россіи, какъ и во Франціи. Между тѣмъ, если указанный вопросъ поставить на эту почву, то онъ представляется уже въ такомъ видѣ: съ одной стороны, сомнительныя права и карманные интересы нѣсколькихъ тысячъ иностранныхъ писателей; съ другой стороны, несомнѣнныя права и

существенные интересы народнаго просвѣщенія сотенъ милліоновъ настоящаго и будущаго населенія нашего обширнаго отечества, призваннаго судьбами вносить образованіе и распространять его въ отдаленные края Азіи, а не запирать его доступъ, конечно, въ то-же время съ Запада подобными самоубійственными договорааи въ угоду иностранцамъ. Рѣшеніе и выходъ изъ этой альтернативы ясенъ и понятенъ: Salus populi—suprema lex!“

Не встрѣтивъ сочувствія въ русскомъ обществѣ, агитація, возбужденная Золя и поддержанная нѣкоторыми изъ нашихъ писателей въ пользу заключенія конвенціи съ Франціею, одно время затихла и замѣнилась попытками воздѣйствовать на русское правительство дипломатическимъ путемъ. Наше правительство, однако, совершенно правильно держалось по этому вопросу пасивнаго отношенія, предоставляя разъясненіе и разрѣшеніе этого вспроса усмотрѣнію тѣхъ общественныхъ круговъ, которые наиболѣе заинтересованы въ этомъ вопросѣ и наиболѣе компетентны въ его разъясненіи.

Однако, въ послѣднее время, при заключеніи торговыхъ договоровъ съ Германіею (15—28 іюня 1904 г.), Франціею (16—29 сентября 1905 г.) и Австро-Венгріею (2—15 февраля 1906 г.), наше правительство вынуждено было заявить о своей готовности въ теченіе ближайшихъ, со времени введенія этихъ договоровъ въ дѣйствіе, трехъ лѣтъ вступить въ переговоры съ означенными странами относительно взаимной защиты авторскихъ правъ, и, слѣдовательно, въ самомъ непродолжительномъ времени отъ нашего правительства потребуется исполненіе принятаго имъ на себя обязательства.

III.

Вопросъ о свободѣ переводовъ съ иностранныхъ произведеній имѣетъ для Россіи огромное значеніе, какого онъ не имѣетъ ни для одной другой страны. Вотъ почему этотъ вопросъ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ остается у насъ безъ разрѣшенія, не смотря на то, что онъ безпрерывно возбуждается и дебатируется въ печати, въ литературныхъ кругахъ и учрежденіяхъ и въ законодательныхъ коммиссіяхъ, и несмотря на всяческія мѣры, принимаемыя иностранными писателями, привлечь на свою сторону русское общественное мнѣніе, и на всякіе доводы ихъ о справедливости. Очевидно, въ этомъ вопросѣ есть какое-то неодолимое жизненное препятствіе, которое нельзя сдвинуть никакими доводами, какъ бы они ни были сами по себѣ справедливы съ точки зрѣнія права и этики.

Препятствіе это заключается въ томъ обстоятельствѣ, что Россія слишкомъ бѣдна умственно и матеріально, чтобы позволить себѣ роскошь—отказаться отъ возможности просвѣщаться на счетъ иностранныхъ авторовъ. Какіе-бы доводы ни представляли защитники конвенціи, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если-бы авторское право иностранцевъ пользовалось защитою въ Россіи, это отразилось-бы на производительности нашего книжнаго рынка. Можетъ быть, тогда выиграло-бы качество переводовъ и книги издавались-бы на лучшей бумагѣ, но несомнѣнно, переводовъ было-бы меньше и изданные переводы стоили-бы дороже — а это имѣло-бы результатомъ уменьшеніе въ Россіи книжнаго матеріала, который, ка-

кого-бы онъ ни былъ качества, служитъ просвѣтительнымъ цѣлямъ. Съ этой точки зрѣнія, всѣ доводы защитниковъ конвенціи не могутъ имѣть значенія, потому что интересы просвѣщенія цѣлой страны, многихъ милліоновъ населенія должны оцѣниваться выше, чѣмъ претензіи отдѣльныхъ лицъ—иностранныхъ авторовъ, которые, къ тому же, если теряютъ нѣкоторую матеріальную выгоду, зато въ гораздо большей степени выигрываютъ въ другихъ отношеніяхъ. Они выигрываютъ, прежде всего, въ томъ, что ихъ имена популяризируются въ странѣ съ огромнымъ населеніемъ. Какъ извѣстно, многіе изъ иностранныхъ писателей и ученыхъ (Шпильгагенъ, даже Зола) не мало обязаны Россіи своей популярностью. Благодаря этой популярности они пріобрѣтаютъ и прямую выгоду—въ томъ, что ихъ произведенія въ оригиналѣ расходятся у насъ въ количествѣ большемъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, и если-бы можно было въ этомъ отношеніи произвести подсчетъ, то, можетъ быть, оказалось-бы, что они больше выигрываютъ матеріально, чѣмъ проигрываютъ. Затѣмъ, они выигрываютъ въ томъ отношеніи, что ихъ идеи распространяются среди многомилліоннаго населенія, служатъ къ пользѣ и просвѣщенію цѣлей страны. Въ этомъ представители литературы и науки не могутъ не видѣть главнаго удовлетворенія для себя.

Противъ указанной утилитарной точки зрѣнія, считающейся съ интересами русскаго просвѣщенія, защитники конвенціи выставляютъ другую—моральную точку зрѣнія: нехорошо пользоваться чужимъ добромъ, для какой бы возвышенной цѣли это чужое добро не служило. Да, съ этой стороны, дѣйствительно, Россія не хорошо поступаетъ и

причиняетъ иностранцамъ несправедливость. Но, да позволено намъ будетъ въ разсужденіяхъ по этому предмету расширить поле зрѣнія и оцѣнивать размѣръ „нарушаемаго интереса“ иностранныхъ авторовъ въ перспективѣ широкихъ интересовъ и идеаловъ общественной культуры. Съ этой большой точки зрѣнія—что значитъ допускаемое Россіею нарушеніе правъ нѣсколькихъ иностранцевъ и причиняемая имъ маленькая несправедливость въ сравненіи съ моремъ нарушеній правъ и несправедливостей, которыми полна русская жизнь! Милліоны людей лишены у насъ гораздо болѣе важныхъ и значительныхъ правъ, чѣмъ авторское право,—напр., права на тѣлесную неприкосновенность, право на свое тѣло, ибо еще совсѣмъ недавно любой земскій начальникъ могъ разложить крестьянина и высѣчь его въ присутствіи всѣхъ его односельчанъ, въ присутствіи его жены, дѣтей и даже внуковъ. Въ виду такого зрѣлища, претензія кого нибудь изъ иностранцевъ за нарушеніе его авторскаго права въ Россіи не можетъ не представляться для насъ, русскихъ людей, живущихъ въ Россіи и болѣющихъ ея болями—мизерной, смѣшной претензіей, похожей на горькую иронію. Иностранцамъ, конечно, до этого дѣла нѣтъ, но русскіе публицисты, помѣщающіе свое благородство въ негодующихъ статьяхъ по поводу неблагороднаго образа дѣйствій Россіи по отношенію къ нарушаемымъ правамъ иностранныхъ авторовъ,—какъ они не чувствуютъ внутренняго противорѣчія между защищаемою ими обстракціею справедливости и практикою русской дѣйствительности!..

Вопросъ о защитѣ авторскаго права иностранныхъ писателей—вопросъ не права и не этики, а

вопросъ культуры. Когда изъ русской жизни будетъ устранено все то, что въ ней есть неблагополучнаго и что мѣшаетъ прогрессивнону росту русской культуры, и когда этическія начала получатъ господство въ кардинальныхъ областяхъ нашей гражданственности, тогда само собою, естественнымъ ходомъ вещей, разрѣшится вопросъ о маленькой несправедливости, причиняемой иностраннымъ авторамъ,—присоединеніемъ Россіи къ конвенціи культурныхъ народовъ. А до тѣхъ поръ претензія иностранцевъ за недоплаченный гонораръ—мелочь въ огромномъ счетѣ Россіи...

IV.

Съ точки зрѣнія юридической, нельзя не согласиться съ соображеніями большинства редакціонной коммиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія, которая не нашла возможнымъ установить въ самомъ законѣ защиту иностранныхъ авторовъ отъ перевода ихъ сочиненій въ Россіи. Редакціонная коммиссія правильно считаетъ, что защита эта есть дѣло международныхъ соглашеній государствъ и не можетъ трактоваться на почвѣ отвлеченной справедливости. Въ основѣ международныхъ отношеній лежитъ прежде всего выгода. Каждое государство не только вправѣ, но и обязано заботиться о своихъ насущныхъ интересахъ. Такъ, напр., не смотря на принятое въ нашемъ законодательствѣ общее начало равноправности русскихъ подданныхъ и иностранцевъ, въ области гражданскихъ правоотношеній постановлены, въ виду безопасности государственныхъ границъ, разнаго рода стѣсненія для

иностранцевъ въ правѣ пріобрѣтать и арендовать недвижимыя имущества въ пограничныхъ мѣстностяхъ. То же замѣчается и въ области экономической. Хотя, напр., съ точки зрѣнія отвлеченной,— не справедливо лишать иностранныхъ производителей плодовъ ихъ экономическаго труда стѣсненіемъ ввоза иностранныхъ товаровъ въ Россію, но тѣмъ не менѣе у насъ введенъ покровительственный тарифъ, какъ необходимый для поддержанія общественной промышленности. Обсуждать вопросъ объ авторскихъ правахъ иностранцевъ съ чисто юридической точки зрѣнія невозможно уже потому, что самое содержаніе и объемъ авторскаго права не столь опредѣленны и безспорны, чтобы считаться институтомъ гражданскаго права, подлежащимъ защитѣ на основаніи общихъ законовъ и распространенію на иностранцевъ. Явившись первоначально въ видѣ предоставленной отдѣльнымъ лицамъ привилегіи и лишь постепенно и сравнительно недавно поднявшись на степень гражданскаго права, авторское право имѣетъ территоріальный характеръ, охраняя авторское право исключительно въ предѣлахъ даннаго государства. Содержаніе и объемъ авторскаго права, въ противоположность прочимъ имущественнымъ правамъ, не указываются общеустановленными вѣковыми традиціями гражданскаго института права собственности, а всецѣло опредѣляются постановленіями положительнаго закона даннаго государства, отъ котораго зависитъ установить большій или меньшій объемъ этого права. Этимъ объясняется, почему рѣшительно во всѣхъ законодательствахъ авторское право носитъ условный, ограниченный характеръ и самый объемъ его опредѣляется не на основаніи требованій отвлечен-

ной справедливости, а по соображеніямъ государственной пользы. Для подтвержденія этого достаточно отмѣтить разнообразіе устанавливаемыхъ отдѣльными законодательствами сроковъ авторскаго права, которые колеблются между 80 годами (въ Испаніи) и 10 годами (въ Румыніи и Швеціи), хотя именно продолжительностью этихъ сроковъ опредѣляется вся имущественная цѣнность авторскаго права. Очевидно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ законодатель руководился соображеніями чисто практическаго свойства. Еще болѣе условнымъ представляется исключительное право автора на переводъ своего сочиненія, которое въ нашемъ новомъ законѣ признается за составную часть авторскаго права. Но вѣдь нельзя сказать, чтобы, съ точки зрѣнія справедливости, въ составъ авторскаго права должно было непременно входить и исключительное право на переводъ сочиненія. Переводъ можетъ быть разсматриваемъ какъ самостоятельный умственный трудъ и наше дѣйствовавшее до сихъ поръ законодательство именно такъ и смотритъ на него, допуская свободу перевода. Поэтому ни о какой несправедливости въ юридическомъ смыслѣ не можетъ быть здѣсь рѣчи и вполнѣ зависитъ отъ законодателя уравнять или не уравнять иностранныхъ авторовъ въ этомъ отношеніи съ авторами отечественными, причемъ, въ послѣднемъ случаѣ, вовсе не отнимаются у иностранныхъ авторовъ какія либо права, а лишь не распространяется на нихъ установленное для отечественныхъ авторовъ расширеніе объема авторскихъ правъ, заключающееся въ запрещеніи перевода сочиненій, изданныхъ въ предѣлахъ Россіи, безъ согласія ихъ авторовъ.

Далѣе, во всѣхъ законодательствахъ для исклю-

чительнаго права автора на переводъ установленъ гораздо болѣе краткій срокъ, чѣмъ для авторскаго права вообще, и самое пользованіе имъ обусловлено исполненіемъ цѣлаго ряда требованій закона. Какъ, спрашивается, можно было бы оправдать всѣ эти ограниченія съ точки зрѣнія отвлеченныхъ началъ справедливости? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, что самовольно переводящій чужое сочиненіе, напр., спустя $10^1/_2$ лѣтъ послѣ его изданія, поступаетъ нравственно и справедливо, а приступающій къ такому переводу годомъ раньше совершаетъ дѣяніе безнравственное и является эксплоататоромъ чужого труда. Очевидно, что никакія абсолютныя мѣрки тутъ нетерпимы, а на первый планъ выдвигаются соображенія практическія. А если это такъ, то вопросъ о правахъ иностранныхъ авторовъ въ Россіи долженъ быть обсуждаемъ не съ точки зрѣнія отвлеченной справедливости, а исключительно съ точки зрѣнія нуждъ и пользы Россіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Авторское право въ Россіи.

I.

Въ Россіи книгопечатаніе было введено спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ его изобрѣтенія, именно при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Въ 1564 г. была отпечатана первая книга „*Дѣянія Апостольска и посланія соборная и святаго Апостола Павла посланія*“. На первыхъ же порахъ книгопечатанію пришлось бороться съ предразсудками. Типографщиковъ обвиняли въ ереси, волшебствѣ и сношеніяхъ съ нечистой силой, и первому, русскому книгопечатнику Ивану Ѳедорову пришлось бѣжать изъ Московскаго царства. Книгопечатаніе однако не пріостановилось и время отъ времени возникали на счетъ царской казны типографіи, въ которыхъ печатались исключительно книги духовнаго содержанія славянскимъ шрифтомъ. Только при Петрѣ Великомъ является книгопечатаніе гражданскимъ шрифтомъ и начинаютъ заводиться частныя типографіи.

Возникшая на западѣ, съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, потребность для издателей въ исходатайствованіи привиллегій на право изданія, не могла имѣть мѣста въ Россіи, такъ какъ, при полномъ отсутствіи частной издательской дѣятельности, не существовало

никакой конкурренціи. Однако имѣются нѣкоторыя указанія на счетъ частныхъ привиллегій. Указомъ 1771 г. была установлена цензура на иностранную литературу и вмѣстѣ съ тѣмъ была дана нѣкоему иностранцу Гартунгу, открывшему частную типографію, привиллегія для печатанія въ Петербургѣ книгъ исключительно на иностраннныхъ языкахъ. Въ 1776 г. выдана была привиллегія книгопродовцамъ Вейнтбрехту и Шнору на печатаніе въ ихъ типографіяхъ книгъ не только иностранныхъ, но и русскихъ. Кромѣ того стали выдаваться привиллегіи исключительнаго издательства нѣкоторымъ ученымъ корпораціямъ. Такъ, академіи наукъ, съ самаго возникновенія ея, предоставлено было право исключительнаго изданія календаря и Петербургскихъ Политическихъ Вѣдомостей, а равно исключительное право на всѣ книги, напечатанныя въ академической типографіи. Указомъ 1780 г. было воспрещено всѣмъ типографіямъ печатать мѣсяцесловы и другія книги, печатаемыя въ академіи наукъ, и такое же воспрещеніе было повторено указомъ 1800 г. Также было предоставлено указомъ 1784 г. Комиссіи народныхъ училищъ исключительное право на перепечатываніе книгъ, издаваемыхъ для употребленія въ народныхъ училищахъ.

Изъ этихъ привиллегій, въ виду возникавшихъ споровъ по поводу нарушеній ихъ частными лицами, возникло у насъ понятіе о контрафакціи. Однако, въ виду крайне слабаго развитія книжнаго дѣла и отсутствія читающей публики, не было еще экономической почвы для возникновенія случаевъ контрафакціи, и потребность въ законодательныхъ постановленіяхъ была сознана правительствомъ лишь по истеченіи первой четверти прошлаго столѣтія. Въ Цензурномъ Уставѣ 22 Апрѣля 1828 г. впервые

помѣщены 5 статей (§§ 135—139) о сочинителяхъ и издателяхъ книгъ и въ видѣ приложенія къ ценз. уставу издано того-же числа Высочайше утвержденное Положеніе о правахъ сочинителей. По этому закону, составляющему основу дальнѣйшаго законодательства, срокъ авторскаго права опредѣленъ въ 25 лѣтъ со смерти автора. Затѣмъ 4-го Февраля 1830 г. вышло Высочайшее утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „О правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей", внесшее нѣсколько незначительныхъ дополненій къ правиламъ Положенія 1828 г. Въ этомъ законѣ право сочинителей признается уже правомъ собственности и между прочимъ постановлено, что новое изданіе сдѣланное за пять лѣтъ до истеченія срока исключительнаго права, т. е. 25 лѣтъ, увеличиваетъ этотъ срокъ еще на десять лѣтъ. Наконецъ въ 1857 году Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 15-го Апрѣля 25-лѣтній срокъ продолженъ до 50 лѣтъ.

Эти постановленія, исчерпывающія наше законодательство объ авторскомъ правѣ, неоднакратно мѣняли свое мѣсто въ системѣ нашего Свода Законовъ. Первоначально „постановленія о правахъ сочинителей" вошли въ составъ Цензурнаго Устава 1828 г. При изданіи Св. Законовъ, Уставъ Цензурный составилъ приложеніе къ ст. 129 Уст. о предупреж. и пресѣч. преступленій (т. XIV), а постановленія о правахъ сочинителей вошли въ составъ Цензурнаго Устава и составили въ немъ §§ 254—292. Тоже мѣсто сохранили постановленія объ авторскомъ правѣ въ изданіи Св. Зак. 1842 г., гдѣ они составили §§ 257—295 прим. къ ст. 147 Уст. Ценз. Въ изданіи Св. Зак. 1857 г., Цензурный Уставъ получилъ самостоятельное мѣсто въ XIV т., неза-

висимое отъ Устава о предупрежд. и пресѣченіи преступленій, а права сочинителей составили въ немъ §§ 282—312. При изданіи въ 1887 г. т. X ч. I. Свода Законовъ, постановленія объ авторскомъ правѣ были перенесены изъ Цензурнаго Устава въ Законы Гражданскіе въ видѣ приложенія къ ст. 420 (прим. 2) т. X ч. I, гдѣ они остались и въ послѣдующемъ изданіи т. X ч. I. Законовъ Гражданскихъ 1900 г.

Ст. 420 т. X ч. I заключаетъ въ себѣ формулу собственности вообще, а примѣчаніе 2-ое включаетъ въ эту общую формулу также право собственности на произведенія литературы и художествъ и на музыкальныя произведенія, называя это право собственностью литературною, художественною и музыкальною. Въ приложеніи къ примѣч. 2 ст. 420 заключаются постановленія о правѣ собственности наукъ и словесности (ст. 1—27), о правѣ художественной собственности (28—40) и о правѣ музыкальной собственности (ст. 41—50). Постановленія о художественной собственности основаны на Высочайше утв. положеніи 1 Января 1846 г., а постановленія о музыкальной собственности—на Высоч. утвержд. 9 Января 1845 г. мнѣніи Госуд. Совѣта.

Такимъ образомъ, съ 1887 г. постановленія объ авторскомъ правѣ выдѣленны изъ законовъ полицейскаго характера и заняли, какъ постановленія о правѣ собственности, соотвѣтствующее мѣсто въ гражданскихъ законахъ.

Учрежденная въ 1882 г. Редакціонная Комиссія по составленію проекта Гражданскаго Уложенія включила въ свою задачу переработку постановленій объ авторскомъ правѣ. Эта работа была исполнена Комиссіею и вошла въ составъ Книги Третьей (Вотчинное право проекта), въ которой составила

раздѣлъ VII (ст. 1264—1329). Затѣмъ Высочайше утвержденнымъ 29 Декабря 1897 г. мнѣніемъ Госуд. Совѣта поручено было Редакціонной Комиссіи представить особо отъ проекта Гражданскаго Уложенія на уваженіе Государственнаго Совѣта предположенія о литературной, музыкальной и художественной собственности.

Выдѣленіе постановленій объ авторскомъ правѣ для законодательнаго разсмотрѣнія ихъ отдѣльно отъ прочихъ отдѣловъ будущаго гражданскаго уложенія, съ которыми они технически и логически тѣсно связаны, какъ постановленія объ одномъ изъ видовъ права собственности,— мотивируется въ объяснительной запискѣ министра юстиціи слѣдующими соображеніями:

„Дѣйствующія нынѣ узаконенія (прилож. къ ст. 420 т. X ч. I), относящіяся еще къ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, столь устарѣли, страдаютъ столь существенными недостатками, что скорѣйшій пересмотръ ихъ представляется безусловно необходимымъ. Въ признаніи неудовлетворительности этихъ узаконеній сходятся рѣшительно всѣ, кому приходилось практически или теоретически вѣдаться съ ними. Пробѣлы по важнѣйшимъ вопросамъ, возведенное въ принципъ недовѣріе къ суду и стремленіе связать судъ, при разсмотрѣніи дѣлъ о нарушеніи авторскихъ правъ внѣшними механическими рамками, несоотвѣтствіе многихъ постановленій современнымъ потребностямъ и понятіямъ о справедливости и какъ послѣдствіе всего этого недостаточное огражденіе правъ и интересовъ авторовъ во всѣхъ областяхъ духовнаго творчества—таковы отличительныя особенности дѣйствующаго законодательства объ авторскомъ правѣ. Дальнѣйшее оставленіе

его въ силѣ грозило бы, при такихъ условіяхъ, серьезною опасностью для всего нашего просвѣщенія и культуры. Сознаніемъ этой опасности и объясняется принятое въ 1897 г. Госуд. Совѣтомъ рѣшеніе безотлагательно приступить къ переработкѣ этихъ постановленій".

Однако, несмотря на такую безотлагательность, признанную Министерствомъ Юстиціи и Госуд. Совѣтомъ, внесенный тогда-же редакціонною комиссіею въ Госуд. Совѣтъ проектъ постановленій объ авторскомъ правѣ остался безъ движенія до 23 сентября 1905 г., когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ проекта изъ Госуд. Совѣта министру юстиціи для дальнѣйшаго направленія, и имъ впослѣдствіи былъ внесенъ въ Государственную Думу.

II.

Проектъ, внесенный министромъ юстиціи въ Государственную Думу, значительно отличается отъ проекта, выработаннаго Редакціонною Комиссіею по составленію проекта гражданскаго уложенія. Образцомъ и источникомъ для проекта министра юстиціи служилъ новый Германскій законъ 19 іюня 1901 г. [1]), вліяніе котораго на проектъ видно изъ сличенія соотвѣтствующихъ статей проекта и германскаго закона.

Отступленія въ проектѣ министра юстиціи отъ проекта Редакціонной Комиссіи касаются прежде всего системы изложенія.

---

[1]) Gesetz betreffend das Urheberrecht an Werken der Litteratur und der Tonkunst vom 19 Juni 1901.

Возможны три способа изложенія постановленій объ авторскомъ правѣ: 1) или составить общія правила для всѣхъ трехъ видовъ авторскаго права, со спеціальными статьями, опредѣляющими особенности каждаго изъ нихъ; 2) или объединить, по примѣру германскаго закона 1901 г., постановленія о литературной и музыкальной собственности и особо изложить правила о собственности художественной, какъ о видѣ авторскаго права, наиболѣе своеобразномъ; 3) или, наконецъ, изложить правила объ авторскомъ правѣ въ примѣненіи къ важнѣйшему его виду—литературной собственности, а въ отношеніи остальныхъ видовъ авторскаго права ограничиться правилами, спеціально до нихъ относящимися, отмѣтивъ при этомъ, какія изъ статей о литературной собственности примѣнимы къ собственности музыкальной и художественной. Примѣненіе того или другого пріема изложенія имѣетъ значеніе не только внѣшнее, методологическое, но весьма важное практическое значеніе.

Въ этомъ отношеніи проектъ редакціонной Комиссіи и проектъ министра юстиціи рѣзко расходятся между собою во взглядахъ.

Редакціонная Комиссія полагала, что кажущіяся на первый взлядъ преимущества первыхъ двухъ указанныхъ системъ—большая объединенность, стройность и наглядность постановленій—на самомъ дѣлѣ оказываются существующими лишь въ теоріи и не искупаются многими практическими неудобствами. Не говоря уже о художественной собственности, отличающейся отъ остальныхъ видовъ авторскаго права многими существенными особенностями, даже и въ отношеніи постановленій о собственности литературной и музыкальной возможно достигнуть не

полнаго, а лишь частичнаго объединенія этихъ постановленій, такъ какъ на ряду съ немногими дѣйствительно общими положеніями пришлось бы оставить рядъ особыхъ статей, относящихся къ каждому изъ этихъ видовъ авторскаго права въ отдѣльности. Въ подтвержденіе Редакц. Комиссія ссылается на германскій законъ 1901 г., въ которомъ многія изъ статей, содержащихъ въ себѣ общія положенія, примѣнимы или исключительно къ литературнымъ произведеніямъ, или исключительно къ музыкальнымъ произведеніямъ, или говорятъ то о первыхъ, то о вторыхъ. Изъ этого примѣра видно, что, при системѣ выдѣленія общихъ положеній, объединеніе получается преимущественно внѣшнее, формальное, а въ сущности все сводится къ изложенію постановленій объ отдѣльныхъ видахъ авторскаго права не по особымъ главамъ, но въ перемежку одни съ другими.

Поэтому проектъ Редакц. Комиссіи призналъ предпочтительнымъ сосредоточить въ отдѣлѣ объ авторскомъ правѣ на литературныя произведенія всѣ основныя начала авторскаго права, относящіяся до всѣхъ трехъ видовъ духовнаго творчества—литературнаго, музыкальнаго и художественнаго, а затѣмъ въ отдѣлахъ о правѣ на музыкальныя и художественныя произведенія сдѣлать лишь ссылки на соотвѣтственныя статьи въ первомъ отдѣлѣ.

Проектъ министра юстиціи нашелъ такой пріемъ изложенія законодательныхъ нормъ по предметамъ, тѣсно соприкасающимся, неудобнымъ, ибо при немъ постановленія, одинаково распространяющіяся на всѣ предметы, неизбѣжно оказываются формулированными съ надлежащею точностью лишь въ отношеніи

одного изъ нихъ. Этимъ крайне затрудняется примѣненіе закона къ прочимъ предметамъ и вызываются на практикѣ постоянныя недоразумѣнія, колебанія и разнорѣчивыя толкованія, не говоря уже о всегда возможныхъ, при подобномъ ссылочномъ, такъ сказать, способѣ изложенія цѣлыхъ отдѣловъ, пропускахъ и недосмотрахъ въ самыхъ ссылкахъ. Въ виду этого, проектъ министра нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ выдѣлить, въ видѣ *общихъ положеній,* всѣ тѣ постановленія, которыя имѣютъ общій характеръ, т. е. относятся ко всѣмъ видамъ авторскаго права, содержаніе же отдѣловъ, посвященныхъ разновидностямъ этого права, ограничить лишь спеціальными по каждому данному предмету опредѣленіями.

Однако эта система оказалась не вполнѣ выдержанной въ законѣ: съ одной стороны, встрѣчаются повторенія постановленій, одинаково относящихся ко всѣмъ тремъ видамъ авторскаго права, а съ другой стороны, нѣкоторыя изъ выдѣленныхъ общихъ положеній не относятся къ всѣмъ видамъ авторскаго права. Кромѣ особаго отдѣла *общихъ положеній,* проектъ сосредоточилъ въ особой главѣ всѣ правила, относящіяся къ такъ называемому *издательскому договору*, чѣмъ имѣлось въ виду достигнуть большую наглядность этихъ правилъ и облегчить примѣненіе ихъ на практикѣ. Въ этомъ отношеніи проектъ послѣдовалъ примѣру германскаго законодательства, въ которомъ правила объ издательскомъ договорѣ выдѣлены въ особый законъ, изданный одновременно съ закономъ объ авторскомъ права 19 іюня 1901 г.

III.

Другое отступленіе, имѣющее весьма большое практическое значеніе, заключается въ томъ, что проектъ министра юстиціи отказался сохранить за авторскимъ правомъ наименованіе „*литературная, музыкальная и художественныя содственность*“, которое было присвоено ему проектомъ Редакціонной Комиссіи, слѣдовавшей въ этомъ отношеніи терминологіи старыхъ законодательствъ и въ ихъ числѣ нашего стараго закона, изображеннаго въ примѣчаніи 2 къ ст. 420 т. X ч. I и въ приложеніи къ этому примѣчанію.

Примѣчаніе 2 къ ст. 420 гласитъ: „Право собственности на произведенія литературы и художествъ, принадлежащее самимъ авторамъ сихъ произведеній, ихъ наслѣдникамъ или лицамъ, коимъ оно передано тѣмъ или другими, называется *собственностью* литературною и художественною, а право собственности на произведенія музыкальныя— *собственностью* музыкальною. Основанія сихъ видовъ *собственности*... опредѣляются въ правилахъ, при семъ приложенныхъ и законахъ судопроизводства“. Также и проектъ Редакціонной Комиссіи въ ст. 1 именуетъ авторское право литературною, музыкальною и художественною *собственностью*, и постановленія объ этой собственности включены въ составъ постановленій о вотчинномъ правѣ. Однако, помѣщая литературную собственность въ отдѣлѣ „о собственности“ и нормируя ее параллельно и по аналогіи съ другими видами собственности, законъ и проектъ въ дальнѣйшихъ своихъ опредѣленіяхъ отступаютъ отъ многихъ основныхъ

положеній собственности. Кромѣ ограниченія во времени, которое ужъ одно уничтожаетъ всякій характеръ собственности, зиждущейся на принципѣ безусловнаго, вѣчнаго, неограниченнаго пользованія и распоряженія, законъ далѣе отступаетъ отъ принципа земской давности и вступаетъ въ противорѣчіе съ общими законами о порядкѣ судебной защиты, о порядкѣ возникновенія и прекращенія правъ собственника, о правахъ по наслѣдованію, по обязательствамъ, и съ нѣкоторыми другими правоотношеніями.

Такое противорѣчивое двойственное положеніе авторскаго права, по заглавію обозначающаго одно, а по содержанію — другое, должно вносить крайнюю неопредѣленность и шаткость въ судебную практику, которая часто находится въ большомъ затрудненіи, не зная, изъ какого начала исходитъ при разборѣ споровъ между тяжущимися и къ какой категоріи правовыхъ основаній относить спорныя претензіи сторонъ—къ категоріи-ли основаній, нормирующихъ права собственности, въ отдѣлѣ которой помѣщено авторское право, или къ началамъ, основаннымъ на постановленіяхъ объ авторскомъ правѣ, какъ о самостоятельномъ имущественномъ правѣ.

Весьма рельефно выразилась эта неопредѣленность нашихъ постановленій объ авторскомъ правѣ въ извѣстномъ литературномъ дѣлѣ между издателями Павленковымъ и Полубояриновымъ по поводу изданія „Учебной Христоматіи“ Полевого. Дѣло это возникло въ 1885 г. и затѣмъ прошло два раза послѣдовательно чрезъ всѣ судебныя инстанціи—одинъ разъ по иску Павленкова къ Полубоярину, обвиняемому въ незаконномъ печатаніи христоматіи Полевого, и другой разъ по иску Полу-

бояринова къ Павленкову, обвиняемому въ незаконномъ печатаніи той-же христоматіи — по тѣмъ-же основаніямъ и по тѣмъ-же обстоятельствамъ. Результатомъ этого судебнаго спора, длившагося болѣе пяти лѣтъ, было рѣшеніе трехъ инстанцій, дважды ими подвержденное, по которому оба — и Павленковъ и Полубояриновъ, не смотря на всю противорѣчивость предъявленныхъ ими другъ къ другу претензій, оказались правыми и оба признаны обладателями одного и того же оспариваемаго права.

Если изложить сущность этого дѣла въ нѣсколько популярной формѣ, то оно представится въ слѣдующемъ видѣ:

Полевой, авторъ Учебной Христоматіи, обладаетъ содержащимися въ ней мыслями и идеями на правахъ собственности и, подобно землевладѣльцу или домовладѣльцу, имѣетъ безспорное право извлекать изъ своего умственнаго имущества непрерывную ренту. Землевладѣлецъ можетъ запродать будущіе урожаи на своей землѣ кому хочетъ и насколько времени хочетъ, и чрезъ это не перестаетъ пребывать собственникомъ своей земли, доколѣ не переуступитъ самое право собственности на свою землю. Точно также домовладѣлецъ можетъ по договору переуступить доходы отъ своего дома въ видѣ арендныхъ денегъ за одинъ, пять, десять лѣтъ, оставаясь однако собственникомъ дома, на который свое право собственности онъ можетъ отдѣльно продать. И Полевой совершенно аналогично распорядился своей умственною собственностью. Онъ продалъ сначала Павленкову доходы отъ всѣхъ будущихъ изданій своей христоматіи, а затѣмъ отдѣльно продалъ Полубояринову свое „право собственности“ на умственное содержаніе этой христоматіи. Въ

такомъ видѣ представляетъ себѣ существо литературной собственности нашъ старый законъ (прилож. къ прим. 2 ст. 420), и такой же точки зрѣнія пришлось придерживаться и суду, который, послѣ многихъ затрудненій и колебаній предъ очевидностью кроющагося тутъ абсурда, разрѣшилъ дѣло томъ смыслѣ, что и Павленковъ и Полубояриновъ—оба правы: одинъ по договору на „*право изданія*“, другой по договору на „*право собственности*“.

Изъ этого примѣра видно, что пріуроченіе авторскаго права къ праву собственности, отъ котораго оно, при общности отдѣльныхъ чертъ, рѣзко отличается и по объекту, и по условіямъ своего возникновенія и прекращенія, и по своимъ экономическимъ основаніямъ,—имѣетъ значеніе не теоретическаго вопроса терминологіи, а весьма существеннаго неудобства при примѣненіи закона на практикѣ.

Редакціонная Комиссія по составленію проекта Гражд. Уложенія весьма подробно обсуждало этотъ вопросъ и среди ея членовъ послѣдовало разногласіе.

Меньшинство полагало, что авторское право не должно быть названо собственностью, потому что оно лишено свойствъ, присущихъ праву собственности. Оно не имѣетъ матеріальнаго предмета для непосредственнаго воздѣйствія собственника,—его объектомъ является не вещь, а право на доходъ, на выгоды отъ распространенія литературнаго, музыкальнаго и художественнаго произведенія. Продолжительность авторскаго права ограничена различными сроками, причемъ эта срочность имѣетъ иное назначеніе, нежели срочность, по необходимости присущая въ извѣстныхъ случаяхъ матеріальному праву соб-

ственности, обусловленная недолговѣчностью нѣкоторыхъ вещей. Въ послѣднемъ случаѣ срочность права вытекаетъ изъ самой природы вещей и соединена съ уничтоженіемъ объекта; срочность же авторскаго права нисколько не обусловливается его существомъ, но установлена искусственно закономъ, и право прекращается независимо отъ объекта, который остается, дѣлаясь лишь общимъ достояніемъ. Наконецъ, авторъ не имѣетъ вещнаго иска (виндикаціи), такъ какъ нѣтъ предмета, который могъ бы быть возвращенъ истцу изъ чужого незаконнаго владѣнія, а имѣетъ лишь искъ объ убыткахъ за нарушеніе его права. Затѣмъ и съ редакціонной точки зрѣнія, по мнѣнію меньшинства, желательно не давать повода къ смѣшенію юридическихъ понятій употребленіемъ однихъ и тѣхъ же выраженій для опредѣленія различныхъ по ихъ свойствамъ правовыхъ институтовъ.

Съ этимъ мнѣніемъ, однако, не согласилось большинство Комиссіи, которое высказалось въ пользу признанія авторскаго права правомъ собственности. Разсужденія большинства сводятся къ слѣдующему.

Предметомъ авторскаго права служитъ собственное произведеніе автора, и отношеніе его къ этому предмету есть непосредственное: онъ хозяинъ и непосредственный распорядитель своего произведенія. Этимъ признакомъ авторское право рѣзко отличается отъ всей обширной группы правъ требованія по обязательствамъ, предметомъ коихъ служитъ чужое дѣйствіе или услуга обязаннаго лица, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это чужое дѣйствіе касается передачи вещи вѣрителю, отношеніе вѣрителя къ этой чужой вещи есть посредственное: между нимъ и вещью стоитъ лицо, обязанное къ передачѣ, и

вещь становится его собственностью лишь послѣ передачи. Ничего подобнаго нѣтъ въ авторскомъ правѣ. Непосредственностью отношенія автора къ его собственному произведенію, какъ особой, созданной имъ, нематеріальной вещи, авторское право примыкаетъ къ группѣ вотчинныхъ или вещныхъ правъ, существеннымъ признакомъ коихъ служитъ, именно, непосредственное господство лица надъ вещью. А въ этой группѣ вотчинныхъ правъ оно несомнѣнно ближе всего подходитъ къ праву собственности.

Группа вотчинныхъ правъ, какъ извѣстно, слагается изъ права собственности и разныхъ правъ владѣнія и пользованія чужою вещью. Авторское право нельзя считать за особый видъ права владѣнія и пользованія, потому что всѣ особыя права владѣнія и пользованія, не соединенныя съ правомъ собственности, предполагаютъ, что вещь чужая для владѣльца и пользующагося лица. Если признать право автора на его произведеніе только правомъ пользованія, то возникъ бы вопросъ, кому же принадлежитъ это произведеніе въ собственность и, если у него нѣтъ собственника, то не есть ли оно, по ст. 406 т. X ч. I, имущество государственное. А между тѣмъ каждый авторъ всегда и вездѣ считаетъ свое произведеніе, именно, своею собственностью. Поэтому, по мнѣнію большинства Комиссіи, нѣтъ никакого основанія закону идти въ разрѣзъ съ этимъ всеобщимъ правосознаніемъ.

Далѣе, по мнѣнію большинства, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ народномъ хозяйствѣ современныхъ государствъ, на ряду съ вещами матеріальными, обращаются многія цѣнности нематеріальныя, res incorporales, и самое слово „собственность“ какъ въ законахъ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ

(propriété, property и т. п.), еще со временъ римскаго права употребляется нерѣдко въ обширномъ смыслѣ, обнимающемъ цѣнности того и другого рода и означаетъ всякое имущество или имущественное право, кому-либо въ особенности принадлежащее Это обширное значеніе собственности, лежащее въ основѣ народнаго хозяйства со всѣми его отраслями, даетъ возможность понимать и самое право собственности въ такомъ общемъ смыслѣ, чтобы оно обнимало собою какъ право собственности на матеріальныя вещи, такъ и право собственности литературной, художественной и музыкальной и другія подобныя права исключительнаго обладанія цѣнностями нематеріальными.

Предметное различіе этихъ двухъ видовъ права собственности и вытекающія изъ него разныя ихъ особенности и оттѣнки въ условіяхъ пріобрѣтенія, осуществленія и распоряженія не препятствуютъ считать ихъ простыми разновидностями права собственности. Предметныхъ различій существуетъ множество и въ кругу вещей матеріальныхъ, движимыхъ и недвижимыхъ; они отражаются, естественно, и на объемѣ или содержаніи права собственности, на способахъ пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ вещей, на способахъ пользованія ими, на способахъ нарушенія и охраненія права собственности. Даже въ области однихъ только недвижимыхъ имуществъ современная наука различаетъ нѣсколько группъ, совершенно разнородныхъ, коимъ соотвѣтствуютъ права собственности, имѣющія существенно различный объемъ, напр.: право на воды, на земли подъ дорогами, лѣса, дома; горнозаводская собственность. Нельзя и сравнивать, напримѣръ, право собственности на деньги или карманный платокъ съ

правомъ собственности на землю подъ публичною дорогою: до такой степени различенъ объемъ этихъ правъ и вся внутренняя ихъ структура; и тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается, что въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ правомъ собственности. Вытекающее изъ права собственности право пользованія вещью представляется также естественно различнымъ, смотря по различію вещей; одной вещью можно пользоваться такъ, другою иначе и т. д.

Главное различіе между правомъ собственности литературной, музыкальной и художественной и обыкновеннымъ правомъ собственности на вещи матеріальныя заключается въ срочности авторскаго права, тогда какъ право собственности на вещь считается вѣчнымъ и потомственнымъ. Но, во-первыхъ, право авторское есть право потомственное, и, во-вторыхъ, вѣчное право собственности есть понятіе условное, зависящее отъ существованія вещи, съ прекращеніемъ коей прекращается и право собственности. Есть много вещей, существованіе коихъ, по законамъ природы, ограничено извѣстнымъ, часто очень краткимъ срокомъ, гораздо болѣе краткимъ, чѣмъ опредѣленный закономъ срокъ авторскаго права (таковы, напр., живые цвѣты, зелень, свѣжіе фрукты и т. п.) По истеченіи нѣкотораго времени составные элементы ихъ разлагаются и возвращаются въ общую экономію природы, изъ которой первоначально возникли; а съ уничтоженіемъ данной вещи, конечно, прекращается и право собственности на нее. То же самое происходитъ и со способомъ прекращенія права авторскаго: умственное произведеніе автора создается имъ изъ общихъ элементовъ культуры, изъ общей сокровищницы народнаго языка, звуковъ и худо-

жественныхъ идей, а по истеченіи извѣстнаго срока эти элементы входятъ снова въ общій составъ культуры, становятся общимъ достояніемъ публики, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается исключительное право автора и его правопреемниковъ.

Такую же аналогію съ правомъ собственности находитъ себѣ авторское право въ отношеніи способовъ пріобрѣтенія. Первоначальные способы пріобрѣтенія—авторское творчество, собираніе и обработка матеріаловъ для литературнаго или художественнаго произведенія—вполнѣ подходятъ подъ общія понятія о способахъ первоначальнаго пріобрѣтенія матеріальныхъ вещей; а дальнѣйшіе способы пріобрѣтенія—передача и наслѣдованіе—представляютъ еще болѣе сходства. Что касается особенности авторскаго права,—именно, возможности уступки авторомъ другому лицу права на одно изданіе его сочиненія, съ сохраненіемъ за собою права на дальнѣйшія его изданія, то это есть обыкновенная уступка собственникомъ права пользованія, какъ составной части права собственности, другому лицу, съ сохраненіемъ за собою всѣхъ прочихъ правъ собственника и самаго права пользованія или дальнѣйшаго распоряженія, насколько оно не исчерпываетея данною уступкою.

Наконецъ, и въ способахъ нарушенія и охраненія авторскаго права имѣется полная аналогія съ правомъ собственности, и контрафакція есть не что иное, какъ присвоеніе чужой собственности или нарушеніе правъ собственника, заключая въ себѣ уголовный элементъ, присущій и всѣмъ другимъ видамъ присвоенія чужой собственности.

Ко всему этому комиссія приводитъ въ пользу признанія авторскаго права правомъ собственности

еще то соображеніе, что авторское право, какъ право собственности, занимаетъ въ системѣ гражданского права вполнѣ опредѣленное мѣсто, между тѣмъ какъ если признать авторское право лишь исключительнымъ правомъ, то вопросъ объ отведеніи этому институту опредѣленнаго мѣста въ системѣ гражданскаго права представитъ затрудненіе. Кромѣ того, по мнѣнію редакціонной комиссіи, терминъ „литературная, музыкальная и художественная собственность“, существующій у насъ съ 1828 г., успѣлъ укорениться какъ въ судебной практикѣ, такъ и въ обыденной жизни, и сохраненіе этого термина даетъ судебной практикѣ возможность и впредь примѣнять къ авторскимъ правамъ соотвѣтственныя постановленія о собственности, чѣмъ будетъ достигнуто значительное облегченіе для судовъ и большая обезпеченность сторонъ.

Проектъ министра юстиціи съ этими соображеніями большинства не согласился. По мнѣнію проекта, пріуроченіе авторскаго права къ собственности, будучи неправильно по существу, было бы и практически неправильно. Авторское право находится пока въ періодѣ образованія и, въ противоположность прочимъ имущественнымъ правамъ, не вылилось еще въ окончательныя формы. Закрѣпленіе его въ тѣ или иныя неподвижныя рамки было бы, поэтому, преждевременно и грозило бы стѣснить дальнѣйшее свободное развитіе его. А именно, такимъ стѣсненіемъ и явилось бы искусственное пріуроченіе авторскаго права къ сходственному съ нимъ лишь отчасти праву собственности.

Что касается соображенія о трудности пріисканія для авторскаго права мѣста въ системѣ гражданскаго права, то это затрудненіе не можетъ имѣть

никакого значенія. Мѣсто, занимаемое тѣмъ или другимъ институтомъ въ системѣ права, опредѣляется прежде всего самою сущностью его, а не названіемъ. Новѣйшія законодательства объ авторскомъ правѣ (напр., германскій законъ) вовсе не заботятся о закрѣпленіи этого института въ рамкахъ установившейся системы гражданскихъ правъ и находятъ вполнѣ возможнымъ и нисколько не неудобнымъ отдѣльное самостоятельное существованіе закона объ имущественныхъ правахъ авторовъ.

Также и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ новѣйшихъ узаконеній терминъ „собственность“ въ примѣненіи къ произведеніямъ умственнаго труда болѣе не употребляется: напр., въ положеніи 1896 г. о *привиллегіяхъ на изобрѣтенія и усовершенствованія* содержавшееся ранѣе въ законѣ указаніе на принадлежность изобрѣтателю, получившему привиллегію, *права собственности* на произведеніе его умственнаго труда (св. зак. т. XI ч. 2 изд. 1893 г., уст. пром., ст. 167 и др.) замѣнено указаніемъ о присвоеніи изобрѣтателю права исключительнаго пользованія этимъ произведеніемъ. Наконецъ, опасенія относительно затруднительности для судовъ приспособиться къ новой терминологіи представляются преувеличенными, ибо понятія объ *авторѣ*, какъ о субъектѣ авторскаго права, и объ *авторскомъ правѣ*, какъ объ институтѣ гражданскаго права, уже прочно укоренились не только въ общежитіи и литературѣ, но и въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ, такъ что при примѣненіи этихъ терминовъ на практикѣ едва ли могутъ возникнуть какія-либо недоразумѣнія.

Въ виду этихъ соображеній, въ проектѣ министра юстиціи терминъ „*литературная, музы-*

кальная и художественная собственность“ устраненъ и вездѣ замѣненъ выраженіемъ „*авторское право*“. Эта терминологія принята и новымъ закономъ.

При этомъ, однако, проектомъ была допущена непослѣдовательность въ проведеніи поддерживаемой имъ точки зрѣнія, благодаря чему утратилось все значеніе этой точки зрѣнія. Именно, отграничивая авторское право отъ права собственности, проектъ вмѣстѣ съ тѣмъ помѣстилъ это право въ приложеніи къ примѣч. 2 ст. 420 т. X ч. I, лишь замѣнивъ дѣйствіе приложенія положеніемъ объ авторскомъ правѣ. Такимъ образомъ, проектъ, устранивъ терминъ „собственность“, сохранилъ за авторскимъ правомъ мѣсто въ отдѣлѣ о правѣ собственности. что должно было бы привести къ тому же смѣшенію понятій, противъ котораго проектъ въ своихъ мотивахъ возражалъ.

Думская комиссія обратила на это вниманіе и исправила эту непослѣдовательность тѣмъ, что, вмѣсто замѣны приложенія къ прим. 2 ст. 420 т. X ч. I, вовсе отмѣнила это приложеніе.

Остается пожелать, чтобы при кодификаціи новаго закона наши кодификаціонныя учрежденія не искали для него мѣста въ гражданскихъ законахъ и не втиснули его въ видѣ приложенія или дополненія къ какой-либо статьѣ т. X ч. I, повторивъ ошибку Редакціонной Комиссіи по составленію проекта Гражд. Уложенія, включившей постановленія объ авторскомъ правѣ въ составъ постановленій о вотчинныхъ правахъ.

IV.

Внесенный министромъ юстиціи въ Госуд. Думу законопроектъ объ авторскомъ правѣ былъ переданъ въ комиссію по судебнымъ реформамъ по постановленію Думы отъ 27 ноября 1907 г. и заслушанъ комиссіею въ засѣданіяхъ 11 и 18 декабря 1908 г. и 29 января 1909 г. Кромѣ работъ въ комиссіи и подкомиссіи, о законопроектѣ были сдѣланы доклады въ Спб. литературномъ обществѣ, въ союзѣ драматическихъ писателей, въ музыкальномъ обществѣ и въ Спб. юридическомъ обществѣ. Были также выслушаны заключенія фотографовъ и художниковъ. Докладъ комиссіи (докладчикомъ выступилъ О. Я. Пергаментъ) былъ сдѣланъ Госуд. Думѣ въ засѣданіи 7 апрѣля 1909 г. Обсужденіе законопроекта заняло два засѣданія, и законопроектъ въ третьемъ чтеніи былъ принятъ Думой въ засѣданіи 21 мая 1909 г.

При обсужденіи проекта министра юстиціи въ думской комиссіи и въ общихъ собраніяхъ Думы онъ подвергся, въ общемъ, незначительнымъ измѣненіямъ. Въ докладѣ комиссіи прежде всего указывается на то, что предполагаемое министромъ юстиціи „коренное улучшеніе дѣйствующихъ нынѣ узаконеній объ авторскомъ правѣ“ невозможно безъ приведенія въ соотвѣтствіе съ современными условіями и потребностями законовъ о печати. Какъ справедливо указываетъ министръ въ своей объяснительной запискѣ, „невозможно обсуждать авторское право исключительно съ точки зрѣнія имущественныхъ интересовъ авторовъ. Авторъ есть прежде всего общественный дѣятель. Произведенія его, являющіяся въ сущности

лишь отраженіемъ общественныхъ идеаловъ и средствъ, имѣютъ главною цѣлью возможно широкое распространеніе въ обществѣ идей автора. Пользованіе литературными произведеніями составляетъ необходимое условіе для правильнаго развитія культуры и просвѣщенія. Наряду съ имущественными интересами автора самъ собою выдвигается, такимъ образомъ, интересъ *общественный*, и въ правильномъ сочетаніи этихъ двухъ элементовъ и заключается главная задача законодателя".

Само собою разумѣется, что правильное сочетаніе этихъ двухъ элементовъ возможно лишь тогда, когда каждому изъ нихъ предоставляется извѣстная сфера вліянія. Между тѣмъ министръ юстиціи, придерживаясь справедливаго мнѣнія о томъ, что нельзя подходить къ литературнымъ произведеніямъ исключительно съ точки зрѣнія имущественныхъ интересовъ авторовъ и внося въ Государственную Думу проектъ закона объ авторскомъ правѣ, не сопровождая его одновременно закономъ о печати,—упускаетъ изъ виду, что авторъ есть прежде всего общественный дѣятель, и что, слѣдовательно, необходимо прежде всего регулировать эту сторону его дѣятельности.

Наше дѣйствующее законодательство объ авторскомъ правѣ развилось изъ законодательства о печати. Первыя постановленія объ авторскомъ правѣ появились въ цензурномъ уставѣ 1828 г. и затѣмъ въ послѣдующихъ изданіяхъ свода законовъ они помѣщались въ Уставѣ о цензурѣ—до 1887 г., когда они были перенесены въ Законы Гражданскіе. Связь постановленій объ авторскомъ правѣ съ постановленіями цензурнаго устава не была чисто механической; постановленія приложенія къ ст. 420 т. X ч. I проникнуты духомъ Устава о цензурѣ и охра-

няютъ имущественные интересы авторовъ постольку, поскольку, это допустимо съ точки зрѣнія цензуры. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на ст. 21 прилож. къ ст. 420, согласно коей „напечатавшій книгу безъ соблюденія правилъ цензурнаго Устава лишается правъ на оную".

Хотя проектъ министра юстиціи, составленный по лучшимъ образцамъ западно-европейскихъ законодательствъ объ авторскомъ правѣ, устранилъ зависимость постановленій объ авторскомъ правѣ отъ устава о цензурѣ, но и въ немъ имѣются ссылки на Уставъ о цензурѣ*). Между тѣмъ Уставъ о цензурѣ (т. XIV Св. Зак.) въ значительной своей части отмѣненъ замѣнившими его правилами отъ 24 ноября 1905 и 18 марта и 26 апрѣля 1906 г., которыя въ свою очередь являются временными; кромѣ того, преступленія о печати наказываются отчасти по Уложенію о наказаніяхъ, отчасти по Уголовному уложенію. Такимъ образомъ, законодательство о печати находится въ настоящее время въ хаотическомъ состояніи, и, поэтому, дѣлать ссылки въ законѣ объ авторскомъ правѣ на такое несовершенное законодательство представляется невозможнымъ.

Въ виду этихъ соображеній, думская комиссія пришла къ заключенію, что реформа дѣйствующаго законодательства объ авторскомъ правѣ должна сопровождаться реформой дѣйствующаго законодательства о печати и, поэтому, за отсутствіемъ проекта закона о печати, представляется нынѣ не своевременной. Но, въ виду желательности скорѣйшей нормировки авторскаго права, комиссія считала нужнымъ принять нынѣ же проектъ объ авторскомъ правѣ.

*) Эти ссылки думской комиссіей были устранены изъ законопроекта.

При обсужденіи законопроекта въ засѣданіяхъ Думы, болѣе или менѣе оживленныя пренія возникли только при обсужденіи слѣдующихъ четырехъ вопросовъ:

во-первыхъ, вопроса о срокѣ авторскаго права. Въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ срокъ дѣйствія авторскаго права былъ опредѣленъ въ 50 лѣтъ послѣ смерти автора. Проектъ министра сохранилъ этотъ срокъ, и думская комиссія также приняла его. Въ Думѣ рядъ ораторовъ настаивалъ на необходимости, въ интересахъ народнаго просвѣщенія и культуры, сократить этотъ срокъ до 30 лѣтъ. (Подробно объ этомъ вопросѣ—см. ниже въ отдѣлѣ „о возникновеніи, переходѣ и прекращеніи авторскаго права"). Въ первомъ обсужденіи законопроекта Дума приняла предложеніе о сокращеніи срока до 30 лѣтъ, но затѣмъ въ третьемъ чтеніи это измѣненіе законопроекта было отвергнуто большинствомъ, и срокъ остался въ 50 лѣтъ.

Второй вопросъ, вызвавшій пренія,—вопросъ о свободѣ переводовъ. Вопросъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей: о свободѣ переводовъ въ предѣлахъ Россіи и о свободѣ переводовъ съ иностранныхъ авторовъ.

Первая часть вопроса разрѣшена, согласно съ редакціею законопроекта и въ противоположность дѣйствующему закону, въ отрицательномъ смыслѣ (подробнѣе—см. ниже въ отдѣлѣ „о содержаніи авторскаго права"). Что касается второй части—о свободѣ переводовъ съ иностранныхъ произведеній—то, въ виду принятаго на себя нашимъ правительствомъ обязательства о заключеніи международныхъ конвенцій, проектъ министра юстиціи предлагалъ формулировать соотвѣтственное постановленіе въ слѣдующемъ видѣ: „изданныя заграницею сочиненія ино-

странныхъ подданныхъ, если противное не установлено въ договорахъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными государствами, могутъ быть переводимы въ Россіи на русскій или иные языки"!

Дума исключила слова „если противное не установлено въ договорахъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными государствами", имѣя въ виду этимъ выразить, что она не предрѣшаетъ вопроса о желательности заключенія конвенціи *).

По существу вопроса о правѣ иностранныхъ авторовъ на переводъ ихъ произведеній защитники и противники свободы переводовъ повторили въ Думѣ, въ общемъ, тѣ же соображенія и доводы, какіе уже много лѣтъ выставляются спорящими по этому предмету (см. выше гл. II „о международной защитѣ авторскаго права"). Между прочимъ, указывалось на безпомощное положеніе Россіи въ особенности въ области техники, промышленности, земледѣлія и другихъ прикладныхъ наукъ и на громадное затрудненіе, которое создалось бы, если бы каждому желающему огласить на русскомъ языкѣ иностранное сочиненіе, пришлось розыскивать иностраннаго автора, неизвѣстно гдѣ проживающаго, чтобы получить отъ него разрѣшеніе. Это затрудненіе явилось бы тормазомъ для русскаго просвѣщенія и культуры, потому что уменьшило бы число переводныхъ сочиненій, служащихъ просвѣтительнымъ и культурнымъ цѣлямъ, и сдѣлало бы недоступными цѣны на выпускаемые переводы. Противники свободы переводовъ аргументировали свое мнѣніе только однимъ доводомъ—тѣмъ, что недостойно великой націи стремиться къ насажденію просвѣщенія въ своемъ народѣ за чужой счетъ,

*) См. ниже редакцію постановленія по этому предмету, принятую Государственнымъ Совѣтомъ.

эксплоатируя чужой трудъ, чужіе таланты и чужія способности.

Любопытное сообщеніе было сдѣлано однимъ изъ депутатовъ относительно образа поведенія въ этомъ вопросѣ Японіи, причемъ рекомендовалось Россіи слѣдовать ея примѣру. На послѣднемъ Берлинскомъ конгрессѣ, на которомъ Бернская конвенція была измѣнена въ смыслѣ установленія авторскаго права на переводъ въ теченіе 50 лѣтъ, т. е. авторское право распространено полностью на переводы,—участвовавшая на конгрессѣ японская делегація требовала включенія въ текстъ Бернской конвенціи особаго параграфа о томъ, что „въ Японіи сохраняется полная свобода переводовъ". Делегація аргументировала свое требованіе тѣмъ, что общеніе Японіи съ Европой началось недавно, что, чѣмъ больше свободы будетъ въ этомъ общеніи, тѣмъ ближе Японія войдетъ въ курсъ цивилизованной жизни, что японскій языкъ такъ далекъ отъ всѣхъ европейскихъ языковъ, что право перевода на этотъ языкъ для людей, не умѣющихъ читать на другихъ языкахъ, не составитъ никакой конкурренціи для иностранныхъ авторовъ, а, наоборотъ, люди, желающіе научиться иностраннымъ языкамъ,—а ихъ въ Японіи много,—будутъ поощрены переводами и начнутъ покупать произведенія иностранныхъ авторовъ. Далѣе, члены японской делегаціи, возражая на упреки, будто японцы пиратствуютъ, будто, свободно переводя на японскій съ европейскихъ языковъ, они ничего не даютъ за это, обращаютъ вниманіе на то, что въ Японіи тоже есть богатѣйшая литература, которая изобилуетъ чрезвычайными красотами, но которая, къ сожалѣнію, неизвѣстна Европѣ; и они готовы дать и Европѣ ту свободу переводовъ, которую

считаютъ необходимой для облегченія собственнаго знакомства съ европейскими литературами.

Въ общемъ, пренія въ Думѣ по этому вопросу были весьма ограниченныя, мало затрагивающія его по существу; это объясняется тѣмъ, что, какъ выше уже указано, разрѣшеніе вопроса имѣетъ послѣдовать въ другомъ порядкѣ—въ порядкѣ международныхъ соглашеній, и, слѣдовательно,—внѣ компетенціи Думы, которая нынѣ имѣла дѣло лишь съ вопросомъ о свободѣ переводовъ въ предѣлахъ Россіи.

Третій вопросъ, на которомъ Дума остановилась, заключается во внесенномъ предложеніи объ ограниченіи права наслѣдованія въ авторскомъ правѣ только наслѣдованіемъ по закону, а не по завѣщанію, т. е. объ ограниченіи круга наслѣдниковъ только ближайшими родственниками автора. Предложеніе это Думой отклонено. (Мотивы этого предложенія—см. ниже въ отдѣлѣ „о возникновеніи, переходѣ и прекращеніи авторскаго права“). Наконецъ, четвертый вопросъ заключался во внесенномъ предложеніи слѣдующаго содержанія: „Если чрезъ 5 и болѣе лѣтъ послѣ смерти автора какое-либо изъ его произведеній по какой бы то ни было причинѣ отсутствуетъ на книжномъ рынкѣ и правопреемники автора не имѣютъ намѣренія издавать его вновь, то каждый желающій можетъ сдѣлать это, доведя предварительно о своемъ намѣреніи до свѣдѣнія наслѣдниковъ, сдѣлавъ публикаціи въ наиболѣе распространенныхъ органахъ печати и выждавъ двухлѣтній срокъ со времени указаннаго извѣщенія и публикаціи“. Предложеніе это вызвало весьма продолжительныя пренія и при первомъ обсужденіи было принято Думой, но затѣмъ въ третьемъ чтеніи было отвергнуто.

За исключеніемъ указанныхъ вопросовъ, отдѣльныя статьи законопроекта министра юстиціи почти не вызывали въ Думѣ преній и были приняты съ тѣми редакціонными измѣненіями, которыя были внесены думской комиссіей. Въ числѣ этихъ измѣненій нами было уже указано на одно измѣненіе кодификаціоннаго характера, имѣющее весьма существенное значеніе: по отдѣлу Б законопроекта, въ которомъ содержатся кодификаціонныя соображенія министра юстиціи, комиссія показала *отмѣненными* (а не *замѣненными*) примѣчаніе 2 къ ст. 420 и приложеніе къ нему, а равно ст. 1185 съ примѣчаніемъ къ ней т. X ч. I Зак. Гражд. Кромѣ того, въ виду того, что законъ объ авторскомъ правѣ распространяется на всѣ мѣстности Имперіи, не исключая губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ, представлялось необходимымъ указать на отмѣну всѣхъ тѣхъ особыхъ постановленій объ авторскомъ правѣ, которыя находятся въ мѣстныхъ узаконеніяхъ, ибо безъ спеціальной о томъ оговорки означенныя постановленія продолжали бы дѣйствовать безъ измѣненія, въ силу принципа, выраженнаго въ ст. 88 Св. Основ. Госуд. Законовъ, которымъ устанавливается, что законы, особенно изданные для какой-либо мѣстности или части населенія, новымъ общимъ закономъ не отмѣняются, если въ немъ, именно, такой отмѣны не постановлено. Къ числу такихъ мѣстныхъ постановленій объ авторскомъ правѣ относятся правила законовъ гражданскихъ губерній Прибалтійскихъ: именно, ст. 1971 т. III Св. мѣст. узакон. губ. Остзейскихъ, повторяющая содержаніе ст. 1185 т. X ч. I, а равно ст. ст. 3981—3993, 3994 и примѣчаніе къ ней означеннаго Св. мѣст. узакон., содержащія въ себѣ пра-

вила объ издательскомъ договорѣ. Поэтому, означенныя статьи показаны отмѣненными.

Наконецъ, комиссія ввела новый отдѣлъ закона, въ которомъ помѣстила правила о введеніи въ дѣйствіе новаго закона, т. е., такъ называемыя, переходныя правила, опредѣляющія условія и предѣлы примѣненія постановленій его и постановленій стараго закона по отношенію къ произведеніямъ, вышедшимъ въ свѣтъ до изданія новаго закона, и къ юридическимъ отношеніямъ и правонарушеніямъ, возникшимъ до новаго закона. Въ законопроектѣ министра юстиціи никакихъ по этому предмету постановленій не содержалось.

Въ Государственномъ Совѣтѣ законопроектъ объ авторскомъ правѣ былъ переданъ на предварительное разсмотрѣніе особой комиссіи въ составѣ 15 членовъ Госуд. Совѣта, избравшей своимъ предсѣдателемъ проф. В. И. Сергѣевича и докладчикомъ проф. Д. Д. Гримма.

Комиссія подвергла законопроектъ, одобренный Госуд. Думой, значительной переработкѣ, главнымъ образомъ, въ редакціонномъ отношеніи. Изъ вопросовъ, имѣющихъ принципіальный характеръ, комиссія подробно остановилась на трехъ вопросахъ: о срокѣ охраны авторскаго права, о правѣ перевода произведеній на другіе языки и объ авторскомъ правѣ на газетныя статьи, телеграфныя корреспонденціи и другія свѣдѣнія, печатаемыя въ газетахъ (газетная собственность). Соображенія комиссіи и общаго собранія Госуд. Совѣта по первому и третьему вопросамъ, а также по вопросу второму въ той его части, которая касается права перевода съ произведеній, изданныхъ въ Россіи, будутъ

изложены нами ниже, въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ книги. Тутъ мы коснемся только вопроса о правѣ перевода съ иностранныхъ произведеній.

По этому вопросу въ комиссіи послѣдовало разногласіе. Большинство членовъ не нашло возможнымъ согласиться съ соображеніями меньшинства членовъ о томъ, что прекращеніе свободы переводовъ должно вредно отразиться на распространеніи просвѣщенія въ Россіи, въ особенности въ области науки и техники, и что, вслѣдствіе необходимости вознаграждать иностранныхъ авторовъ, должны вздорожать произведенія переводной литературы. По мнѣнію большинства членовъ, предположеніе, что при уплатѣ гонорара авторамъ иностранныхъ произведеній переводная литература у насъ значительно поднимется въ цѣнѣ, недостаточно обосновано; съ другой стороны, при нынѣ существующей неограниченной свободѣ переводовъ, серьезному и свѣдущему переводчику не легко предпринимать переводъ, ибо ему обыкновенно угрожаетъ конкуренція дешеваго, поспѣшно выпускаемаго въ свѣтъ изданія; а обиліе дешевыхъ, но плохихъ переводныхъ книгъ и статей, едва ли, можетъ быть полезно для народнаго просвѣщенія. Главнымъ же доводомъ въ пользу запрещенія свободы переводовъ комиссія считаетъ то соображеніе, что мѣсто, занимаемое нашимъ отечествомъ среди цивилизованныхъ странъ, налагаетъ на насъ общекультурныя обязанности, къ числу которыхъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести уваженіе къ авторскимъ правамъ иностранцевъ. „Если — говоритъ комиссія въ своемъ докладѣ — государственная власть со всею строгостью ограждаетъ ненарушимость правъ собственности на движимое и недви-

жимое имущество иностранныхъ подданныхъ, то было бы непослѣдовательно иначе относиться къ огражденію правъ иностранцевъ на ихъ литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія. Россія, находясь въ международномъ культурномъ общеніи съ европейскими государствами, не можетъ не сообразоваться съ основными началами международнаго права, направленными ко взаимной защитѣ своихъ подданныхъ“ *).

Вопросъ о свободѣ переводовъ съ иностранныхъ произведеній вызвалъ въ засѣданіи Госуд. Совѣта весьма обширныя пренія и былъ разсмотрѣнъ по существу, въ рѣчахъ ряда ораторовъ, съ гораздо большей обстоятельностью, чѣмъ въ Государственной Думѣ. Противники свободы переводовъ не приводили, въ сущности, никакихъ новыхъ доводовъ, кромѣ указанныхъ въ докладѣ комиссіи Госуд. Совѣта соображеній о томъ, во-первыхъ, что запрещеніе свободы переводовъ нисколько не отразится на уменьшеніи переводовъ съ иностранныхъ научныхъ сочиненій и на вздорожаніи этихъ переводовъ, и, во-вторыхъ,—о томъ, что право перевода есть составная часть авторскаго права и, поэтому, иностранные авторы, вопреки этому принципу и въ ущербъ достоинству Россіи, какъ культурнаго государства, не могутъ быть лишены принадлежа-

*) Нельзя не замѣтить, что приводимая комиссіею аналогія съ защитой у насъ правъ собственности иностранцевъ на движимыя и недвижимыя имущества, помимо ея неправильности, самой по себѣ, въ виду особаго спеціальнаго характера авторскаго права и культурно-общественнаго значенія этого института,—представляется, по меньшей мѣрѣ, рискованной въ примѣненіи ея къ Россіи, въ законодательствѣ которой имѣется столько ограничительныхъ законовъ, именно, въ области гражданскаго права и не только по отношенію къ иностраннымъ подданнымъ, но даже и по отношенію къ собственнымъ подданнымъ...

щаго имъ права на изданіе своего сочиненія въ переводѣ на русскій языкъ. Между прочимъ, М. М. Ковалевскій, на основаніи своего 30-лѣтняго опыта, указывалъ на то, что иностранные писатели и ученые никогда не ставятъ препятствій русскимъ переводчикамъ, обращающимся къ нимъ за разрѣшеніемъ на переводъ ихъ сочиненій, охотно предоставляя право перевода часто даромъ, иногда за самое небольшое вознагражденіе, и что, поэтому, запрещеніе свободы переводовъ не вызоветъ вздорожанія переводовъ, а только внесетъ возможность для иностраннаго автора контролировать правильность и полноту переводовъ.

Послѣднее указаніе, имѣвшее, повидимому, успѣхъ среди членовъ Госуд. Совѣта, едва ли, однако, можетъ имѣть значеніе при разрѣшеніи настоящаго вопроса. Разумѣется, сами иностранные авторы, въ особенности ученые, заинтересованные въ распространеніи своихъ идей и своей славы, обыкновенно, не только ничего не имѣютъ противъ перевода ихъ сочиненій на иностранные языки, но даже очень рады этому. Разрѣшеніе ими русскихъ переводовъ даромъ или за небольшое вознагражденіе объясняется тѣмъ, что при существующей у насъ до сихъ поръ свободѣ переводовъ русскіе переводчики могли бы и не обращаться къ нимъ за разрѣшеніемъ, и естественно, что на любезное обращеніе они отвѣчали любезнымъ согласіемъ.

Совсѣмъ иначе дѣло будетъ происходить, когда будетъ установлено у насъ запрещеніе свободы переводовъ. Русскіе переводчики будутъ тогда имѣть дѣло не съ авторами, а съ ихъ издателями (какъ извѣстно, заграницей авторы сами не издаютъ, а передаютъ издательскимъ фирмамъ),

для которыхъ распространеніе идей автора внѣ предѣловъ его отечества, разумѣется, руководящимъ мотивомъ служить не будетъ, а единственнымъ мотивомъ будетъ—пользуясь запрещеніемъ переводовъ, извлечь наибольшую выгоду изъ права автора на переводъ. Съ другой стороны, и русскія издательскія фирмы будутъ имѣть возможность, путемъ соглашеній съ иностранными фирмами, монополизировать право изданія въ русскомъ переводѣ произведеній того или другого иностраннаго писателя или ученаго. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что въ результатѣ запрещенія свободы переводовъ получится у насъ въ области переводной литературы, въ особенности въ области ученой и технически-прикладной литературы, которая болѣе всего необходима Россіи, самая худшая изъ монополій—монополія на мысли, на идеи, на открытія ума. Для многихъ западно-европейскихъ странъ провозглашеніе принципа запрещенія права переводовъ не представляетъ ничего опаснаго для ихъ культуры и просвѣщенія, потому что онѣ сами обладаютъ въ достаточной мѣрѣ культурными и просвѣтительными источниками. И то, самый новѣйшій законъ по авторскому праву—Сѣверо-Американскихъ Соедин. Штатовъ, изданный въ 1909 г.,—отвергаетъ запрещеніе свободы переводовъ. У насъ же, въ бѣдной, темной Россіи, съ жалкой культурой, съ ограниченнымъ числомъ ученыхъ, изъ которыхъ многіе въ своихъ диссертаціяхъ и лекціяхъ питаются исключительно крохами съ иностраннаго ученаго богатства,—у насъ монополію на переводы съ иностранныхъ сочиненій нельзя не считать бѣдствіемъ для русскаго просвѣщенія.

На эту сторону вопроса—на возможность мо-

нополизированія переводовъ — не было вовсе обращено вниманія въ Госуд. Совѣтѣ. Однимъ изъ членовъ Госуд. Совѣта, И. Д. Пихно, отстаивавшимъ принципъ свободы переводовъ, было сдѣлано предложеніе, въ интересахъ русскихъ переводчиковъ, по крайней мѣрѣ, установить для иностранныхъ авторовъ обязательность соблюденія нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условій, а именно: иностранный авторъ обязывается въ теченіе мѣсяца со дня изданія зарегистрировать въ Россіи свое сочиненіе и заявить, что онъ желаетъ воспользоваться своими правами; а съ другой стороны, онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обязанъ сдѣлать переводъ своего сочиненія. При несоблюденіи этихъ условій онъ теряетъ свое право на переводъ, и на его сочиненіе распространяется примѣненіе общаго принципа свободы переводовъ.

Государ. Совѣтъ отвергъ эту поправку и принялъ соотвѣтственное постановленіе закона (ст. 35) въ редакціи комиссіи Госуд. Совѣта, въ которой, въ отличіе отъ редакціи Госуд. Думы, считавшей нужнымъ подчеркнуть принципъ свободы переводовъ, опредѣленно постановляется, что изданныя заграницей сочиненія иностранныхъ подданныхъ не могутъ быть издаваемы въ Россіи въ переводахъ на русскій или иные языки безъ согласія авторовъ или ихъ правопреемниковъ, если охрана правъ ихъ на переводъ установлена договорами, заключенными Россіей съ государствами, въ подданствѣ коихъ они состоятъ, причемъ авторъ и ихъ правопреемники не могутъ пользоваться относительно охраны права перевода большими правами, чѣмъ русскіе подданные, напечатавшіе свои сочиненія въ означенныхъ государствахъ.

Принятый Госуд. Совѣтомъ *) законопроектъ, на основаніи ст. 49 Учрежд. Госуд. Совѣта, былъ переданъ въ согласительную комиссію въ составѣ 6 членовъ Совѣта и 6 членовъ Думы **). Комиссія, въ общемъ, одобрила всѣ измѣненія, внесенныя въ законопроектъ Госуд. Совѣтомъ, за исключеніемъ ст. 42, принятой въ редакціи Госуд. Думы (см. ниже, въ отдѣлѣ „Объ объектѣ авт. права") и нѣкоторыхъ другихъ незначительныхъ измѣненій. Что касается ст. 35, то большинство комиссіи (11 членовъ), вполнѣ соглашаясь съ соображеніями Госуд. Совѣта о невозможности сохраненія у насъ полной, ничѣмъ неограниченной, свободы переводовъ, тѣмъ не менѣе признало возможнымъ измѣнить редакцію ст. 35, выдвинувъ впередъ то начало, что появившіяся въ свѣтъ заграницею сочиненія иностранныхъ подданныхъ могутъ быть издаваемы въ Россіи въ переводѣ на русскій или иные языки безъ согласія авторовъ или ихъ правопреемниковъ, если необходимость такого согласія будетъ установлена конвенціями. Одинъ членъ комиссіи (П. Н. Милюковъ) настаивалъ на томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, упомянутые въ ст. 35 договоры объ охранѣ авторскаго права, заключаемые Россіей съ иностранными государствами, касались только произведеній изящной литературы. Такая оговорка явилась бы весьма существеннымъ и реальнымъ ограниченіемъ свободы переводовъ, и противъ ея включенія представлялось бы тѣмъ менѣе основаній, что главный споръ и всѣ главныя возраженія противниковъ свободы пе-

*) Разсмотрѣніе законопроекта въ Госуд. Совѣтѣ заняло четыре засѣданія: 27, 29 октября, 3 и 5 ноября 1910 г.

**) Согласительная комиссія имѣла три засѣданія: 2, 9 и 13 декабря 1910 г.

реводовъ касаются почти исключительно произведеній изящной литературы, тогда какъ главное соображеніе защитниковъ свободы переводовъ—именно, просвѣтительное и культурное значеніе научныхъ и педагогическихъ переводныхъ произведеній—остается почти безъ возраженій.

Госуд. Дума согласилась съ мнѣніемъ большинства согласительной комиссіи.

Въ окончательномъ видѣ законопроектъ былъ принятъ въ засѣданіи Госуд. Совѣта 11 марта 1911 г. и Высочайше утвержденъ 15 марта 1911 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сравнительный обзоръ законоположеній объ авторскомъ правѣ по русскому и иностраннымъ законодательствамъ.

Изложивъ въ общихъ чертахъ исторію возникновенія и дальнѣйшаго развитія понятія авторскаго права, обратимся теперь къ разсмотрѣнію законоположеній русскаго и иностранныхъ законодательствъ, которыми опредѣляется существо этого права, а именно: объектъ и субъектъ, возникновеніе и прекращеніе, содержаніе и защита авторскаго права.

I. Объектъ авторскаго права.

Объектомъ авторскаго права, общимъ образомъ говоря, является продуктъ духовнаго творчества, облеченный въ опредѣленную форму и предназначенный къ обращенію въ обществѣ. Формы, въ которыхъ проявляется духовное творчество, различны и обнимаютъ собою всякаго рода произведенія литературы, музыки и художества, понимая подъ выраженіемъ „*произведеніе*“ всякіе роды и виды произведеній умственнаго труда. Разница между литературнымъ, музыкальнымъ и художественнымъ произведеніями, какъ объектами авторскаго права, заключается въ различныхъ способахъ осуществленія въ нихъ умственной дѣятельности автора. Въ литературномъ произведеніи духовная дѣятельность проявляется словами, въ музыкальномъ произведе-

ніи — посредствомъ звуковъ, въ художественномъ произведеніи—при помощи красокъ и разнообразныхъ способовъ производства опредѣленныхъ художественныхъ формъ, къ числу которыхъ новѣйшія законодательства относятъ также способы изготовленія фотографическихъ произведеній.

Какія произведенія умственнаго труда называются, съ точки зрѣнія закона, *литературными*, *музыкальными*, *художественными*, т. е. каковы признаки „литературности“, „музыкальности“, и „художественности“, дающіе автору право на защиту отъ контрафакціи? Общаго теоретическаго опредѣленія этихъ признаковъ не имѣется ни въ одномъ изъ положительныхъ законодательствъ. Такого опредѣленія и не можетъ быть въ законѣ, потому что законодателю не принадлежитъ задача литературной или художественной критики и онъ не можетъ вносить въ законъ разграниченіе произведеній—на основаніи сужденій о внутреннемъ ихъ достоинствѣ. Законъ принимаетъ подъ свою защиту всякое произведеніе литературы, музыки и художества — независимо отъ того, заслуживаетъ ли оно по содержанію своему названія литературнаго или художественнаго произведенія, или нѣтъ.

Нѣкоторые ученые, однако, ставятъ условіемъ защиты авторскихъ правъ наличность нѣкоторыхъ признаковъ. Такъ, Kohler требуетъ, чтобы литературное произведеніе носило отпечатокъ художественности, считая авторское право за eine species des Kunstschutzes. Другіе, какъ Wächter, Copynger, Amar, утверждаютъ, что литературное произведеніе, противное нравственности и общественному порядку, не можетъ составлять объекта авторскаго права. Такое же требованіе предъявляетъ англій-

ское право. Нѣкоторые признаютъ необходимымъ, для признанія литературнаго произведенія объектомъ авторскаго права, чтобы оно было способно быть предметомъ книжной торговли или издательства, или чтобы произведеніе имѣло характеръ безкорыстности, т. е. чтобы его идейная цѣль была главнымъ мотивомъ для автора. Поэтому, напр., такія произведенія, какъ политическіе памфлеты, какъ рѣчь на политическихъ собраніяхъ, на научныхъ конгрессахъ, разсчитанныя на то, чтобы склонить голосовать такъ, а не иначе, или брошюры-рекламы, должны оставаться внѣ защиты.

Наше дѣйствовавшее заонодательство устанавливало чисто формальное условіе, при которомъ сочиненіе лишается защиты: „напечатавшій книгу безъ соблюденія правилъ цензурнаго устава, лишается всѣхъ правъ на оную“ *). Судебная и сенатская практика, по возбужденному въ одномъ дѣлѣ вопросу о значеніи внутренняго содержанія сочиненія при опредѣленіи права автора на защиту отъ контрафакціи, высказалась въ томъ смыслѣ, что „ни въ одной изъ статей нашего законодательства, гдѣ говорится о литературной собственности, не упоминается о томъ, чтобы при разрѣшеніи дѣлъ о контрафакціи слѣдовало обращать вниманіе на мѣру участія ума и фантазіи владѣльца или автора въ напечатанной имъ книгѣ или статьѣ, подвергшихся самовольному изданію“ **). Поэтому, объектами авторскаго права могутъ быть всякіе продукты умственнаго труда, какъ бы ни была мала степень творчества, потраченнаго на нихъ, и какъ бы ни

*) Ст. 21 прилож. къ прим. 2 ст. 420 т. X, ч. I.

**) Рѣш. Гр. Кас. Д-та 1868 № 478, по дѣлу Старчевскаго и Никитина.

была ничтожна ихъ цѣнность для духовнаго міра (напр., желѣзнодорожные указатели, календари, каталоги, кулинарныя книги и т. п.).

По отношенію къ художественнымъ произведеніямъ также безразлична степень творчества, проявленнаго въ нихъ. Но для признанія ихъ объектами авторскаго права требуется, чтобы они удовлетворяли эстетическому чувству. Иначе, они принадлежатъ къ другому роду произведеній, съ которыми они соприкасаются,— къ произведеніямъ, являющимся результатомъ ремесленной, фабричной и заводской дѣятельности и подлежащимъ защитѣ въ другомъ порядкѣ. Различіе между художественными и художественно-промышленными произведеніями, заключается, именно, въ томъ, что первыя имѣютъ только цѣлью вызывать эстетическія эмоціи, а вторыя преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, утилитарныя цѣли *).

Другой признакъ объекта авторскаго права, вытекающій изъ общаго опредѣленія его, заключается въ томъ, что продуктъ духовнаго творчества долженъ быть облеченъ въ опредѣленную внѣшнюю форму. До тѣхъ поръ, пока мысль писателя, композитора, художника не вылилась въ извѣстную внѣшнюю форму, не проявилась во внѣ, а остается еще въ формѣ творческаго процесса, она не можетъ составлять объекта авторскаго права. Это фактически само собою понимается, ибо мысль существуетъ постольку, поскольку она выразилась въ какой-либо формѣ — литературной, музыкальной или художественной и доступна, вслѣдствіе этого, для воспринимания. Иначе, можно сказать, мысль немыслима. Мысль въ умѣ писателя или художника раньше, чѣмъ

*) Подробнѣе объ этомъ—см. выше, стр. 41—48.

онъ выразилъ ее въ сочиненіи или въ картинѣ не есть объектъ авторскаго права, потому что законъ защищаетъ не мысль самое по себѣ, а мысль, объективированную въ общедоступныхъ формахъ.

Само собою разумѣется, что, съ точки зрѣнія закона, не имѣетъ значенія объемъ или размѣръ произведенія, служащаго объектомъ авторскаго права: самое маленькое, незначительное произведеніе должно пользоваться защитой закона, какъ и самое большое, значительное по размѣру. На этомъ основаніи нѣкоторые писатели распространяютъ авторское право также на заглавіе сочиненія, видя въ оригинальности заглавія продуктъ умственной дѣятельности автора. Другіе, отвергая авторское право на заглавія, (въ виду незначительности ихъ объема, затруднительности устанавливать различіе между оригинальными и неоригинальными заглавіями, а главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что признаніе за ними вообще свойства быть объектами авторскаго права стѣснило бы чрезвычайно литературный оборотъ), признаютъ, однако, исключительное право авторовъ, на заглавія своихъ произведеній, какъ на клеймо или фабричные рисунки *).

Весьма различны выраженія, употребляемыя по-

*) Въ новомъ законѣ, какъ и въ старомъ законѣ, не упоминается нигдѣ о *заглавіи*, изъ чего слѣдуетъ заключить, что заглавіе не признается объектомъ авторскаго права. Особое постановленіе содержится въ новомъ законѣ только относительно наименованія газетъ: „во все время существованія газеты изданіе другихъ газетъ одного съ нею наименованія не допускается". Постановленіе это помѣщено не въ составѣ постановленій объ авторскомъ правѣ, а въ видѣ особаго дополнительнаго узаконенія, и, слѣдовательно, присвоеніе названія существующей газеты составляетъ нарушеніе не авторскаго права, а промышленнаго права владѣльца газеты —*нарушеніе* газетной фирмы.

положительными законодательствами, для опредѣленія объекта авторскаго права на литературныя произведенія. По французскому законодательству авторское право распространяется на écrits en tout genre, причемъ не дается никакихъ болѣе точныхъ признаковъ для опредѣленія, какіе écrits считаются произведеніями литературными, пользующимися защитой. Германскій законъ 1901 г. называетъ объектъ авторскаго права *Schriftwerke*. До изданія закона 1870 г. мѣстныя германскія законодательства употребляли выраженіе *literarische Erzeignisse*, которое, по мнѣнію составителей германскаго закона, лишено точности и опредѣленности и недостаточно обнимаетъ защищаемый закономъ предметъ. Изъ другихъ законодательствъ, бельгійскій законъ 1886 г. обозначаетъ объектъ авторскаго права терминомъ *oeuvre litteraire*, а итальянскій законъ 1881 года — терминомъ *opera dell'ingegno*. Англійское законодательство не даетъ общаго опредѣленія объекта авторскаго права, а казуистически перечисляетъ тѣ произведенія, которыя обнимаются выраженіемъ book, означающимъ спеціально „*книгу*“, —именно, подъ этимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть всякій томъ, часть или раздѣлъ тома, печатный листъ, листъ исписанный нотами, картину, карту, планъ, трагедію, драму, комедію, оперу, фарсъ и всякій сценическій, музыкальный или драматическій дивертисментъ. Бернская конвенція (въ редакціи 13 ноября 1908 г.) разумѣетъ подъ литературными, музыкальными и художественными „произведеніями“ всякое произведеніе изъ области литературы, науки или искусствъ, каковы бы ни были способъ или форма воспроизведенія: книги, брошюры и другія письменныя сочиненія; произведенія драматическія или музыкально-

драматическія; произведенія хореографическія и пантомимы, постановка которыхъ на сценѣ фиксирована на письмѣ или иначе; музыкальныя композиціи, со словами или безъ нихъ; произведенія рисованія, живописи, скульптуры, гравюры, литографіи, и архитектуры; иллюстраціи, географическія карты, планы, чертежи и пластическія работы, относящіяся до географіи, топографіи, архитектуры и наукъ; переводы; приспособленія и музыкальныя арранжировки и другія передѣлки литературнаго или художественнаго произведенія; фотографическія произведенія и произведенія, полученныя способами аналогичными съ фотографіей; произведенія синематографическія.

Наше дѣйствовавшее законодательство употребляло различныя выраженія для опредѣленія объекта авторскаго права, давая въ примѣч. 2 къ ст. 420 общее опредѣленіе въ выраженіи „произведеніе литературы и художествъ“, а затѣмъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи употребляетъ выраженія: книга, произведеніе, сочиненіе, труды.

Новый законъ обозначаетъ объектъ авторскаго права выраженіемъ „*произведеніе*“, не давая никакихъ общихъ опредѣленій понятія литературнаго, музыкальнаго, художественнаго и фотографическаго произведенія, а ограничиваясь лишь примѣрнымъ перечисленіемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ произведеній, которыя должны считаться или не должны считаться таковыми. Въ мотивахъ думской комиссіи объясняется, что комиссія имѣла въ виду, что перечисленіе видовъ произведеній, служащихъ объектами авторскаго права, загромождая законъ, можетъ затруднить примѣненіе его на практикѣ. Въ особенности, такое перечисленіе представлялось бы неудобнымъ въ отношеніи художественныхъ произведеній,

такъ какъ никакой перечень видовъ художественныхъ произведеній, какъ бы онъ ни былъ полонъ, не можетъ являться исчерпывающимъ, ибо не могъ бы предусмотрѣть могущихъ явиться впослѣдствіи новыхъ техническихъ изобрѣтеній въ этой области.

Объектами авторскаго права законъ считаетъ:

Въ области литературы: всякія, вообще, литературныя произведенія, какъ письменныя, такъ и изустныя (ст. 1); въ числѣ письменныхъ: народныя пословицы, сказки, повѣсти, былины и тому подобныя произведенія народнаго творчества, сохранившіяся въ изустномъ преданіи (ст. 13); газеты, журналы и другія повременныя изданія, а также словари, альманахи и иного рода сборныя изданія, составленныя изъ отдѣльныхъ произведеній различныхъ авторовъ (ст. 14); частныя письма, дневники и всякія частныя записки, не предназначавшіеся къ напечатанію (ст. 28, 29); древнія рукописи (ст. 30); переводы съ одного языка на другой (ст. 36); географическіе, топографическіе астрономическіе и иного рода карты, глобусы, атласы, рисунки по естествознанію, строительные и другіе технические планы, рисунки, чертежи и тому подобныя произведенія (ст. 41). Въ числѣ изустныхъ: рѣчи, лекціи, рефераты, доклады, сообщенія, проповѣди и т. п. (ст. 1). Указанный перечень изустныхъ произведеній не имѣетъ исчерпывающаго характера, а, по объясненію мотивовъ комиссіи Госуд. Совѣта, приводится въ законѣ лишь для того, чтобы помочь практикѣ выяснить предѣлы авторскаго права на словесныя произведенія, такъ какъ, само собою разумѣется, юридическая защита распространяется не на каждую рѣчь человѣка, при какихъ бы условіяхъ она ни была произнесена.

Въ области музыки: всякія музыкальныя произведенія, въ ихъ числѣ музыкальныя импровизаціи (ст. 1); народныя пѣсни и мелодіи и подобныя произведенія народнаго творчества (ст. 13); сокращенія, извлеченія и попурри (ст. 42); переложеніе музыкальнаго произведенія на отдѣльные инструменты или цѣлый оркестръ, либо на одинъ или нѣсколько голосовъ, на другіе тона, переинструментовка произведенія, переложеніе на механическія ноты (диски, пластинки, цилиндры и т. п.), предназначенныя для исполненія посредствомъ граммофоновъ, фонографовъ, піанолъ и тому подобныхъ инструментовъ (ст. 42); текстъ, написанный по заказу композитора къ его музыкальному произведенію (ст. 46).

Въ связи съ музыкальными произведеніями законъ охраняетъ также право фабрикантовъ на механическія ноты, но не въ качествѣ объекта авторскаго права, а въ качествѣ объекта промышленнаго права.

Въ области художества: всякія произведенія живописи, гравированія и другихъ видовъ графическаго искусства, произведенія ваянія, зодчества (ст. 1); въ ихъ числѣ: рисунки и иныя произведенія народнаго искусства (ст. 13); архитектурные, инженерные и иные техническіе планы, чертежи и рисунки для производства по нимъ построекъ и сооруженій (ст. 57). Не признаются объектами авторскаго права: портреты и бюсты, сдѣланные по заказу другого лица (ст. 52).

Въ области фотографіи: фотографическія и подобныя имъ произведенія за исключеніемъ портретовъ и фотографическихъ произведеній, исполненныхъ по заказу (ст. 59).

Въ числѣ разнообразныхъ видовъ умственнаго труда, служащихъ объектомъ авторскаго права, законодательства различаютъ нѣкоторые отдѣльные виды произведеній, которыя, по особенностямъ творчества или по другимъ основаніямъ, не могутъ подлежать безусловной охранѣ закона и допускаютъ нѣкоторыя ограниченія въ пользованіи авторскимъ правомъ.

а) Переводы.

Всякое литературное произведеніе можетъ быть воспроизведено на иномъ языкѣ, чѣмъ тотъ, на которомъ оно написано авторомъ. Такимъ образомъ, результатъ умственнаго труда, т. е. то, что составляетъ объектъ авторскаго права, можетъ быть опубликованъ и распространенъ помимо автора. Отсюда возникаетъ вопросъ о правѣ на переводъ. Вопросъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей: во-первыхъ, требуется-ли для права перевода согласіе автора оригинальнаго сочиненія (разумѣется, въ предѣлахъ одного и того же государства, такъ какъ право переводовъ съ произведеній иностранныхъ писателей зависитъ отъ условій международныхъ конвенцій), и во-вторыхъ, составляетъ-ли переводъ самъ по себѣ объектъ авторскаго права, подлежащій защитѣ отъ контрафакціи, какъ самостоятельное литературное произведеніе. Вопросъ о переводахъ имѣетъ въ особенности важное практическое значеніе въ странахъ съ разнообразнымъ составомъ населенія, какъ Россія и Австрія, гдѣ много разноязычныхъ національностей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою литературу.

Относительно послѣдняго вопроса—о правѣ переводчика на защиту своего перевода отъ контрафакціи—не существуетъ разногласія. Переводъ считается такимъ же актомъ духовной дѣятельности, какъ и

самостоятельное сочиненіе. Каждый языкъ имѣетъ свои законы, и въ работѣ переводчика, несомнѣнно, участвуютъ и вдохновеніе, и фантазія, и вкусъ—въ выборѣ словъ, въ созданіи оборотовъ, въ стилѣ. Поэтому, бываютъ переводы хорошіе и плохіе. Кромѣ того, переводъ научныхъ сочиненій требуетъ знакомства съ предметомъ переводимаго сочиненія и является часто результатомъ весьма напряженной умственной работы. На этомъ основаніи всѣ современныя законодательства признаютъ переводъ объектомъ авторскаго права, подлежащимъ защитѣ наравнѣ съ оригинальными произведеніями. Нашъ новый законъ, какъ и старый, совершенно не отдѣляетъ переводчика отъ сочинителя, не дѣлая никакого различія между ними относительно пользованія авторскимъ правомъ. Это и выражено въ ст. 36. Авторское право переводчика, конечно, распространяется лишь на самый переводъ, а не на то сочиненіе, съ котораго онъ сдѣланъ. Само собою разумѣется, что переводъ сочиненія, сдѣланный однимъ лицомъ, не исключаетъ права другихъ лицъ переводить то же сочиненіе, причемъ каждый переводчикъ пріобрѣтаетъ на свой переводъ авторское право на общемъ основаніи.

Иное отношеніе законодательства къ вопросу о свободѣ переводовъ, т. е. о правѣ дѣлать переводъ безъ согласія автора подлинника. Такъ какъ право на переводъ конструируется какъ одинъ изъ способовъ осуществленія авторомъ своего авторскаго права, какъ составная часть авторскаго права, то разъясненія по этому вопросу изложены ниже въ отдѣлѣ „*О содержаніи авторскаго права*“.

б) Письма частныя. Дневники.

Особенную конструкцію, какъ объектъ авторскаго права, имѣютъ *частныя письма*, т. е. письма, не предназначавшіяся къ обнародованію и составляющія интимную переписку между данными лицами. Этотъ вопросъ имѣетъ не только спеціальный юридическій, но и общественный интересъ. Въ нашей литературѣ этотъ вопросъ былъ затронутъ Гончаровымъ въ его предсмертной статьѣ „Нарушеніе воли", напечатанной въ „Вѣстн. Европы" въ 1889 г. Въ этой статьѣ нашъ знаменитый писатель отстаиваетъ воззрѣніе, что частныя письма не подлежатъ оглашенію, если на то не было согласія, прямо выраженнаго въ предсмертной волѣ автора писемъ, и что оглашеніе кѣмъ-либо посмертной переписки безъ воли автора не можетъ быть оправдываемо никакими соображеніями литературнаго, историческаго или культурно-общественнаго интереса.

Этотъ взглядъ Гончарова, оправдываемый, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, въ виду часто обнаруживаемыхъ излишествъ при обнародованіи посмертной переписки, не можетъ, однако, служитъ принципомъ, ибо права исторіи на выдвигаемыя ею личности и интересы литературные и культурные должны стоять выше частныхъ интересовъ и щепетильности отдѣльныхъ лицъ. Съ точки зрѣнія права, нарушеніе воли въ данномъ случаѣ не имѣетъ мѣста, ибо, какъ справедливо возражаетъ Гончарову извѣстный юристъ Обнинскій, „воля", какъ живая способность, мыслима лишь за живымъ лицомъ; разъ это лицо умираетъ, съ нимъ умираетъ для окружающей среды и его воля... Все, что осталось за предѣлами выраженной зажизо воли, со смертью лица ее выразившаго, становится достояніемъ живой среды,

достояніемъ, на которое за покойникомъ не можетъ быть признано никакихъ правъ... Наслѣдники замѣщаютъ покойника въ его имущественныхъ правахъ, но отнюдь не въ его духовныхъ, прижизненныхъ способностяхъ. Всякое замѣстительство въ этомъ послѣднемъ отношеніи будетъ, такъ сказать, узурпаціею духа. Съ другой стороны, сущность и предѣлы подобнаго замѣстительства не могутъ подлежать какой-либо серьезной и точной нормировкѣ ни въ правовомъ, ни въ этическомъ отношеніяхъ: достаточно вспомнить, напримѣръ, какое глубокое различіе въ умственной и нравственной личности такъ часто наблюдается между умершими и ихъ наслѣдниками, для того, чтобы безповоротно отвергнуть всякую возможность признанія за послѣдними свободы и права въ распоряженіи тѣмъ, нерѣдко драгоцѣннѣйшимъ, капиталомъ, который и по природѣ своей и по требованіямъ высшаго, внѣличнаго порядка, составляетъ неотъемлемое достояніе всего человѣчества, въ сферѣ его прирожденныхъ духовныхъ, т. е. естественныхъ правъ. Въ этомъ отношеніи, публичное право совершенно вытѣсняетъ частное. Обратное толкованіе обездолитъ міръ, лишитъ культуру ея духовнаго наслѣдія, вручитъ ключъ отъ сокровищницы народнаго генія первому встрѣчному, случайному хозяину, который и не подумаетъ, быть можетъ, когда-либо имъ воспользоваться къ благу человѣчества“ *).

Противоположный взглядъ высказанъ въ мотивахъ французскаго суда по поводу дѣла объ опубликованіи писемъ Бенжаменъ-Констана къ г-жѣ Рекамье чрезъ Эмиля Жирардена въ газетѣ „Presse“ въ 1849

*) Обнинскій. Посмертное проявленіе и преемственность въ авторскомъ правѣ. „Юрид. Вѣстн.“, 1889 г.

году. По жалобѣ наслѣдниковъ Констана и г-жи Рекамье, судъ пріостановилъ дальнѣйшее печатаніе этихъ писемъ, причемъ свой приговоръ мотивировалъ слѣдующими соображеніями: что конфиденціальное письмо не составляетъ собственности въ рукахъ того, кому оно писано, а—тайна, которая довѣряется адресату на основаніи молчаливаго договора, нарушеніе котораго составляетъ не только недозволительное пренебреженіе обязанностями, но можетъ внести тревогу въ частный бытъ и разрушать узы человѣческаго общежитія; что этотъ принципъ недопускаетъ никакихъ исключеній, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ писемъ выполняетъ публичную роль и его дѣятельность принадлежитъ исторіи, такъ какъ въ частной жизни общественныхъ людей могутъ быть чувства, привязанности, проявленія откровенности, которыя должны оставаться для постороннихъ тайной; что семейный интересъ имѣетъ право оберегать это неприкосновенное достояніе и защищать его отъ захватовъ нескромной гласности, которые могли бы потревожить память объ умершихъ относительно того, что они желали унести съ собою въ могилу...

Извѣстны еще два однородныхъ процесса—по поводу писемъ Гете къ Шарлоттѣ Кестнеръ и писемъ лорда Честерфильда къ своему сыну. Въ обоихъ случаяхъ судъ въ Германіи и въ Англіи призналъ лицъ, къ которымъ дошли отъ адресатовъ письма, не имѣвшими права печатать эти письма безъ согласія писавшихъ или ихъ правопреемниковъ.

Кромѣ принципіальнаго вопроса—объ общественномъ или частномъ интересѣ частныхъ писемъ,—имѣется тутъ еще спеціальный юридическій вопросъ о томъ, кому принадлежитъ авторское право—автору

писемъ или адресату. Какъ въ научной литературѣ, такъ и въ положительныхъ законодательствахъ существуетъ на этотъ счетъ разногласіе. Клостерманъ и Бланъ полагаютъ, что авторское право на письмо принадлежитъ исключительно автору письма, а не адресату, такъ какъ составитель письма, отправляя его, имѣетъ въ виду лишь ознакомить адресата съ содержаніемъ письма, а не передать ему вмѣстѣ съ тѣмъ право распоряженія формой, т. е. имущественное право на письмо, относительно котораго должны быть соблюдаемы тѣ же юридическія основанія и условія, какія вообще существуютъ для перехода права отъ автора къ другимъ лицамъ. Другіе, какъ Гарумъ, признаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ за адресатами право распоряженія письмами, даже помимо воли автора. Блюнчли утверждаетъ, что право на распоряженіе письмомъ, какъ движимой собственностью, должно принадлежать лишь тому, кто этимъ письмомъ фактически владѣетъ, т. е. адресату, такъ что съ момента опущенія письма въ почтовый ящикъ прерывается навсегда всякое гражданское отношеніе къ нему писавшаго.

Изъ положительныхъ законодательствъ только русское содержитъ обстоятельное постановленіе по этому предмету, другія же или обходятъ вопросъ полнымъ молчаніемъ (французское и англійское), или относятъ частныя письма къ другимъ видамъ авторскаго права (германское запрещаетъ печатаніе рукописей безъ согласія ихъ авторовъ и законныхъ наслѣдниковъ и, слѣдовательно, косвенно охраняетъ письма; въ австрійскомъ содержится запрещеніе издавать собраніе писемъ безъ согласія авторовъ или наслѣдниковъ). По нашему старому закону „частныя письма, не предназначавшіяся для

публики, могутъ быть издаваемы въ свѣтъ только съ согласія какъ того лица, коимъ они писаны, такъ и того, къ коему писаны; въ случаѣ же смерти ихъ обоихъ или одного кого-либо,—съ согласія наслѣдниковъ (ст. 9 прил. къ ст. 420). Новый законъ (ст. 28) сохраняетъ это правило, но въ отличіе отъ дѣйствовавшаго закона, обусловливавшаго опубликованіе писемъ согласіемъ *наслѣдниковъ* умершаго автора или лицъ, ведшихъ переписку, безъ дальнѣйшаго опредѣленія, кого именно нужно разумѣть подъ наслѣдниками, новый законъ въ ст. 28 и 29 постановляетъ, что требуется согласіе только лицъ, имѣющихъ послѣ умершаго *право наслѣдованія по закону*. Въ основу этого постановленія, какъ видно изъ мотивовъ закона, положено то соображеніе, что не всѣ наслѣдники,—между которыми могутъ быть и лица совершенно постороннія, въ особенности при отсутствіи у насъ различія между *легатаріями* и собственно наслѣдниками (heredes),— заинтересованы въ недопущеніи огласки частныхъ бумагъ умершаго, а лишь тѣ изъ нихъ, которые, дѣйствительно, стояли къ нему близко, т. е. обыкновенно его семья и ближайшіе родственники. Другими словами, въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе *не фактъ полученія наслѣдства*, а *родственная близость* между умершимъ и наслѣдникомъ, которою опредѣляется самый порядокъ наслѣдованія по закону. Такимъ образомъ, указанное постановленіе закона, съ одной стороны, устраняетъ наслѣдниковъ по завѣщанію изъ числа лицъ, согласіе коихъ требуется для опубликованія частныхъ писемъ, дневниковъ или записокъ, а съ другой стороны, причисляетъ къ нимъ всѣхъ, кто имѣетъ послѣ умершаго право наслѣдованія по закону, хотя бы въ дѣйствительности они наслѣдства

отъ умершаго не получили. Другое отличіе отъ стараго закона заключается въ установленіи срока (именно 50-лѣтняго со времени смерти послѣдняго изъ лицъ, которыя вели между собою переписку), по истеченіи котораго для изданія частныхъ писемъ требуется согласіе лишь пережившихъ супруговъ и дѣтей лицъ, ведшихъ переписку. Установленіе столь продолжительнаго срока мотивируется тѣмъ соображеніемъ, что скорымъ оглашеніемъ содержанія частныхъ писемъ могутъ быть поставлены въ очень неловкое положеніе потомки умершихъ и вообще близкія къ нимъ лица, которымъ, кромѣ того, очень часто дорога вообще неприкосновенность памяти объ умершихъ. По этому же соображенію признано необходимымъ постановить, что и по истеченіи установленнаго срока требуется согласіе пережившихъ супруговъ и дѣтей. Предполагается, что 50 лѣтъ — слишкомъ краткій срокъ для того, чтобы всѣ лица, связанныя близкимъ кровнымъ родствомъ по нисходящей линіи съ авторомъ частныхъ писемъ или съ однимъ изъ находившихся въ перепискѣ, или вдовые супруги, заинтересованные въ неоглашеніи бумагъ, касающихся сокровенныхъ подробностей жизни ихъ отца или покойнаго супруга, сошли въ могилу.

Къ категоріи частныхъ писемъ относятся также дневники и частныя записки, не предназначавшіеся авторомъ къ напечатанію и имѣющіе интимный характеръ *). Разница между ними и частными пись-

*) Отъ дневниковъ, о которыхъ говоритъ законъ, надо различать дневники, въ формѣ которыхъ пишутся мемуары (напр., Дневникъ Никитенко), въ которыхъ центръ тяжести лежитъ въ историческомъ и бытовомъ изображеніи своего времени, а не въ замѣткахъ, касающихся частной жизни своей и окружающихъ. Мемуары,

мами заключается только въ томъ, что по отношенію къ письмамъ имѣются двѣ заинтересованныя стороны—авторъ и адресатъ, а по отношенію къ дневникамъ—одинъ авторъ. Законъ (ст. 29) примѣняетъ къ дневникамъ и частнымъ запискамъ тѣ же правила, какъ по отношенію къ частнымъ письмамъ.

Какъ явствуетъ изъ текста закона („частныя письма... дневники, записки... *не предназначавшіеся къ напечатанію*"...), ограниченія, установленныя въ этомъ законѣ, относятся лишь къ тѣмъ письмамъ, дневникамъ и запискамъ, относительно которыхъ не удостовѣрено желаніе автора опубликовать ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Если же подобное желаніе выражено авторомъ хотя бы лишь косвенно (напр., путемъ оставленія своихъ записокъ или писемъ по завѣщанію книгоиздательской фирмѣ или редакціи газеты), то письма и записки должны разсматриваться уже какъ *предназначавшіяся къ напечатанію*, и установленнымъ ограниченіямъ не подлежатъ *). Само собою разумѣется что при жизни автора частныя письма, дневники, записки подлежатъ охранѣ, какъ всякое литературное произведеніе.

Особое мнѣніе по вопросу о частныхъ письмахъ высказано Спб. Литературнымъ Обществомъ въ докладѣ комиссіи, которая была избрана для обсужденія проекта закона объ авторскомъ правѣ. Комиссія находитъ, что примѣненіе ст. 28 новаго закона (какъ и ст. 9 стараго закона), т. е. запрещеніе опубликованія частныхъ писемъ безъ согласія ихъ авторовъ и адресатовъ или же наслѣдниковъ тѣхъ и другихъ,

---

по самому свойству своему, являются ничѣмъ инымъ, какъ литературнымъ произведеніемъ, къ которому должны быть примѣнены всѣ общія правила объ авторскомъ правѣ.

*) См. мотивы къ проекту Мин. Юстиціи.

можетъ лишить литературу на долгое время очень цѣнныхъ документовъ и можетъ оказаться очень тяжелымъ для литературы и науки, въ частности для исторіи и исторіи литературы. Переписка Пушкина съ женою была напечатана Тургеневымъ до истеченія 50 лѣтняго срока со дня смерти Пушкина и его жены, безъ согласія и вопреки желанію сыновей Пушкина, а между тѣмъ эти письма представляютъ неоцѣнимый матеріалъ для біографіи Пушкина. Также печатались и печатаются у насъ безъ двойного согласія наслѣдниковъ авторовъ и адресатовъ письма Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Писемскаго, Чехова, вообще весьма многихъ писателей и общественныхъ дѣятелей. Конечно, въ иныхъ случаяхъ опубликованіе частнаго письма, раскрывающаго какія-либо обстоятельства личной или семейной жизни автора письма или его адресата или третьяго лица, можетъ быть непріятно кому-либо изъ этихъ лицъ, будучи въ то же время совершенно ненужнымъ ни въ интересахъ исторической науки, ни въ интересахъ литературы и дразня только нездоровые инстинкты читающей публики. Но для борьбы съ этимъ существуютъ общіе уголовные законы о клеветѣ, диффамаціи и т. д., а закону объ авторскомъ правѣ въ этой области дѣлать нечего.

На этомъ основаніи Комиссія Спб. Литер. Общества проектировала слѣдующій текстъ соотвѣтственной статьи: „Частныя письма, не предназначавшіяся авторомъ къ напечатанію, не составляютъ предмета авторскаго права. Опубликованіе ихъ можетъ дать поводъ къ преслѣдованію за клевету, оскорбленіе и т. д. на общемъ основаніи.“ Комиссія при этомъ ссылается на германскій законъ 1901 г., въ которомъ нѣтъ постановленія о частныхъ письмахъ и который, слѣдовательно, не

признаетъ частныя письма объектомъ авторскаго права, и на рѣшеніе имперскаго германскаго суда, который не считаетъ письма литературными произведеніями (Briefe sind keine Schriftwerke).

Далѣе комиссія полагаетъ, что если и можно признать авторское право на письма за авторами, то во всякомъ случаѣ не можетъ быть оправдываемо запрещеніе печатать собственныя письма безъ разрѣшенія лица, которому они были адресованы, потому что это противорѣчитъ общему правилу закона (ст. 2), по которому признается за авторомъ право „всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе."

Наконецъ, комиссія считаетъ неправильнымъ нововведеніе, принятое новымъ закономъ относительно круга наслѣдниковъ, согласіе которыхъ требуется на опубликованіе писемъ. Комиссія полагаетъ, что мотивы составителей проекта по этому поводу не соотвѣтствуютъ его цѣли. Какъ извѣстно,—говоритъ комиссія—авторское право по наслѣдству по закону достается нерѣдко самымъ отдаленнымъ родственникамъ, у которыхъ съ умершимъ нѣтъ никакой родственной близости; во всякомъ случаѣ, фактомъ завѣщанія авторскаго права или вообще передачи по завѣщанію своихъ имущественныхъ правъ, умершій доказалъ, что онъ чувствуетъ гораздо большую близость къ своему наслѣднику по завѣщанію, чѣмъ къ обойденнымъ имъ близкимъ или дальнимъ родственникамъ; между тѣмъ, законопроектъ, явно игнорируя эту волю умершаго, передаетъ возможность распоряжаться его духовнымъ достояніемъ людямъ, ему по духу, можетъ быть, совершенно чуждымъ, которыхъ онъ прямо желалъ отстранить отъ распоряженія своимъ духовнымъ наслѣдствомъ. Законъ даже отказы-

ваетъ писателю въ правѣ морально распорядиться въ своемъ завѣщаніи судьбою своихъ писемъ, предоставивъ ихъ опубликованіе близкому ему лицу. Такимъ образомъ, законъ въ этомъ отношеніи не только принимаетъ устарѣвшую и подлежащую устраненію статью дѣйствующаго закона, но дѣлаетъ даже шагъ назадъ сравнительно съ нею и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ такое вторженіе въ сферу завѣщательнаго права, которое совершенно противорѣчитъ существующему законодательству и завѣщательной практикѣ.

Противоположное мнѣніе высказалъ въ Госуд. Совѣтѣ А. Ф. Кони. Онъ полагаетъ, что частныя письма, въ виду особливаго, интимнаго характера этого рода произведеній, вовсе не должны были бы подлежать опубликованію безъ согласія заинтересованныхъ лицъ. „Противъ такого ограниченія—говоритъ А. Ф. Кони—конечно, могутъ возразить громкими и неопредѣленными фразами о нарушеніи интересовъ исторической науки и литературы. Трудно себѣ представить, чтобы тамъ, гдѣ частныя письма представляютъ собою дѣйствительный литературный или историческій интересъ, могли встрѣтиться серьезныя препятствія для ихъ напечатанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе трудно убѣдить себя въ томъ, что переписка супруговъ, предшествующая, напримѣръ, разводу, переписка по поводу узаконенія или усыновленія, часто содержащая въ себѣ самыя интимныя указанія о происхожденіи усыновляемаго, или предсмертныя письма самоубійцы къ своимъ близкимъ, или, наконецъ, написанное слезами и кровью сердца печальное повѣствованіе объ отвергнутой, поруганной или обманутой любви, не предназначавшіяся притомъ для напечатанія,—могутъ составлять цѣнный литературный или исторической памятникъ. Нѣтъ сомнѣнія, что

для нездороваго любопытства читающей публики такія письма могутъ представить лакомую приманку, а скудному творчествомъ литературному ремесленнику—доставить готовый матеріалъ для сенсаціонныхъ разсказовъ, съ прозрачными намеками на дѣйствительныхъ лицъ. Но называть это „исторіею“ такъ же основательно, какъ считать Ноздрева историческимъ человѣкомъ. Правда, есть письма, въ которыхъ данныя несомнѣннаго историко-литературнаго или научнаго интереса перемежаются со свѣдѣніями и разсужденіями чисто личнаго и семейнаго свойства. Но и въ этомъ случаѣ нельзя не предоставить нравственно заинтересованнымъ лицамъ дать разрѣшеніе на напечатаніе только того, что имѣетъ не исключительно общественное значеніе“.

А. Ф. Кони считаетъ распространеніе посмертнаго срока, хотя бы и до 50 лѣтъ, неправильнымъ. Пятьдесятъ лѣтъ, по его мнѣнію, слишкомъ краткій срокъ для того, чтобы лица, связанныя близкимъ кровнымъ родствомъ по нисходящей линіи съ однимъ изъ находившихся въ перепискѣ, сошли въ могилу. Черезъ 50 лѣтъ не только могутъ существовать внучата, но и дѣти и вдовые супруги переписывавшихся. Послѣдніе могутъ быть заинтересованы въ неоглашеніи переписки, касающейся сокровенныхъ подробностей жизни ихъ отца или покойнаго супруга. Письма жениха къ невѣстѣ, ставшей затѣмъ его женой, матери къ дочери, сына къ отцу очень часто содержатъ въ себѣ своего рода исповѣдь, раскрытіе тайны которой можно допустить лишь тогда, когда это не можетъ задѣть, уязвить или возмутить ни чьихъ личныхъ чувствъ. Есть прекрасное нѣмецкое изреченіе: „Wer im Gedächniss seiner Lieben lebt, ist nicht todt: er ist nur fern; nur der ist todt, wer vergessen wird“. Для

того, чтобы быть забытымъ близкими по преемству крови и имени—пятидесяти лѣтъ мало. Вотъ почему, по мнѣнію А. Ф. Кони, даже и принимая 50-лѣтній посмертный срокъ для безпрепятственнаго изданія чужой переписки, было бы справедливо дополнить это общее положеніе ограниченіемъ въ томъ смыслѣ, что для напечатанія такихъ писемъ, все-таки, необходимо согласіе вдовствующаго супруга и родныхъ дѣтей, находящихся въ живыхъ". (Это мнѣніе А. Ф. Кони и было принято Госуд. Совѣтомъ и вошло въ редакцію ст. 28).

Что касается вопроса, кому принадлежитъ право на письма—отправителю или адресату, то А. Ф. Кони считаетъ обоихъ одинаково заинтересованными и имѣющими, поэтому, равныя права. Онъ допускаетъ, однако, изъятія въ тѣхъ случаяхъ, когда адресату, для своего фактическаго или нравственнаго оправданія предъ общественнымъ мнѣніемъ, будетъ необходимо огласить полученныя имъ письма. Иногда это можетъ представиться необходимымъ не только для его оправданія, но и для возстановленія истиннаго нравственнаго облика писавшаго, представляемаго въ невѣрномъ или извращенномъ свѣтѣ. Поэтому, необходимо должно быть оговорено, что суду предоставляется право постановить оправдательный приговоръ въ томъ случаѣ, если окажется, что письма напечатаны адресатомъ или его правопреемниками безъ испрошенія согласія писавшаго или его наслѣдниковъ для защиты себя или его самого отъ клеветы или злословія.

Наконецъ, относительно дневниковъ, А. Ф. Кони полагаетъ, что если не было категорическаго распоряженія писавшаго дневникъ о томъ, чтобы онъ былъ оглашенъ во всеобщее свѣдѣніе, онъ вовсе не долженъ

подлежать печатанію ни со стороны наслѣдниковъ, ни тѣмъ болѣе по распоряженію постороннихъ лицъ. Дневникъ обыкновенно ведется въ томъ возрастѣ, когда молодому человѣку, вступающему въ жизнь, свойственно скитаніе мысли, „бунтъ души", когда многое въ житейскомъ обиходѣ представляется въ преувеличенныхъ чертахъ и съ извращеніемъ перспективъ. Впослѣдствіи сами авторы съ улыбкой снисхожденія относятся къ пожелтѣвшимъ страницамъ своего юнаго творчества и, если не уничтожаютъ ихъ, то только потому, что у нихъ не поднимается рука на „цвѣты увядшіе съ могилы погибшей юности своей". Поэтому, нельзя предоставить волѣ наслѣдниковъ или постороннихъ лицъ оглашать исповѣдь юной души и тѣмъ выставить автора въ смѣшномъ видѣ.

Изъ приведенныхъ двухъ мнѣній—Спб. Литературное О-во выдвигаетъ на первый планъ общественный интересъ, а А. Ф. Кони—личный интересъ. Несомнѣнно, что каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ подъ собою основанія, вполнѣ его оправдывающія. Но вѣдь коллизіею двухъ элементовъ—общественнаго и личнаго—проникнутъ весь институтъ авторскаго права, въ этомъ именно и заключается особливый своеобразный характеръ этого права. И задача законодателя заключается въ томъ, чтобы, принявъ во вниманіе и интересы личности и интересы общества, найти какой-либо компромиссъ, могущій въ болѣе или менѣе равной степени обезпечить эти противоположные интересы. Разумѣется, строго проведенную равнодѣйствующую тутъ найти невозможно и приходится мириться съ минимумами и максимумами охраненія этихъ интересовъ, предоставляя жизни регулировать возможные ущербы одному или другому интересу. Это относит-

ся не только къ вопросу о частныхъ письмахъ, но и къ другимъ вопросамъ въ области авторскаго права: о предѣлахъ заимствованія, о срокахъ и т. д. Съ этой точки зрѣнія, намъ представляется неправильнымъ взглядъ А. Ф. Кони относительно дневниковъ. Именно, по отношенію къ дневникамъ болѣе, чѣмъ къ письмамъ, выдвигаются требованія общественнаго интереса, предъ которыми должны отступить соображенія личнаго характера. Вѣдь, для характеристики выдающагося писателя, для пониманія хода развитія его міросозерцанія, для уясненія эволюціи въ умственномъ и душевномъ его складѣ—дневникъ его, хотя бы писанный въ самой ранней молодости и хотя бы представляющій собою смѣшныя преувеличенія и слѣды преходящаго скитанія мысли—можетъ имѣть огромный интересъ, который общество не имѣетъ право покрывать соображеніями о томъ, какъ самъ умершій относился къ своимъ раннимъ произведеніямъ. Достаточно поставить себѣ вопросъ: могли ли бы мы отказаться отъ опубликованія дневника, писаннаго Л. Н. Толстымъ въ ранней молодости,—на томъ основаніи, что Толстой отрицательно относился къ такому своему произведенію,—чтобы видѣть, что точка зрѣнія А. Ф. Кони на дневники неправильна.

в) *Произведенія народнаго творчества.*

Въ иностранной и также русской литературѣ высказываются мнѣнія, что за издателями произведеній народнаго творчества, выраженнаго въ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ и т. п., сохранившихся въ изустномъ преданіи, а также древнихъ рукописей нельзя признавать авторскаго права на эти произведенія, въ виду того, что дѣйствительный авторъ произведеній народнаго творчества, а также нерѣдко и

древнихъ рукописей неизвѣстенъ, и, слѣдовательно, не имѣется опредѣленнаго субъекта авторскаго права. Кромѣ того, указывается на то, что признаніе за издателемъ исключительнаго права на такого рода произведенія можетъ препятствовать возможности объясненія и научной обработки текста и содержанія произведеній народнаго творчества и древнихъ рукописей и, такимъ образомъ, задерживать развитіе науки. Поэтому, въ иностранныхъ законодательствахъ нѣтъ защиты права авторскаго на этого рода произведенія.

Однако, съ такимъ мнѣніемъ Редакціонная Комиссія по составленію проекта Гражд. Улож. не считала возможнымъ согласиться, находя его несправедливымъ, главнымъ образомъ, для Россіи, гдѣ собираніе и запись произведеній народнаго творчества представляется дѣломъ весьма труднымъ. Обыкновенно собиратель такихъ произведеній вынужденъ ѣхать въ тѣ мѣста, гдѣ онъ разсчитываетъ отыскать произведенія народнаго творчества, и положеніе такого собирателя у насъ въ Россіи гораздо тяжелѣе, чѣмъ за границей. При значительности разстояній, плохихъ путяхъ сообщенія, некультурности населенія и малой изслѣдованности нашей страны, собирателямъ произведеній народнаго творчества въ Россіи приходится преодолѣвать большія затрудненія, неудобства и тратить много времени и средствъ на посѣщеніе глухихъ отдаленныхъ мѣстностей, напр., въ Олонецкой, Вологодской, Архангельской губ. или Сибири.

Кромѣ того, не только самая запись со словъ лица, часто неграмотнаго, содержанія произведенія народнаго творчества, но и, затѣмъ, необходимая до напечатанія обработка его формы затруднительны. Точно

такъ же самое прочтеніе древней рукописи, написанной старинными шрифтами, неясными кромѣ того отъ времени, и возстановленіе ея текста можетъ потребовать значительную работу.

Въ виду этихъ соображеній ст. 13 новаго закона, какъ и прежній законъ (ст. 2 прил. къ ст. 420), признаетъ авторское право на произведенія народнаго творчества, причемъ распространяетъ его также на народныя *мелодіи* и *былины* и также на *рисунки* (напр. лубочныя картины) и иныя произведенія народнаго искусства (напр., рѣзьба, узоры кружевъ и т. п.).

Ст. 13 въ редакціи, принятой Госуд. Думой, признавала авторское право не только за составителями *сборниковъ* народныхъ пѣсенъ и мелодій, пословицъ, сказокъ, повѣстей, былинъ и тому подобныхъ произведеній народнаго творчества, сохранившихся въ изустномъ преданіи, но и за издателями *отдѣльныхъ* произведеній этого творчества. По проекту министра юстиціи предполагалось авторское право на указанныя произведенія предоставить лишь составителямъ сборниковъ ихъ. Тотъ же взглядъ высказывался Редакц. Комиссіею по сост. проекта Гражд. Улож., полагавшей, что лишь при составленіи сборниковъ произведеній народнаго творчества можетъ проявиться духовная дѣятельность составителя, которая вызываетъ необходимость въ огражденіи его права. Съ этимъ взглядомъ согласилась комиссія Госуд. Совѣта, которая нашла, что законъ признаетъ объектомъ авторскаго права не самыя произведенія, „сохранившіяся въ изустномъ преданіи“, но лишь трудъ ихъ собиранія, записи, систематизаціи, ихъ обработку, внѣшній видъ, приданный ихъ составителемъ, сообразно литературнымъ требованіямъ; словомъ, охраняетъ умственное

творчество собирателя произведеній народнаго творчества. Идти далѣе этого и предоставлять авторское право всякому издателю отдѣльнаго произведенія народнаго творчества, литературно не обработаннаго, едва ли правильно. Народныя пѣсни, пословицы, былины, сказки суть достояніе всѣхъ и каждаго; ни авторъ ихъ, ни время ихъ созданія, обыкновенно, неизвѣстны. Говорятъ, что издатель народныхъ сказаній, пѣсенъ и т. п., извлекая ихъ изъ неизвѣстности, тѣмъ самымъ какъ бы вновь ихъ создаетъ, и потому является ихъ авторомъ. Въ дѣйствительности же, произведенія народнаго творчества живутъ въ народѣ, питаютъ его фантазію; они переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе почти къ неизмѣнной формѣ. Чаще всего они имѣютъ обращеніе въ предѣлахъ какой-либо мѣстности, и если можно говорить о ихъ неизвѣстности, то только въ томъ смыслѣ, что они не напечатаны. Слѣдовательно, изданіе ихъ, въ большей части случаевъ, не есть извлеченіеихъ изъ неизвѣстности, а представляется лишь облеченіемъ въ письменную форму того, что доселѣ имѣло форму устную.

На основаніи этихъ соображеній Госуд. Совѣтъ въ измѣненіе редакціи Госуд. Думы, предоставилъ авторское право только составителямъ сборниковъ произведеній народнаго творчества. Затѣмъ, въ отличіе отъ дѣйствовавшаго закона, срокъ авторскаго права на сборники произведеній народнаго творчества опредѣляется, какъ для самихъ составителей этихъ сборниковъ, такъ и для правопреемниковъ ихъ, въ 50 лѣтъ не со времени смерти составителя, а *со времени изданія сборника.*

Столь существенное сокращеніе срока авторскаго права объясняется тѣмъ, что, въ виду важнаго общественнаго значенія сборниковъ народныхъ произве-

деній, нежелательно на продолжительное время лишать общество возможности свободнаго воспроизведенія и переизданія ихъ. Притомъ, меньшая защита правъ составителей сборниковъ произведеній народнаго творчества находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что трудъ по составленію такихъ сборниковъ является не вполнѣ самостоятельнымъ, имѣя въ основѣ готовый уже матеріалъ и сводясь, въ сущности, къ собиранію и обработкѣ его.

Такъ какъ составитель имѣетъ авторское право только на *изданный имъ сборникъ*, а не на отдѣльныя, входящія въ составъ сборника произведенія, то, какъ это само самой разумѣется, изданіе такого сборника не можетъ лишить другихъ лицъ права издавать тѣ же произведенія въ самостоятельной обработкѣ или въ самостоятельныхъ сборникахъ. Во избѣжаніе сомнѣній, законъ считалъ полезнымъ выразить это особо.

Относительно *древнихъ рукописей* новый законъ отступаетъ отъ прежде дѣйствовавшаго закона, допуская (ст. 30) изданіе изданной уже рукописи не только съ другого списка, но и съ того же самаго списка, съ котораго уже была издана рукопись, подъ условіемъ лишь, чтобы это изданіе было самостоятельнымъ и не являлось повтореніемъ прежняго. По объясненію мотивовъ, такое смягченіе категорическаго запрета разработывать рукописи, уже ранѣе изданныя, оправдывается интересами науки и, вообще, просвѣщенія. Можетъ случиться, что первый издатель издалъ рукопись небрежно, съ такими ошибками, которыя лишаютъ изданіе всякаго научнаго значенія. Между тѣмъ, воспрещеніе издать вновь эту рукопись какъ бы увѣковѣчиваетъ подобныя ошибки, препятствуя другому, болѣе добросовѣстному издателю, вы-

пустить рукопись въ надлежащемъ видѣ и обрекая общество на пользованіе негоднымъ въ научномъ отношеніи матеріаломъ.

Срокъ авторскаго права для издателей древнихъ рукописей, какъ и для издателей сборниковъ произведеній народнаго творчества, и по тѣмъ же соображеніямъ, опредѣляется не со дня смерти ихъ, а со времени появленія въ свѣтъ изданія.

г) Сборныя изданія (газеты, альманахи, словари).

Литературное произведеніе можетъ быть составлено совмѣстнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ. При такой совмѣстной литературной дѣятельности слѣдуетъ различать соавторство и сотрудничество. Подъ соавторствомъ разумѣется тотъ случай, когда литературное произведеніе, представляющее одно нераздѣльное цѣлое, составлено совмѣстно двумя или нѣсколькими лицами, сохранившими за собою самостоятельное авторское право на такое произведеніе. Въ противоположность соавторству, литературное произведеніе можетъ быть составлено посредствомъ сотрудничества нѣсколькихъ лицъ, которые за извѣстное условленное вознагражденіе участвуютъ своими статьями въ составленіи, подъ общимъ наименованіемъ, сборнаго произведенія. Таковы газета, журналъ или другое повременное изданіе, также энциклопедическій словарь, альманахъ и тому подобныя изданія составляемыя изъ отдѣльныхъ статей различныхъ авторовъ. При составленіи такихъ литературныхъ произведеній, право на все произведеніе въ его цѣломъ принадлежитъ издателю его, т. е. лицу, по плану и на средства котораго произведеніе предпринято и выполнено и по порученію котораго участвующіе въ немъ сотрудники работаютъ. Эти же послѣдніе могутъ

лишь требовать вознагражденіе за свои отдѣльныя статьи и сохраняютъ право автора лишь на свои статьи въ отдѣльности, но не въ составѣ цѣлаго произведенія, составленнаго при ихъ участіи.

Такимъ образомъ, въ указанныхъ сборныхъ произведеніяхъ имѣются два объекта авторскаго права: произведеніе въ его цѣломъ, исключительное право на которое принадлежитъ издателю его, и отдѣльныя статьи, изъ которыхъ состоитъ все произведеніе и на которыя авторское право принадлежитъ участвовавшимъ сотрудникамъ.

Осуществленіе каждымъ изъ нихъ своего права поставлено законодательствами въ извѣстныя условія—для устраненія возможности взаимнаго причиненія ущерба. Издатель сборнаго произведенія является обладателемъ авторскаго права исключительно по отношенію къ совокупной формѣ даннаго произведенія, и, поэтому, онъ не имѣетъ права издавать составныя части этого произведенія ни въ отдѣльности, ни въ формѣ какого-либо другого сборнаго произведенія. Это и выражено въ ст. 14 новаго закона. Съ другой стороны, авторы отдѣльныхъ произведеній, составляющихъ сборное произведеніе, могли бы причинить ущербъ издателю послѣдняго, если бы имъ предоставлено было осуществить свое авторское право напечатаніемъ своихъ произведеній одновременно съ выходомъ въ свѣтъ произведенія, въ составъ котораго они входятъ, или же вскорѣ послѣ этого,—такъ какъ тогда сборное произведеніе утратило бы среди читающей публики значительную долю интереса, и это отразилось бы неблагопріятно на успѣхѣ и сбытѣ его. Эти соображенія побуждаютъ законодательства опредѣлить извѣстные сроки со дня выхода въ свѣтъ произведенія, составленнаго изъ

произведеній отдѣльныхъ авторовъ, въ теченіе которыхъ послѣдніе не могутъ печатать свои произведенія. По германскому закону 1901 г. срокъ этотъ опредѣленъ въ одинъ годъ. По дѣйствовавшему нашему закону такой срокъ не установленъ. По первоначальному проекту новаго закона Редакціонная Комиссія предполагала установить двухлѣтній срокъ, но затѣмъ, въ виду поступившихъ замѣчаній о чрезмѣрной продолжительности этого срока и нарушеніи тѣмъ интересовъ сотрудниковъ, срокъ былъ сокращенъ Комиссіею до 6 мѣсяцевъ. Министерскій же проектъ еще сократилъ этотъ срокъ до 3 мѣсяцевъ, который и былъ принятъ Госуд. Думой. Но Госуд. Совѣтъ отмѣнилъ это ограниченіе, постановивъ, что сотрудникъ сборнаго изданія имѣетъ авторское право на свое отдѣльное произведеніе, если противное не установлено въ договорѣ. Госуд. Совѣтъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, газеты и исходилъ изъ того, что, въ виду злободневнаго характера большинства газетныхъ статей, имѣющихъ кратковременный интересъ, ограниченіе это не можетъ имѣть реальнаго значенія. Кромѣ того значеніе его утрачивается благодаря тому, что газетныя статьи, по общему правилу, въ силу ст. 40, могутъ быть перепечатываемы всякой другой газетой на другой же день. Съ другой стороны, комиссія Госуд. Совѣта приняла во вниманіе, что въ нашей газетной журналистикѣ прочно сложился обычай, въ силу котораго сотрудникъ газеты можетъ безпрепятственно издать свое произведеніе въ видѣ оттисковъ, брошюръ и т. п. Поэтому, комиссія не считала нужнымъ установить, вопреки этому обычаю, какой-либо запретъ для газетныхъ сотрудниковъ.

Исходя изъ тѣхъ же соображеній о газетной журналистикѣ, комиссія Госуд. Совѣта сократила принятый

Госуд. Думой 50-лѣтній срокъ длительности авторскаго права издателя на сборное произведеніе до 25 лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ этого произведенія,—на томъ основаніи, что издатель повременнаго изданія не является творцомъ произведенія, и дѣятельность его сводится лишь къ извѣстному подбору и систематизаціи чужихъ статей и нѣкоторой ихъ обработкѣ; поэтому, въ отношеніи охраны права издателей повременныхъ изданій должны выдвигаться не соображенія, вытекающія изъ понятія объ авторскомъ правѣ, а исключительно соображенія объ извлеченіи выгодъ изъ затраченнаго издателями капитала, для чего срокъ въ 25 лѣтъ, по мнѣнію коммиссіи, представляется совершенно достаточнымъ.

Всѣ эти соображенія, можетъ быть, вѣрны въ отношеніи газетныхъ статей, но ст. 14 говоритъ не только о газетахъ, но и о журналахъ, словаряхъ, альманахахъ и другихъ подобныхъ сборныхъ изданіяхъ. Едва ли можно примѣнять эти соображенія къ такимъ сборнымъ изданіямъ, какъ альманахъ, и допускать, безъ ущерба для интересовъ издателя, право каждаго сотрудника издавать отдѣльно свое произведеніе немедленно или даже одновременно съ выходомъ альманаха, въ который вошло это произведеніе. Также едва ли можно считать достаточной охрану интересовъ издателя такого сборнаго произведенія, какъ, напр., словарь, если по истеченіи 25 лѣтъ его право утрачивается и каждый можетъ свободно воспроизводить этотъ же словарь въ цѣломъ объемѣ. Несомнѣнно, что Госуд. Совѣтъ допустилъ тутъ неправильность, не отдѣливъ постановленія о газетахъ отъ постановленій о другихъ сборныхъ изданіяхъ.

д) Изустныя произведенія.

Литературныя произведенія могутъ быть *письменныя*, если они напечатаны или какимъ-либо механическимъ путемъ воспроизведены, и *словесныя*, если они, въ видѣ публичныхъ лекцій, рефератовъ, или рѣчей, произносятся въ аудиторіяхъ, собраніяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ. Въ виду публичности словесныхъ произведеній, возникаетъ вопросъ,—насколько они могутъ составлять объектъ авторскаго права?

Положительныя законодательства относятся къ этому вопросу весьма различно и неопредѣленно. Во французскомъ законодательствѣ не имѣется на этотъ счетъ никакихъ твердыхъ опредѣленій, а по точному смыслу закона, считающаго объектомъ авторскаго права écrits en tous genres, можно полагать, что словесныя произведенія объектомъ авторскаго права не считаются. Но научная и практическая юриспруденція толкуетъ этотъ пробѣлъ въ смыслѣ признанія за публичными лекціями безусловнаго значенія объекта авторскаго права. Относительно же судебныхъ и политическихъ рѣчей среди французскихъ юристовъ существуетъ разногласіе, которое, впрочемъ, имѣетъ чисто теоретическое значеніе, такъ какъ на практикѣ, по условіямъ политической жизни Франціи, интересъ гласности поглощаетъ всякіе частные интересы и никогда не возникаетъ вопроса о запрещеніи воспроизведенія судебныхъ и политическихъ рѣчей, въ виду права собственности, принадлежащаго ораторамъ этихъ рѣчей. По англійскому законодательству разрѣшается свободное печатаніе тѣхъ устно произнесенныхъ произведеній или частей ихъ, о произнесеніи которыхъ судебная власть не была извѣщена письменно, согласно закону. Также разрѣшается перепечатка произведеній, читанныхъ въ слухъ въ университетѣ, школѣ,

публичной коллегіи или публичномъ учрежденіи, а равно всякихъ другихъ произведеній, читанныхъ лицами, „обязанными къ тому въ силу даренія, продажи или устава“. Напротивъ, относительно всякихъ другихъ рѣчей установленъ тотъ принципъ, что „лица, получившія за плату или по другимъ причинамъ право присутствовать на какомъ-либо чтеніи, не пріобрѣтаютъ въ силу этого одного обстоятельства права печатать, воспроизводить или обнародывать это чтеніе“.

Весьма обстоятельно разсматривается вопросъ о словесныхъ произведеніяхъ въ новѣйшихъ законодательствахъ. Германскій законъ 1901 г. устанавливаетъ защиту только для такихъ рѣчей, которыя произносятся съ цѣлью поученія, назиданія или бесѣды, т. е. имѣютъ педагогическое, назидательное или занимательное значеніе. Рѣчи же, которыя составляютъ часть публичныхъ дебатовъ, т. е. судебныя и политическія, произносимыя въ судахъ, въ представительныхъ учрежденіяхъ, въ политическихъ, общинныхъ, церковныхъ и всякихъ другихъ публичныхъ собраніяхъ, предоставлены полной свободѣ перепечатыванія, но только въ видѣ отдѣльныхъ рѣчей, а не въ видѣ сборниковъ этихъ рѣчей. Въ мотивахъ къ соотвѣтственной статьѣ въ законѣ 1870 г. проводится мысль, что лица, посвятившія себя общественной или политической дѣятельности, должны развить въ себѣ нечувствительность къ своимъ авторскимъ интересамъ.

Австрійскій законъ также допускаетъ свободное перепечатываніе всякаго рода рѣчей, произносимыхъ въ публичныхъ собраніяхъ, исключая только рѣчей, имѣющихъ цѣлью назиданіе (проповѣди), обученіе (лекціи) и доставленіе удовольствія. Венгерскій законъ, устанавливая свободу перепечатыванія всякаго рода

публичныхъ рѣчей, не имѣющихъ назидательнаго или педагогическаго значенія, запрещаетъ, однако, воспроизведеніе чьихъ-либо рѣчей въ видѣ сборника. По бельгійскому закону авторское право примѣняется, наравнѣ съ письменными произведеніями, также къ лекціямъ, проповѣдямъ, рѣчамъ, рефератамъ и ко всякому иному словесному выраженію мысли, но рѣчи, произнесенныя въ законодательныхъ учрежденіяхъ, въ публичныхъ засѣданіяхъ суда или въ политическихъ собраніяхъ, могутъ быть свободно печатаемы, автору же принадлежитъ исключительное право напечатанія ихъ въ отдѣльномъ изданіи.—Также итальянское и испанское законодательства устанавливаютъ свободное печатаніе рѣчей, произносимыхъ въ публичныхъ собраніяхъ по предметамъ, имѣющимъ общественный или государственный интересъ, но съ тѣмъ, что эти рѣчи могутъ быть воспроизведены исключительно въ отчетахъ засѣданій и періодическихъ изданіяхъ, а не въ отдѣльныхъ изданіяхъ или сборникахъ.

Наше старое законодательство разрѣшало этотъ вопросъ съ безусловной категоричностью въ смыслѣ полной защиты рѣчей: „Кто безъ согласія сочинителя напечатаетъ произнесенную или читанную имъ публичную рѣчь или иное сочиненіе...“ (ст. 13 п. 3 прил. къ ст. 420). Такимъ образомъ нашъ законъ не дѣлалъ никакого различія между словесными произведеніями по ихъ содержанію и цѣли, какъ это проводится въ западно-европейскихъ законодательствахъ. По буквѣ дѣйствовавшаго закона является противозаконнымъ воспроизведеніе всякой рѣчи,—даже рѣчей, произносимыхъ, напр., гласными въ думѣ, или прокурорами, адвокатами въ судебныхъ мѣстахъ. Наши періодическія изданія, воспроизводящія сплошь

и рядомъ такія рѣчи въ видѣ стенографическихъ отчетовъ, могли бы, собственно говоря, по буквѣ нашего закона, быть привлечены авторами этихъ рѣчей къ отвѣтственности за контрафакцію. Но само собою разумѣется, что тутъ имѣлся очевидный пробѣлъ въ законѣ, который долженъ былъ быть пополненъ, съ точки зрѣнія принципа гласности, по отношенію къ рѣчамъ, имѣющимъ общественное значеніе.

Этотъ пробѣлъ восполненъ въ новомъ законѣ. Установляя въ ст. 1 общее правило, что авторское право распространяется на литературныя произведенія, какъ письменныя, такъ и изустныя, законъ въ ст. 38 дѣлаетъ изъ этого общаго правила исключеніе относительно нѣкоторыхъ изустныхъ произведеній, которыя, по самой цѣли своей, назначены получать широкое распространеніе въ обществѣ и которыя, поэтому, не могутъ, безъ ущерба для общественной и государственной пользы, быть признаны предметомъ исключительнаго авторскаго права. Именно, рѣчи, произнесенныя публично въ законодательныхъ учрежденіяхъ, въ судебныхъ установленіяхъ въ земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ и вообще во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, могутъ быть печатаемы безъ согласія автора въ повременныхъ изданіяхъ и также въ отдѣльныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ означенныхъ учрежденій и собраній. Разумѣется, допущеніе перепечатки такихъ рѣчей или помѣщенія отчета о нихъ въ повременной печати не лишаетъ автора права на изданіе какъ отдѣльныхъ рѣчей своихъ, такъ и сборниковъ ихъ, причемъ такія изданія являются уже литературными произведеніями, подлежащими защитѣ закона на общемъ основаніи.

Такимъ образомъ, по смыслу ст. 1 и 38 нова-

го закона, объектомъ авторскаго права признаются всякаго рода изустныя произведенія (лекціи, рефераты, проповѣди, чтенія и т. п.), за исключеніемъ рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіяхъ оффиціальныхъ учрежденій и въ публичныхъ собраніяхъ, причемъ свобода печатанія послѣднихъ ограничивается правомъ печатанія ихъ только въ періодическихъ изданіяхъ и въ отчетахъ о засѣданіяхъ, а не въ отдѣльныхъ брошюрахъ или книгахъ.

По мнѣнію комиссіи Спб. Литерат. Общества, для такого ограниченія свободы печатанія рѣчей не имѣется основаній. Разъ рѣчь была произнесена въ публичномъ засѣданіи, она должна признаваться актомъ общественнаго служенія и дѣлаться общественнымъ достояніемъ и, слѣдовательно, свобода печатанія ея должна быть безусловная—въ формѣ ли отчета о засѣданіи, или въ видѣ отдѣльной брошюры, или книги. Это мнѣніе комиссія Лит. О-ва мотивируетъ, между прочимъ, слѣдующими соображеніями: весьма нерѣдко рѣчь, произнесенная въ Госуд. Думѣ, судѣ или какомъ нибудь другомъ общественномъ собраніи, заслуживаетъ самого широкаго распространенія въ народныхъ массахъ; между тѣмъ, ораторъ, произнесшій ее, по какой-либо причинѣ, можетъ этого не желать; депутатъ можетъ не желать распространенія своей рѣчи, именно, среди своихъ избирателей и можетъ надѣяться, что въ формѣ газетныхъ отчетовъ до нихъ она не дойдетъ; напротивъ, политическіе противники этого оратора могутъ желать такого распространенія, напр., во время избирательной борьбы. Тоже самое можетъ относиться и къ рѣчамъ, судебныхъ дѣятелей—адвокатовъ, прокуроровъ. По мнѣнію комиссіи, нѣтъ никакого основанія стѣснять въ этомъ отношеніи политическую борьбу, и слѣдовательно, нѣтъ надобности

ограничивать распространеніе публичныхъ рѣчей исключительно журналами и газетами.

Едва ли можно согласиться съ этими соображеніями, выводящими свободу перепечатыванія публичныхъ рѣчей—далеко за предѣлы, которыми опредѣляется сущность института авторскаго права. Интересы политической борьбы могутъ быть обезпечены другими средствами и въ другомъ порядкѣ, и не должны имѣть мѣсто, въ качествѣ мотива и основанія, въ конструированіи правилъ объ авторскихъ правахъ, имѣющихъ спеціальное значеніе и опредѣленныя очертанія.

е) Законы и законодательные матеріалы.

Объектомъ авторскаго права, въ области литературы, служитъ, говоря общимъ образомъ, все то, что представляетъ собою произведеніе умственнаго труда, выраженное въ извѣстной формѣ. Но среди разнообразныхъ видовъ произведеній слова есть такія, которыя, по соображеніямъ государственнымъ и общественнымъ, не могутъ вовсе служить объектомъ исключительнаго индивидуальнаго авторскаго права, такъ какъ оглашеніе содержанія этихъ произведеній къ общему свѣдѣнію требуется самою сущностью этого рода произведеній, предназначенныхъ, по волѣ и цѣли государства, быть общеизвѣстными. Сюда относятся опубликованные надлежащимъ порядкомъ законы, всякаго рода правительственныя распоряженія, какъ то: международные трактаты, указы, административныя распоряженія, циркуляры, инструкціи и проч. Всѣ подобнаго рода правительственные акты публикуются правительственною властью съ цѣлью сдѣлать ихъ общеизвѣстными, дабы на основаніи содержащихся въ нихъ правилъ установить извѣстный право-

вой порядокъ и опредѣленныя юридическія отношенія. Поэтому, и такъ какъ запрещеніе свободной перепечатки такихъ актовъ противорѣчило бы волѣ и цѣли государства, то на нихъ не можетъ распространяться авторское право, и перепечатка должна быть предоставлена всякому желающему *).

По тѣмъ же соображеніямъ и причинамъ не могутъ быть объектомъ авторскаго права рѣшенія судебныхъ установленій, опубликованныя этими установленіями (напр., рѣшенія Сената) или оглашенныя въ публичныхъ засѣданіяхъ, хотя бы, въ послѣднемъ случаѣ, текстъ ихъ былъ впервые напечатанъ частнымъ лицомъ: оно не можетъ считаться обладателемъ авторскаго права на изданный имъ текстъ судебнаго рѣшенія.

Къ той же категоріи произведеній, не могущихъ служить объектомъ авторскаго права, относятся протоколы, дебаты и постановленія, состоявшіеся въ публичныхъ засѣданіяхъ государственныхъ и общественныхъ собраній, какъ то: въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, въ городскихъ и земскихъ собраніяхъ, въ дворянскихъ и другихъ сословныхъ собраніяхъ. Необходимость полной гласности относительно всего того, что дебатируется и постановляется въ этихъ собраніяхъ, вызывается потреб-

*) Иное объясненіе непринадлежности этого рода произведеній къ объектамъ авторскаго права даетъ Schäffle. По его мнѣнію, приводимая обыкновенно въ оправданіе беззащитности этихъ произведеній необходимость возможно болѣе широкаго ихъ распространенія недостаточна, чтобы оправдать эту беззащитность, а дѣло тутъ заключается въ томъ, что въ отношеніи этихъ произведеній, авторами которыхъ обыкновенно являются служащіе или лица, инымъ способомъ оплачиваемыя (чиновники, судьи и т. д.), падаетъ всякое основаніе для вознагражденія авторскаго труда, слѣдовательно и вознагражденія посредствомъ монополіи авторскаго права.

ностями государства и общества,—для свободнаго обсужденія въ печати вопросовъ, разрѣшаемыхъ въ этихъ собраніяхъ, и для возможности общественнаго контроля надъ дѣятельностью этихъ собраній. Поэтому, все то, что исходитъ изъ этихъ собраній, разумѣется, въ той формѣ, въ какой оно оффиціально исходитъ, должно быть предоставлено свободной перепечаткѣ, такъ какъ этимъ самымъ достигается гласность, которой дѣятельность упомянутыхъ собраній, по мысли закона и по своему существу, подлежитъ.

Новый законъ въ ст. 37 проводитъ это начало, постановляя, что не составляютъ предмета авторскаго права: законы и правительственныя распоряженія, постановленія законодательныхъ учрежденій, земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраній и матеріалы, на коихъ эти законы, распоряженія и постановленія основаны, а также рѣшенія судебныхъ установленій.

Относительно упоминаемыхъ въ ст. 37 матеріаловъ къ законамъ, въ редакціи проекта Министра Юстиціи, принятой Госуд. Думой, было сдѣлано указаніе, что эти матеріалы должны быть „оффиціально опубликованы во всеобщее свѣдѣніе". Комиссія Государственнаго Совѣта исключила это указаніе, находя, что нѣтъ надобности ставить непремѣннымъ условіемъ—опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе относящихся къ законамъ и прочимъ правительственнымъ распоряженіямъ матеріаловъ, ибо если эти матеріалы оказываются доступными для пользованія посторонними лицами, то къ опубликованію ихъ не должно быть препятствій.

Само собою разумѣется, что свобода перепечатки относится только къ оффиціальному тексту произведеній, о которыхъ говоритъ статья закона, т. е. къ

той формѣ, въ которой они оффиціально опубликованы или оглашены. Всякая же обработка содержанія этихъ произведеній, напр. изданіе закона съ объясненіями и комментаріями, или изданіе судебныхъ рѣшеній въ какомъ-либо систематизированномъ видѣ, или воспроизведеніе дебатовъ и постановленій общественныхъ собраній въ своей передачѣ, словомъ, всякая обработка, являющаяся продуктомъ умственной дѣятельности ихъ автора, подлежитъ защитѣ авторскаго права, какъ всякое другое литературное произведеніе, на общемъ основаніи.

ж) Карты, планы, чертежи.

Есть объекты авторскаго права, которые занимаютъ среднее мѣсто между произведеніями литературными и произведеніями художественными. Если назначеніе или цѣль такихъ произведеній заключается въ удовлетвореніи эстетическаго чувства, они относятся къ произведеніямъ художественнымъ; если же цѣль ихъ—служить извѣстному знанію, удовлетворяющему потребностямъ научнымъ, педагогическимъ, техническимъ и другимъ подобнымъ, они должны быть причислены къ литературнымъ. Къ такимъ произведеніямъ съ двойственнымъ характеромъ назначенія ихъ относятся географическія, топографическія и астрономическія карты, глобусы, атласы, рисунки по естествознанію, строительные и другіе техническіе планы, рисунки, чертежи и тому подобныя произведенія. Въ этихъ произведеніяхъ обыкновенно, кромѣ изображеній, имѣется и текстъ, поясняющій значеніе картъ, рисунковъ, плановъ и чертежей.

По примѣру большинства иностранныхъ законодательствъ, относящихъ этого рода произведенія къ литературнымъ произведеніямъ, новый законъ (ст. 41)

помѣщаетъ ихъ въ отдѣлѣ объ авторскомъ правѣ на литературныя произведенія, оговаривая, однако, что произведенія эти лишь въ томъ случаѣ признаются литературными (и на нихъ распространяются соотвѣтственныя постановленія), если, по главной цѣли своей и назначенію, не относятся къ числу художественныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдовательно, къ нимъ имѣютъ примѣненіе постановленія объ авторскомъ правѣ на художественныя произведенія.

з Музыкальныя произведенія.

Въ области музыки объектами авторскаго права могутъ быть всякія построенія мыслей, выраженныхъ въ формѣ звуковъ,—разумѣется, не всякихъ звуковъ, а такихъ, которые связаны между собою по законамъ мелодіи, ритма и гармоніи, причемъ, конечно, безразлична степень творческой дѣятельности, проявленной въ этихъ мысляхъ. Въ этомъ смыслѣ музыкальныя произведенія представляются вполнѣ однородными съ литературными произведеніями; разница между ними заключается только въ томъ, что послѣднія осуществляются въ формѣ словъ, а первыя—въ формѣ звуковъ. Поэтому, большинство постановленій, устанавливаемыхъ для литературныхъ произведеній, можетъ относиться и къ музыкальнымъ произведеніямъ.

Такъ, напримѣръ, народныя пѣсни и мелодіи, подобно литературнымъ произведеніямъ народнаго творчества, составляютъ объектъ авторскаго права (ст. 13). Также, подобно изустнымъ литературнымъ произведеніямъ, защищаются закономъ (ст. 1) музыкальныя *импровизаціи*, т. е. такія музыкальныя произведенія, которыя не были композиторомъ положены на ноты и записаны, а выражены были

лишь въ звукахъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ композиторовъ, авторское право на импровизаціи не имѣетъ реальнаго значенія за отсутствіемъ средствъ для его охраны *). Дѣйствительно, весьма трудно доказать фактъ присвоенія чужого произведенія, которое не закрѣплено во внѣшней формѣ. Однако, возможная на практикѣ трудность защиты этого права не можетъ служить основаніемъ къ оставленію его внѣ нормъ закона объ авторскомъ правѣ.

Въ музыкально-издательскомъ дѣлѣ весьма часто встрѣчаются изданія музыкальныхъ произведеній, которыя, не заключая въ себѣ творческой переработки ранѣе изданнаго сочиненія, передаютъ его лишь въ болѣе сжатой формѣ или воспроизводятъ отдѣльныя избранныя изъ него мѣста. Къ числу подобныхъ произведеній относятся изданія сокращеній, т. е. изданія музыкальнаго произведенія съ пропусками. Къ этой же категоріи относятся и такъ называемыя *попурри*, т. е. соединеніе въ одно цѣлое музыкальное произведеніе нѣсколькихъ различныхъ мелодій, взятыхъ изъ одного или нѣсколькихъ различныхъ произведеній. Во всѣхъ указанныхъ видахъ музыкальныхъ изданій общее заключается въ томъ, что въ нихъ передаются безъ переработки отдѣльныя мѣста, взятыя изъ музыкальнаго произведенія. Очевидно, безъ существеннаго нарушенія права композитора, нельзя допустить перепечатку или изданіе цѣликомъ изъ чужого произведенія отдѣльнаго мѣста, какъ бы незначительно оно ни было по своему объему. Въ музыкальномъ произведеніи нерѣдко вся его сущность и цѣнность заключается въ мотивѣ и мелодіи, которыми выражается извѣстная музыкальная мысль. Музыкальное сочиненіе въ цѣломъ своемъ

*) П. П. Шенкъ, Объ автор. правѣ на музык. произв. Спб. 1909.

составѣ часто является лишь дальнѣйшимъ развитіемъ основного мотива или мелодіи. Также не составляютъ еще продукта музыкальнаго творчества гармоническій нарядъ, разработка, оркестровка или порядокъ группировки темъ, а сущность творчества заключается, именно, въ созданіи мелодій.

Въ виду этого, допущеніемъ перепечатки безъ измѣненія отдѣльныхъ мѣстъ изъ музыкальнаго произведенія были бы существенно нарушены права композитора, такъ какъ явилась бы возможность для постороннихъ лицъ воспользоваться наиболѣе цѣнными мѣстами изъ музыкальнаго сочиненія, въ которыхъ, какъ въ мотивѣ или мелодіи, творческая дѣятельность композитора проявляется въ высшей своей степени. Поэтому, законъ въ ст. 42 считаетъ нужнымъ опредѣленно указать, что авторское право на музыкальное произведеніе заключаетъ въ себѣ также исключительное право композитора на составленіе и изданіе сокращеній, извлеченій и попурри изъ его музыкальнаго произведенія. Въ редакціи, принятой Госуд. Совѣтомъ, ст. 42 предоставляла композитору исключительное право на *„созданныя имъ мелодіи“*. Но согласительная комиссія исключила указаніе на мелодіи, какъ на объектъ авторскаго права, въ виду того, что предоставленіе композитору исключительнаго права на мелодіи находится въ противорѣчіи со ст. 43, по коей не признается нарушеніемъ авторскаго права, между прочимъ, изданіе варіацій, транскрипцій, фантазій, этюдовъ на цѣлое или часть чужого музыкальнаго произведенія или вообще заимствованіе изъ него, т. е., именно, пользованіе чужими мелодіями, если, конечно, всѣ эти сочиненія настолько уклоняются отъ оригинала, что

должны быть разсматриваемы, какъ новыя и самостоятельныя музыкальныя произведенія.

з) Музыкальныя переложенія.

Музыкальное произведеніе можетъ быть исполняемо при помощи весьма различныхъ музыкальныхъ инструментовъ въ отдѣльности или соединеніи (оркестръ), а также при посредствѣ пѣнія въ одинъ или нѣсколько голосовъ. Такимъ образомъ, одно и то же музыкальное произведеніе можетъ быть переложено въ цѣломъ или въ части на отдѣльные инструменты или цѣлый оркестръ, либо на одинъ или нѣсколько голосовъ, также можетъ быть переложено на другіе тона. Является ли каждое такое переложеніе самостоятельнымъ трудомъ или представляетъ собою лишь способъ или форму пользованія авторскимъ правомъ, принадлежащимъ композитору, какъ творцу музыкальнаго произведенія? Проектъ Редакц. Комиссіи, согласно съ проектомъ Глав. Дир. Импер. Рус. Муз. Общ. разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, и соотвѣтственная статья проекта воспроизведена въ ст. 42 закона, по которой авторское право распространяется на всѣ указанные виды переложенія музыкальнаго произведенія.

Въ связи съ указаннымъ правомъ композитора на переложеніе своего произведенія находится другое право композитора, возникшее лишь въ недавнее время, благодаря развившемуся механическому исполненію музыкальныхъ произведеній посредствомъ грамофоновъ, фонографовъ, піанолъ и тому подобныхъ инструментовъ. Композитору, какъ установляетъ законъ въ той же ст. 42, принадлежитъ исключительное право на переложеніе его произведеній на всякаго рода механическія ноты (диски, пластинки, цилиндры

и т. п.), предназначенныя для исполненія произведенія посредствомъ указанныхъ инструментовъ. Въ редакціи ст. 42, принятой Госуд. Совѣтомъ, право это ограничено было срокомъ въ 10 лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ музыкальнаго произведенія, и такой сокращенный срокъ объясняется въ мотивахъ Комиссіи Госуд. Совѣта тѣмъ соображеніемъ, что для большинства произведеній, исполняемыхъ при помощи механическихъ нотъ, значеніе имѣетъ нестолько самое произведеніе, сколько его исполненіе. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть каталоги и рекламы граммофонныхъ фирмъ, въ которыхъ диски распредѣлены не по имени композиторовъ, а по имени исполнителей—пѣвцовъ или музыкантовъ; равнымъ образомъ, и публика покупаетъ для своихъ механическихъ инструментовъ не то или другое произведеніе композитора, а извѣстную арію въ исполненіи любимаго ею пѣвца или сонату въ исполненіи извѣстнаго музыканта. Между тѣмъ, если оставить право композитора на переложеніе въ теченіе всего авторскаго срока, т. е. 50 лѣтъ, то это не отвѣчало бы потребностямъ публики и вредило бы дѣлу механическихъ произведеній. При обсужденіи этого постановленія въ Госуд. Совѣтѣ указывалось на то, что благодаря появленію и развитію механическихъ инструментовъ, получили возможность проникнуть въ далекіе углы Россіи и въ народную массу произведенія знаменитыхъ композиторовъ и притомъ въ исполненіи выдающихся виртоузовъ (посредствомъ инструмента Миньонъ), что это имѣетъ огромное культурное значеніе и что, поэтому, слѣдуетъ сдѣлать переложеніе музыкальныхъ произведеній на механическія ноты свободнымъ для всякаго желающаго фабриканта механическихъ инструментовъ. Установле-

ніе же авторскаго права на такое переложеніе, хотя бы на срокъ только въ 10 лѣтъ, затрудняя распространеніе въ народѣ музыкальныхъ произведеній, вмѣстѣ съ тѣмъ должно имѣть послѣдствіемъ удорожаніе механическихъ инструментовъ, потому что производство ихъ сдѣлается монополіею одной или двухъ фирмъ, а остальныя фирмы, нынѣ существующія, должны будутъ закрыться. Госуд. Совѣтъ, однако, не принялъ этого предложенія и оставилъ 10-лѣтній срокъ.

Согласительная комиссія не согласилась съ Госуд. Совѣтомъ, находя, что установленный 10-лѣтній срокъ слишкомъ кратокъ, и предпочла сохранить принятый Государственной Думой 50-лѣтній срокъ, какъ болѣе ограждающій права автора и соотвѣтствующій остальнымъ постановленіямъ закона, касающимся сроковъ авторскаго права.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду продолжительности этого срока и въ видахъ огражденія интересовъ населенія отъ возможности монополіи въ области производства механическихъ записей музыкальныхъ произведеній, комиссія нашла необходимымъ сохранить принятую Госуд. Думой и отвергнутую Госуд. Совѣтомъ систему принудительныхъ разрѣшеній на распространеніе переложеній музыкальныхъ произведеній на механическія ноты. Именно, устанавливается, въ той же ст. 42, что если композиторъ лично или, съ его разрѣшенія, другое лицо воспользовались правомъ переложенія музыкальнаго произведенія на инструменты, воспроизводящіе его механически (фонографы, граммофоны и т. п.), для его продажи, то этимъ дается право и всякому другому, имѣющему въ предѣлахъ Россіи механическое для сего заведеніе, войти въ соглашеніе съ композиторомъ относительно уступки права такого

же переложенія, а въ случаѣ отказа композитора—ходатайствовать о предоставленіи этого права предъ судомъ, который одновременно съ разрѣшеніемъ ходатайства опредѣляетъ по справедливому усмотрѣнію и размѣръ причитающагося композитору вознагражденія, а также условія и способъ его осуществленія.

Это постановленіе Госуд. Совѣтъ считалъ непріемлемымъ, въ виду того, что оно представляетъ собою существенное ограниченіе права композитора распоряжаться своимъ трудомъ. Давая кому-либо разрѣшеніе на переложеніе своего произведенія на механическіе инструменты, композиторъ можетъ руководиться при этомъ разными соображеніями какъ матеріальнаго, такъ и личнаго свойства; для автора не безразлично, на какіе инструменты будетъ переложено его произведеніе, какіе исполнители будутъ передавать его и проч., ибо отъ таланта пѣвца или музыканта и отъ степени совершенства инструмента зависитъ художественность исполненія произведенія. Затѣмъ, нельзя не замѣтить, что и у суда не будетъ рѣшительно никакого критерія для опредѣленія размѣра того справедливаго вознагражденія, о которомъ говорится въ этомъ постановленіи.

Согласительная комиссія не согласилась съ этими соображеніями, находя, что система принудительныхъ разрѣшеній не нарушаетъ правъ композитора, такъ какъ матеріальные его интересы будутъ ограждены судомъ, а нравственные интересы—тѣмъ, что право третьихъ лицъ требовать разрѣшеніе по суду допускается только относительно тѣхъ музыкальныхъ произведеній, которыя уже переложены авторомъ или, съ его разрѣшенія, другимъ лицомъ на механическіе инструменты, и, слѣдовательно, композиторъ,

не желающій, чтобы его произведеніе исполнялось на механическихъ инструментахъ, воленъ не давать никому соотвѣтствующаго разрѣшенія. Указаніе же на то, что правило это нарушаетъ личныя права автора, который можетъ не желать дать разрѣшеніе плохой фирмѣ и плохимъ исполнителямъ, представляется мало убѣдительнымъ: вѣдь композиторъ, выпускающій въ свѣтъ свое произведеніе для вокальнаго или инструментальнаго исполненія, оказывается въ аналогичномъ положеніи, такъ какъ исполнять его будутъ не только хорошіе, но и плохіе пѣвцы и артисты. Между тѣмъ, система принудительныхъ разрѣшеній имѣетъ, по мнѣнію комиссіи, большое значеніе для отечественной промышленности, такъ какъ она предупреждаетъ возможность образованія монополіи въ рукахъ крупныхъ предпріятій. Въ интересахъ этой промышленности комиссія считала нужнымъ, по примѣру германскаго закона, предоставить право требовать разрѣшенія только тѣмъ фабрикантамъ, которые имѣютъ механическія для такого рода производства заведенія въ предѣлахъ Россіи.

Слѣдуетъ отмѣтить допущенный закономъ пробѣлъ, заключающійся въ слѣдующемъ: на механическихъ нотахъ могутъ быть записаны не только музыкальныя, но и литературныя произведенія, напр., рѣчи, юмористическіе разсказы и т. д. и, слѣдовательно, такія записи должны были бы охраняться и въ качествѣ объектовъ авторскаго права на литературныя произведенія. Между тѣмъ ни въ общихъ положеніяхъ, ни въ отдѣлѣ о литературныхъ произведеніяхъ нѣтъ постановленія, подобнаго постановленію о музыкальномъ авторскомъ правѣ въ ст. 42.

и) Механическія ноты.

Само собою разумѣется, что ст. 42, признавая записи механическихъ нотъ объектомъ авторскаго права, охраняетъ въ этихъ записяхъ право композитора какъ творца музыкальнаго произведенія, а не какъ собственника этихъ нотъ. Эти послѣднія, въ качествѣ объекта права собственника нотъ, охраняются особымъ постановленіемъ закона, не входящимъ въ составъ постановленій объ авторскомъ правѣ (потому что авторскаго права на механическія ноты не признается ни за фабрикантами, ни за тѣми лицами, исполненіе которыхъ воспроизведено на этихъ нотахъ), а представляющимъ собою дополнительное узаконеніе, которое, въ порядкѣ кодификаціи, имѣетъ быть впослѣдствіи помѣщено въ соотвѣтственномъ мѣстѣ Св. Законовъ. По этому дополнительному постановленію (Отд. X), воспроизведеніе безъ согласія фабриканта механическихъ нотъ (дисковъ, пластинокъ, цилиндровъ и т. п.), предназначенныхъ для исполненія произведенія посредствомъ граммофоновъ, фонографовъ, піанолъ и тому подобныхъ инструментовъ, если на этихъ нотахъ означены фирма или имя и фамилія фабриканта,—воспрещается. Самовольно издавшій механическія ноты обязанъ вознаградить потерпѣвшаго за весь причиненный ему убытокъ, размѣръ котораго устанавливается по усмотрѣнію суда. Кромѣ этой гражданской отвѣтственности, имѣющей цѣлью огражденіе отъ самовольнаго воспроизведенія этого особаго вида промышленности, за подобныя нарушенія можетъ быть примѣнена и уголовная отвѣтственность, такъ какъ фабриканты механическихъ нотъ, на общемъ основаніи, имѣютъ возможность закрѣплять за собою пользова-

ніе продуктами своей промышленности на основаніяхъ, установленныхъ закономъ о товарныхъ знакахъ (Св. Зак., т. XI, ч. 2, уст. пром., ст. 161^{1}—161^{21} по прод. 1906 г.), а самовольное пользованіе послѣдними преслѣдуется на основаніи ст. 1357^{1}—1357^{2} и примѣч., по прод. 1906 г. улож. о наказ.

Означенную защиту фабрикантовъ механическихъ нотъ комиссія Госуд. Совѣта считала нужнымъ установить, въ связи съ постановленіемъ объ авторскомъ правѣ на музык. произведенія, въ виду того, что въ настоящее время фабрикація механическихъ музыкальныхъ инструментовъ получила чрезвычайно широкое распространеніе и создалась даже соотвѣтствующая отрасль промышленности. Благодаря граммофонамъ и имъ подобнымъ инструментамъ, музыкальныя произведенія распространяются теперь по всему міру и проникаютъ въ такія глухія мѣста, куда не попали бы эти произведенія не только въ исполненіи тѣхъ знаменитостей, именами которыхъ пестрятъ объявленія граммофонныхъ фирмъ, но даже въ самомъ посредственномъ исполненіи. Граммофонъ, популяризируя музыкальныя, а въ послѣднее время и литературныя произведенія, несомнѣнно, имѣетъ для народныхъ массъ воспитательное значеніе. Въ виду такого значенія механическихъ инструментовъ, дающаго основаніе къ поощренію этого рода промышленности, и въ цѣляхъ ограниченія развивающихся злоупотребленій со стороны лицъ, пользующихся изданными механическими нотами во вредъ ихъ фабрикантовъ, признано необходимымъ дать защиту права фабрикантовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, для облегченія разрѣшенія вопроса о самовольности воспроизведенія механическихъ нотъ (дисковъ, пластинокъ, цилиндровъ и т. п.), предназначенныхъ для исполненія произведенія посредствомъ

граммофоновъ, фонографовъ, піанолы и тому подобныхъ инструментовъ, установлено требованіе, чтобы на механическихъ нотахъ означены были фирма или имя и фамилія ихъ фабриканта. Такое означеніе, съ одной стороны, должно ограждать интересы самихъ фабрикантовъ, съ другой стороны,—давать возможность и авторамъ музыкальныхъ произведеній слѣдить за тѣмъ, чтобы ихъ авторскія права не были нарушены самовольнымъ переложеніемъ музыкальныхъ произведеній на механическія ноты лицами, не получившими на то согласія пользующагося авторскимъ правомъ.

і) Либретто.

Музыкальное произведеніе можетъ быть издано или исключительно съ однимъ музыкальнымъ текстомъ или вмѣстѣ съ текстомъ литературнаго произведенія. При изданіи музыкальнаго произведенія въ сопровожденіи литературнаго текста, такое произведеніе является обыкновенно результатомъ совокупной дѣятельности двухъ или нѣсколькихъ лицъ. Въ виду возможности столкновенія въ этомъ случаѣ интересовъ авторовъ музыкальнаго и литературнаго произведеній, представляется необходимымъ установить въ законѣ общее правило для пользованія композиторомъ текстомъ, заимствованнымъ изъ литературнаго произведенія. Тутъ возможны слѣдующіе случаи: композиторъ можетъ заимствовать текстъ изъ какого-либо напечатаннаго литературнаго произведенія или можетъ воспользоваться литературнымъ произведеніемъ, написаннымъ, именно, съ цѣлью служить текстомъ для музыкальнаго произведенія, или, наконецъ, можетъ спеціально заказать

кому-нибудь текстъ для своего музыкальнаго произведенія.

Въ первомъ случаѣ, музыкальное произведеніе, написанное на чужой текстъ и вмѣстѣ съ нимъ изданное (напр., опера, ораторія, кантата, романсъ), по сравненію съ текстомъ, его сопровождающимъ, должно быть разсматриваемо какъ произведеніе совершенно особое и, вслѣдствіе проявленной въ немъ творческой дѣятельности композитора, можетъ быть признано произведеніемъ самостоятельнымъ. Въ интересахъ музыкальныхъ желательно, чтобы композиторъ, вдохновившійся содержаніемъ извѣстнаго литературнаго произведенія, имѣлъ полную возможность написать на него музыку. Полученіе композиторомъ согласія автора литературнаго произведенія на изданіе его текста вмѣстѣ съ музыкальнымъ произведеніемъ нерѣдко могло бы поставить композитора, въ виду неизвѣстности автора, или мѣста его жительства, въ затрудненіе. Съ другой стороны, отъ разрѣшенія композитору, безъ согласія автора, напечатать текстъ его произведенія въ музыкальномъ произведеніи, права послѣдняго страдаютъ весьма мало, такъ какъ изданіе музык. произведенія вмѣстѣ съ текстомъ литер. произведенія не можетъ служить подрывомъ къ продажѣ и распространенію авторомъ его литер. произведенія. На основаніи этихъ соображеній въ проектѣ редакц. комиссіи и въ законѣ (ст. 45) признано необходимымъ допустить ограниченіе правъ автора заимствованнаго текста и предоставить композитору право заимствовать текстъ изъ чужого произведенія. Но, для огражденія авторовъ литературныхъ произведеній отъ чрезмѣрнаго нарушенія ихъ интересовъ, право композитора ограничено двумя условіями: 1) онъ вправѣ воспользоваться

безъ согласія автора лишь текстомъ уже напечатаннаго литерат. произведенія и 2) ему разрѣшается издавать заимствованный текстъ лишь *вмѣстѣ съ музыкальнымъ произведеніемъ*, а не отдѣльно отъ него, напр., въ видѣ приложенія. Изъ послѣдняго правила сдѣлано одно исключеніе (введенное Госуд. Совѣтомъ): изданіе текста допускается отдѣльно отъ музыкальнаго произведенія—въ концертной программѣ. Это исключеніе сдѣлано, на основаніи установившейся практики, по тому соображенію, что такія программы, не нарушая литературныхъ интересовъ автора и популяризируя его имя, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ большое удобство для публики.

Затѣмъ, въ отношеніи заимствованія литературнаго произведенія, написаннаго, именно, съ цѣлью служить текстомъ для музыкальнаго произведенія—оперныхъ, ораторіальныхъ, кантатныхъ и другихъ *либретто*—слѣдуетъ различать: если эти произведенія не заказаны самимъ композиторомъ, они являются, въ виду опредѣленной цѣли ихъ изданія, объектомъ литературнаго авторскаго права, и, потому, пользованіе текстомъ не можетъ быть дозволено композитору, не вошедшему въ особое соглашеніе съ авторомъ либретто или правопреемникомъ его (ст. 45); но если составленіе либретто сдѣлано по заказу композитора, то авторское право на музыкальное произведеніе въ цѣломъ его составѣ, т. е. вмѣстѣ съ текстомъ, предоставляется композитору (ст. 46),—по тому соображенію, что работа либреттиста, дѣйствующаго по заказу композитора, имѣетъ лишь служебное, второстепенное значеніе въ сравненіи съ музыкальнымъ произведеніемъ, для котораго пишется либретто и которое, такимъ образомъ, въ цѣломъ своемъ составѣ является единымъ творческимъ про-

изведеніемъ. Либреттисту же принадлежитъ право на отдѣльное изданіе текста,—если между нимъ и композиторомъ не имѣется иного соглашенія.

Постановленія указанныхъ 45 и 46 ст. новаго закона представляютъ нововведенія въ сравненіи съ прежнимъ нашимъ закономъ, въ которомъ по этому предмету никакихъ постановленій не имѣется. Новый законъ воспроизводитъ соотвѣтственныя постановленія германскаго, австрійскаго, итальянскаго, финляндскаго законовъ и также проекта Глав. Дир. Импер. Рус. Муз. Общ.

Нельзя не обратить вниманія на пробѣлъ закона относительно случая заимствованія музыкальнаго произведенія авторомъ литературнаго произведенія. Возможенъ случай, когда музыкальное произведеніе иллюстрируется авторомъ литературнаго произведенія, т. е. излагается содержаніе и объясняется мысль музыкальнаго произведенія, напр., симфоніи. Такія литературныя изложенія музыкальныхъ произведеній обычны въ концертныхъ программахъ и либреттахъ, обыкновенно, безъ приложенія нотъ. Но возможно изданіе этихъ литературныхъ произведеній въ сопровожденіи музыкальнаго произведенія, содержаніе котораго излагается. Такимъ образомъ, тутъ мы имѣемъ случай обратный тому, который предусматривается въ ст. 45 и 46 новаго закона. Какъ въ этомъ случаѣ, должны нормироваться отношенія между авторомъ и композиторомъ? Законъ не даетъ на это отвѣта и, слѣдовательно, приходится считать, что авторъ не имѣетъ права заимствованія музыкальнаго произведенія для совмѣстнаго изданія съ литературнымъ произведеніемъ, и право композитора тутъ охраняется на общихъ основаніяхъ. Очевидно, къ такому случаю не можетъ имѣть примѣненіе п. 2

ст. 43 относительно приведенія въ изданіяхъ съ учебною или ученою цѣлью, въ видѣ примѣровъ, отдѣльныхъ мѣстъ музыкальнаго произведенія.

к) Портреты и бюсты.

Въ числѣ объектовъ авторскаго права на художественныя произведенія останавливаютъ на себѣ вниманіе *портреты и бюсты*, сдѣланные художникомъ по заказу другого лица.

По общему правилу, право собственности на художественное произведеніе, какъ *вещь*, есть, по содержанію и характеру своему, понятіе совершенно отличное отъ *авторскаго права* на то же произведеніе, сущность котораго заключается въ правѣ художника повторять, размножать или издавать свое произведеніе. Поэтому, если художникъ продалъ кому-либо свою картину, то этимъ не переносится на пріобрѣтателя авторское право на это произведеніе. Это и установлено въ ст. 51, хотя въ особомъ указаніи закона не было надобности, потому что правило этого постановленія само собою вытекаетъ изъ сущности авторскаго права на художественныя, какъ и на литературныя и музыкальныя произведенія. Это же правило, разумѣется, должно относиться и къ художественнымъ произведеніямъ, сдѣланнымъ по заказу, т. е. и въ этомъ случаѣ за художникомъ сохраняется право повторять и распространять заказанныя ему произведенія, не испрашивая на то согласія лица, которое ему заказало это произведеніе, а заказчикъ, напротивъ, не имѣетъ авторскаго права на заказанныя имъ произведенія.

Но портреты и бюсты связаны съ личными интересами того лица, съ котораго написанъ портретъ или сдѣланъ бюстъ. Лицо это, по какимъ-либо

соображеніямъ или обстоятельствамъ, можетъ имѣть интересъ въ томъ, чтобы его изображеніе не распространялось въ публикѣ, и, такимъ образомъ, получается коллизія между личнымъ интересомъ оригинала портрета или бюста и имущественнымъ интересомъ художника, требующая ограниченія того или другого интереса. Тутъ возбуждается весьма интересный и сложный вопросъ о правѣ на свое собственное изображеніе. Регламентація этого вопроса, однако, не можетъ имѣть мѣста въ постановленіяхъ объ авторскомъ правѣ, потому что вопросъ этотъ относится къ другой области—къ правамъ личности и притомъ онъ вообще еще мало разработанъ какъ въ литературѣ, такъ и въ положительныхъ законодательствахъ. Поэтому, для разрѣшенія вышеуказанной коллизіи приходится, не вдаваясь въ подробную регламентацію права оригинала портрета или бюста на свое изображеніе, ограничиваться въ разрѣшеніи этого вопроса требованіями практики и цѣлесообразности.

Соотвѣтственное постановленіе дѣйствовавшаго закона (ст. 32 прилож. къ ст. 420 т. X ч. I) изложено такъ неясно и противорѣчиво, что изъ него нельзя сдѣлать опредѣленнаго вывода. Повидимому, оно вообще не признаетъ за художникомъ авторскаго права на произведеніе, исполненное по заказу. Между прочимъ, оно не дозволяетъ художнику повторять, размножать и издавать портреты и семейныя картины иначе, какъ съ согласія *заказавшаго или его наслѣдниковъ*, т. е. игнорируется согласіе оригинала портрета или лицъ, изображенныхъ на семейной картинѣ.

Новый законъ разрѣшаетъ вопросъ о портретахъ и бюстахъ, исходя изъ практическихъ требованій и оставляя на усмотрѣніе заинтересованныхъ сторонъ,

путемъ особаго соглашенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, измѣнять правило закона. Именно, комиссія Госуд. Совѣта приняла во вниманіе, что на практикѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, лицо, заказавшее свой портретъ или бюстъ, имѣетъ въ виду получить не только картину или статую, какъ вещи, но и право ихъ воспроизводить (какъ посредствомъ фотографіи, такъ и заказомъ копіи), выставлять или опубликовывать, и распространять; и лишь въ исключительныхъ случаяхъ въ намѣреніе договаривающихся сторонъ входитъ сохраненіе въ полномъ объемѣ авторскаго права за художникомъ. Поэтому, комиссія признала необходимымъ редактировать соотвѣтственную статью закона (ст. 52) въ томъ смыслѣ, чтобы наиболѣе частые въ практикѣ случаи отражались въ опредѣленіи закона въ качествѣ обычнаго, нормальнаго, а соглашенію сторонъ было бы предоставлено его измѣнять, въ смыслѣ сохраненія авторскаго права за художникомъ. Въ виду этого, въ отличіе отъ редакціи, принятой Госуд. Думой (по которой за художникомъ признается авторское право и на портреты и бюсты, по общему правилу, какъ и на всякія художественныя произведенія, исполненныя имъ по заказу другого лица, но повторять и распространять ихъ онъ можетъ только съ согласія лица, съ котораго сдѣланъ портретъ или бюстъ), Госуд. Совѣтъ выдѣлилъ портреты и бюсты, постановивъ, что на нихъ не распространяется общее правило объ авторскомъ правѣ художника на свои произведенія, исполненныя по заказу другого лица: право повторять, выставлять и издавать портреты и бюсты принадлежитъ лицу, съ котораго они сдѣланы

л) Архитектурныя произведенія (рисунки, планы чертежи).

Всякія постройки и сооруженія и притомъ не только архитектурныя, но и инженерныя, производятся обыкновенно по особымъ техническимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ. Какъ уже было выше указано при объясненіи ст. 41, архитектурные и другіе технические планы, рисунки и чертежи, прежде всего сами по себѣ, являются,—смотря по назначенію и характеру своему,—или литературными или художественными произведеніями, подлежащими на общемъ основаніи, охранѣ закона въ смыслѣ воспрещенія самовольнаго изданія, повторенія и размноженія ихъ. Но архитектурные, инженерные и другіе технические планы, чертежи и рисунки имѣютъ и другое болѣе важное значеніе: по нимъ возводятся самыя постройки и сооруженія, и именно съ этой архитектурной, такъ сказать, точки зрѣнія они разсматриваются въ ст. 57 новаго закона. Несомнѣнно, что авторъ, не опубликовавшій своихъ плановъ, чертежей и рисунковъ, имѣетъ исключительное право производить по нимъ постройки, такъ какъ это является лишь способомъ пользованія авторомъ своимъ исключительнымъ правомъ. Гораздо болѣе сложнымъ представляется вопросъ о сохраненіи такого исключительнаго права за авторомъ, въ случаѣ опубликованія имъ своихъ плановъ, чертежей и рисунковъ. Проектъ Редакц. комиссіи разрѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, предоставляя каждому производить постройки и сооруженія по опубликованнымъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ, если авторъ при самомъ опубликованіи не оговорилъ, что оставляетъ за собою такое право. Редакц. Комиссія исходила при этомъ изъ того

соображенія, что самый фактъ опубликованія авторомъ своихъ плановъ, чертежей и рисунковъ свидѣтельствуетъ о намѣреніи автора сдѣлать ихъ доступными для общаго пользованія.

Проектъ министра юстиціи къ этой точкѣ зрѣнія не присоединился на основаніи слѣдующихъ соображеній. Появленіе, напр., въ спеціальномъ инженерномъ журналѣ чертежа желѣзнодорожнаго моста указываетъ лишь намѣреніе автора, въ интересахъ техническаго прогресса, а именно въ цѣляхъ облегченія дальнѣйшей обработки вопроса о мостовыхъ сооруженіяхъ, огласить свой чертежъ, сдѣлать его общедоступнымъ, но, именно, какъ *чертежъ, какъ предметъ литературной собственности* (ст. 41), а отнюдь не въ смыслѣ предоставленія каждому права строить по такому чертежу мосты безъ разрѣшенія его автора. Иначе, при всегда возможномъ со стороны автора опущеніи формальности относительно оговорки о сохраненіи за собою исключительнаго права на пользованіе опубликованнымъ чертежомъ для построекъ, получилось бы явное и ничѣмъ не оправдываемое нарушеніе правъ и интересовъ автора. Связывать съ опубликованіемъ техническихъ плановъ, чертежей и рисунковъ невыгодныя для авторовъ послѣдствія и въ практическомъ отношеніи не желательно, такъ какъ это могло бы отбить у авторовъ охоту дѣлиться своими техническими изображеніями съ спеціалистами, что отразилось бы неблагопріятно на развитіи техническихъ знаній въ Россіи.

Госуд. Совѣтъ, однако, не согласился съ этимъ взглядомъ и нашелъ болѣе правильнымъ исходить изъ противоположной презумпціи, установивъ въ ст. 57, что каждый можетъ производить постройки и сооруженія по опубликованнымъ архитектурнымъ черте-

жамъ, рисункамъ и планамъ, если авторъ не оговорилъ о сохраненіи права.

Дальнѣйшій вопросъ о правѣ производства построекъ и сооруженій по техническимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ не опубликованнымъ, а пріобрѣтеннымъ отъ автора или правопреемниковъ его другимъ лицомъ, разрѣшается закономъ въ той же ст. 57 въ смыслѣ признанія означеннаго права за пріобрѣтателемъ—на томъ основаніи, что въ случаѣ пріобрѣтенія кѣмъ-либо подобныхъ плановъ, чертежей или рисунковъ—безразлично, исполнены ли они по заказу или независимо отъ него—очевидною цѣлью сдѣлки является обыкновенно намѣреніе пріобрѣтателя возвести по нимъ постройки и сооруженія. Поэтому, если нѣтъ иного соглашенія, пріобрѣтатель вмѣстѣ съ правомъ на чертежи, пріобрѣтаетъ и право производить по нимъ постройки и сооруженія. Съ другой стороны, въ видѣ общаго правила, планы, чертежи и рисунки пріобрѣтаются для собственныхъ потребностей пріобрѣтателя, а не для извлеченія выгодъ путемъ переуступки права производить по нимъ постройки и сооруженія. Уступая планы, чертежи или рисунокъ другому лицу, авторъ лишь въ пользу этого лица, а не кого-либо иного, ограничиваетъ свое исключительное право на производство по нимъ построекъ и сооруженій; если же цѣлью пріобрѣтенія плана, чертежа или рисунка является, именно, переуступка права возводить по таковому постройки или сооруженія, то для сего требуется особое соглашеніе между авторомъ и пріобрѣтателемъ. Въ означенномъ смыслѣ изложена вторая часть ст. 57.

Въ новомъ законѣ отсутствуютъ опредѣлительныя постановленія по вопросу, могутъ ли считаться объектами авторскаго права уже возведенныя зданія, не-

зависимо отъ вопроса о чертежахъ, по которымъ они построены. Вопросъ этотъ еще недавно служилъ предметомъ споровъ въ литературѣ, въ которой преобладало мнѣніе, что копировать зданія или части зданій, дѣлать снимки съ фасадовъ, деталей и плановъ должно считаться дозволеннымъ. При этомъ указывалось, что воспроизведеніе предметовъ, находящихся у всѣхъ предъ глазами, не можетъ быть предметомъ запрета, что матеріальное назначеніе постройки обыкновенно перевѣшиваетъ ея эстетическое значеніе, что тутъ механическое исполненіе обыкновенно важнѣе умственной концепціи. Однако, въ послѣднее время замѣчается стремленіе включать архитектурныя произведенія въ кругъ объектовъ авторскаго права. *)

Такъ, по французскому закону 11 марта 1902 г.

*) Въ нашей литературѣ имѣется по этому предмету мнѣніе прив.-доцента А. Н. Гейне («Авторское право на произведенія зодчества», «Вѣст. Права», 1905 г., кн. 7): «Вопросъ объ авторскомъ правѣ, съ одной стороны, вовсе не относится къ безчисленнымъ постройкамъ, возведеннымъ исключительно съ утилитарными цѣлями, но ограничивается крайне тѣснымъ кругомъ зданій художественныхъ; съ другой стороны, въ числѣ послѣднихъ авторское право распространяется также на тѣ зданія, которыя предназначены и для опредѣленной цѣли утилитарной, лишь бы они не были лишены, съ тѣмъ вмѣстѣ, цѣлей художественныхъ, а не только единственно на тѣ, которыя воздвигнуты именно какъ произведенія искусства. Разумѣется, къ категоріи подлежащихъ охраненію правомъ авторскимъ архитектурныхъ произведеній слѣдуетъ относить не одни только *зданія*, *дворцы*, *церкви* и другія, предназначенныя къ пребыванію человѣка, *постройки*, но также *тріумфальныя арки*, *гробницы памятники*, *монументальные фонтаны*, *группы*; сюда же относится и придаточная *орнаментика*, въ видѣ украшеній изъ мрамора, бронзы, камня и металла, поскольку орнаменты представляются неотдѣлимыми отъ главнаго сооруженія, какъ, напр., статуи, употребляемыя вмѣсто колоннъ (каріатиды); но статуя въ нишѣ является, конечно, произведеніемъ чистой скульптуры".

и германскому 9 января 1907 г., зданія, поскольку они преслѣдуютъ художественныя цѣли, признаются объектами авторскаго права. Также вопросъ этотъ подвергся разсмотрѣнію при пересмотрѣ въ 1908 г. Бернской Конвенціи.

По нашему старому закону (п. 4 ст. 37), противозаконнымъ копированіемъ въ зодчествѣ считается построеніе общественнаго или частнаго зданія по чужому плану и фасаду; снимать же фасады, планы и самыя подробности (detailes) съ зданій, уже выстроенныхъ, не возбраняется, и контрафакціею не почитается. Неясная редакція постановленія этой статьи толкуется нѣкоторыми въ томъ смыслѣ, что законъ дѣлаетъ различіе между построеніемъ, т. е. „копированіемъ“ въ трехъ измѣреніяхъ, которое запрещается, и снятіемъ копіи, т. е. „копированіемъ“ въ двухъ измѣреніяхъ, посредствомъ передачи на плоскости, которое не возбраняется.

Въ новомъ законѣ имѣется только одно общее постановленіе, относящееся къ этому вопросу, въ п. 3 ст. 1, по которому авторское право распространяется на художественныя произведенія, причемъ указывается, что къ этимъ произведеніямъ относятся также произведенія зодчества. Дальнѣйшихъ же опредѣленій по этому предмету законъ въ отдѣлѣ о художественныхъ произведеніяхъ, кромѣ указанной ст. 57, не даетъ, вслѣдствіе чего указанный вопросъ надо считать въ нашемъ законѣ невыясненнымъ.

м) Фотографическія произведенія.

Въ дѣйствовавшемъ законѣ (прил. къ ст. 420 т. X ч. I) не содержалось никакихъ постановленій объ авторскомъ правѣ на фотографическія произведенія. Единственное упоминаніе о фотографіи содер-

жится въ ст. 1185 т. X ч. I, по которой порядокъ наслѣдованія послѣ смерти сочинителя, композитора, художника распространяется также на произведенія фотографіи.

Какъ извѣстно, въ литературѣ высказываются различные взгляды на фотографическія произведенія, какъ объектъ авторскаго права. Одни (напр.: Вехтеръ, Дауде) не признаютъ вовсе произведеній фотографіи художественнымъ творчествомъ, исходя изъ того положенія, что эти произведенія изготовляются посредствомъ аппаратовъ механическимъ и химическимъ способами, причемъ дѣятельность фотографа, пользующагося этими способами, составляетъ лишь обыкновенный трудъ, не являющійся результатомъ, собственно творческой дѣятельности. Другіе, напротивъ, относятъ произведенія фотографіи къ произведеніямъ художества, на томъ основаніи, что и въ дѣятельности фотографа слѣдуетъ видѣть элементъ творчества, ибо красота, художественность и самая удача снимка зависятъ отъ умѣнія пользоваться освѣщеніемъ, выбора мѣста для постановки аппарата, приданія снимаемому предмету извѣстнаго положенія группировки предметовъ и, наконецъ, отдѣлки негативовъ, требующей художественно-технической подготовки. Въ пользу отнесенія фотографіи къ изящному искусству, кромѣ представителей фотографическихъ обществъ, высказалась еще въ 1897 г. также наша Императорская Академія Художествъ, предлагавшая предоставить фотографамъ равныя съ другими художниками авторскія права на ихъ произведенія.

Однако, ни коммисія Госуд. Думы, въ которой были подвергнуты подробному разсмотрѣнію указанія фотографическихъ обществъ, ни коммисія Госуд.

Совѣта не признали возможнымъ согласиться съ необходимостью полнаго уравненія фотографическаго искусства, съ другими видами художественнаго творчества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, что фотографическія и подобныя имъ произведенія должны быть охраняемы закономъ объ авторскомъ правѣ на нѣкоторыхъ, особо для нихъ установленныхъ, основаніяхъ. Поэтому, согласно системѣ изложенія новаго закона, въ отдѣлѣ общихъ положеній ничего не говорится о фотографіи, а въ п. 4 ст. 1 сдѣлана ссылка на гл. VI, въ которой помѣщены спеціальныя постановленія о фотографическихъ произведеніяхъ.

Неодинаковый объемъ авторскихъ правъ на произведенія живописи и фотографіи мотивы Коммисіи Госуд. Совѣта объясняютъ различіемъ въ степени проявленія въ этихъ произведеніяхъ интеллектуальнаго труда и силы таланта. Фотографическое произведеніе какъ бы оно ни было художественно, не въ состояніи дать того отпечатка личности художника, который дается, напр., живописью. Особенности кисти и сочетанія красокъ живописца даютъ сразу представленіе о самомъ авторѣ произведенія. Затѣмъ, доступность пользованія фотографическимъ способомъ, возможность одновременнаго выпуска въ свѣтъ этого рода произведеній въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, занятіе фотографіею преимущественно какъ промысломъ, благодаря чему охраною закона объ авторскомъ правѣ пользуются предприниматели-собственники фотографическихъ фирмъ, а не фотографы-художники,—все это вмѣстѣ взятое не позволяетъ вполнѣ приравнивать фотографическія произведенія къ прочимъ видамъ художественнаго творчества.

Соотвѣтственно этому взгляду, законъ ограничиваетъ объемъ авторскихъ правъ на фотографическія произведенія сравнительно съ объемомъ этихъ правъ, которыми пользуются авторы прочихъ художественныхъ произведеній. Эти ограниченія касаются срока длительности, условій осуществленія, предѣловъ незакономѣрности нарушенія правъ фотографа.

Объектъ авторскаго права фотографовъ опредѣляется въ ст. 59 и 64. Фотографу принадлежитъ исключительное право повторенія, размноженія и изданія фотографическаго произведенія свѣтописнымъ, механическимъ, химическ[illegible] или инымъ подобнымъ способомъ. Это право распространяется не только на фотографическія, но и на другія, подобныя фотографіи, произведенія. Такими подобными фотографіи произведеніями слѣдуетъ считать всякія произведенія, получаемыя при воздѣйствіи свѣта на различные химическіе составы. Таковы геліогравюры, пирогравюры, хромолитографіи; сюда же относятся произведенія фотомеханическія. Всѣ такія произведенія, подобно фотографіи, изготовляются по преимуществу химически-механическимъ способомъ и вообще близко подходятъ къ произведеніямъ фотографическимъ. Мотивы Редакц. Коммисіи объясняютъ, что законъ воздерживается отъ перечисленія упомянутыхъ подобныхъ фотографіи произведеній, по той причинѣ, что въ виду большого и постояннаго увеличивающагося разнообразія этого рода произведеній, сколько нибудь исчерпывающее перечисленіе ихъ въ законѣ представляется совершенно невозможнымъ.

Изъ общаго правила, выраженнаго въ 1-ой части ст. 59, сдѣлано во 2-ой части той же статьи исключеніе относительно портретовъ и другихъ фотографическихъ произведеній, исполненныхъ по заказу,

на которыя авторское право принадлежитъ не фотографу, а лицу, сдѣлавшему заказъ.

Соображенія, вызывающія необходимость такого ограниченія авторскаго права фотографовъ, были уже выше изложены по поводу ст. 52 о портретахъ и бюстахъ, сдѣланныхъ художникомъ. Въ отношеніи фотографическихъ произведеній эти соображенія выступаютъ еще ярче, вслѣдствіе самого способа исполненія, дающаго возможность къ широкому распространенію снимковъ въ различныхъ видахъ и цѣляхъ. Въ настоящее время всякія фотографіи, даже изображающія интимную домашнюю обстановку, семейныя группы и т. п., фотографъ можетъ распространять, не спрашивая согласія лицъ, изображенныхъ на нихъ. Даже результаты научныхъ трудовъ и изысканій, если они воспроизведены фотографическимъ способомъ не самимъ ученымъ, а по его заказу—фотографомъ, перестаютъ принадлежать этому ученому и авторское право на ихъ фотографическое изображеніе переносится на этого случайнаго сотрудника. Затѣмъ, при сохраненіи авторскаго права за фотографомъ, заказчикъ фотографической карточки не имѣлъ бы возможности заказывать для себя повторенія или увеличенія этой карточки ни у кого другого, кромѣ того, именно, фотографа, который ее сдѣлалъ въ первый разъ. Разумѣется, такая зависимость заказчика карточки отъ фотографа создала бы на практикѣ въ повседневной жизни массу неудобствъ и несообразностей, которыя устраняются перенесеніемъ авторскаго права съ фотографа на лицо, сдѣлавшее заказъ.

Кромѣ портретовъ, фотографу, по смыслу ст. 59, не принадлежитъ авторское право и на всякія другія фотографическія изобрѣтенія, если они исполнены

имъ по заказу другого лица, напр., на всякаго рода снимки, представляющіе пейзажи или имѣющіе научную или техническую цѣль. Въ этомъ, между прочимъ, заключается отличіе фотографическаго авторскаго права отъ авторскаго права художниковъ, которое распространяется и на произведенія, исполненныя по заказу другого лица, за исключеніемъ портретовъ и бюстовъ (ст. 52).

н) Кинематографическія произведенія.

Въ связи съ фотографическими произведеніями находятся произведенія *кинематографическія*, получившія въ новѣйшее время весьма большое развитіе и создавшія новую отрасль искусства—кинематографію. Несомнѣнно, эти произведенія (изготовленныя для кинематографовъ ленты), требуя извѣстной концепціи для фотографическаго воспроизведенія на лентахъ комбинированныхъ картинъ, должны пользоваться защитой закона. Поэтому, Бернская конвенція въ редакціи 1908 г. вводитъ кинематографическія произведенія въ кругъ объектовъ авторскаго права. Но тамъ этотъ объектъ разсматривается не съ точки зрѣнія фотографическаго авторскаго права, а съ точки зрѣнія правъ авторовъ литературныхъ или художественныхъ произведеній. Именно, авторы литературныхъ, научныхъ или художественныхъ произведеній имѣютъ исключительное право дозволять воспроизведеніе и публичное исполненіе своихъ произведеній съ помощью кинематографіи. Сами кинематографическія произведенія защищаются какъ литературныя или художественныя произведенія, если, путемъ сценической постановки или комбинацій изображаемыхъ явленій, авторъ придалъ произведенію характеръ оригинальный. Поскольку это

не нарушаетъ правъ автора оригинальнаго произведенія, воспроизведеніе съ помощью кинематографа литературнаго или художественнаго произведенія защищается, какъ самостоятельное оригинальное произведеніе.

Въ нашемъ новомъ законѣ въ отдѣлѣ о фотографич. произведеніяхъ не содержится никакихъ постановленій о кинематографическихъ произведеніяхъ. Слѣдуетъ думать, что кинематографическія ленты охраняются, какъ объектъ фотографическаго авторскаго права, на общемъ основаніи, какъ и всякія другія фотографическія произведенія. Что касается права авторовъ литературныхъ и художественныхъ произведеній на воспроизведеніе и публичное исполненіе ихъ произведеній помощью кинематографіи, то объ этомъ въ законѣ не упоминается вовсе. Законъ защищаетъ только право композиторовъ на воспроизведеніе ихъ произведеній при помощи механическихъ инструментовъ, не упоминая при этомъ о такомъ же правѣ сочинителей (о чемъ выше было указано нами). Также едва ли примѣнимы къ кинематографіи постановленія о публичномъ исполненіи драматическихъ и музыкально-драматическихъ произведеній. Наконецъ, въ законѣ нигдѣ не упоминается о кинематографическихъ произведеніяхъ, какъ объектѣ авторскаго права на литературныя или художественныя произведенія, т. е. о защитѣ самого содержанія кинематографическихъ произведеній.

II. Субъектъ авторскаго права.

Субъектомъ авторскаго права является прежде всего лицо, духовному творчеству котораго произведеніе литературы, музыки и художества обязано своимъ возникновеніемъ, т. е. самъ авторъ. Такимъ образомъ, авторское право впервые возникаетъ въ лицѣ автора, который считается *первоначальнымъ* собственникомъ авторскаго права. Юридическіе правопреемники автора, т. е. тѣ, къ которымъ авторское право перешло отъ автора по какимъ-либо юридическимъ основаніямъ (издатели, наслѣдники)—пользуются *производнымъ* авторскимъ правомъ. Между первоначальнымъ и производнымъ авторскимъ правомъ существуетъ весьма существенное различіе. Въ лицѣ автора авторское право безсрочно, такъ какъ продолжается въ теченіе всей его жизни; въ лицѣ правопреемниковъ автора, оно ограничено извѣстнымъ срокомъ, по истеченіи котораго оно окончательно прекращается. Первоначальное право можетъ принадлежать только лицу физическому, съ личностью котораго неразрывно связано духовное творчество; производное же право можетъ принадлежать и юридическимъ лицамъ, на которыхъ волею автора переносятся права. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе отсутствія или неизвѣстности автора, первоначальное право можетъ впервые возникать не въ лицѣ, непосредственно связанномъ съ произведеніемъ духовною связью творчества, а въ другихъ лицахъ, которымъ законъ предоставляетъ это право, приравнивая ихъ къ авторамъ.

Такъ, по нѣкоторымъ западнымъ законодательствамъ издатели посмертныхъ сочиненій, или по нашему дѣйствовавшему закону издатели народныхъ

пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и повѣстей и другихъ произведеній народнаго творчества, сохранившихся въ изустномъ преданіи, и также первые издатели древнихъ рукописей или лѣтописей — пользуются такими же правами, какъ авторы новыхъ произведеній, т. е. первоначальнымъ авторскимъ правомъ. Также обладателемъ первоначальнаго авторскаго права по прежде дѣйствовавшему закону (ст.7 прил. къ ст.420) признавались издатели журналовъ и другихъ повременныхъ изданій, альманаховъ, сборниковъ и тому подобныхъ произведеній, создаваемыхъ соединенными силами многихъ лицъ и составляемыхъ изъ отдѣльныхъ произведеній разныхъ авторовъ, — по отношенію къ совокупной формѣ этихъ произведеній.

Новый законъ, въ отступленіе отъ порядка дѣйствовавшихъ постановленій, не признаетъ за издателями произведеній народнаго творчества и древнихъ рукописей, а также за издателями сборныхъ произведеній первоначальнаго авторскаго права и, поэтому, опредѣляетъ срокъ авторскаго права не со дня смерти ихъ, а со времени выхода въ свѣтъ этихъ произведеній.

а) *Юридическія лица.*

Авторское право можетъ принадлежать и юридическому лицу, не только какъ производное право, вслѣдствіе пріобрѣтенія какою-либо издательскою компаніею отъ автора принадлежащихъ ему исключительныхъ правъ на произведеніе, но и какъ первоначальное право въ тѣхъ случаяхъ, когда какія-либо ученыя общества и учрежденія (университеты, академіи) издаютъ свои труды, сборники, записки или художественныя произведенія.

Въ первомъ случаѣ право обществъ, учрежденій и другихъ юридическихъ лицъ на пріобрѣтенныя ими отъ единичныхъ авторовъ произведеній подлежитъ защитѣ на общемъ основаніи, наравнѣ съ единоличными издателями — правопреемниками автора; во второмъ случаѣ, т. е. когда юридическія лица (академіи, университеты и другія подобныя учрежденія) издаютъ свои повременныя или другія сборныя произведенія, они являются обладателями авторскихъ правъ, по отношенію къ своимъ изданіямъ въ цѣломъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ частные издатели по отношенію къ издаваемымъ ими сборникамъ, журналамъ и другимъ видамъ сборныхъ произведеній. Между тѣмъ дѣйствовавшее законодательство не различало эти случаи и устанавливало одинаково (въ ст. 22—24 прил. къ ст. 420) для всѣхъ произведеній, издаваемыхъ юридическимъ лицомъ (обществами) 50-лѣтній срокъ авторскаго права *со дня изданія*, вслѣдствіе чего юридическія лица, издавая пріобрѣтенныя ими отъ единичныхъ авторовъ произведенія, оказывались въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ единоличные издатели, ибо послѣдніе пользуются правомъ на пріобрѣтенныя ими отъ авторовъ произведенія въ теченіе 50 лѣтъ со дня смерти автора.

Эта неправильность устранена въ новомъ законѣ, въ которомъ права юридическихъ лицъ на издаваемыя ими произведенія, пріобрѣтенныя ими отъ авторовъ, не выдѣляются изъ общихъ положеній объ авторскомъ правѣ и тѣмъ вполнѣ приравниваются къ правамъ частныхъ правопреемниковъ авторовъ. То же самое—относительно правъ академій, университетовъ и ученыхъ, учебныхъ и другихъ установленій и обществъ и вообще юридическихъ лицъ на издаваемыя ими повременныя и сборныя изданія, т. е. составляе-

мыя изъ отдѣльныхъ произведеній различныхъ авторовъ: къ нимъ на общемъ основаніи должны имѣть примѣненіе постановленія о правахъ частныхъ издателей на подобныя произведенія.

б) *Соавторы.*

Авторское право можетъ принадлежать нѣсколькимъ авторамъ, создавшимъ произведеніе въ качествѣ соавторовъ. Слѣдуетъ различать *соавторство* отъ *сотрудничества.* Подъ соавторствомъ разумѣется такой случай, когда литературное произведеніе, представляющее одно нераздѣльное цѣлое, составлено совмѣстно двумя или нѣсколькими лицами, причемъ соавторство каждаго изъ нихъ относится къ произведенію въ его цѣломъ, независимо отъ того, какія отдѣльныя части его принадлежатъ труду одного или другого изъ соавторовъ, такъ какъ отдѣльныя его части и участіе соавтора въ каждой части не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Такъ, напр., извѣстно соавторство братьевъ Гонкуровъ или Эркмана и Шатріана. Также и въ нашей литературѣ имѣются многіе случаи совмѣстнаго написанія пьесъ, романовъ и также научныхъ сочиненій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ отдѣльныя главы въ романѣ или отдѣльные акты въ пьесѣ не имѣютъ сами по себѣ самостоятельнаго значенія и, поэтому, хотя бы между соавторами и былъ распредѣленъ трудъ писанія и каждый изъ нихъ писалъ одну какую-либо часть, но въ виду нераздѣльности произведенія, авторство каждаго распространяется на все произведеніе и, поэтому, всѣ соавторы сохраняютъ авторское право на все произведеніе.

Въ случаѣ соавторства субъектомъ авторскаго права являются всѣ соавторы вмѣстѣ, объектомъ же

этого права—нераздѣльное сочиненіе, составляющее одно самостоятельное цѣлое. Поэтому, если между соавторами нѣтъ особаго соглашенія, то пользованіе и распоряженіе произведеніемъ и извлеченіе изъ него выгодъ принадлежитъ всѣмъ соавторамъ въ равныхъ доляхъ, по общему правилу права общей собственности.

Въ нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ законодательствъ установлены особыя правила, предусматривающія послѣдствія отсутствія между соавторами соглашенія относительно пользованія литературнымъ произведеніемъ, являющимся продуктомъ совокупнаго труда. Такъ, по венгерскому закону, если литературное произведеніе составлено нѣсколькими соавторами, причемъ отдѣльная часть труда каждаго не можетъ быть различена, всякій изъ нихъ въ правѣ издавать и продавать это произведеніе по уплатѣ другимъ соавторамъ подлежащаго вознагражденія, опредѣляемаго судомъ при участіи свѣдущихъ людей. Но въ этомъ случаѣ ни одинъ изъ авторовъ не можетъ быть обязанъ выставить свое имя на произведеніи. По бельгійскому закону, въ случаѣ нераздѣльности авторскаго права на произведеніе, составленное нѣсколькими соавторами, и отсутствія между ними соглашенія, каждый изъ соавторовъ можетъ печатать или продавать такое произведеніе лишь на основаніи постановленія суда. По итальянскому закону, когда исключительное право опубликованія, воспроизведенія и продажи принадлежитъ сообща нѣсколькимъ лицамъ, слѣдуетъ предполагать, пока не будетъ доказанс противное, что каждое изъ нихъ имѣетъ равную часть и что каждое изъ нихъ можетъ осуществлять право полностью съ обязанностью выдѣлить прочимъ стоимость ихъ долей.

Нашимъ старымъ закономъ случай соавторства вовсе не предусматривается, и новый законъ (ст. 5) впервые вводитъ правило о томъ, что авторское право на произведеніе, составленное совокупно нѣсколькими лицами и образующее одно нераздѣльное цѣлое, принадлежитъ всѣмъ авторамъ. Новый законъ, однако, не содержитъ никакихъ постановленій относительно взаимныхъ отношеній между соавторами, ограничиваясь указаніемъ, что къ авторскому праву соавторовъ имѣютъ „соотвѣтственное примѣненіе правила объ общей собственности". Въ виду устраненія изъ новаго закона термина: *литературная, музыкальная и художественная собственность*, ссылка на правила объ *общей собственности* имѣетъ значеніе исключительно техническаго удобства, дабы устранить необходимость подробнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній соучастниковъ въ общемъ авторскомъ правѣ. Само собою разумѣется, что правила объ общей собственности должны быть примѣняемы къ данному случаю не буквально, а съ принятіемъ въ соображеніе особенностей авторскаго права, отличающихъ его отъ обыкновенной собственности. На это и указываетъ употребленное въ текстѣ ст. 5 выраженіе: *соотвѣтственное примѣненіе.**)

Кромѣ соавторства по отношенію къ совокупному труду, образующему одно нераздѣльное цѣлое (о которомъ говоритъ ст. 5), возможны случаи составленія совокупнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ произведенія, въ которомъ каждая изъ составныхъ частей сохраняетъ самостоятельное научное, литературное или художественное значеніе. Такъ, напр., возможно изготовленіе памятника, пьедесталъ котораго сдѣланъ

---

*) См. мотивы проекта Мин. Юстиціи.

однимъ, а самая статуя другимъ, или составленіе изданія, текстъ котораго принадлежитъ одному автору, а иллюстрація другому. Случаи подобнаго соавторства бываютъ весьма разнообразны. Въ этихъ случаяхъ имѣются два объекта: каждая составная часть произведенія въ отдѣльности и все произведеніе въ своемъ нераздѣльномъ цѣломъ. Соотвѣтственно этому, и каждый изъ соавторовъ такого произведенія является субъектомъ и по отношенію къ цѣлому произведенію и по отношенію къ той составной части его, которая имъ сдѣлана. Во избѣжаніе возможныхъ на практикѣ споровъ между соавторами этого рода произведеній, имѣющихъ самостоятельное значеніе не только въ цѣломъ, но и въ составныхъ частяхъ, законъ считалъ нужнымъ въ ст. 15 ясно выразить, что въ означенныхъ случаяхъ каждый изъ соавторовъ сохраняетъ исключительное право на свое отдѣльное произведеніе, распоряженіе же цѣлымъ произведеніемъ, если изъ существа взаимныхъ отношеній не явствуетъ противное, можетъ послѣдовать лишь съ общаго согласія всѣхъ соавторовъ.

По отношенію къ музыкальнымъ произведеніямъ, кромѣ общаго случая соавторства въ созданіи одного цѣльнаго музыкальнаго произведенія (оперы, ораторіи, симфоніи и т. п.), представляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ соавторство композитора и составителя либретто, то есть соединеніе музыкальнаго и литературнаго авторскаго права. Новый законъ разсматриваетъ вопросъ о взаимныхъ правахъ композитора и либреттиста въ ст. 45 и 46. (Подробныя объясненія по этому предмету—см. выше на стр. 157—160).

Въ законѣ упоминается также о случаѣ соединенія фотографическаго и литературнаго авторскаго права, т. е. о соавторствѣ фотографа и сочинителя (ст.

61). Къ этому случаю, очевидно, примѣнимо правило ст. 15, такъ какъ тутъ имѣется въ виду произведеніе, составленное совокупнымъ трудомъ и состоящее изъ частей, изъ которыхъ каждая сохраняетъ самостоятельное значеніе.

в) *Сотрудники, редакторъ, издатель.*

Отъ соавторства отличается *сотрудничество*, которое имѣетъ мѣсто при составленіи какого-либо произведенія коллективнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ по порученію одного лица—редактора или издателя этого произведенія,—причемъ участіе каждаго опредѣлено по отношенію къ части сборника. Въ этомъ случаѣ, въ противоположность случаю соавторства, право на цѣлое произведеніе (сборное произведеніе) принадлежитъ издателю, т. е. лицу, по порученію котораго каждый изъ сотрудниковъ исполнилъ свою работу, а каждому изъ сотрудниковъ принадлежитъ право на свое отдѣльное произведеніе.

Подробнѣе объ этомъ было изложено выше (стр. 134—137..) при разсмотрѣніи ст. 14, трактующей о сборныхъ произведеніяхъ, какъ объектѣ авторскаго права.

По поводу указанной ст. 14 новаго закона, въ докладѣ комиссіи Спб. Литературнаго Общества имѣются обширныя соображенія съ проектомъ измѣненнаго текста этой статьи, съ которыми трудно согласиться. Комиссія полагаетъ, что авторское право на сборное изданіе въ цѣломъ должно принадлежать не издателю, а редактору такого изданія,—на томъ основаніи, что всякій сборникъ (газета, журналъ, альманахъ, энциклопедическій словарь и т. п.) является духовнымъ дѣтищемъ редактора, и, поэтому, трудъ его по созданію сборника долженъ быть приравненъ къ труду автора обыкновенной книги; на этомъ

основаніи отношенія между редактсромъ и издателемъ сборника являются такими же, какъ отношенія между авторомъ и издателемъ обыкновенной книги; поэтому, по общему правилу, за издателемъ сборника могутъ быть признаны только тѣ права, которыя непосредственно и прямо уступлены ему редакторомъ, а при отсутствіи особаго соглашенія, издатель имѣетъ право только на одно изданіе уступленаго ему сборника, а редакторъ сохраняетъ право на всѣ послѣдующія изданія.

Разсужденіе это невѣрно въ своей основѣ и, поэтому, неправильны выводы изъ него. Авторское право, какъ бы ни конструировать его теоретически, имѣетъ въ концѣ концовъ въ виду защиту не духовнаго, а *имущественнаго* интереса. Признаваемое за авторомъ право на его произведеніе есть право на вознагражденіе за его трудъ, и смыслъ издательскаго договора заключается, именно, въ томъ, что издатель, возмѣстивъ автора за его трудъ, является его правопреемникомъ. Аналогіи между редакторомъ сборнаго произведенія и авторомъ обыкновенной книги нѣтъ, потому что авторъ, осуществляя свое право, возмѣщаетъ этимъ свое вознагражденіе за трудъ и свои затраты на изданіе, т. е. все то, что ему принадлежитъ въ имущественномъ отношеніи; редакторъ же сборнаго изданія, получая отъ издателя вознагражденіе за свой редакторскій трудъ и не производя никакихъ затратъ на изданіе, не обладаетъ уже никакимъ имущественнымъ правомъ, которое должно было бы быть удовлетворено предоставленіемъ ему авторскаго права. Издатель же сборнаго изданія, возмѣстившій редактора и сотрудниковъ за ихъ трудъ, затратившій свой собственный издательскій трудъ и произведшій всѣ расходы по осуществленію плана изданія, оче-

видно, долженъ быть признанъ, по отношенію къ изданію въ цѣломъ, субъектомъ того имущественнаго права, которое реализуется авторскимъ правомъ. Такимъ образомъ, тутъ имѣется не та аналогія, которая указывается комиссіею (между редакторомъ и авторомъ) и по которой за редакторомъ признается авторское право, посколько имъ не уступлено это право издателю, а другая аналогія—между издателемъ сборнаго произведенія и издателемъ произведенія, на которое авторомъ за единовременное вознагражденіе отчуждено авторское право.

Съ этой юридической стороны едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ комиссіи, что ст. 14 „носитъ на себѣ слѣды особой заботливости законодателя объ интересахъ издателя въ ущербъ интересамъ автора и редактора“ и что авторы проекта „считаютъ собственностью издателя духовный трудъ редактора, какъ купленный на началѣ частнаго найма“. Въ этой точкѣ зрѣнія комиссіи нельзя не усматривать непониманіе и искаженіе существа института авторскаго права, который, какъ всѣ институты гражданскаго права, имѣетъ опредѣленную задачу—устанавливать и защищать имущественный интересъ.

Далѣе, комиссія, исходя изъ своей невѣрной точки зрѣнія, полагаетъ, что для переизданія сборнаго произведенія въ его цѣломъ издатель (по вышеуказанному взгляду—редакторъ) долженъ получить вторично согласіе авторовъ-сотрудниковъ, въ виду того, что авторъ, по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, съ измѣненіемъ политическихъ взглядовъ кого-нибудь изъ участвовавшихъ въ сборномъ изданіи сотрудниковъ, можетъ не желать, чтобы его

статья была напечатана въ одномъ сборникѣ съ статьями его политическихъ противниковъ.

Приэтомъ, комиссія допускаетъ исключенія въ двухъ случаяхъ, когда переизданіе сборнаго изданія не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ произвола сотрудниковъ,—именно, въ случаѣ необходимости переиздать въ теченіе подписного года недостающія для удовлетворенія прибавившихся подписчиковъ книжекъ журнала, и въ случаѣ переиздания, спустя 30 лѣтъ, старыхъ періодическихъ изданій, сохранившихъ лишь историческое значеніе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ издатель, напр., альманаха, энциклопедическаго словаря и т. п. сборныхъ произведеній не можетъ выпустить второе и слѣдующія изданія, если онъ не заручится согласіемъ на это всѣхъ бывшихъ сотрудниковъ, для чего онъ долженъ будетъ ихъ разыскивать и испрашивать ихъ согласія, считаясь со всякаго рода ихъ соображеніями и желаніями на этотъ счетъ.

Тутъ тоже на лицо непониманіе со стороны членовъ комиссіи Спб. Литературнаго Общества существа авторскаго права. Можно и не спорить по существу противъ соображеній комиссіи, которыми, по ея мнѣнію, оправдывается требованіе согласія сотрудниковъ на переизданіе сборника. Но вѣдь, законъ объ авторскомъ правѣ есть институтъ гражданскаго права, а не кодексъ литературно-этическихъ правилъ; законодательный же актъ, конечно, не можетъ нормировать имущественные интересы въ зависимости отъ такихъ необъективныхъ, эластичныхъ и неопредѣленныхъ моментовъ, какъ желаніе или нежеланіе кого-либо изъ сотрудниковъ быть напечатаннымъ рядомъ съ своимъ политическимъ противникомъ. Затѣмъ, разъ за издателемъ (по мнѣнію комис-

сіи—за редакторомъ) признается авторское право на сборное изданіе въ цѣломъ, то представляется юридическимъ nonsens'омъ—ставить осуществленіе этого права отъ воли третьяго лица, которое сообладателемъ этого права не состоитъ.

г) *Анонимы и псевдонимы.*

Субъектъ авторскаго права можетъ оказаться неизвѣстнымъ вслѣдствіе изданія сочиненія безъ фамиліи автора (*анонимное*) или подъ вымышленнымъ именемъ (*псевдонимное*). Не смотря на то, что въ этихъ случаяхъ не имѣется опредѣленнаго субъекта авторскаго права, всѣ законодательства, однако, не разрѣшаютъ свободной перепечатки анонимныхъ или псевдонимныхъ произведеній, охраняя права неизвѣстнаго автора въ лицѣ издателя, за которымъ признается исключительное право въ теченіе извѣстнаго срока со времени изданія. Если же авторъ въ теченіе этого срока заявитъ и докажетъ свое авторство, то онъ пользуется своимъ авторскимъ правомъ на общемъ основаніи.

Нашъ старый законъ не содержитъ никакихъ постановленій относительно анонимныхъ и псевдонимныхъ произведеній, которыя, такимъ образомъ, были лишены защиты. Едва ли, можетъ возникать сомнѣніе относительно того, что несправедливо лишать защиты автора только потому, что онъ скрылъ свою фамилію. Необходимость сокрытія авторомъ своей фамиліи можетъ вызываться различными причинами личнаго или политическаго свойства, которыя въ моментъ изданія произведенія являлись вполнѣ уважительными, а впослѣдствіи, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, могли отпасть. Поэтому, нѣтъ основанія отнимать у анонимнаго или псевдонимнаго

автора принадлежащія ему имущественныя права, налагая на него, какъ бы, кару за сокрытіе своей фамиліи.

Новый законъ восполняетъ этотъ пробѣлъ въ прежнемъ законодательствѣ и признаетъ (въ ст. 17) анонимныя и псевдонимныя произведенія подлежащими охранѣ. Но въ виду неизвѣстности лица автора, проектъ министра юстиціи предполагалъ, по примѣру западныхъ законодательствъ, до заявленія и удостовѣренія авторомъ либо правопреемниками его своихъ правъ, присвоить авторское право издателю произведенія, выпущеннаго въ свѣтъ безъ означенія фамиліи автора или подъ вымышленнымъ именемъ, считая издателя, какъ бы временнымъ хранителемъ и представителемъ неизвѣстнаго автора. При этомъ срокъ авторскаго права для издателя предполагалось установить, какъ и въ другихъ случаяхъ производнаго авторскаго права, 50-лѣтній *со времени изданія произведенія*, т. е. сокращенный срокъ. Если же авторъ или правопреемники его до истеченія этого срока заявятъ и удостовѣрятъ свои авторскія права, то они осуществляютъ ихъ въ общеустановленномъ порядкѣ, т. е. въ теченіе 50-ти лѣтъ со дня ихъ смерти.

Въ такомъ видѣ была принята ст. 17 Госуд. Думой. Но комиссія Госуд. Совѣта не согласилась съ этою редакціею, на томъ основаніи, что, строго говоря, при изданіи произведенія подъ анонимомъ и псевдонимомъ, субъектъ авторскаго права, хотя и остается неизвѣстнымъ для общества, но въ дѣйствительности существуетъ, и переносить его авторское право на издателя нѣтъ основаній, тѣмъ болѣе, что издательское дѣло у насъ развито очень слабо, вслѣдствіе чего большинство нашихъ авторовъ выну-

ждено печатать свои произведенія на собственный счетъ. Поэтому, въ редакціи ст. 17, принятой Госуд. Совѣтомъ, авторское право сохраняется за авторомъ (а не за издателемъ) анонимнаго или псевдонимнаго произведенія.

д) *Иностранные подданные.*

При опредѣленіи субъекта авторскаго права имѣетъ значеніе подданство автора и мѣсто изданія произведенія. Такъ какъ авторское право есть право sui generis, предѣлы и содержаніе котораго опредѣляются не общегражданскими началами, а исключительно требованіями общественнаго и государственнаго интереса, то отъ государственной власти вполнѣ зависитъ установить тѣ или другіе предѣлы защиты какъ правъ авторовъ иностраннаго подданства, такъ и произведеній, изданныхъ за границей.

Новый законъ въ этомъ отношеніи значительно расширяетъ защиту авторскаго права, сравнительно со старымъ закономъ. Прежде всего, законъ (ст. 4) признаетъ авторское право въ отношеніи произведеній, появившихся въ Россіи, за всѣми авторами и ихъ правопреемниками, независимо отъ ихъ подданства. Слѣдовательно, для защиты авторскаго права достаточно факта появленія произведенія въ Россіи. Такое полное равенство между своими и иностранными подданными установлено почти во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, однако, встрѣчаются извѣстныя ограниченія иностранныхъ подданныхъ. Такъ, по герм. закону иностранный подданный можетъ пользоваться авторскимъ правомъ лишь въ томъ случаѣ, если произведеніе издано книгопродавцемъ, проживающимъ въ Германіи. По другимъ законодательствамъ (Испанскій законъ,

Португ. гражд. улож., Греческое угол. улож.) авторское право иностранцевъ признается только подъ условіемъ взаимности.

Затѣмъ, законъ въ той же ст. 4 распространяетъ защиту авторскаго права и на русскихъ подданныхъ, издавшихъ свои произведенія за границей, а равно на правопреемниковъ ихъ, хотя бы послѣдніе были иностранными подданными. Правило это имѣется и въ старомъ законѣ (ст. 48 прил. къ ст. 420), но только по отношенію къ музыкальнымъ произведеніямъ. Новымъ же закономъ оно устанавливается по отношенію ко всѣмъ произведеніямъ.

По поводу этой статьи въ Государственномъ Совѣтѣ выступилъ представитель купечества Г. А. Крестовниковъ, указавшій, что установленное этою статьею право за русскими авторами въ отношеніи ихъ произведеній, появившихся за границей, нарушаетъ интересы русскихъ издательствъ. Ссылаясь на иностранныя законодательства, главнымъ образомъ на вышедшій въ 1909 г. законъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ которыхъ установленіе авторскаго права связано съ территоріею (произведенія, изданныя внѣ территоріи отечества автора, не пользуются покровительствомъ закона), Г. А. Крестовниковъ доказывалъ, что съ принятіемъ правила ст. 4 интересы издательскаго дѣла въ Россіи будутъ ограждаться исключительно таможенной пошлиной, въ размѣрѣ 17 руб. съ пуда книгъ на русскомъ языкѣ, изданныхъ за границей и привозимыхъ въ Россію. Пошлина эта ложится на стоимость книги весьма небольшой прибавкой, которая не будетъ имѣть значенія, потому что печатаніе книгъ за границей, гдѣ издательское дѣло развито шире, бумага стоитъ дешевле и книги издаются лучше, имѣетъ большія преиму-

щества для русскаго автора. Кромѣ того, иностранные авторы обыкновенно передаютъ свои права издательскимъ фирмамъ, которыя, владѣя авторскими правами и правомъ на переводъ, вовсе не будутъ разрѣшать перевода русскимъ переводчикамъ, а будутъ сами издавать книгу на русскомъ языкѣ и извлекать барышъ отъ продажи привозимыхъ въ Россію экземпляровъ. При такихъ условіяхъ многочисленные переводы иностранныхъ авторовъ въ Россіи вовсе прекратятся, и мы будемъ получать переводы съ иностранныхъ авторовъ изъ-за границы. Такимъ образомъ, правило ст. 4 подрываетъ русское издательское дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ затрагиваетъ интересы русскихъ переводчиковъ, типографщиковъ, словолитчиковъ и пр. Поэтому, Г. А. Крестовниковъ требовалъ исключенія этой статьи. Госуд. Совѣтъ, однако, на такое ограниченіе правъ русскихъ авторовъ не согласился.

Наконецъ, въ отступленіе отъ дѣйствовавшаго закона новый законъ, въ ст. 32 и 44, запрещаетъ перепечатку въ Россіи изданныхъ за границей литературныхъ и музыкальныхъ произведеній безъ согласія лицъ, имѣющихъ по законамъ страны, въ которой были изданы эти произведенія, авторское право на нихъ, съ тѣмъ, однако, что охрана этихъ произведеній отъ перепечатки не можетъ простираться за предѣлы сроковъ, установленныхъ по русскому закону.

Установленіе этого правила по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ вызвано, какъ объясняютъ мотивы къ закону, соображеніями этическими,—именно, безнравственностью допускать самовольное пользованіе чужимъ трудомъ путемъ грубаго механическаго воспроизведенія чужихъ сочиненій, а

также и тѣмъ соображеніемъ, что допущеніе свободы подобныхъ перепечатокъ не оправдывается требованіями и интересами русскаго просвѣщенія, такъ какъ перепечатка иностранныхъ литературныхъ произведеній лишена просвѣтительнаго значенія, какое имѣютъ переводы, и можетъ преслѣдовать только спекулятивныя, коммерческія цѣли, покровительство которымъ, конечно, не можетъ входить въ задачу закона.

По отношенію къ перепечаткѣ изданныхъ за границей музыкальныхъ произведеній иностранныхъ композиторовъ вопросъ представляется не столь безспорнымъ и вызвалъ въ средѣ членовъ Редакц. Комиссіи по сост. проекта гр. улож. разногласіе. Большинство членовъ полагало, что запрещеніе перепечатки въ Россіи произведеній иностранныхъ композиторовъ и стѣсненіе свободнаго пользованія ими вредно отразилось бы на музыкальныхъ интересахъ русскаго общества, ибо значительно уменьшило бы доступность этихъ произведеній, интересъ къ которымъ, между тѣмъ, среди лицъ, занимающихся музыкою, весьма у насъ распространенъ. Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что спросъ за границею на русскія музыкальныя произведенія крайне невеликъ, и при такихъ условіяхъ отмѣна свободы перепечатки въ Россіи иностранныхъ музыкальныхъ произведеній можетъ принести пользу лишь иностраннымъ государствамъ, но не Россіи. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ, по мнѣнію большинства членовъ, долженъ составить предметъ международныхъ соглашеній, и разрѣшать его въ самомъ законѣ не представляется никакой надобности.

Съ этимъ мнѣніемъ не согласился Министръ Юстиціи, который въ объяснит. запискѣ указываетъ,

что хотя для музыкальнаго образованія, дѣйствительно, весьма важны произведенія классическихъ авторовъ, но они давно уже стали общимъ достояніемъ. Произведенія же современныхъ иностранныхъ композиторовъ вовсе не столь совершенны, чтобы нѣкоторое затрудненіе распространенія ихъ въ Россіи могло принести сколько-нибудь ощутительный вредъ. Притомъ въ области музыки Россія занимаетъ достаточно самостоятельное мѣсто, имѣя цѣлый рядъ выдающихся композиторовъ, и, поэтому, вовсе не нуждается въ подражаніи современнымъ заграничнымъ образцамъ и въ облегченіи распространенія ихъ въ Россіи. Кромѣ того, дозволеніе перепечатки въ Россіи музыкальныхъ произведеній иностранныхъ композиторовъ весьма вредно отозвалось бы на развитіи музыкально-издательскаго дѣла у насъ, такъ какъ конкуренція иностранныхъ произведеній тормозила и затрудняла бы сбытъ произведеній отечественныхъ композиторовъ.

Это мнѣніе было принято Госуд. Думой и Госуд. Совѣтомъ и выражено въ соотвѣтственной редакціи ст. 44 закона, воспроизводящей содержаніе ст. 32 о запрещеніи перепечатки литературныхъ произведеній.

На художественныя произведенія законъ почему-то не распространяетъ правилъ о запрещеніи перепечатки, и, слѣдовательно, воспроизведеніе въ Россіи изданныхъ за границей рисунковъ, иллюстрацій и т. п. иностранныхъ художниковъ не запрещается.

Всѣ указанныя правила касаются произведеній, опубликованныхъ авторомъ. Что же касается произведеній, находящихся въ неопубликованномъ видѣ, то законъ не дѣлаетъ никакихъ ограниченій и признаетъ авторское право на такія произведенія за

всѣми авторами и ихъ правопреемниками, независимо отъ ихъ подданства и мѣста нахожденія произведенія (ст 4, п. 3).

Субъектомъ авторскаго права являются иностранные авторы по отношенію къ переводамъ съ ихъ произведеній. Охрана ихъ правъ въ этомъ отношеніи въ самомъ законѣ не установлена, а поставлена въ зависимость отъ заключенія между Россіею и иностранными государствами договоровъ по этому предмету (ст. 35). Подробнѣе объ этомъ см. выше (стр. 102—103).

е) Лишенные право-и дѣеспособности.

Думская комиссія остановилась на возбужденномъ въ литературѣ вопросѣ о томъ, могутъ ли быть субъектами авторскаго права лица, ограниченныя въ правоспособности (напр., лишенные всѣхъ правъ состоянія, монахи), либо въ дѣеспособности (душевнобольные, расточители, несостоятельные). Вопросъ этотъ остался безъ разрѣшенія въ законѣ, очевидно, по тому соображенію, что вопросъ этотъ долженъ разрѣшаться на общихъ основаніяхъ гражданскихъ законовъ, и нѣтъ необходимости въ спеціальныхъ постановленіяхъ по этому предмету.

III. Содержаніе авторскаго права.

Въ главѣ первой, при изложеніи историческаго хода развитія авторскаго права, было выяснено содержаніе этого понятія съ точки зрѣнія общественно-этическихъ и философски-правовыхъ основаній его. При этомъ было указано, что по господствующему въ наукѣ взгляду, нашедшему себѣ выраженіе въ новѣйшихъ законодательствахъ, авторское право не вытекаетъ изъ общеустановленныхъ началъ гражданскаго права, въ частности права собственности, а представляетъ собою право sui generis, опредѣляемое всецѣло свободнымъ произволеніемъ законодателя въ интересахъ общественныхъ и государственныхъ. Слѣдовательно, каждой странѣ, въ соотвѣтствіи съ ея бытовыми и общественными условіями, свойственны тѣ или другіе предѣлы, которыми опредѣляется содержаніе авторскаго права—въ отношеніи объема пользованіи имъ, условій допускаемыхъ заимствованій, продолжительности его, защиты его и т. д.

Русское старое законодательство объ авторскомъ правѣ, отражая въ себѣ черты русской государственности, было проникнуто полицейскимъ характеромъ, будучи тѣсно связано съ законоположеніями о цензурѣ, въ составѣ которыхъ оно долгое время занимало мѣсто въ сводѣ законовъ. Поэтому, имущественные интересы авторовъ охранялись этимъ законодательствомъ постольку, поскольку такая охрана отвѣчала требованіямъ цензуры. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на ст. 21 прил. къ ст. 420, по которой „напечатавшій книгу безъ соблюденія правилъ цензурнаго устава лишается всѣхъ правъ на оную“

Новый законъ, составленный по образцамъ западноевропейскихъ законовъ объ авторскомъ правѣ, главнымъ образомъ германскаго закона 19 іюня 1901 г., эманципировался отъ связи съ постановленіями устава о цензурѣ и печати и нормируетъ содержаніе авторскаго права на основаніяхъ исключительно имущественнаго права, съ установленіемъ ограниченій для него исключительно по требованіямъ общественнаго интереса.

Содержаніе авторскаго права опредѣляется съ положительной и отрицательной сторонъ. Автору принадлежитъ исключительное право пользованія и распоряженія своимъ произведеніемъ, и этому праву соотвѣтствуетъ возложенная на прочихъ лицъ обязанность воздержанія отъ нарушенія правъ автора. Съ другой стороны, авторъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и отношеніяхъ ограничивается въ своихъ правахъ, и прочимъ лицамъ предоставляется въ этихъ предѣлахъ свободно заимствовать и пользоваться чужими произведеніями.

Общимъ образомъ, принадлежащее автору право опредѣляется въ ст. 2, какъ „исключительное право всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе“. Это общее опредѣленіе дополняется ближайшимъ образомъ въ другихъ статьяхъ закона по отношенію къ каждой изъ отраслей умственнаго труда. Именно, по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ, въ составъ авторскаго права входятъ: 1) исключительное право публичнаго изложенія содержанія неопубликованнаго еще произведенія (ст. 27), 2) право передѣлки повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму или драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму (ст. 31) и 3) исключитель-

ное право автора дѣлать переводъ своего сочиненія на другіе языки, при условіи заявленія его на заглавномъ листѣ или въ предисловіи о сохраненіи имъ за собою этого права (ст. 33). Въ отношеніи музыкальныхъ произведеній, авторское право заключаетъ въ себѣ также исключительное право композитора на составленіе и изданіе сокращеній, извлеченій, попурри изъ его музыкальнаго произведенія, на переложеніе его въ цѣломъ или въ части на одинъ или нѣсколько голосовъ, на другіе тона, на отдѣльные инструменты или цѣлый оркестръ и на переинструментовку произведенія, а также на переложеніе на всякаго рода механическія ноты, предназначенныя для исполненія произведенія посредствомъ граммофоновъ, фонографовъ, піанолъ и тому подобныхъ инструментовъ (ст. 42) *). Также въ составъ авторскаго права на музыкальныя произведенія входитъ исключительное право на литературный текстъ, написанный по заказу композитора для музыкальнаго произведенія (ст. 46).

По отношенію къ драматическимъ, музыкальнымъ и музыкально-драматическимъ произведеніямъ, авторское право заключаетъ въ себѣ также исключительное право публичнаго исполненія этихъ произведеній, причемъ право композитора на публичное исполненіе музыкальнаго произведенія охраняется лишь въ томъ случаѣ, если имъ на каждомъ экземплярѣ музыкальнаго произведенія указано, что композиторъ оставилъ за собою это право (ст. 47, 48).

Въ отношеніи художественныхъ произведеній авторское право состоитъ изъ права повторять и размножать или издавать свое произведеніе всякими

*) Въ связи съ авторскимъ правомъ композиторовъ защищается также право фабрикантовъ на воспроизведеніе механическихъ нотъ.

способами, относящимися къ тому же роду искусства (ст. 55), за исключеніемъ портретовъ и бюстовъ, сдѣланныхъ по заказу другого лица (ст. 52).

Наконецъ, авторское право на фотографическія произведенія состоитъ изъ права повторять, размножать или издавать только свѣтописнымъ, механическимъ, химическимъ или инымъ подобнымъ способомъ, за исключеніемъ портретовъ и другихъ фотографическихъ произведеній, исполненныхъ по заказу другого лица (ст. 59).

Таково содержаніе авторскаго права, опредѣляемое съ положительной стороны. Отсюда вытекаетъ неправомѣрность дѣйствій со стороны постороннихъ лицъ, направленныхъ къ нарушенію указанныхъ правъ автора.

Съ другой стороны, въ извѣстныхъ, закономъ установленныхъ, отношеніяхъ и случаяхъ авторское право ограничивается, т. е. допускается пользованіе чужимъ произведеніемъ со стороны постороннихъ лицъ. Именно:

допускается пользованіе чужимъ произведеніемъ для созданія новаго произведенія, существенно отъ него отличающагося, а равно снятіе копій съ чужого произведенія исключительно для личнаго употребленія и безъ помѣщенія, притомъ, въ копіяхъ художественнаго произведенія подписи или монограммы автора подлинника (ст. 3);

допускаются въ литературныхъ произведеніяхъ небольшія выписки изъ чужихъ сочиненій и даже полная перепечатка чужихъ незначительныхъ по объему произведеній для помѣщенія въ хрестоматіяхъ и другихъ сборникахъ съ учебною, научною, либо техническою цѣлью (ст. 39);

допускается печатаніе въ повременныхъ изда-

ніяхъ рѣчей, произнесенныхъ въ законодательныхъ, судебныхъ, общественныхъ и публичныхъ собраніяхъ (ст. 38);

допускается въ газетахъ, журналахъ и прочихъ повременныхъ изданіяхъ перепечатка изъ другихъ повременныхъ изданій извѣстій о текущихъ событіяхъ и новостяхъ дня, а равно иногородныхъ сообщеній по телеграфу, или телефону (ст. 40);

допускается перепечатка законовъ, законодательныхъ матеріаловъ, постановленій правительственныхъ и общественныхъ собраній (ст.37);

допускается изданіе варіацій, транскрипцій, фантазій, этюдовъ на цѣлое или часть чужого музыкальнаго произведенія или, вообще, заимствованіе изъ него, если всѣ эти сочиненія настолько уклоняются отъ оригинала, что могутъ быть разсматриваемы, какъ новое и самостоятельное музыкальное произведеніе, а также—приведеніе въ изданіяхъ съ учебною или ученою цѣлью, въ видѣ примѣровъ, отдѣльныхъ мѣстъ изданнаго или публично исполненнаго музыкальнаго произведенія (ст. 43);

допускается публичное исполненіе музыкальнаго произведенія для цѣлей благотворительныхъ или во время народныхъ праздниковъ (ст. 50);

допускается снятіе копій съ художественныхъ произведеній, пріобрѣтенныхъ въ собственность для храмовъ Божіихъ, Императорскихъ дворцовъ, музеевъ, правительственныхъ и общественныхъ установленій (ст. 54);

допускается изображеніе произведеній живописи средствами ваянія и, наоборотъ, произведеній ваянія средствами живописи; воспроизведеніе отдѣльныхъ художественныхъ произведеній въ самостоятельномъ научномъ изслѣдованіи или же въ книгѣ, предна-

значенной для учебныхъ цѣлей и притомъ исключительно для поясненія текста; повтореніе художественныхъ произведеній, находящихся на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ въ иной отрасли такого же рода искусства; помѣщеніе отдѣльныхъ частей художественнаго произведенія въ издѣліяхъ заводской, фабричной и ремесленной промышленности; помѣщеніе произведеній на публичной выставкѣ (ст. 56);

допускается снятіе копій съ фотографическихъ произведеній, для личнаго употребленія; выставленіе фотографическаго произведенія на публичной выставкѣ, воспроизведеніе въ научныхъ изслѣдованіяхъ или въ книгѣ для учебныхъ цѣлей и помѣщеніе въ издѣліяхъ промышленности (ст. 62).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ авторское право не считается нарушеніемъ.

Кромѣ того, общее ограниченіе авторскаго права заключается въ установленной закономъ срочности его дѣйствія: по истеченіи установленныхъ сроковъ, право автора на его произведеніе, вообще, прекращается и оно поступаетъ въ общее пользованіе.

Обратимся теперь къ отдѣльнымъ постановленіямъ закона, опредѣляющимъ содержаніе авторскаго права съ положительной и отрицательной сторонъ.

а) *Право на драматизацію.*

Остановимся на ст. 31, которая въ составъ авторскаго права вводитъ право *драматизаціи* литературныхъ произведеній, т. е. право автора на передѣлку для сцены своихъ повѣствовательныхъ произведеній, относя самовольную передѣлку чужого произведенія къ числу нарушеній авторскаго права.

Вопросъ о драматизаціи представляется спорнымъ въ ученой литературѣ и неодинаково разрѣшается

въ положительныхъ законодательствахъ. Нѣкоторые ученые, между прочимъ, у насъ проф. Шершеневичъ, высказываются за довольно широкую свободу драматизаціи; другіе, напр., Pouillet (Traité théorique et pratique de la proprieté litteraire et artistique), напротивъ, признаютъ за авторомъ исключительное право на драматизацію своихъ сочиненій; третьи, наконецъ, (Gierke, Wächter) — даютъ относительное разрѣшеніе вопроса, признавая драматизацію допустимою или недопустимою въ зависимости отъ объема и свойствъ заимствованія.

Справедливость защиты правъ автора отъ самовольной драматизаціи его произведеній оправдывается матеріальными и нравственными интересами авторовъ. Самовольныя передѣлки сочиненій для сцены, несомнѣнно, являются способомъ извлеченія дохода и выгодъ изъ передѣлываемыхъ оригинальныхъ сочиненій и, слѣдовательно, наносятъ матеріальный ущербъ авторамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ страдаютъ и нравственные интересы авторовъ, ибо плохая, неумѣлая передѣлка можетъ совершенно исказить и опошлить произведеніе автора, который, между тѣмъ, является отвѣтственнымъ предъ публикой за свое произведеніе, и такимъ образомъ подрывается литературная и даже нравственная репутація его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставленіе авторамъ исключительнаго права на драматизацію ихъ сочиненій не можетъ быть признано стѣснительнымъ для цѣлей развитія сценическаго искусства, такъ какъ авторы, для которыхъ драматизація ихъ сочиненій можетъ только послужить къ распространенію ихъ литературной славы и популярности, конечно, не станутъ дѣлать препятствій передѣлкѣ ихъ сочиненій для сцены, если она окажется сдѣланной умѣло. Само собою разумѣется, что

воспрещеніе самовольной драматизаціи не можетъ быть понимаемо въ безусловномъ смыслѣ. Если заимствована только общая идея сочиненія или если сюжетъ драмы лишь навѣянъ сюжетомъ повѣствовательнаго сочиненія, но разработанъ совершенно самостоятельно, съ самостоятельнымъ развитіемъ хода дѣйствія, съ введеніемъ новыхъ персонажей, съ діалогами, не заключающими въ себѣ никакихъ заимствованій (какъ на примѣръ такой переработки можно указать на драмы Шекспира, сюжетъ большинства которыхъ, какъ извѣстно, заимствованъ изъ итальянскихъ, англійскихъ и другихъ новеллъ), то такое драматическое произведеніе не можетъ быть подведено подъ запретъ драматизаціи и вполнѣ подходитъ подъ общее правило (выраженное въ ст. 3) о допустимости пользованія чужимъ произведеніемъ для созданія произведенія новаго, самостоятельнаго. *)

Изъ иностранныхъ законодательствъ лишь весьма немногія, преимущественно новѣйшія, предусматриваютъ случаи драматизаціи, именно: норвежское, испанское, сѣверо-американское, германское. Всѣ эти законы и также проектъ англійскаго закона объ авт. правѣ 1899 г. признаютъ драматизацію нарушеніемъ авторскаго права. По германскому закону 1901 г. исключительное право автора на драматизацію своихъ сочиненій предполагается сохраненнымъ за нимъ, если противное не будетъ доказано, даже въ случаѣ отчужденія имъ своего авторскаго права; при уступкѣ же имъ только права на изданіе произведенія, право это сохраняется за авторомъ безусловно. Вопросъ о драматизаціи возникалъ также на Бернской конференціи, на которой было предложено установить въ текстѣ

*) См. мотивы Редакц. Комиссіи.

самой конвенціи воспрещеніе драматизаціи чужого произведенія. Но предложеніе это не могло быть принято въ виду того, что такое правило противорѣчитъ дѣйствующимъ въ разныхъ странахъ законодательствамъ. Впослѣдствіи, однако, въ Парижской декларацiи 4 мая 1896 г. драматизація была признана исключительнымъ правомъ автора и подведена подъ недозволенное воспроизведеніе (réproduction illicite) чужого произведенія, предусмотрѣнное § 10 Бернской конвенціи.

Въ нашемъ дѣйствовавшемъ законѣ не содержится никакихъ постановленій о драматизаціи сочиненій, изъ чего слѣдуетъ, что у насъ существовала свобода драматизаціи чужихъ сочиненій. Новый законъ восполняетъ этотъ пробѣлъ въ ст. 31, причемъ, по примѣру германскаго закона 1901 г., предусматриваетъ, кромѣ случая передѣлки повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму, также обратный случай — передѣлку драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму.

На вышеуказанномъ принципѣ основано также постановленіе ст. 42 закона, по которой авторское право на музыкальное произведеніе заключаетъ въ себѣ исключительное право на переложеніе его на отдѣльные инструменты или цѣлый оркестръ, либо на одинъ или нѣсколько голосовъ и также на запись нотъ, предназначенныхъ для механическаго исполненія произведенія посредствомъ граммофоновъ, фонографовъ, піанолъ и тому подобныхъ инструментовъ. Всѣ эти переложенія и передѣлки являются лишь способами и формами пользованія авторскимъ правомъ, принадлежащимъ композитору, какъ творцу музыкальнаго произведенія, а потому входятъ въ составъ его авторскаго права. Ст. 42 воспроизводитъ соотвѣт-

ствующее правило дѣйствовавшаго закона, съ нѣкоторымъ лишь дополненіемъ его примѣнительно къ современнымъ условіямъ музыкальнаго дѣла и къ постановленіямъ новѣйшихъ законодательствъ.

б) Право перевода.

Право автора на драматизацію своего произведенія вытекаетъ изъ права его на обработку его, т. е. на воспроизведеніе его въ измѣненной формѣ, но съ тѣмъ же содержаніемъ. Изъ того же основанія вытекаетъ право его на переводъ. Поэтому, нѣкоторые изъ иностранныхъ законовъ объ авторскомъ правѣ какъ напримѣръ, бельгійскій законъ 1886 г., признаютъ за авторомъ литературнаго произведенія безусловное исключительное право на переводъ, считая это право составною частью авторскаго права. Такого же воззрѣнія придерживается испанское законодательство, требующее для защиты перевода разрѣшенія автора сочиненія, съ котораго сдѣланъ переводъ. Другія законодательства, какъ итальянское и швейцарское, признаютъ за авторомъ исключительное право на переводъ только въ теченіе извѣстнаго срока, по истеченіи котораго открывается полная свобода перевода, именно, по итальянскому закону—въ теченіи 10 лѣтъ, а по швейцарскому—въ теченіи 5 лѣтъ съ момента появленія оригинала. Германскій законъ 1870 г. и венгерскій 1884 года еще болѣе ограничиваютъ авторовъ въ отношеніи исключительнаго права на переводъ, признавая за ними это право только въ видѣ исключенія въ теченіе 5 лѣтъ со дня появленія оригинала, при условіи, если авторъ сохраняетъ за собою право перевода надписью на заглавной страницѣ и, притомъ, исполнитъ этотъ переводъ не позже, какъ чрезъ 3 года, а для драматическихъ произ-

веденій—не позже, какъ до истеченія 6 мѣсяцевъ; когда авторъ выпуститъ свое сочиненіе одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, каждое такое изданіе считается оригинальнымъ. По германскому закону 1901 г. эти ограниченія отпали, и автору принадлежитъ безусловное, исключительное право на переводъ на другой языкъ или діалектъ того-же языка (даже если проза переведена въ стихахъ). Автору также принадлежитъ право на переводъ, когда оригиналъ написанъ на одномъ изъ мертвыхъ языковъ. По этому поводу въ мотивахъ къ германскому закону 1870 г. приводятся слѣдующія соображенія. „Такъ называемые мертвые языки не имѣютъ географической области. Сочиненіе, появившееся на одномъ изъ нихъ, предназначается для тѣхъ классовъ лицъ всѣхъ странъ, которые по своимъ познаніямъ способны понять его. Переводы такихъ сочиненій обращаются къ тѣмъ же классамъ лицъ, но лишь по устраненіи нѣкоторыхъ неудобствъ, а потому, конкурируютъ въ продажѣ съ составленнымъ на мертвомъ языкѣ оригиналомъ. Такъ какъ переводы съ мертваго языка на живой наносятъ ущербъ оригиналу, то они должны быть запрещены". По австрійскому и голландскому законодательствамъ также въ принципѣ признается свобода перевода, за исключеніемъ того случая, когда авторъ сохраняетъ за собою это право надписью на заглавной страницѣ или въ предисловіи и притомъ осуществилъ свое право въ теченіе трехъ лѣтъ; въ этомъ случаѣ право автора на переводъ продолжается 5 лѣтъ со дня появленія подлинника. Согласно постановленію Бернской конвенціи (въ редакціи 1896 г.), исключительное право на переводъ принадлежитъ автору на все время, пока онъ пользуется авторскимъ правомъ по законамъ своей стра-

ны; но если авторъ не сдѣлаетъ употребленія изъ этого права въ теченіе десятилѣтія со времени появленія въ свѣтъ его произведенія, то онъ теряетъ его.

Дѣйствовавшее русское законодательство (ст. 18 прил. къ ст. 420) проводило принципъ полной свободы переводовъ, не устанавливая въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій. Изъ этого принципа сдѣлано исключеніе только для сочинителей такихъ книгъ „для которыхъ были необходимы особенныя ученыя изысканія“. Сочинителямъ такихъ книгъ предоставляется исключительное право на переводъ, при томъ условіи, однако, что о намѣреніи своемъ воспользоваться этимъ правомъ они должны объявить при изданіи оригинальной книги и издать свой переводъ до истеченія двухъ лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ подлинника. При несоблюденіи этихъ условій изданіе книги въ переводѣ оставляется на волю каждаго. Благодаря неточности редакціи этой статьи 18, вопросъ о свободѣ переводовъ въ Россіи вызывалъ споры какъ въ судебной практикѣ, такъ и въ литературѣ, пока Сенатъ въ рѣшеніи 1891 г. № 13 по дѣлу Каразина и „St.-Petersburger Herold“ не разрѣшилъ окончательно этотъ вопросъ въ смыслѣ полной свободы переводовъ.

На несправедливость этого закона много разъ обращалось вниманіе общества. При этомъ указывалось, что допущеніе свободы переводовъ въ Россіи, состоящей изъ областей и губерній, въ которыхъ населеніе говоритъ на различныхъ языкахъ, является въ особенности несправедливымъ, причиняя авторамъ значительный ущербъ, такъ какъ сочиненія немедленно по выходѣ въ свѣтъ переводятся на другіе языки и конкурируютъ съ оригиналомъ. Съ теоретической стороны несправедливость полной свободы

переводовъ чужихъ сочиненій указывается тѣмъ, что, по господствующему мнѣнію, раздѣляемому и Редакціонною Комиссіею по составленію проекта гражд. улож., право перевода составляетъ составную часть авторскаго права, вытекая изъ него и будучи тѣсно связано съ нимъ, вслѣдствіе чего законъ объ авторскомъ правѣ, охраняя имущественные интересы автора, долженъ распространить эту защиту и на составные элементы этого права.

Эта точка зрѣнія—о правѣ перевода, какъ составной части авторскаго права—вызвала весьма серьезныя возраженія со стороны комиссіи Спб. Литературнаго общества. Если думать, говорится въ докладѣ этой комиссіи, что авторъ, создавшій какое-нибудь произведеніе, этимъ самымъ пріобрѣтаетъ право на это произведеніе во всѣхъ его формахъ и видахъ, то, чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдуетъ признать, что музыкальное произведеніе на стихотвореніе автора, или картина, иллюстрирующая или объясняющая какое-либо литературное произведеніе, или компиляція по научнымъ трудамъ автора—могутъ быть написаны только самимъ авторомъ или съ его согласія. акъ далеко не идутъ самые крайніе сторонники авторскаго права и этимъ они обнаруживаютъ свою непослѣдовательность. Нельзя, конечно, отрицать моментъ труда автора въ переводномъ произведеніи, но также нельзя отрицать моментъ труда автора и въ навѣянныхъ имъ произведеніяхъ композитора, иллюстратора, или художника-живописца и, наконецъ, компилятора. Авторское право, какъ право патентное, какъ всякое монопольное право на извѣстное дѣйствіе, должно быть толкуемо ограничительно. Переводъ, несомнѣнно, существенно отличается отъ произведенія, такъ какъ на немъ—по крайней мѣрѣ, на хорошемъ переводѣ

художественнаго произведенія,—всегда имѣется отпечатокъ индивидуальности переводчика, помимо индивидуальности автора. Стихотворный переводъ во всякомъ случаѣ долженъ считаться плодомъ самостоятельнаго творчества, произведеніемъ совершенно самостоятельнымъ и никоимъ образомъ не можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ согласія автора. Между тѣмъ, защитники теоріи исключительнаго права автора на переводъ идутъ такъ далеко, что не проводятъ различія между произведеніемъ прозаическимъ и произведеніемъ поэтическимъ (стихотворнымъ). Такимъ образомъ, напр., Лермонтову, чтобы напечатать свое стихотвореніе „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко", необходимо было бы имѣть разрѣшеніе Гейне. Вообще, отнынѣ русскій поэтъ, которому придетъ въ голову перевести чужое поэтическое произведеніе (напр., польскаго поэта), не будетъ имѣть возможности приступить къ своей работѣ въ порывѣ вдохновенія, а долженъ будетъ списываться съ авторомъ или издателемъ его и ждать отвѣта съ разрѣшеніемъ. Если же это произведеніе однажды съ разрѣшенія автора уже переведено, то даже авторъ не будетъ имѣть право дать его вторично другому лицу. Между тѣмъ, несомнѣнно, что каждое произведеніе нуждается въ новыхъ и новыхъ поэтическихъ толкованіяхъ, а, благодаря постановленію закона, это сдѣлается невозможнымъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ для каждаго поэтическаго произведенія. Въ виду этихъ соображеній и иллюстрируя ихъ примѣрами изъ исторіи нашей литературы, комиссія приходитъ къ заключенію что авторское право не можетъ заключать въ себѣ, какъ составную часть, исключительное право автора на переводъ, который долженъ быть свободенъ.

При обсужденіи законопроекта въ Думѣ, сторон-

ники свободы переводовъ (въ предѣлахъ Имперіи) выставили троякаго рода соображенія: 1) теоретическое соображеніе о томъ, что переводная работа, требуя отъ переводчика самостоятельнаго творчества (въ особенности, стихотворные переводы), даетъ переводчику самостоятельное право, не вытекающее изъ существа авторскаго права, и, поэтому, не можетъ быть признано за авторомъ право на переводъ, какъ не можетъ быть признано за авторомъ право на музыкальную или художественную иллюстрацію его произведенія или на другія формы и виды, переработанные изъ его произведенія; 2) практическое соображеніе, заключающееся въ томъ, что культурные интересы разноплеменнаго и разноязычнаго населенія Россіи требуютъ свободнаго взаимнаго обмѣна литературными и научными богатствами и что, въ особенности, необходима свобода переводовъ для мелкихъ народностей, населяющихъ Россію, которыя нуждаются въ культурныхъ произведеніяхъ болѣе численныхъ и болѣе богатыхъ народностей; 3) наконецъ, чисто тактическое соображеніе, которое, главнымъ образомъ, было выдвинуто въ качествѣ довода противъ ограниченія свободы переводовъ. Именно, указывалось на то, что проектъ министра юстиціи, отступая отъ дѣйствующаго законодательства въ отношеніи свободы переводовъ въ предѣлахъ Россіи и даруя русскимъ авторамъ право на переводъ, дѣлаетъ это съ предвзятой цѣлью— даровать это право, путемъ заключенія конвенціи или присоединенія къ Бернской Конвенціи, иностраннымъ авторамъ, такъ какъ иначе было бы неловко давать иностраннымъ авторамъ то право, котораго лишены русскіе авторы въ своемъ отечествѣ. Это является, такимъ образомъ, для министерства юстиціи ступенькой для слѣдующей, желательной министерству, сту-

пеньки; эта же слѣдующая ступенька не нужна и вредна для русскихъ національныхъ интересовъ, и, поэтому, слѣдуетъ отвергнуть ограниченіе свободы переводовъ въ предѣлахъ Россіи, чтобы тѣмъ затруднить предполагаемое въ будущемъ ограниченіе свободы переводовъ съ иностранныхъ произведеній.

Дума, однако, не согласилась съ этими доводами и приняла соотвѣтственную статью закона (ст. 33), одобренную и Госуд. Совѣтомъ, въ редакціи министра юстиціи, согласно которой за авторомъ признается исключительное право на переводъ своего сочиненія. При этомъ, однако, это исключительное право ограничивается десятилѣтнимъ срокомъ со времени изданія подлинника, подъ условіемъ напечатанія авторомъ перевода въ продолженіе 5 лѣтъ. Для осуществленія своего права на переводъ авторъ долженъ на заглавномъ листѣ или въ предисловіи сочиненія заявить о сохраненіи за собою этого права. Если это требованіе не исполнено, всякій воленъ переводить. Равнымъ образомъ, если до истеченія 5 лѣтъ авторъ не издаетъ своего перевода, онъ теряетъ свое право.

Защита авторскаго права на переводъ распространяется только на авторовъ, издавшихъ свои сочиненія въ Россіи, и также на русскихъ подданныхъ, издавшихъ сочиненія за границей, но не распространяется на иностранцевъ, выпустившихъ свои сочиненія за границей. (По поводу свободы переводовъ съ сочиненій иностранныхъ авторовъ подробныя объясненія изложены выше, въ главѣ второй и третьей настоящей книги).

По примѣру герм. закона 1901 г., нашъ законъ нашелъ несбходимымъ постановить правило о запрещеніи обратнаго на языкъ подлинника перевода съ перевода,—съ цѣлью оградить авторовъ отъ нару-

шенія ихъ правъ подобными переводами, которые, являясь часто лишь дословнымъ почти пересказомъ, а нерѣдко и явнымъ искаженіемъ подлинника, въ еще большей степени подрываютъ духовные и матеріальные интересы автора, чѣмъ переводы его сочиненія на другіе языки.

Наконецъ, установлено, что произведенія, изданныя одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, признаются на всѣхъ этихъ языкахъ подлинниками (ст. 34) — по той причинѣ, что въ этихъ случаяхъ неизвѣстно, на какомъ языкѣ авторъ считаетъ свое сочиненіе подлинникомъ. На практикѣ, однако, это правило можетъ вызвать недоразумѣнія, потому что выраженіе „одновременно“ едва-ли можно толковать въ смыслѣ точно установленнаго момента времени“ *).

в) *Право публичнаго исполненія.*

Произведенія драматическія и музыкально-драматическія и, отчасти, музыкальныя, по роду своему, по самой цѣли и характеру своему, предназначены по преимуществу для публичнаго ихъ исполненія. Поэтому, эти произведенія даютъ возможность извлечь изъ нихъ выгоду не только изданіемъ ихъ и продажею отдѣльныхъ экземпляровъ, но и посредствомъ публичнаго исполненія, которое является, такимъ образомъ, однимъ изъ способовъ осуществленія авторомъ авторскаго права на нихъ. Авторъ обыкновенно получаетъ наибольшую матеріальную выгоду отъ этихъ произведеній, именно, въ видѣ части сборовъ

*) По голландскому законодательству, въ случаѣ одновременнаго изданія на нѣсколькихъ языкахъ, оригинальнымъ считается только одно изъ изданій, именно то, которое пожелаетъ признать таковымъ самъ авторъ, а за молчаніемъ его—написанное на его національномъ языкѣ.

за публичное ихъ исполненіе (taxnième). По свойству этихъ произведеній выгода автора отъ продажи ихъ въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ для чтенія или непубличнаго исполненія менѣе той, которую онъ можетъ получить какъ вознагражденіе за разрѣшеніе ихъ публично исполнять. Относительно драматическаго произведенія, главнѣйшими родами котораго являются трагедія, драма, комедія, водевиль, само собою ясно, что интересъ къ нимъ въ публикѣ обусловливается не прочтеніемъ, а почти исключительно впечатлѣніемъ, которое получается зрителями при исполненіи ихъ на сценѣ. То же самое относится и къ музыкально-драматическимъ произведеніямъ, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть такія произведенія, въ которыхъ музыка и текстъ сливаются въ одно органическое, нераздѣльное цѣлое, предназначенное для исполненія въ сценической обстановкѣ. Подъ такія произведенія подходятъ опера и оперетка. Къ этой же категоріи можно отнести и балетъ, въ которомъ драматическое дѣйствіе, сопровождаемое музыкой, выражается танцами и мимикой. Нѣсколько въ иномъ положеніи находятся музыкальныя произведенія, т. е. произведенія, написанныя исключительно при помощи нотъ или же хотя и въ сопровожденіи текста, но не принадлежащаго къ числу-драматическихъ произведеній, напр., ораторіи, дуэты, тріо, квартеты и, вообще, романсы. Хотя и музыкальныя произведенія даютъ возможность композитору получать вознагражденіе за публичное исполненіе ихъ, но такой способъ извлеченія дохода не является главнымъ и почти исключительнымъ источникомъ для автора, какъ это является въ отношеніи драматическихъ и музыкально-драматическихъ произведеній, такъ какъ музыкальное произведеніе можетъ приносить композитору значительную

выгоду и путемъ распространенія его въ публикѣ въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ для частнаго исполненія.

Изъ изложеннаго вытекаетъ, что право публичнаго исполненія драматическихъ, музыкально-драматическихъ и музыкальныхъ произведеній не есть какой-либо особый институтъ, но входитъ въ общій составъ авторскаго права на эти спеціальныя произведенія, какъ одинъ изъ частныхъ видовъ его осуществленія. Поэтому, это право осуществляется на тѣхъ же основаніяхъ и въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ авторское право вообще. Однако, въ старомъ нашемъ законѣ это право, не находило себѣ достаточнаго огражденія. Ст. 43 прил. къ ст. 420 ограждала отъ публичнаго исполненія только музыкальныя и музыкально-драматическія произведенія; драматическія же произведенія охраняются отъ публичнаго исполненія только ст. 1684 улож. о нак., устанавливающей наказаніе за исполненіе ихъ безъ согласія автора. Кромѣ того, косвеннымъ признаніемъ права авторовъ на публичное исполненіе ихъ драматическихъ произведеній служитъ установленное въ прим. къ ст. 1 прил. къ ст. 420 вознагражденіе авторамъ и переводчикамъ пьесъ, принятыхъ для представленія на императорскихъ театрахъ. Но вообще, въ старомъ законѣ нѣтъ опредѣленія права публичнаго исполненія, какъ составной части авторскаго права. *)

*) Интересенъ возникшій въ нашей судебной практикѣ споръ между извѣстнымъ композиторомъ Даргомыжскимъ и купцомъ Стелловскимъ, которому первый продалъ оперу «Русалка». Стелловскій предъявилъ къ Даргомыжскому искъ на томъ основаніи, что послѣ уступки ему Даргомыжскимъ авторскаго права на «Русалку» послѣдній получилъ изъ С.-Петербургской и Московской театральныхъ конторъ поспектакльную плату за постановку этой оперы на

Пробѣлъ нашего стараго закона восполненъ въ новомъ законѣ, который въ ст. 47 прямо опредѣляетъ, что авторское право на драматическія, музыкальныя и музыкально-драматическія произведенія заключаетъ въ себѣ исключительное право на публичное испол-

---

Императорскихъ театрахъ въ суммѣ 5000 р., и требовалъ взысканія этихъ денегъ, принадлежащихъ ему, какъ правопреемнику композитора. Судъ и палата отказали въ искѣ. Сенатъ, подтвердившій взглядъ Палаты, мотивировалъ свое рѣшеніе слѣдующимъ своеобразнымъ образомъ (рѣш. гр. касс. д-та 1870 г. № 798): «Всякое произведеніе наукъ, словесности, художествъ и искусствъ сообщаетъ авторамъ произведеній разныя права, какъ личныя, такъ и имущественныя, установленныя нашимъ законодательствомъ. Личныя права состоятъ въ разнаго рода наградахъ или преимуществахъ, предоставленныхъ лицу, какъ автору; имущественныя права суть тѣ, кои принадлежатъ тому же лицу, какъ собственнику произведеній. Первыя изъ нихъ не наслѣдственныя и не могутъ существовать безъ существованія автора; вторыя, напротивъ того, какъ и всякое право собственности на имущество, могутъ переходить по наслѣдству или по передачѣ кому-либо другому въ предѣлахъ, закономъ установленныхъ. Въ законѣ 13 ноября 1827 г. объ управленіи Императорскими театрами установлено было, между прочимъ, особое положеніе о вознагражденіи сочинителямъ и переводчикамъ драматическихъ пьесъ и оперъ. На основаніи § 7 сего положенія, сочинители принятыхъ пьесъ и оперъ пользуются всю жизнь свою частью сбора, послѣдовавшаго въ дни представленія ихъ пьесъ на которомъ-нибудь изъ Императорскихъ театровъ обѣихъ столицъ; далѣе въ § 14 того же положенія предоставлено сочинителямъ право безплатнаго входа въ театръ въ дни казенныхъ представленій. Очевидно, что такого рода права, ограниченныя личностью автора, никакъ не могутъ входить въ составъ имущественныхъ его на сочиненіе и что эти права составляютъ особенность права автора на дарованныя его лицу преимущества, совершенно отдѣльныя отъ правъ собственника на сочиненіе».

Такимъ образомъ, по взгляду Сената, поспектакльная плата, подобно праву входа въ театръ, есть не имущественное, а личное право, и слѣдовательно, согласно этому взгляду, отчужденіемъ авторскаго права не передается правопреемнику право публичнаго исполненія.

неніе этихъ произведеній. При этомъ, однако, законъ проводитъ различіе между сценическими, т. е. драматическими и музыкально-драматическими произведеніями и музыкальными произведеніями: первыя произведенія безусловно охраняются отъ самовольнаго публичнаго исполненія, вторыя же (музыкальныя)—подъ условіемъ оговорки композитора на каждомъ экземплярѣ музыкальнаго произведенія, что онъ оставилъ за собою это право (ст. 48). *) Постановленіе это объясняется вышеуказаннымъ различіемъ между этими двумя родами произведеній въ отношеніи степени заинтересованности автора въ публичномъ исполненіи ихъ, какъ источникѣ извлеченія доходовъ изъ своего произведенія. Кромѣ того, какъ видно изъ мотивовъ закона, постановленіе ст. 48 имѣетъ въ виду, согласно указанію проекта Глав. Дир. Имп. Русс. Музык. Общ. устранить излишнія затрудненія, весьма часто связанныя съ полученіемъ отъ композитора согласія на исполненіе его музыкальнаго произведенія.

При исполненіи музыкальнаго произведенія съ текстомъ возникаетъ вопросъ, отъ кого требуется разрѣшеніе для исполненія—отъ автора ли музыкальнаго произведенія, т. е. композитора, или автора текста, такъ называемаго, либреттиста, или ихъ обоихъ? Законъ въ ст. 49 разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что для публичнаго исполненія такого произведенія достаточно согласія композитора. Такъ же разрѣшается вопросъ въ герм. законѣ. Такимъ образомъ, законъ устраняетъ либреттиста отъ распоряженія музыкальнымъ произведеніемъ, написаннымъ на его текстъ, исходя изъ

*) По герман. закону не требуется, чтобы для охраны исключительнаго права на публичное исполненіе композиторъ дѣлалъ оговорку на каждомъ экземплярѣ.

того положенія, что въ музыкальномъ произведеніи главное значеніе имѣетъ музыкальный, а не сопровождающій его литературный текстъ, вслѣдствіе чего либреттистъ не признается *соавторомъ* композитора. Постановленіе ст. 49 логически вытекаетъ изъ постановленій ст. 45 и 46, по которымъ композитору принадлежитъ авторское право на музыкальное произведеніе съ текстомъ, заимствованнымъ имъ изъ напечатаннаго уже произведенія или написаннымъ по его заказу *).

Законъ не даетъ опредѣленія понятія *публичности* исполненія; причемъ, мотивы объясняютъ, что точно опредѣлить это понятіе въ законѣ невозможно и что такое опредѣленіе должно быть предоставлено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ суду. Въ литературѣ существуютъ различныя опредѣленія понятія публичности исполненія (Klostermann, Pouillet Daude и др.). По этимъ опредѣленіямъ наиболѣе характерныя черты публичнаго исполненія заключаются въ слѣдующемъ: подъ это понятіе подходитъ исполненіе произведенія драматическаго, музыкальнаго и музыкально-драматическаго въ мѣстахъ, предназначенныхъ для публики, напр., въ театрѣ, концертной залѣ, клубѣ и т. п. Понятію публичнаго исполненія можетъ быть противопоставлено исполненіе въ кружкѣ семейномъ и близкихъ знакомыхъ, которое можетъ быть допущено безъ разрѣшенія автора. Не имѣетъ значеніе, допускается ли публика за опредѣленную плату или безплатно. Равнымъ образомъ, не имѣетъ значенія то, что публичное исполненіе дѣлается съ благотворительною или иною общественною цѣлью.

---

*) См. выше стр. 157—160.

Изъ всѣхъ этихъ признаковъ проектъ мин. юстиціи, одобренный Думой, упоминалъ только объ одномъ,—именно, онъ содержалъ постановленіе, по которому отвѣтственность за самовольное публичное исполненіе драматическаго, музыкальнаго и музыкально-драматическаго произведенія не отпадаетъ и въ томъ случаѣ, если исполненіе было для публики безплатнымъ. Госуд. Совѣтъ, исключилъ это постановленіе, замѣнивъ его, по примѣру герм. закона 1901 г., другимъ постановленіемъ (ст. 50), касающимся только музыкальнаго (но не драматическаго и музыкально-драматическаго произведенія), по которому публичное исполненіе музыкальнаго произведенія допускается безъ согласія композитора въ трехъ случаяхъ: 1) если исполненіе ни непосредственно, ни косвенно не преслѣдуетъ цѣлей наживы, 2) если исполненіе совершается во время народныхъ празднествъ, и 3) если выручка назначена исключительно для благотворительныхъ цѣлей, и исполнители вознагражденія не получаютъ.

Такимъ образомъ, по отношенію къ драматическимъ и музыкально-драматическимъ произведеніямъ законъ не дѣлаетъ никакихъ исключеній, и во всѣхъ случаяхъ публичнаго исполненія ихъ требуется согласіе авторовъ; вопросъ же о наличности *публичности* исполненія долженъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшаться судомъ.

Въ законѣ и также въ мотивахъ къ нему не содержится вовсе никакихъ указаній на защиту *режиссерства*, тѣсно связаннаго съ исполненіемъ драматическихъ произведеній. Между тѣмъ, несомнѣнно, авторскій трудъ драматурга въ видѣ написанной имъ пьесы составляетъ только часть того, что театральная публика получаетъ отъ пьесы; осталь-

кая часть дополняется сценой—режиссеромъ и исполнителями, творчество которыхъ играетъ не меньшую, а иногда, по нѣкоторымъ пьесамъ, и большую роль, чѣмъ роль автора, въ достиженіи литературнаго впечатлѣнія. Яркій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ московскій художественный театръ, въ которомъ, благодаря творческой работѣ его режиссеровъ, скучныя и безсодержательныя въ чтеніи пьесы получаютъ захватывающій интересъ и жизненность въ представленіи. Въ той или другой степени это относится къ каждому театру, каковы бы ни были качества его исполнителей и режиссеровъ. Слѣдовательно, сценѣ принадлежитъ самостоятельная творческая работа, которая не можетъ считаться производной отъ авторскаго труда драматурга. Трудъ, который режиссеръ прилагаетъ для постановки пьесы, творчество, которое онъ обнаруживаетъ въ изображеніи персонажей, обстановки,—словомъ, въ превращеніи рукописи въ живую сцену—все это, разумѣется, въ большей своей части не можетъ быть фиксировано въ какой-либо внѣшней формѣ, которая могла бы быть объектомъ защиты. Но извѣстная часть этого режиссерскаго творчества выражается въ формѣ ремарокъ и указаній сценарія, которыми обыкновенно сопровождается постановка пьесы. Эти ремарки и указанія, разумѣется, могутъ составлять объектъ авторскаго права режиссеровъ.

Перейдемъ теперь къ ограниченіямъ авторскаго права, т. е. къ допускаемымъ закономъ случаямъ пользованія и заимствованія изъ чужихъ произведеній.

Общее начало закономѣрности заимствованій изъ чужихъ произведеній выражено въ ст. 3-ей новаго за-

кона, согласно которой не считается нарушеніемъ авторскаго права пользованіе чужимъ произведеніемъ для созданія *новаго* произведенія, существенно отъ него отличающагося. Установленное статьею 3-ей ограниченіе права автора на *исключительное* пользованіе своими произведеніями, какъ объясняютъ мотивы, вызывается потребностями и условіями духовнаго творчества, при которомъ послѣдующіе авторы весьма часто, сознательно или безсознательно, пользуются образцами, уже существующими. Явленіе это, одинаково замѣчаемое во всѣхъ областяхъ духовнаго творчества, обезпечиваетъ преемственную связь и правильное развитіе науки, литературы и искусствъ, со стороны какъ идейной, такъ и технической, почему не только нѣтъ основаній препятствовать ему, но, напротивъ, желательно регулировать его въ законѣ, во избѣжаніе всегда возможныхъ въ этомъ отношеніи споровъ и недоразумѣній. Необходимо, конечно, чтобы новое произведеніе, при созданіи котораго авторъ и воспользовался чужимъ образцомъ, было дѣйствительно новымъ, существенно отличающимся отъ оригинала, чтобы оно заключало въ себѣ элементъ самостоятельнаго творчества, а не являлось простымъ заимствованіемъ, воспроизведеніемъ въ той или иной формѣ чужого образца. Вопросы, возникающіе при опредѣленіи степени самостоятельности произведенія, могутъ быть часто весьма сложными и спорными, но въ мотивахъ закона выражается увѣренность, что съ помощью экспертовъ судъ всегда будетъ въ состояніи разобраться въ этихъ вопросахъ,—тѣмъ болѣе, что по новому закону судъ не ограниченъ какими-либо внѣшними, механическими рамками, а въ правѣ рѣшать такія дѣла по справедливому, свободному усмотрѣнію.

Указанное начало о допустимости пользованія чужимъ произведеніемъ для созданія новаго самостоятельнаго произведенія было выражено въ старомъ законѣ (ст. 44 прил. къ ст. 420) только въ отношеніи музыкальныхъ произведеній. Новый законъ считалъ необходимымъ обобщить это начало и распространить его на всѣ виды авторскаго права.

г) *Компиляціи.*

Указанное общее начало получаетъ въ законѣ (ст. 39) болѣе подробное развитіе въ отношеніи литературныхъ произведеній,—именно, въ отношеніи,такъ называемыхъ, компиляцій.

Компилятивный трудъ можетъ выразиться въ двоякомъ видѣ: во-первыхъ—въ видѣ самостоятельнаго изслѣдованія, заключающагося въ собираніи, группировкѣ, систематизаціи существующаго по данному предмету научнаго матеріала, и во-вторыхъ—въ видѣ хрестоматіи или сборника изъ отрывковъ и образцовъ чужихъ произведеній для цѣлей школьнаго образованія или для другихъ педагогическо-научныхъ цѣлей. Въ томъ и другомъ случаѣ требуется отъ компилятора извѣстная степень умственной самостоятельности, знаніе трактуемаго предмета, умѣніе разработать матеріалъ, литературный вкусъ. Поэтому, компилятивный трудъ имѣетъ законное право существованія и является необходимымъ и весьма полезнымъ въ интересахъ научныхъ и литературныхъ. Въ виду этого, почти всѣ законодательства допускаютъ въ извѣстныхъ условіяхъ и предѣлахъ законность заимствованій изъ чужихъ произведеній для помѣщенія въ трудахъ компилятивнаго характера. По германскому закону 1901 г. допускается перепечатка отдѣльныхъ мѣстъ или небольшихъ статей изъ другихъ

сочиненій для помѣщенія въ самостоятельной научной или литературной работѣ, а также въ сборникахъ, составленныхъ изъ произведеній многихъ писателей и предназначенныхъ для церковнаго, школьнаго или педагогическаго употребленія или для какой-либо спеціальной литературной цѣли; въ послѣднемъ случаѣ, однако, требуется согласіе лично автора, если онъ еще живъ. Однородныя правила содержатся въ венгерскомъ, швейцарскомъ и финляндскомъ законахъ. Австрійскій законъ 1895 г. содержитъ, въ общемъ, аналогичныя постановленія, но добавляетъ, что заимствованная статья не должна превышать печатнаго листа того сочиненія, изъ коего она взята. Нѣсколько иначе формулируется право заимствованія въ бельгійскомъ законѣ, въ которомъ устанавливается, что право автора не исключаетъ для другихъ права дѣлать цитаты, когда онѣ имѣютъ критическую, полемическую или педагогическую цѣль. Законодательства французское и италіанское оставляютъ вопросъ о заимствованіяхъ безъ разрѣшенія.

Постановленія нашего прежде дѣйствовавшаго закона (ст. 14—17 прил. къ ст. 420) нормировали этотъ вопросъ крайне неудовлетворительно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что законъ ставилъ разрѣшеніе вопроса о законности заимствованій исключительно въ зависимость отъ *количества* заимствованія, выраженнаго, притомъ, въ цифровыхъ данныхъ, не обращая вниманія на другія обстоятельства, при которыхъ производится заимствованіе и которыя имѣютъ весьма существенное значеніе для сужденія о законности или незаконности его. Вслѣдствіе этого старый законъ очень мало ограждалъ права авторовъ и давалъ широкій просторъ для нарушеній авторскаго права.

Новый законъ, въ отличіе отъ дѣйствовавшаго закона и слѣдуя германскому закону, намѣчаетъ лишь общія условія для сужденія о законности или незаконности заимствованія, предоставляя усмотрѣнію суда въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшеніе вопроса о законныхъ предѣлахъ заимствованія. Главнымъ изъ этихъ условій является *умѣренность* пользованія чужимъ трудомъ, почему ст. 39 допускаетъ лишь *небольшія* выписки изъ чужихъ сочиненій или перепечатку полностью лишь *незначительныхъ* по объему сочиненій. Далѣе, требуется помѣщеніе выписокъ или перепечатокъ въ сочиненіи, составляющемъ *самостоятельное цѣлое,* ибо лишь при этомъ условіи имѣется гарантія, что, обработывая заимствованный матеріалъ, авторъ, дѣйствительно, проявилъ духовную творческую дѣятельность, дѣйствительно создалъ нѣчто новое. Отступленіе отъ требованія *самостоятельности, новизны* произведенія, для котораго сдѣланы заимствованія, допускается лишь для *хрестоматій* и другихъ сборниковъ, составленныхъ съ учебною, научною, либо техническою цѣлью—въ виду общеполезности подобныхъ сборниковъ и желательности поощрять изданіе таковыхъ, въ интересахъ школьныхъ и научныхъ.

Однимъ изъ видовъ компилятивныхъ произведеній является произведеніе, передающее въ *сокращенномъ*, сжатомъ видѣ содержаніе другого сочиненія. Польза такихъ сочиненій иногда внѣ всякихъ сомнѣній, такъ какъ они даютъ возможность вкратцѣ ознакомиться съ содержаніемъ обширныхъ сочиненій, по разнымъ причинамъ недоступнымъ извѣстному роду читателей. Напримѣръ, какое-либо историческое сочиненіе въ цѣломъ своемъ объемѣ или извѣстная эпоха, изображенная въ немъ, могутъ быть непонятны въ дѣтскомъ воз-

растѣ или для мало развитаго читателя. Между тѣмъ удачно составленное сокращеніе этого сочиненія, въ популярномъ и ясномъ изложеніи, становится доступнымъ для такихъ читателей. Однако, весьма трудно установить въ законѣ грань между дозволеннымъ и недозволеннымъ сокращеніемъ чужого произведенія и найти точный критерій для сужденія о томъ, при какихъ, именно, измѣненіяхъ въ текстѣ чужого сочиненія сокращеніе его будетъ самостоятельнымъ трудомъ, а при какихъ—контрафакціею. Все зависитъ отъ обстоятельствъ каждаго даннаго случая: представляется ли сокращеніе чисто механическимъ соединеніемъ отдѣльныхъ мѣстъ болѣе обширнаго сочиненія или сокращеніе заключается въ самостоятельной переработкѣ чужого сочиненія, для приспособленія къ цѣли популяризаціи его содержанія. Въ виду трудности установленія въ законѣ точнаго критерія въ этомъ отношеніи, Редакціонная Коммиссія, въ отступленіе отъ первоначальнаго предположенія, признала излишнимъ включить въ законъ какія-либо опредѣленія по этому предмету, находя болѣе цѣлесообразнымъ предоставить это усмотрѣнію суда при помощи экспертовъ. Этотъ взглядъ Ред. Коммиссіи принятъ и новымъ закономъ, въ которомъ вопросъ о сокращеніяхъ оставленъ безъ разрѣшенія въ текстѣ закона.

Въ области музыки компилятивный трудъ можетъ выразиться въ видѣ варіацій, транскрипцій, фантазій, этюдовъ на чужое музыкальное произведеніе или иныя заимствованія изъ него. И тутъ дѣйствуетъ общее правило, выраженное въ общихъ положеніяхъ объ авторскомъ правѣ и, въ частности, въ отношеніи къ литературнымъ произведеніямъ,—что не можетъ считаться недозволеннымъ такое пользованіе чужимъ

музыкальнымъ произведеніемъ, при которомъ заимствующій композиторъ, подвергая обработкѣ чужой матеріалъ, проявляетъ при этомъ столь значительную творческую дѣятельность, что музыкальное произведеніе, въ которомъ допущено заимствованіе, можетъ быть разсматриваемо, какъ новое и самостоятельное произведеніе. Допустимость такихъ заимствованій вызывается и объясняется интересами музыкальнаго дѣла и требованіями музыкальныхъ потребностей публики.

Германскій законъ 1901 г., который, вообще, весьма строго ограждаетъ права композиторовъ, безусловно воспрещаетъ такое пользованіе чужимъ музыкальнымъ произведеніемъ, при которомъ въ основу новой музыкальной работы положены явно (erkennbar) заимствованныя мелодіи чужого произведенія, и, такимъ образомъ, этимъ закономъ запрещаются варіаціи, транскрипціи и тому подобныя переработки чужихъ музыкальныхъ произведеній.

Нашъ законъ въ этомъ отношеніи отступаетъ отъ своего германскаго образца и разрѣшаетъ, въ ст. 43, изданіе варіацій, транскрипцій и т. п. на цѣлое или часть чужого музыкальнаго произведенія, не признавая ихъ нарушеніемъ авторскаго права подъ условіемъ созданія самостоятельнаго музыкальнаго произведенія.

Во второмъ пунктѣ этой же 43 статьи предусмотрѣнъ еще одинъ видъ дозволенныхъ заимствованій,—именно, приведеніе въ изданіяхъ съ учебною или ученою цѣлью, въ видѣ примѣровъ, отдѣльныхъ мѣстъ изданнаго или публично исполненнаго музыкальнаго произведенія. Запрещеніе такихъ перепечатокъ послужило бы къ стѣсненію музыкальнаго образованія и не вызывается необходимостью охраненія правъ композитора, такъ какъ такія перепе-

чатки, и, притомъ, съ указаніемъ источника заимствованія, не могутъ нарушать права композитора. Подобнаго рода буквальныя заимствованія изъ чужихъ музыкальныхъ произведеній признаны допустимыми и въ проектѣ Главн. Дир. Русскаго Музыкальнаго Общества. Они разрѣшаются также германскимъ закономъ 1901 г.

д) *Заимствованія въ повременныхъ изданіяхъ.*

Періодическія изданія, въ особенности ежедневныя газеты, представляютъ спеціальныя черты авторскаго права—благодаря исключительнымъ условіямъ, при которыхъ составляется разнородный матеріалъ, входящій въ составъ содержанія каждаго номера, и благодаря самому характеру газетнаго матеріала. Сложность механизма газетнаго дѣла, спѣшность, съ которою дѣйствуетъ этотъ механизмъ, разнообразіе интересовъ, на которые газета должна отзываться въ теченіе дня, и тѣ бытовыя особенности огромной работы, исполняемой изо дня въ день многочисленными и разнообразными періодическими изданіями по всѣмъ вопросамъ текущей общественной и политической жизни и требующей по условіямъ своего исполненія постояннаго обмѣна извѣстіями и сообщеніями между органами печати,—все это выдѣляетъ періодическія изданія изъ числа другихъ произведеній печати и дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе къ нимъ общихъ постановленій объ авторскомъ правѣ.

Эти особенности періодическихъ изданій не могли не вызвать вниманія новѣйшихъ законодательствъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются относительно нихъ спеціальныя постановленія. Такъ, германскій законъ 1870 г. заключалъ весьма подробныя постановленія, опредѣлявшія, какой матеріалъ, входящій

въ составъ содержанія періодическаго изданія, предоставляется свободному перепечатыванію, и какой подлежитъ защитѣ отъ перепечатки. Законъ предоставлялъ полную свободу перепечатывать отдѣльныя статьи изъ періодическихъ изданій, за исключеніемъ беллетристическихъ произведеній и научныхъ изслѣдованій, а также другихъ значительныхъ по размѣру статей, если сдѣлана надпись о воспрещеніи ихъ перепечатки. Мотивы къ закону содержали слѣдующій подробный списокъ тѣхъ мелкихъ статей, перепечатка которыхъ разрѣшается: краткія изслѣдованія, объясненія и совѣты всякаго рода въ дѣлахъ промышленности и сельскаго хозяйства, сообщенія о методахъ, домашнихъ средствахъ и т. д.; сужденія литературнаго и художественнаго свойства, театральная критика, переговоры о планахъ построекъ и украшеній, предложенія для публичныхъ учрежденій, памятниковъ и т. д.; біографіи, статьи, анекдотическіе разсказы, мелкіе историческіе разсказы, путевыя замѣтки и т. д.; краткія статьи изъ естествознанія, описанія личностей, особыхъ приключеній и т. д. Законъ не требуетъ при этомъ даже указанія источниковъ, и по объясненію мотивовъ, это сдѣлано во избѣжаніе кляузныхъ обвиненій, которыя могли бы возникать каждый разъ, когда какая-либо редакція, вслѣдствіе спѣшности, съ которою сопряжено изготовленіе номера, забыла бы указать источникъ заимствованнаго ею мелкаго извѣстія. Германскій законъ 1901 г. запрещаетъ вообще перепечатку статей изъ повременныхъ изданій, если онѣ снабжены оговоркой объ удержаніи авторскихъ правъ (Vorbehalt der Rechte); статьи же научнаго, техническаго и повѣствовательнаго содержанія, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть перепечатываемы, даже если онѣ и не снаб-

жены этой оговоркой; смѣшанныя извѣстія фактическаго содержанія и новости дня могутъ быть свободно перепечатываемы. Венгерскій законъ воспроизводитъ буквально постановленія германскаго закона 1870 г.

Въ австрійскомъ законодательствѣ шире поставлена свобода заимствованія періодическими изданіями другъ у друга, именно: дозволяется перепечатка не только отдѣльныхъ газетныхъ мелкихъ статей, телеграммъ и новостей дня, но также цѣлыхъ беллетристическихъ, научныхъ и техническихъ статей, если въ заголовкѣ этихъ статей не заявлено авторомъ запрещенія перепечатки. Это правило не распространяется на повременныя изданія научнаго и техническаго характера. Итальянское законодательство требуетъ для защиты авторскихъ правъ по отношенію къ статьямъ, помѣщаемымъ въ періодическихъ изданіяхъ, заявленія автора въ началѣ своей статьи о сохраненіи имъ за собою авторскаго права. При отсутствіи такого заявленія, другія періодическія изданія могутъ свободно перепечатывать всякаго рода статьи и обязаны только указывать источникъ заимствованія. Въ такомъ же смыслѣ разрѣшается вопросъ о правѣ заимствованія въ періодическихъ изданіяхъ и въ законодательствахъ швейцарскомъ, голландскомъ, испанскомъ и португальскомъ. Наконецъ, англійскій проектъ 1899 г. содержитъ весьма своеобразное правило, по которому собственникъ газеты или агентства новостей (news), въ предѣлахъ Англіи, имѣетъ авторское право на получаемыя имъ извѣстія о фактѣ или событіи, происшедшемъ внѣ предѣловъ англійскихъ острововъ, лишь впродолженіи восемнадцати часовъ.

Наше дѣйствовавшее законодательство тоже при-

знаетъ въ извѣстныхъ размѣрахъ и случаяхъ свободу заимствованія для помѣщенія въ періодическихъ изданіяхъ, но статья закона, въ которой содержится постановленіе на этотъ счетъ (ст. 13 прилож. къ ст. 420), крайне неопредѣленно и неудачно редактирована, вслѣдствіе чего она не даетъ никакихъ твердыхъ основаній для руководства въ судебной практикѣ. По постановленію этой статьи разрѣшается „*случайное* перепечатаніе въ какомъ-либо изданіи мелкой статьи, не занимающей болѣе одного печатнаго листа, а равно и перепечатаніе извѣстій политическихъ или относящихся къ словесности, наукамъ и художествамъ, съ указаніемъ источника, откуда оныя заимствованы". Наоборотъ, считается контрафакціею, если „журналистъ, подъ видомъ рецензіи, или же подъ другимъ предлогомъ, перепечатываетъ *постоянно* и *вполнѣ* мелкія изъ чужихъ изданій статьи, хотя бы онѣ занимали и менѣе печатнаго листа". Такимъ образомъ, законъ вводилъ совершенно неумѣстный и крайне неопредѣленный признакъ „*случайности*" заимствованія, сообщавшій постановленію шаткій характеръ и вызывавшій по практикѣ спорность въ толкованіи закона.

Новый законъ значительно ограничиваетъ, сравнительно съ иностранными законодательствами, свободу перепечатки въ повременныхъ изданіяхъ изъ другихъ повременныхъ изданій. По проекту мин. юстиціи, принятому Думой, допускается перепечатка только „сообщеній, извѣстій и вообще незначительныхъ по объему статей, за исключеніемъ произведеній изящной литературы, научныхъ и техническихъ". При этомъ проектъ добавлялъ, что постоянныя перепечатки изъ одного и того же изданія воспрещаются. Это постановленіе воспроизведено изъ про-

екта Редакціонной Комиссіи по состав. пр. гр. улож., въ мотивахъ котораго указывается подробно, какой матеріалъ повременныхъ изданій можетъ подлежать свободной перепечаткѣ и какой не можетъ. Именно, разрѣшается перепечатка *необширныхъ* телеграммъ, корреспонденцій, хроникъ, отчетовъ о различныхъ засѣданіяхъ какъ правит. учрежденій, такъ и частныхъ обществъ, біографій, и т. д. Не разрѣшается перепечатка фельетоновъ, передовыхъ статей, научныхъ изслѣдованій, *обширныхъ* телеграммъ, корреспонденцій и т. д. Такимъ образомъ, опредѣляющимъ признакомъ законности или незаконности перепечатокъ служитъ, по мысли этого проекта, незначительность или значительность объема перепечатанной статьи, причемъ редакціонная коммисія выражаетъ надежду, что судъ въ каждомъ данномъ случаѣ будетъ въ состояніи, при содѣйствіи экспертовъ или литераторовъ и руководствуясь общимъ началомъ, положеннымъ въ основаніи закона, правильно разрѣшать вопросъ о значительности или незначительности объема перепечатанной статьи и, въ зависимости отъ этого, разрѣшать вопросъ о законности или незаконности перепечатокъ въ повременныхъ изданіяхъ.

Комиссія Госуд. Совѣта не согласилась съ редакціею одобреннаго Думой проекта мин. юстиціи и подвергла вопросъ объ авторскомъ правѣ на произведенія газетной литературы весьма подробному разсмотрѣнію, считая, что защита того своеобразнаго рода литературнаго труда, который обслуживаетъ газету, должна быть поставлена на особыхъ, спеціальныхъ основаніяхъ.

Комиссія исходила изъ того, что газетное дѣло въ настоящее время получило въ Россіи довольно значительное развитіе и не подлежитъ сомнѣнію, что

оно будетъ развиваться все больше и больше по мѣрѣ расширенія круга лицъ, интересующихся ходомъ политической и общественной жизни. Изданіе газеты, при наличности большой конкуренціи, сдѣлалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, предпріятіемъ дорого стоящимъ, требующимъ большихъ матеріальныхъ затратъ, большой энергіи и искусства, чтобы стать предпріятіемъ прибыльнымъ или, по крайней мѣрѣ, окупающимъ издержки. Съ другой стороны, газетное издательство представляетъ такія особенности, что здѣсь едва ли не болѣе, чѣмъ во всякихъ другихъ издательскихъ предпріятіяхъ, возможны нарушенія авторскихъ и издательскихъ правъ, направленныя къ незаконному обогащенію за чужой счетъ. Самая безцеремонная контрафакція составляетъ въ газетахъ обыденное явленіе. Перепечатываются у насъ не только текущія извѣстія общественной и политической жизни, но также получаемыя другими газетами отъ собственныхъ, нерѣдко дорого оплачиваемыхъ, корреспондентовъ телеграфныя, телефонныя и доставляемыя почтою корреспонденціи. Перепечатываются цѣлыя статьи, причемъ нерѣдко называется только авторъ статьи, безъ обозначенія газеты, откуда перепечатана его статья. Статьи, появляющіяся безъ подписи автора,—а въ нашихъ газетахъ такихъ статей большинство,—перепечатываются безъ всякихъ оговорокъ о позаимствованіи. Въ результатѣ получается слѣдующее: газета, тратящая большія деньги на привлеченіе талантливыхъ или въ какомъ-нибудь отношеніи выдающихся сотрудниковъ и на широкую постановку информаціонной части, на корреспондентовъ и т. п., должна, конечно, устанавливать повышенную подписную плату, чѣмъ неизбѣжно сужается кругъ ея читателей; а газета, которая доволь-

ствуется перепечаткою наиболѣе интереснаго матеріала другихъ газетъ, назначаетъ дешевую подписную плату и успѣшно конкурируетъ съ первою, подрывая тѣмъ интересы не только издателя дорогой газеты, но и всѣхъ тѣхъ литературныхъ силъ, которыя привлечены къ сотрудничеству въ ней.

Если за границей, при успѣвшихъ тамъ укорениться строго корректныхъ взаимныхъ отношеніяхъ въ журналистикѣ, положительный законъ не устраняется отъ охраны газетной собственности вообще и авторскаго права газетныхъ сотрудниковъ въ частности, то въ нашихъ условіяхъ, при отсутствіи въ журналистикѣ твердо установившихся обычаевъ профессіональной солидарности, законъ тѣмъ болѣе не долженъ уклоняться отъ охраны авторскаго права газетныхъ сотрудниковъ и вообще газетной собственности. Въ виду этого, по мнѣнію Комиссіи, допущеніе въ повременныхъ изданіяхъ перепечатки изъ другихъ повременныхъ изданій сообщеній, извѣстій и вообще незначительныхъ по объему статей, за исключеніемъ произведеній изящной литературы, научныхъ и техническихъ (ст. 38 проекта, одобреннаго Думой), не представляетъ достаточной охраны газетной собственности. Исключеніе, сдѣланное для произведеній беллетристическаго характера и для статей научныхъ и техническихъ, едва ли имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ статьи эти появляются въ газетахъ случайно и могутъ въ нихъ даже совершенно отсутствовать. Все же существенное, изъ чего слагается содержаніе газеты, что ей даетъ характеръ, индивидуальность, собственное лицо—статьи публицистическаго характера на политическія, общественныя, экономическія, финансовыя и т. п. темы, статьи фельетоннаго содержанія, очерки,

корреспонденціи внутреннія и заграничныя, интервью, памфлеты, пародіи, критическія и иныя обозрѣнія—все это лишено охраны. Не вся эта работа—одинаковаго достоинства, не всѣ статьи, наполняющія газетный номеръ—одинаковой цѣны и значенія, но при всемъ томъ, никоимъ образомъ нельзя сказать, что вся эта газетная литература теряетъ всякое значеніе и всякую цѣну на другой же день по выходѣ въ свѣтъ того номера газеты, гдѣ она напечатана. Можно указать цѣлый рядъ книгъ и даже многотомныхъ собраній сочиненій, составленныхъ изъ статей, которыя первоначально появились въ свѣтъ въ качествѣ газетныхъ статей. Очевидно, что такія произведенія должны закономъ ограждаться наравнѣ съ произведеніями изящной литературы, научными и техническими.

Но съ другой стороны, принимая во вниманіе особенность газетной литературы, представляющей произведенія весьма различнаго значенія и достоинства, Комиссія признала, что представляется невозможнымъ примѣнять къ нимъ принципъ безусловной охраны авторскаго права, а достаточно, по примѣру иностранныхъ законодательствъ, ограничиться введеніемъ принципа условной охраны. Именно, произведенія газетной литературы охраняются только въ томъ случаѣ, если сами авторы отдѣльныхъ произведеній пожелаютъ воспользоваться своимъ авторскимъ правомъ и, такъ или иначе, сдѣлаютъ заявленіе о воспрещеніи перепечатки въ томъ же номерѣ газеты, гдѣ статья печатается, выставленіемъ соотвѣтственнаго знака или слова или даже начальныхъ буквъ условнаго слова, какъ то принято, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Затѣмъ, что касается мелкихъ газетныхъ замѣтокъ, сообщаю-

щихъ разныя извѣстія о тэкущихъ событіяхъ и новостяхъ дня, то на нихъвовсе не распространяется охрана авторскаго права. Но отъ такихъ замѣтокъ законъ отличаетъ тѣ извѣстія, которыя газета получаетъ самостоятельно черезъ своихъ корреспондентовъ по телеграфу или телефону. Полученіе такихъ извѣстій требуетъ обыкновенно дорого стоящей организаціи и нерѣдко значительныхъ расходовъ на телеграфную передачу, даже на устройство собственныхъ телеграфныхъ или телефонныхъ проводовъ. Конечно, газета, организовавшая такимъ образомъ полученіе извѣстій, усиливаетъ тѣмъ интересъ публики къ себѣ и увеличиваетъ количество выпускаемыхъ экземпляровъ, чѣмъ компенсируются ея значительныя издержки на корреспонденціи. Но если эти извѣстія даромъ перепечатываются другими газетами, выходящими нѣсколькими часами позднѣе, то, очевидно, указанная выгода такихъ извѣстій, въ соотвѣтственной мѣрѣ, уменьшается, и организація ихъ полученія можетъ даже сдѣлаться для газеты убыточной. Естественно, что этимъ отнимался бы стимулъ къ усовершенствованію информаціонной части газеты въ ущербъ не только самой газетѣ, но и публикѣ. Поэтому, признано справедливымъ примѣнить къ нашимъ газетамъ заимствованное изъ англійскаго закона правило о томъ, что иногороднія сообщенія по телефону, снабженныя запретительною сговоркою, не дозволяется воспроизводить въ мѣстныхъ газетахъ въ теченіе 18 часовъ по ихъ опубликованіи. Это правило имѣетъ въ виду препятствовать другимъ газетамъ (преимущественно, вечернимъ газетамъ) пользоваться чужою информаціею въ тотъ же день, когда такія извѣстія опубликованы.

Итакъ, по новому закону (ст. 40) литературный

матеріалъ, содержащійся въ повременныхъ изданіяхъ, охраняется отъ перепечатки въ повременныхъ же изданіяхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: всякаго рода статьи повременныхъ изданій могутъ быть перепечатываемы только въ тѣхъ случаяхъ, когда по отношенію къ нимъ не послѣдовало воспрещенія автора; иногородныя сообщенія по телеграфу и телефону, снабженныя запретительною оговоркою, не дозволяется воспроизводить въ теченіе 18 часовъ со времени ихъ опубликованія; эти сообщенія, не снабженныя запретительною оговоркою, а равно извѣстія о текущихъ событіяхъ и новостяхъ дня могутъ быть перепечатываемы безпрепятственно. Но постоянныя изъ одного и того же изданія перепечатки воспрещаются.

Едва ли можно считать достаточно опредѣлительнымъ выраженіе „*постоянныя* перепечатки“. Какъ опредѣлить этотъ терминъ? Считать ли, что постоянныя перепечатки—это каждодневныя перепечатки, или же перепечатки въ каждомъ №, если повременное изданіе выходитъ рѣже, чѣмъ каждый день, или же перепечатки, повторяемыя въ другіе сроки. Очевидно, что въ этомъ случаѣ суду предлагается бланковая норма, которую ему трудно будетъ наполнять своимъ усмотрѣніемъ.

Затѣмъ, по нашему закону, въ отличіе отъ герм. закона и подобно австрійскому и другимъ законодательствамъ, общее правило, выраженное въ ст. 17, объ обязательномъ указаніи автора и источника заимствованія, примѣняется также и къ заимствованіямъ въ повременныхъ изданіяхъ. При заимствованіяхъ, допускаемыхъ закономъ въ литературныхъ произведеніяхъ вообще, такое постановленіе вполнѣ правильно и оправдывается требованіями этики и справедливости. Но едва ли правильно категори-

ческое требованіе указанія автора и источника по отношенію ко всякимъ заимствованіямъ, даже мелкимъ замѣткамъ, заимствуемымъ повременными изданіями изъ другихъ повременныхъ изданій,—въ виду тѣхъ особенныхъ условій, въ которыхъ находится обычное изготовленіе газетнаго матеріала.

Въ связи съ вопросомъ объ охранѣ авторскаго грава журналистовъ, работающихъ въ газетахъ, комиссія Госуд. Совѣта приняла во вниманіе, что дѣйствующій законъ о повременныхъ изданіяхъ (Высочайше утвержденныя 24 Ноября 1905 г. временныя правила о повременныхъ изданіяхъ) совсѣмъ не обезпечиваетъ охраны газетно-издательской фирмы, т. е. не препятствуетъ вновь возникающей газетѣ принять названіе любой изъ существующихъ газетъ.

Прежнія правила о повременныхъ изданіяхъ тоже не заключали въ себѣ прямого запрещенія давать вновь возникающимъ газетамъ названія газетъ существующихъ, но дѣйствовавшій въ то время порядокъ разрѣшенія новыхъ газетъ исключительно черезъ Главное Управленіе по дѣламъ печати, до извѣстной степени, замѣнялъ регистрацію газетныхъ фирмъ. При установленномъ же правилами 1905 г. явочномъ порядкѣ, заявленіе объ изданіи новой газеты (за исключеніемъ случаевъ изданія газеты внѣ городовъ) подается мѣстному губернатору, или градоначальнику, которые не обязаны имѣть списокъ всѣхъ издающихся въ Имперіи газетъ и не могутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы новая газета не присвоила названія одной изъ существующихъ газетъ. Между тѣмъ, газетная фирма, еще болѣе, чѣмъ фирма торговая, при извѣстныхъ условіяхъ представляетъ цѣнность, создаваемую въ теченіе продолжительнаго срока и цѣною большихъ жертвъ и усилій, большихъ предва-

рительныхъ затратъ капитала, матеріальнаго и интеллектуальнаго. Присвоеніе такой, пріобрѣвшей цѣнность, газетной фирмы есть, конечно, покушеніе прежде всего на обманъ читающей публики, въ разсчетѣ, что среди этой публики найдутся лица, знакомыя съ названіемъ газеты, но не съ самой газетой, и которыя, при подпискѣ, обратятся не къ той газетѣ, которая создала себѣ извѣстность и опредѣленную репутацію, къ новой, присвоившей то же наименованіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что такое присвоеніе чужой фирмы есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, покушеніе на матеріальные и даже моральные интересы той группы журналистовъ, которая своимъ литературнымъ трудомъ обслуживаетъ данную газету и поддерживаетъ ея репутацію, т. е., такое присвоеніе чужой газетной фирмы самымъ тѣснымъ образомъ связано съ авторскимъ правомъ газетныхъ сотрудниковъ. Поэтому, комиссія считала нужнымъ дополнить законъ объ авторскомъ правѣ особымъ постановленіемъ о томъ, что во все время существованія повременнаго изданія не допускается выпускъ въ свѣтъ другихъ изданій одного съ нимъ наименованія (Отд. IX). При этомъ комиссія не считала возможнымъ входить нынѣ въ болѣе подробную регламентацію этого вопроса и устанавливать порядокъ регистраціи газетъ, полагая, что предположенія по этому предмету должны быть предметомъ особаго законопроекта о печати. Отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати будетъ, поэтому, зависѣть въ томъ случаѣ, если даваемыя ему дѣйствующими узаконеніями полномочія окажутся для осуществленія этой новой возлагаемой обязанности надзора недостаточными, войти въ законодательныя учрежденія съ особымъ представленіемъ по означенному вопросу.

е) *Право на художественныя произведенія.*

Въ отношеніи художественныхъ произведеній опредѣленіе содержанія авторскаго права представляется болѣе сложнымъ, чѣмъ въ отношеніи литер. и музык. произведеній, въ виду того, что область художественныхъ произведеній обнимаетъ три главныхъ рода искусства—живопись, ваяніе и зодчество, которыя раздѣляются на различныя отрасли, причемъ каждая изъ нихъ имѣетъ различные способы и средства производства. Поэтому, общее начало, опредѣляющее содержаніе авторскаго права, объ исключительномъ правѣ автора всѣми способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свои произведенія, требуетъ болѣе подробнаго опредѣленія способовъ повторенія и размноженія, на которые распространяется авторское право художника.

Старый законъ (ст. 35-38 прил. къ ст. 420) отличался крайне неудачной редакціею, такъ какъ стремился установить предѣлы авторскаго права на художественныя произведенія перечисленіемъ различныхъ средствъ противозаконнаго копированія и указаніемъ отдѣльныхъ подробностей, заимствованіе которыхъ воспрещается, причемъ всѣ подобныя перечисленія не будучи исчерпывающими, давали возможность обхода закона и связывали суды при разрѣшеніи этого рода дѣлъ. Новый законъ въ ст. 55, вмѣсто перечисленія отдѣльныхъ способовъ повторенія и размноженія, которые признаются нарушеніемъ авторскаго права, устанавливаетъ общее начало, заключающееся въ томъ, что воспрещеніе повторять художественныя произведенія распространяется на всѣ способы, *относящіеся къ одному и тому же роду искусства*, хотя бы въ различныхъ отрасляхъ этого рода. Слѣдо-

вательно, воспрещается повтореніе, размноженіе или изданіе не только тѣмъ же способомъ, напр., писаніе съ масляной картины копіи масляными же красками, но и всякими другими способами, относящимися къ живописи же, напр., въ видѣ акварели, рисунка, исполненнаго карандашемъ, фотографіи, гравюры, олеографіи, отпечатанныхъ посредствомъ гравировальныхъ досокъ. Точно такъ же статуя изъ мрамора не можетъ быть повторяема въ видѣ барельефа, бюстъ не можетъ быть перенесенъ на медаль или горельефъ, и обратно. Это воспрещеніе объясняется тѣмъ, что всѣ произведенія одного и того же рода искусства, при повтореніи ихъ въ другой отрасли того же рода искусства, имѣютъ между собою извѣстное сходство, отрицающее возможность признанія самостоятельной творческой дѣятельности художника при ихъ повтореніи, которая одна можетъ служить законнымъ основаніемъ возникновенія авторскаго права. Напримѣръ, въ живописи масляная картина, акварель, рисунокъ, написанный карандашемъ, гравюра, отпечатанная съ металлической доски,—всѣ изображаютъ извѣстный сюжетъ на поверхности. Въ виду этого, независимо отъ различія самихъ способовъ ихъ производства, всѣ эти художественныя произведенія, если повторяютъ одно и то же произведеніе съ сохраненіемъ всѣхъ его подробностей, несомнѣнно могутъ быть разсматриваемы, какъ произведенія родственныя и имѣющія между собою сходство. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно художественныхъ произведеній, принадлежащихъ къ отраслямъ ваянія. При повтореніи бюста, сдѣланнаго изъ мрамора, перенесеніемъ его на барельефъ, горельефъ или медаль, одинъ и тотъ же предметъ будетъ переданъ съ сохраненіемъ вполнѣ или отчасти тѣлесныхъ, осяза-

тельныхъ его формъ, въ виду чего заимствованіе будетъ допущено въ столь значительной мѣрѣ, что нельзя признать въ такихъ повтореніяхъ наличности творческой дѣятельности.

Въ области художественныхъ произведеній, аналогично литературнымъ и музыкальнымъ произведеніямъ, также возможно заимствованіе изъ чужого художественнаго произведенія, напр., сюжета, какихъ-либо подробностей общей композиціи обстановки и т. д. Благодаря такому заимствованію, возможно сходство между двумя произведеніями, но это сходство не можетъ служить основаніемъ къ признанію заимствованія незаконнымъ: [по общему правилу, заимствованіе не считается нарушеніемъ авторскаго права, если художникъ, воспользовавшійся чужимъ произведеніемъ, создалъ новое произведеніе, существенно отличающееся отъ оригинала и, слѣдовательно, имъ проявлена творческая дѣятельность въ созданіи этого произведенія. Также, по общему правилу, должно считаться дозволеннымъ заимствованіе отдѣльныхъ художественныхъ произведеній для помѣщенія въ книгѣ, предназначенной для учебныхъ цѣлей и, притомъ, исключительно для поясненія текста (п. 2 ст. 56).

Художественныя произведенія имѣютъ ту особенность, сравнительно съ литературными и музыкальными произведеніями, что тутъ творчество автора можетъ проявляться въ двухъ различныхъ родахъ искусства—живописи и ваяніи. Въ произведеніяхъ живописи предметы изображаются на поверхности, а въ ваяніи предметъ передается съ сохраненіемъ, въ извѣстной мѣрѣ, его тѣлесныхъ, осязаемыхъ формъ. Вслѣдствіе этого способы и пріемы созданія произведеній живописи и ваянія съ ихъ отраслями совершенно различны. Поэтому, всякій художникъ, повторяя произ-

веденіе живописи средствами ваянія и, наоборотъ, произведеніе ваянія средствами живописи, неминуемо долженъ проявить творческую дѣятельность въ этомъ повтореніи, не смотря на то, что въ этой работѣ имѣетъ мѣсто заимствованіе чужой мысли и даже подробностей ея развитія,—потому что тутъ требуется существенная переработка чужого художественнаго произведенія при помощи самостоятельныхъ пріемовъ и средствъ.

Въ виду этого, большинство законодательствъ разрѣшаетъ повтореніе произведеній живописи средствами ваянія и, наоборотъ, произведеній ваянія средствами живописи, признавая такое заимствованіе изъ одного рода искусства въ другое совершенно самостоятельной переработкой и новымъ произведеніемъ. Это постановленіе, содержавшееся и въ нашемъ старомъ законѣ, принято новымъ закономъ въ п. 1 ст. 56. Противоположнаго взгляда придерживается венгерское законодательство, а практика французскихъ судовъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ различно.

Къ числу ограниченій авторскаго права на художественныя произведенія относятся еще слѣдующіе случаи заимствованій, не признаваемыхъ нарушеніемъ авторскаго права: 1) повтореніе художественныхъ произведеній, находящихся на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, въ иной отрасли того же рода искусства (п. 3 ст. 56); 2) помѣщеніе отдѣльныхъ частей художественнаго произведенія въ издѣліяхъ заводской, фабричной и ремесленной промышленности (п. 4 ст. 56) и 3) помѣщеніе ихъ на публичной выставкѣ (п. 5 ст 56). Первое ограниченіе основано на томъ соображеніи, что художественныя произведенія, находящіяся на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, по самой обстановкѣ своей,

подвергаются непрерывному и свободному обозрѣнію публики и что, въ виду этого, исключительное право художника, завѣдомо согласившагося подвергнуть свое произведеніе полной публичности, можетъ и должно пользоваться нѣсколько меньшею охраною въ законѣ, чѣмъ обыкновенныя художественныя произведенія. Слѣдовательно, по смыслу этого ограниченія, масляная картина можетъ быть передана посредствомъ гравюры, бюстъ—въ видѣ барельефа и т. д. Но, напримѣръ, масляная картина не можетъ быть повторена въ видѣ масляной же картины и т. п. средствами той же самой отрасли въ данномъ родѣ искусства.

Комиссія Госуд. Совѣта предполагала расширить это ограниченіе, допустивъ воспроизведеніе художественныхъ произведеній, находящихся на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, всякими способами искусства, если это воспроизведеніе сдѣлано *для иного назначенія*, т. е., какъ надо полагать (мотивы этого точно не объясняютъ),—недопустимо воспроизведеніе такихъ произведеній лишь для назначенія ихъ къ помѣщенію на публичныхъ же мѣстахъ. Согласительная комиссія приняла п. 3 ст. 56 въ редакціи Госуд. Думы.

Другое ограниченіе—допустимость помѣщенія художественныхъ произведеній въ издѣліяхъ заводской, фабричной и ремесленной промышленности, установленное почти во всѣхъ законодательствахъ (кромѣ венгерскаго и германскаго) и въ нашемъ старомъ законѣ—вытекаетъ изъ соображенія, что воспрещеніе промышленности дѣлать заимствованія изъ области искусства могло бы стѣснять и задержать развитіе промышленности и препятствовало бы желательному, въ интересахъ промышленности, вліянію

художественнаго вкуса на промышленныя издѣлія. Противъ установленія этого ограниченія авторскаго права художниковъ были въ комиссіи Госуд. Совѣта сдѣланы возраженія, указывавшія, что разрѣшеніе помѣщенія художественнаго произведенія въ промышленныхъ издѣліяхъ можетъ наносить автору не только матеріальный ущербъ, но и нравственный вредъ, ибо получается возможность искаженія его произведенія или помѣщенія его на такихъ предметахъ рыночной торговли, которые умаляютъ значеніе его произведенія. Однако, комиссія и Госуд. Совѣтъ приняли это ограниченіе, имѣющее полезное значеніе въ особенности для Россіи, въ виду слабаго развитія у насъ прикладного искусства. По смыслу закона (п. 4 ст. 56,) разрѣшается только заимствованіе *отдѣльныхъ* частей или подробностей художественнаго произведенія съ цѣлью пользованія ими какъ моделью въ производствѣ издѣлій заводской, фабричной и ремесленной промышленности, но не разрѣшается повторять *цѣликомъ* художественное произведеніе въ этихъ издѣліяхъ.

Наконецъ, третье ограниченіе относится къ одному изъ наиболѣе обычныхъ способовъ пользованія художникомъ своимъ произведеніемъ, свойственному именно художественнымъ произведеніямъ—помѣщенію художественныхъ произведеній на публичныхъ выставкахъ. Въ проектѣ Редакц. Комиссіи содержалось безусловное воспрещеніе помѣщенія худож. произведеній на публичныхъ выставкахъ безъ согласія художника, такъ какъ право на это составляетъ часть авторскаго права. Но предположеніе это было признано комиссіею Министерства Юстиціи слишкомъ стѣснительнымъ для собирателей художественныхъ произведеній и нежелательнымъ въ интересахъ художественнаго образованія, требующихъ, напротивъ, самой широкой доступности худо-

жественныхъ произведеній для публики. Съ другой стороны, представляется невозможнымъ допустить помѣщеніе на выставкѣ художественнаго произведенія *противъ воли* художника, такъ какъ это нарушало бы его права, какъ творца произведенія. Въ виду этого проектъ министра остановился на среднемъ рѣшеніи, именно, устраняя сложную и стѣснительную процедуру испрошенія каждый разъ согласія художника на помѣщеніе его произведенія на выставкѣ, проектъ, однако, оставляетъ за художникомъ право прямо воспретить таковое.

Комиссія Госуд. Совѣта не признала возможнымъ согласиться съ такимъ постановленіемъ, прежде всего, потому, что подобное воспрещеніе автора можетъ имѣть силу лишь въ отношеніи перваго пріобрѣтателя картины и отнюдь не можетъ распространяться на послѣдующихъ ея собственниковъ, которые ни въ какихъ договорныхъ отношеніяхъ съ художникомъ не состоятъ и для которыхъ, поэтому, подобное воспрещеніе не можетъ быть обязательно. Но и независимо отъ сего, свободное помѣщеніе на выставкахъ художественныхъ произведеній, не нарушая матеріальныхъ интересовъ художника и даже способствуя популяризаціи его произведенія и имени въ широкихъ народныхъ массахъ, дѣлаетъ эти произведенія доступными для публики, а потому оно крайне желательно въ интересахъ распространенія художественнаго образованія. Согласно съ этимъ соображеніемъ, въ законѣ (п. 5 ст. 56) установлена безусловная свобода помѣщенія художественныхъ произведеній на публичныхъ выставкахъ.

Въ связи съ разрѣшеніемъ повторенія художественныхъ произведеній, находящихся на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, нахо-

дится постановленіе ст. 54, разрѣшающее снятіе копій, безъ согласія художника, съ художественныхъ произведеній, пріобрѣтенныхъ непосредственно отъ авторовъ въ собственность для храмовъ Божіихъ, Императорскихъ дворцовъ, музеевъ, правительственныхъ и общественныхъ установленій.

Постановленіе это находится въ противорѣчіи съ общимъ началомъ, выраженнымъ въ ст. 51, согласно которой „отчужденіе художникомъ художественнаго произведенія не переноситъ на пріобрѣтателя авторскаго права на это произведеніе". Между тѣмъ, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 54, художникъ, продавшій свое произведеніе, лишается авторскаго права на него. Проектъ Редакціонной Комиссіи объясняетъ необходимость этого ограниченія авторскаго права художниковъ тѣмъ, что въ интересахъ художественнаго образованія важно, чтобы желающіе могли пользоваться художественными произведеніями, пріобрѣтенными для общественныхъ или правительственныхъ установленій, въ особенности, для музеевъ, цѣль коихъ заключается, именно, въ содѣйствіи эстетическому развитію общества.

Слѣдуетъ тутъ отмѣтить, что правило, изложенное въ ст. 54, содержитъ въ себѣ одно опредѣленіе, которое вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія въ цѣлесообразности его. Именно, законъ установляетъ, что правило этой статьи примѣняется исключительно къ тѣмъ случаямъ, когда художественное произведеніе пріобрѣтено для храмовъ Божіихъ, дворцовъ, музеевъ и т. д. *непосредственно отъ художника*. Слѣдовательно, если художественное произведеніе пріобрѣтено не отъ художника, а отъ третьихъ лицъ, то художникъ сохраняетъ свое право. Установленное тутъ различіе представляется съ прак-

тической стороны явно несообразнымъ и можетъ привести только къ тому, что художественныя произведенія будутъ всегда продаваться храмамъ, дворцамъ, музеямъ и т. п. установленіямъ обязательно черезъ посредниковъ и, разумѣется, это повлечетъ за собою для этихъ установленій лишній накладной расходъ въ пользу посредниковъ. По нашему мнѣнію, представляется болѣе правильной редакція стараго закона, устанавливающаго, въ ст. 31 прил. къ ст. 420, безусловное правило: „художественныя произведенія, купленныя правительствомъ или исполненныя по его заказу, для храмовъ, музеевъ и вообще казенныхъ мѣстъ, почитаются полнымъ достояніемъ тѣхъ вѣдомствъ и могутъ быть копируемы безъ согласія ходожника“.

Законъ упоминаетъ еще объ одномъ ограниченіи авторскаго права художника, которое вызывается особенными условіями оборота въ публикѣ художественныхъ произведеній. Въ отличіе отъ литературныхъ и музыкальныхъ произведеній, авторы которыхъ, для размноженія, повторенія или изданія ихъ, могутъ имѣть въ своемъ распоряженіи рукопись или одинъ изъ многихъ экземпляровъ напечатаннаго и распространеннаго въ публикѣ произведенія, художественныя произведенія появляются въ свѣтъ обыкновенно въ одномъ экземплярѣ (оригиналѣ), и, если этотъ оригиналъ (картина, статуя) художникомъ проданъ и находится въ распоряженіи пріобрѣтателя, то художнику, чтобы имѣть возможность повторить это свое произведеніе, т. е. осуществить свое авторское право, необходимо изъять произведеніе изъ владѣнія пріобрѣтателя для временнаго физическаго пользованія имъ, какъ тѣлесною вещью. Такимъ образомъ, тутъ авторское право художника сталкивается съ правомъ

собственности пріобрѣтателя произведенія, такъ какъ осуществленіе художникомъ своего авторскаго права невозможно безъ нарушенія спокойнаго владѣнія пріобрѣтателя принадлежащею ему вещью. Отсюда возникаетъ вопросъ, обязанъ ли пріобрѣтатель художественнаго произведенія допускать художника къ пользованію этимъ произведеніемъ для повторенія, размноженія или изданія его и тѣмъ не препятствовать осуществленію художникомъ своего авторскаго права? Законъ въ ст. 53 разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, исходя изъ того положенія, что пріобрѣтатель художественнаго произведенія, недопущеніемъ художника къ пользованію этимъ произведеніемъ, лишь осуществляетъ свое *право собственности* на пріобрѣтенное имъ художественное произведеніе, какъ на тѣлесную вещь, и отнюдь не нарушаетъ *авторскаго права* художника на то же произведеніе. Поэтому, такое пользованіе художникомъ чужою вещью можетъ быть допущено только съ согласія собственника ея.

Въ отношеніи архитектурныхъ произведеній—построекъ, сооруженій—область возможныхъ заимствованій гораздо болѣе ограничена, чѣмъ въ отношеніи художественныхъ произведеній вообще. Содержаніе авторскаго права тутъ опредѣляется исключительно общими началами, выраженными въ ст. 2 и 3 закона, именно: во-первыхъ, тѣмъ началомъ, что автору (архитектору) принадлежитъ исключительное право на свое произведеніе (зодчества) и, во-вторыхъ, тѣмъ началомъ, что не считается нарушеніемъ авторскаго права пользованіе чужимъ произведеніемъ для созданія новаго произведенія, существенно отъ него отличающагося.

Но всякія постройки и сооруженія производятся

обыкновенно по особымъ техническимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ. Поэтому, въ связи съ вопросомъ о правѣ повторенія построекъ и сооруженій, которыя въ готовомъ видѣ являются объектомъ авторскаго права, находится вопросъ о правѣ возведенія построекъ и сооруженій по чужимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ, которые, такимъ образомъ, являются также объектомъ авторскаго права на архитектурныя произведенія. *)

ж) *Право на фотографическія произведенія.*

По отношенію къ фотографическимъ произведеніямъ содержаніе авторскаго права въ новомъ законѣ опредѣляется въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, чѣмъ въ отношеніи къ художественнымъ произведеніямъ; именно, согласно ст. 59, право фотографа охраняется только отъ повторенія свѣтописнымъ, механическимъ, химическимъ или инымъ подобнымъ способомъ, а не отъ всякихъ повтореній вообще. Слѣдовательно, запрещается повторять произведенія фотографа главнѣйшимъ образомъ при помощи фотографіи же. Затѣмъ, къ механическимъ способамъ производства слѣдуетъ причислить повтореніе фотографіи при посредствѣ подобныхъ фотографіи способовъ, отпечатаніемъ фотографическихъ изображеній съ деревянныхъ, каменныхъ и металлическихъ досокъ. Несомнѣнно, что отъ повторенія произведеній подобными механическими и химическими способами причинялся бы наибольшій вредъ матеріальнымъ интересамъ фотографа и безъ запрещенія этого способа распространенія фотографій права фотографа остались бы вовсе не огражденными. Напротивъ, повтореніе фотографіи въ отрасляхъ живописи и ваянія, всегда

*) Подробнѣе объ этомъ—см. выше, на стр. 164—168.

требующее творческой дѣятельности отъ художника, сколько-нибудь значительнаго ущерба фотографу принести не можетъ. Поэтому, и въ интересахъ развитія художественныхъ произведеній, разрѣшается повтореніе фотографическихъ произведеній во всѣхъ отрасляхъ живописи и ваянія. Въ законѣ этого прямо не выражено, но это вытекаетъ изъ буквальнаго смысла (ст. 59).

Затѣмъ, къ фотографическимъ произведеніямъ примѣняются тѣ же ограниченія авторскаго права въ отношеніи заимствованія изъ нихъ, которыя установлены для художественныхъ произведеній. Именно, не признается нарушеніемъ авторскаго права на фотографическія произведенія: 1) снятіе копіи для личнаго употребленія; 2) помѣщеніе произведенія на публичной обстановкѣ; 3) воспроизведеніе его въ самостоятельномъ научномъ изслѣдованіи или же въ книгѣ, предназначенной для учебныхъ цѣлей и, притомъ, исключительно для поясненія текста, и 4) воспроизведеніе его, хотя бы цѣликомъ, въ издѣліяхъ промышленности заводской, фабричной и ремесленной (ст. 62).

По послѣднему пункту ст. 62 послѣдовало разногласіе между Госуд. Думой и Госуд. Совѣтомъ. Госуд. Совѣтъ призналъ необходимымъ и въ отношеніи фотографическихъ произведеній повторить правило, принятое имъ въ отношеніи художественныхъ произведеній, именно, разрѣшить помѣщеніе въ издѣліяхъ промышленности лишь *отдѣльныхъ частей* произведенія. Согласительная комиссія однако приняла этотъ пунктъ въ редакціи Госуд. Думы, полагая, что, въ интересъ развитія художественной промышленности, не слѣдуетъ запрещать помѣщеніе *цѣлыхъ* фотографическихъ произведеній въ издѣліяхъ промышленности.

IV. Возникновеніе, переходъ и прекращеніе авторскаго права.

а) Доказательства авторскаго права.

По общему правилу, вытекающему изъ существа авторскаго права, основаніемъ защиты авторскаго права на всякаго рода произведенія служитъ самый *фактъ созданія произведенія* творческою дѣятельностью автора. Поэтому, авторское право возникаетъ съ момента созданія авторомъ произведенія, все равно, опубликовано ли оно, т. е. предназначено ли оно авторомъ къ обращенію въ публикѣ, или оно еще находится въ неопубликованномъ видѣ, т. е. въ рукописи. Разъ духовная дѣятельность автора облечена въ какую-нибудь внѣшнюю форму—письменную (рукопись) или словесную (рѣчь, рефератъ, проповѣдь, лекція и. т. п.), она уже является объектомъ авторскаго права и подлежитъ охранѣ. Между тѣмъ нашъ старый законъ, въ ст. 13 прил. къ ст. 420, считая самовольнымъ изданіемъ (контрафакціей) „печатаніе книги, *уже напечатанной, подъ названіемъ второго или третьяго и такъ далѣе изданія*“, какъ будто не считаетъ незаконнымъ печатаніе съ рукописи сочиненія, еще не появившагося въ печати, напр., если рукопись была украдена у автора, или послѣдній передалъ ее кому-нибудь для прочтенія или для снятія копіи. Въ виду неясности этого постановленія, вопросъ о моментѣ возникновенія авторскаго права представляется въ нашей литературѣ спорнымъ. Такъ, проф. Шершеневичъ считаетъ, что, согласно дѣйствовавшему закону, моментомъ возникновенія авторскаго права надо считать воспроизведеніе сочиненія въ печати или въ иной формѣ тисненія

или же произнесеніе его. Напротивъ, проф. Васьковскій полагаетъ, что дѣйствовавшее законодательство не отказываетъ въ защитѣ рукописи.

Хотя само собою понимается, что рукопись должна пользоваться охраной, такъ какъ возникновеніе авторскаго права опредѣляется моментомъ созданія его, т. е. облеченія во внѣшнюю форму, а не моментомъ опубликованія его, однако, во избѣжаніе возможныхъ сомнѣній, нѣкоторыя законодательства считаютъ необходимымъ упомянуть объ этомъ особо. По примѣру германскаго закона, и нашъ новый законъ въ ст. 4 распространяетъ авторское право на произведенія, находящіяся еще *въ неопубликованномъ* видѣ, а въ ст. 27 постановляетъ, что публичное изложеніе не появившагося въ свѣтъ литературнаго произведенія или опубликованіе содержанія такого произведенія безъ согласія автора не допускается. Такимъ образомъ, по новому закону моментомъ возникновенія авторскаго права является облеченіе мысли автора въ опредѣленную форму (рукописи, рѣчи, сценической постановки), причемъ ст. 4, какъ помѣщенная въ общихъ положеніяхъ, относится какъ къ литературнымъ, такъ и къ музыкальнымъ и художественнымъ произведеніямъ.

Нѣкоторыя иностранныя законодательства по отношенію къ литерат. произведеніямъ, для пріобрѣтенія авторскаго права, требуютъ отъ автора соблюденія извѣстныхъ формальностей, при несоблюденіи которыхъ авторское право считается недоказаннымъ и можетъ быть потеряно. Такъ, итальянскій законъ считаетъ условіемъ пріобрѣтенія авторскаго права и пользованія имъ—представленіе префекту трехъ экземпляровъ отпечатаннаго сочиненія, вмѣстѣ съ заявленіемъ, въ которомъ должно быть поименовано сочиненіе, съ

точнымъ указаніемъ заглавія и года изданія, и выражено желаніе пользоваться правами, принадлежащими автору или издателю. Неисполненіе этой формальности въ теченіе 10 лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ сочиненія влечетъ за собою потерю авторскаго права. Въ испанскомъ законодательствѣ формальность регистраціи обставлена еще строже. Всякій авторъ, по представленіи 3 экземпляровъ въ общественную библіотеку, долженъ озаботиться о внесеніи сочиненія въ общій регистръ литературныхъ произведеній, который ведется при министерствѣ земледѣлія и торговли. При несоблюденіи этого, сочиненіе, не занесенное въ регистръ, становится достояніемъ публики. Такую же доказательную силу существованія авторскаго права, не исключающую впрочемъ другихъ доказательствъ, имѣетъ регистрація сочиненій въ Англіи, гдѣ регистръ ведется при центральномъ издательскомъ бюро (Book of Registry at Stationers Hall). Въ этотъ регистръ заносятся всѣ литературныя произведенія съ указаніемъ заглавія, года перваго изданія, имени и мѣстожительства автора. Отсутствіе записи въ регистрѣ имѣетъ послѣдствіемъ лишеніе возможности преслѣдовать контрафакцію. Во Франціи, въ силу закона 19-го Іюля 1793 г., отсутствіе въ рукахъ автора удостовѣренія въ представленіи узаконеннаго числа экземпляровъ въ національную библіотеку лишало его возможности преслѣдовать контрафакторовъ. Но по закону 29-го Іюля 1881 г. такая связь между представленіемъ экземпляровъ и правомъ преслѣдовать за контрафакцію уничтожена, и требованіе представленія экземпляровъ относится лишь къ типографщику, съ котораго взыскивается штрафъ въ размѣрѣ до 300 фр. за непредставленіе двухъ экземпляровъ въ министерство внутр. дѣлъ или въ префек-

туру. Другія законодательства, какъ германское, австрійское, венгерское, бельгійское, швейцарское, не признаютъ за формальностями по регистраціи и депозиту экземпляровъ значенія существеннаго условія пріобрѣтенія авторскихъ правъ, придавая этимъ формальностямъ лишь второстепенное значеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, требуютъ регистраціи по отношенію къ анонимнымъ и псевдонимнымъ произведеніямъ, если авторъ такихъ произведеній желаетъ воспользоваться общимъ срокомъ охраны авторскаго права (германское и венгерское законодательства), и къ посмертнымъ изданіямъ (бельгійское и швейцарское законодательства).

Наше дѣйствовавшее законодательство не требовало никакой регистраціи литературныхъ произведеній, для удостовѣренія авторскаго права, но по ст. 72 уст. о ценз. и печати, т. XIV св. зак., издатели книгъ, журналовъ, газетъ и другихъ произведеній печати обязаны представить въ цензуру узаконенное число экземпляровъ напечатанныхъ сочиненій *). Несоблюденіе требованія закона о представленіи опредѣленнаго числа отпечатанныхъ экземпляровъ сочиненія въ цензуру можетъ служить лишь основаніемъ къ привлеченію виновныхъ къ уголовной отвѣтственности и присужденія съ нихъ денежнаго взысканія (ст. 1012^1 и 1012^2, по Прод. 1906 г. Ул. о нак.), причемъ отвѣтственными лицами за несоблюденіе

*) Экземпляры эти представляются для слѣдующихъ учрежденій: 2 экз. для цензуры, 2—для Публичной Библіотеки, 1—для Императорской Академіи Наукъ, 2—для Московскихъ музеевъ, Публичнаго и Румянцевскаго, 1—для Морского Министерства, 1—для Гельсингфорскаго Университета, 1—для Главнаго Штаба;—всего—10 экз., и кромѣ того 1 экз. газетъ, журналовъ и альманаховъ—для Министерства вн. дѣлъ.

указанныхъ правилъ являются не авторы сочиненій, а содержатели типографій и литографій. Такимъ образомъ, возникновеніе авторскаго права закономъ прямо не поставлено въ зависимость отъ регистраціи этого права, хотя, согласно ст. 21 прил. къ ст. 420, по которой напечатавшій книгу безъ соблюденія правилъ цензурнаго устава лишается всѣхъ правъ на оную, необходимо заключить, что отъ соблюденія требованія указанной ст. 72 Уст. ценз. зависитъ защита авторскаго права.

Новый законъ, подобно дѣйствовавшему закону, также не требуетъ особой регистраціи литературныхъ произведеній, исходя изъ того, что съ юридической точки зрѣнія было бы неправильно обусловливать возникновеніе авторскаго права регистраціонными формальностями. Также закономъ неустановлено регистраціи для музыкальныхъ произведеній, въ виду полной аналогіи между произведеніями литературными и произведеніями музыкальными въ отношеніи момента возникновенія авторскаго права. Въ Госуд. Совѣтѣ возбуждался вопросъ о необходимости регистраціи, въ особенности, въ отношеніи музыкальныхъ произведеній, въ интересахъ публики, такъ какъ при отсутствіи регистраціи весьма затруднительно знать, кому принадлежитъ право, и отыскивать автора или его правопреемника для полученія разрѣшенія. Однако, Госуд. Совѣтъ не нашелъ возможнымъ связывать фактъ возникновенія авторства съ какими-либо формальностями. Доказательствомъ принадлежности авторскаго права на литературныя и музыкальныя произведенія служитъ помѣщеніе фамиліи автора на заглавномъ листѣ; если таковая не помѣщена, то вступаетъ въ силу постановленіе ст. 15 объ анонимныхъ произведеніяхъ.

Въ отношеніи художественныхъ произведеній прежнимъ закономъ была установлена обязательность регистраціи. На основаніи ст. 29 прил. къ ст. 420 (прим. 2) т. X ч. I, художникъ, для утвержденія за нимъ права художественной собственности на произведеніе, обязанъ предъявить и записать у нотаріуса свое произведеніе и извѣстить о семъ Императорскую Академію Художествъ, съ соблюденіемъ формальностей, установленныхъ въ этой статьѣ закона. По смыслу этого закона, подтвержденному въ рѣшеніи Общ. Собр. Сената 1902 г., № 25, несоблюденіе художникомъ этой формальности лишаетъ его права на защиту своего произведенія отъ нарушенія постороннихъ лицъ.

Новый законъ не считалъ возможнымъ сохранить обязательность регистраціи художественныхъ произведеній, исходя изъ общаго положенія, что авторское право возникаетъ изъ самого факта созданія произведенія творческою дѣятельностью автора, независимо отъ совершенія имъ какихъ-либо формальностей въ закрѣпленіе своего права. Изъятіе изъ этого общаго правила установлено лишь для фотографическихъ произведеній, которыя, по взгляду новаго закона, вообще пользуются лишь частичной охраной. Для сохраненія за фотографомъ авторскаго права на фотографическія изображенія требуется означеніе на каждомъ экземплярѣ: 1) фирмы или имени, фамиліи и мѣста жительства фотографа или издателя фотографіи, и 2) года выпуска въ свѣтъ фотографическаго произведенія (ст. 60). Слѣдовательно, по точному смыслу этого постановленія, при несоблюденіи фотографомъ этихъ требованій, авторское право на фотографическое произведеніе не возникаетъ.

б) Переходъ авторскаго права.

Авторское право, какъ всякое имущественное право, можетъ переходить отъ одного лица къ другому всѣми законными способами отчужденія и пріобрѣтенія. Авторское право можетъ перейти отъ автора къ издателю по договору, можетъ быть предметомъ духовнаго завѣщанія или переходить къ наслѣдникамъ по законному наслѣдованію, или при лишеніи автора правъ состоянія или при безвѣстномъ отсутствіи автора, также можетъ быть передано другому лицу путемъ даренія или въ силу принудительнаго взысканія, обращеннаго на имущество автора, и т. д. Затѣмъ, авторское право, какъ предметъ гражданскаго оборота, можетъ безгранично переходить отъ одного лица къ другому въ теченіе всего срока, установленнаго закономъ для продолжительности авторскаго права послѣ смерти автора.

По старому закону, который конструировалъ авторское право, какъ одинъ изъ видовъ права собственности, возможно было говорить о примѣненіи къ авторскому праву такихъ способовъ перехода собственности, какъ оккупація, спецификація, давность. Между прочимъ, по одному дѣлу, доходившему до Сената (1869 г., № 178, по дѣлу Лысенкова объ изданіи сочиненій Шевченко), истецъ основывалъ свое право на фактѣ спокойнаго, безспорнаго владѣнія въ теченіе земской давности сочиненіями Шевченко.

По конструкціи авторскаго права въ нашемъ новомъ законѣ, какъ права sui generis, ничего общаго съ правомъ собственности не имѣющаго, очевидно, къ авторскому праву не могутъ быть примѣнимы такіе способы пріобрѣтенія, какъ давность, оккупація и др.

Переходъ авторскаго права былъ обставленъ въ нашемъ старомъ законѣ весьма стѣснительными формальностями, которыя, притомъ, редактированы въ законѣ крайне неясно и неопредѣленно, что ставило нерѣдко судебную практику въ очень затруднительное положеніе. По ст. 4 Прил. къ ст. 420, „условія, заключаемыя между сочинителями, переводчиками или издателями и типографщиками или книгопродавцами, совершаются съ соблюденіемъ правилъ Положенія о Нотаріальной части". Затѣмъ, по ст. 6 „тѣ, коимъ сочинитель или переводчикъ завѣщалъ или инымъ образомъ уступилъ всѣ или нѣкоторыя свои произведенія, обязаны объявить о семъ и представить надлежащія доказательства въ теченіе перваго послѣ смерти его года, а находящіеся за границей — въ теченіе двухъ лѣтъ. Тогда они въ отношеніи къ симъ произведеніямъ вступаютъ во всѣ права законныхъ его наслѣдниковъ. Сіи послѣдніе могутъ, на основаніи обыкновенныхъ правилъ, вызывать ихъ къ явкѣ въ положенные сроки такъ же, какъ другихъ соучастниковъ въ наслѣдствѣ или кредиторовъ". Постановленіе это содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ противорѣчій противъ общихъ законовъ. По общимъ законамъ неявка наслѣдниковъ въ теченіе шестимѣсячнаго срока не лишаетъ ихъ права на наслѣдство, которое теряется лишь по истеченіи земской давности со дня послѣдняго припечатанія въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ" о вызовѣ наслѣдниковъ. Въ отношеніи же литературной собственности законъ устанавливалъ годичный-двухгодичный срокъ со дня смерти автора для предъявленія своихъ правъ, причемъ неизвѣстно, какія должны быть послѣдствія въ случаѣ, если наслѣдниками въ теченіе этого срока не сдѣлано заявленія о своихъ правахъ. Становится ли тогда литературное

имущество общимъ достояніемъ или, согласно другимъ статьямъ того же приложенія, все равно въ теченіе 50-ти лѣтъ никто не можетъ издавать сочиненія умершаго автора. Затѣмъ, въ случаѣ перехода произведеній отъ автора способомъ переуступки, вышеизложенная статья тоже противорѣчитъ общему принципу нашего права, по которому, въ случаѣ уступки какимъ-либо лицомъ какого-нибудь права по акту или договору, вовсе не требуется со стороны пріобрѣтателя, чтобы онъ послѣ смерти этого лица заявлялъ куда-либо о своихъ правахъ. Лицо, получившее какое-либо право по договору, пользуется этимъ правомъ въ силу договора, а не чего-либо другого, и это право можетъ быть погашено только земской давностью.

Этотъ формальный порядокъ перехода авторскаго права, который былъ установленъ старымъ закономъ, стѣсняя отношенія между авторами и ихъ правопреемниками, создавалъ массу недоразумѣній, дѣлая нерѣдко вполнѣ несомнѣнныя права спорными, вопреки явной волѣ автора и очевидной справедливости *).

Изъ иностранныхъ законодательствъ нѣкоторыя, какъ, напр., французское, итальянское, не имѣютъ вовсе постановленій о переходѣ авторскаго права и, такимъ образомъ, подчиняютъ авторское право общимъ формамъ передачи имущественныхъ правъ. Другія законодательства, какъ англійское, Соедин.-Штатовъ и испанское (въ которыхъ установлена регистрація

*) Затрудненія, созданныя этимъ порядкомъ, весьма рельефно обнаружились въ упомянутомъ выше дѣлѣ Лысенкова и Кожанчикова по поводу изданія сочиненій Шевченко (1869 г., № 178), по которому повѣренный отвѣтчика Спасовичъ защищался противъ очевидно правой претензіи истца возраженіями о послѣдствіяхъ неформально заключеннаго договора.

литературныхъ произведеній), требуютъ внесенія въ регистры также договоровъ о передачѣ авторскаго права однимъ лицомъ другому.

Нашъ новый законъ въ ст. 8 постановляетъ, что договоръ объ отчужденіи авторскаго права, объ уступкѣ права на изданіе или о предоставленіи права перевода, публичнаго исполненія произведенія или какого-либо иного изъ принадлежащихъ автору правъ другому лицу долженъ быть изложенъ на письмѣ.

Мотивы къ этой статьѣ объясняютъ, что требованіе закона объ удостовѣреніи договоровъ объ отчужденіи авторскаго права на письмѣ не должно быть истолковано въ смыслѣ признанія, въ силу закона, недѣйствительности всякаго словеснаго о семъ договора. Несоблюденіе письменной формы можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ только лишеніе стороны права ссылаться на свидѣтельскія показанія въ подтвержденіе или опроверженіе договора объ отчужденіи авторскаго права. Письменная форма требуется лишь потому, что она является, въ случаѣ спора, наилучшимъ способомъ доказательствъ, а въ виду возможной важности для сторонъ договора объ отчужденіи авторскаго права и нерѣдко значительной цѣнности уступаемаго права, разрѣшеніе этого рода дѣлъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, часто ошибочныхъ, представляется нежелательнымъ.

Едва ли, однако, это содержащееся въ мотивахъ закона указаніе на относительное значеніе письменной формы договора объ отчужденіи авторскаго права можетъ устранить примѣненіе на практикѣ ст. 8 въ смыслѣ обязательности письменной формы,—въ виду категоричности выраженнаго въ этой статьѣ требованія. Несомнѣнно, что эта статья закона на практикѣ, въ судебныхъ дѣлахъ, вызоветъ сомнѣнія, на

почвѣ которыхъ будутъ возникать споры о юридическихъ послѣдствіяхъ несоблюденія письменной формы договора о передачѣ авторскихъ правъ. Правильнѣе было бы, во избѣжаніе всякихъ возможныхъ сомнѣній, или исключить эту статью, или дополнить ее постановленіемъ о необязательности письменной формы.

Любопытное дополненіе къ означенной ст. 8 внесено комиссіею Госуд. Совѣта и принято Госуд. Совѣтомъ въ видѣ особой ст. 9, по которой договоры объ отчужденіи авторскаго права на *будущія* произведенія автора сохраняютъ силу на сроки не свыше пяти лѣтъ, хотя бы въ договорахъ была условлена большая его продолжительность или безсрочность. Комиссія считала необходимымъ это дополненіе въ виду того соображенія, что на практикѣ замѣчается часто эксплоатація авторскаго творчества со стороны издателей, весьма нерѣдко пользующихся стѣсненнымъ положеніемъ авторовъ и невозможностью для нихъ, по недостатку средствъ, выпустить произведеніе на собственныя средства. „Нерѣдко—говоритъ комиссія—молодой начинающій писатель или музыкантъ, находясь въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, продаетъ свои будущія произведенія и этимъ закабаляетъ себя издателямъ. Правило ст. 9 для добросовѣстныхъ издателей не будетъ стѣснительнымъ, такъ какъ, само собою разумѣется, договоръ, выгодный для обѣихъ заключающихъ его сторонъ, будетъ чрезъ 5 лѣтъ возобновленъ; при измѣнившихся же условіяхъ, получится возможность, по истеченіи 5 лѣтъ, вступить въ новыя договорныя отношенія, болѣе соотвѣтствующія извѣстности автору и спросу на его произведенія“.

Такая заботливость законодателя о молодыхъ, начи-

нающихъ авторахъ, можетъ быть, очень похвальна, но правило ст. 9 распространяется на всѣхъ авторовъ, также и на старыхъ, получившихъ уже извѣстность, авторовъ, которые вовсе не нуждаются въ охранѣ ихъ отъ эксплоатаціи со стороны издателей, потому что они сами знаютъ и понимаютъ, какъ оберегать свои интересы. Едва ли представляется умѣстной такая опека въ области договоровъ чисто имущественнаго характера и по отношенію къ лицамъ, обладающимъ полнотой дѣеспособности. Притомъ, это правило ст. 9 является въ законѣ объ авторскомъ правѣ единственнымъ въ этомъ родѣ постановленіемъ. Если законъ считаетъ нужнымъ ограждать авторовъ отъ возможной эксплоатаціи ихъ труда со стороны лицъ, которыя желали бы пользоваться ихъ стѣсненнымъ матеріальнымъ положеніемъ, то слѣдовало бы закону эту тенденцію послѣдовательно проводить чрезъ весь законъ и соотвѣтственныя дополненія включить въ многія другія постановленія закона.

в) Издательскій договоръ.

Кромѣ договора объ отчужденіи авторскаго права, возможенъ договоръ, въ силу котораго авторъ уступаетъ другому лицу (издателю) право на одно или нѣсколько изданій своего произведенія, не отчуждая своего авторскаго права. Новый законъ, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ новѣйшихъ законодательствъ, опредѣляетъ юридическія отношенія между авторомъ и издателемъ въ видѣ особаго, такъ называемаго, *издательскаго договора*, при чемъ всѣ правила, нормирующія этотъ договоръ, въ видахъ большей наглядности, выдѣлены и сосредоточены въ особой главѣ подъ отдѣльнымъ заглавіемъ. Какъ уже было указано нами, это выдѣленіе издательскаго договора,

принятое проектомъ министра юстиціи въ отступленіе отъ проекта Редакц. Коммисіи, представляется весьма цѣлесообразнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ указать на недостаточную полноту отдѣла правилъ объ издательскомъ договорѣ. Мотивы къ закону исходятъ изъ той точки зрѣнія, что права и обязанности сторонъ по издательскому договору могутъ быть разрѣшаемы на основаніи общихъ постановленій о договорахъ, и, поэтому, считаютъ необходимымъ изложить лишь, на случай отсутствія между контрагентами особаго условія, наиболѣе существенныя права и обязанности сторонъ по издательскому договору, именно, такія, которыя, по свойству этихъ юридическихъ отношеній, представляется затруднительнымъ разрѣшить на основаніи общихъ правилъ о договорахъ. Несомнѣнно, что такая частичность въ изложеніи правилъ, нормирующихъ права и обязанности автора и издателя и ихъ правопреемниковъ, частью на основаніи общихъ постановленій о договорахъ частью на основаніи постановленій закона объ авторскомъ правѣ, можетъ породить на практикѣ затрудненія и, притомъ, лишаетъ этотъ отдѣлъ закона той наглядности и стройности, въ цѣляхъ которой законъ считалъ нужнымъ выдѣлить особо правила объ издательскомъ договорѣ.

На основаніи издательскаго договора авторъ обязанъ представить свое произведеніе въ распоряженіе издателя, а издатель, съ своей стороны, обязанъ издать это произведеніе и принять всѣ обычно соблюдаемыя мѣры къ распространенію изданія (ст. 65).

Въ этомъ постановленіи указывается сущность издательскаго договора, который имѣетъ спеціальный характеръ, отличный отъ другихъ видовъ имущественныхъ договоровъ: обязанности издателя, вытекающія изъ издательскаго договора, не ограничива-

ются лишь уплатою вознагражденія за пріобрѣтенное имъ право изданія, а простираются гораздо дальше, заключаясь въ *изданіи* и *распространеніи* пріобрѣтеннаго произведенія. Такое опредѣленіе правъ и обязанностей сторонъ по издательскому договору является впервые въ нашемъ законѣ, составляя заимствованіе изъ германскаго и швейцарскаго законодательствъ, и объясняется двойственнымъ характеромъ авторскаго права, имѣющаго цѣлью огражденіе не только матеріальныхъ, но и духовныхъ, нравственныхъ интересовъ автора. Авторъ, уступивши свое произведеніе издателю, заинтересованъ не только въ имущественной выгодѣ, которую можетъ доставить ему изданіе и дальнѣйшее переизданіе его произведенія, но и въ томъ, чтобы идеи его произведенія были возможно скорѣе оглашены и распространены въ публикѣ и также чтобы, чрезъ это, была создана должная извѣстность его имени, какъ творца этого произведенія. Между тѣмъ, возможны случаи, когда издатель, заключивъ съ авторомъ договоръ и получивъ отъ него произведеніе для изданія, по какимъ-либо соображеніямъ не будетъ въ теченіе долгаго времени его издавать или даже вовсе не пожелаетъ его издать. Авторъ же, связанный заключеннымъ договоромъ, лишенъ возможности предпринять лично изданіе своего произведенія или передать право на изданіе его другому лицу. Для устраненія такого положенія и въ обезпеченіе интересовъ автора, законъ далѣе, въ ст. 68, установляетъ, что за отсутствіемъ особаго соглашенія относительно срока изданія, издатель обязанъ выпустить его въ свѣтъ въ соотвѣтствующій обстоятельствамъ срокъ и, во всякомъ случаѣ, не позже трехъ лѣтъ со дня заключенія договора или полученія произведенія, если то передано позже; а

если изданіе не послѣдуетъ въ теченіе трехъ лѣтъ, то договоръ, по заявленію автора, прекращается.

Правило этой статьи вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Законъ устанавливаетъ трехлѣтній срокъ, какъ максимальный, крайній срокъ, по истеченіи котораго наступаетъ для автора безусловное право уничтожить договоръ. Но кромѣ этого устанавливается еще „соотвѣтствующій обстоятельствамъ срокъ", въ теченіе котораго издатель обязанъ выпустить изданіе, причемъ мотивы объясняютъ, что вопросъ о томъ, какой срокъ долженъ быть признанъ соотвѣтствующимъ, т. е. достаточно продолжительнымъ для напечатанія извѣстнаго сочиненія и выпуска его въ свѣтъ, можетъ быть разрѣшенъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ и въ зависимости отъ рода и категоріи сочиненій, и, потому, вопросъ о срокѣ можетъ быть въ случаѣ спора правильно разрѣшенъ лишь судомъ, который въ каждомъ случаѣ долженъ руководствоваться обстоятельствами дѣла.

Установленіе этого „соотвѣтствующаго обстоятельствамъ срока" при существованіи трехлѣтняго срока совершенно непонятно. Одно изъ двухъ: если право автора на уничтоженіе договора наступаетъ только по истеченіи трехлѣтняго срока, то установленіе болѣе ранняго срока, зависящаго отъ обстоятельствъ, является безполезнымъ, такъ какъ по отношенію къ этому сроку нѣтъ въ законѣ никакой санкціи ни въ видѣ права автора на уничтоженіе договора ни въ какомъ-либо другомъ видѣ. Если же мысль закона такая, что и при несоблюденіи издателемъ „соотвѣтствующаго обстоятельствомъ срока" тоже наступаетъ право автора на уничтоженіе договора, то надо это оговорить и точно установить такое важное послѣд-

ствіе несоблюденія срока. Законодатель же въ объясненіяхъ объ этомъ „соотвѣтствующемъ обстоятельствамъ срокѣ“ ограничивается указаніемъ, что „въ силу этого постановленія на издателя возлагается обязанность принять зависящія мѣры къ изданію сочиненія безъ замедленія“. Это—платоническое указаніе, которое въ текстѣ закона ничѣмъ не выражено и, поэтому, не можетъ имѣть никакого реальнаго значенія.

Согласно второй части этой же ст. 68, издательскій договоръ, по одностороннему заявленію автора, можетъ прекратиться и раньше установленнаго въ первой части срока—именно, въ томъ случаѣ, когда обнаружатся уважительныя обстоятельства, хотя бы прямо не предусмотрѣнныя дѣйствующими гражданскими законами, но вынуждающія автора отказаться отъ публикованія своего произведенія. Независимо отъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 684 т. X ч. I, когда стороны могутъ быть принуждены отказаться отъ договора требованіями закона или правительства или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онѣ не могли предотвратить (напр., пожаръ или наводненіе, во время которыхъ погибла рукопись), возможны также и другія уважительныя причины для досрочнаго прекращенія издательскаго договора, когда, напримѣръ, появленіе какого-нибудь новаго изслѣдованія поколебало выводы автора, или когда появилась работа, аналогичная съ работою автора и сдѣлавшая ея изданіе излишнимъ, или когда политическая коньюнктура сдѣлала появленіе той или другой книги несвоевременнымъ и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ автору, принадлежитъ право отказаться отъ договора, причемъ, въ отличіе отъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 684 т. X ч. I, отказъ этотъ

долженъ сопровождаться возмѣщеніемъ издателю понесенныхъ имъ издержекъ по изданію.

Въ редакціи ст. 68, принятой Госуд. Совѣтомъ, въ тѣхъ же указанныхъ случаяхъ, въ видахъ справедливости, предоставлялось и издателю аналогичное право отказа отъ договора. Согласительная комиссія, однако, не признала возможнымъ уровнять въ этомъ отношеніи изцателя и автора и исключила соотвѣтственную часть ст. 68.

Постановленіе ст. 68, очевидно, имѣетъ примѣненіе только къ издательскому договору. Между тѣмъ, казалось бы, оно должно примѣняться и къ случаю отчужденія авторомъ своего произведенія (ст. 8 и 9), потому что и въ этомъ случаѣ могутъ имѣть мѣсто тѣ же уважительныя причины, по которымъ появленіе въ свѣтъ книги сдѣлалось невозможнымъ для автора. Законъ, однако, указанное правило на случаи отчужденія не распространяетъ.

Комиссія Госуд. Совѣта внесла въ законъ новую статью (67), по которой переуступка пріобрѣтеннаго издателемъ права другому лицу допускается только съ согласія автора или его правопреемниковъ. Необходимость этого постановленія комиссія объясняетъ тѣмъ соображеніемъ, что для автора далеко не безразлично, кѣмъ его произведеніе издано—незначительною ли, никому не вѣдомою, можетъ быть, недобросовѣстною фирмою, печатающею безъ разбора все, или крупною, честною, разборчивою издательскою фирмой, хорошо оборудованною, пользующеюся въ большой публикѣ и въ литературныхъ кругахъ извѣстностью и довѣріемъ и связанною отношеніями съ различными литературными предпріятіями и газетами. Кромѣ того, одинъ издатель можетъ располагать такими средствами рекламированія книги или музы-

кальнаго произведенія, какими не обладаетъ другой.

Совершенно вѣрно, что для автора не безразлично, кѣмъ будетъ издано его произведеніе. Соображеніями объ этомъ и руководствуется авторъ, передавая изданіе своего произведенія тому, а не другому издателю. Въ особенности, указанныя соображенія вѣрны въ томъ случаѣ, когда авторъ, уступая одно или нѣсколько изданій своего произведенія, получаетъ отъ издателя вознагражденіе не въ видѣ единовременной платы, а по мѣрѣ сбыта экземпляровъ, въ видѣ процентовъ съ проданныхъ экземпляровъ. Но если издатель, при заключеніи договора уплатитъ автору условленное вознагражденіе за уступленное ему право изданія, то едва ли можно признать правильнымъ и справедливымъ, чтобы издатель не могъ распоряжаться пріобрѣтеннымъ имъ правомъ по своему усмотрѣнію и былъ связанъ волей автора и его правопреемниковъ въ отношеніи переуступки этого своего права другому лицу, въ случаѣ если бы такая переуступка требовалась выгодой или необходимостью для него.

Затѣмъ, если проводить послѣдовательно вышеуказанныя соображенія комиссіи, то слѣдовало бы примѣнить правило ст. 67 также къ случаямъ отчужденія авторомъ авторскаго права, потому что и въ этихъ случаяхъ, для нравственныхъ интересовъ авторовъ, далеко не безразлично, какою фирмою будетъ осуществляться право на ихъ произведенія—фирмой ли крупной, разборчивой въ изданіяхъ, извѣстной въ литературныхъ кругахъ или фирмой мелкой, занимающейся уличными порнографическими изданіями и презираемой въ литературныхъ кругахъ. Но тогда договоръ объ отчужденіи авторскаго права, вмѣсто имущественнаго характера, который ему единственно свойственъ, пріобрѣтетъ характеръ личный и, соот-

вѣтственно этому характеру, должны были бы быть измѣнены другія постановленія института авторскаго права.

Издатель, уплачивая вознагражденіе за пріобрѣтаемое имъ право изданія и принимая на себя обязанность издать произведеніе и заботиться о его распространеніи, долженъ быть огражденъ отъ возможности безнаказаннаго, какъ со стороны автора, такъ и третьихъ лицъ, нарушенія его издательскихъ правъ и интересовъ самовольною перепечаткою означеннаго произведенія или иными дѣйствіями. Поэтому, ст. 66 предоставляетъ издателю пользоваться авторскимъ правомъ (напр., вчинять иски о контрафакціи и т. п.), *но лишь поскольку это дѣйствительно необходимо для защиты правъ его по издательскому договору* и съ изъятіями, которыя установлены въ законѣ или договорѣ. Такое ограниченіе объясняется тѣмъ, что издателю принадлежитъ не авторское право, а только право изданія, и, слѣдовательно, признаніе за нимъ авторскихъ правъ внѣ предѣловъ необходимости, вызываемой издательскимъ договоромъ, значило бы—умалять права автора, перенося на издателя другія составныя части авторскаго права, какъ право перевода, драматизаціи, публичнаго исполненія или измѣненія заглавія или текста произведенія и т. п.

Всѣ эти, упоминаемыя въ ст. 66, изъятія, которыми ограничивается пользованіе издателемъ авторскимъ правомъ, изложены въ ст. 70, 74 и 75. Именно, по ст. 70, издатель не въ правѣ безъ согласія автора или его наслѣдниковъ вносить какія-либо дополненія, сокращенія и вообще измѣненія ни въ самое произведеніе, ни въ заглавіе его, ни въ обозначеніе на немъ автора, за исключеніемъ лишь такихъ, вызываемыхъ явною необходимостью, измѣненій, въ согласіи на которыя авторъ

не могъ бы, по доброй совѣсти, отказать. Постановленіе это, какъ правильно объясняютъ мотивы, вызывается тѣмъ соображеніемъ, что уступка права на изданіе произведенія не лишаетъ автора правъ его на послѣднее, а лишь ограничиваетъ ихъ, и юридическая связь между авторомъ и произведеніемъ, черезъ такую уступку, не порывается. Кромѣ того, авторъ, какъ творецъ произведенія, продолжаетъ нести нравственную и духовную отвѣтственность за таковое; отъ успѣха произведенія зависитъ, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, благосостояніе автора и, что важнѣе,—его авторская репутація. Понятно, поэтому, что авторъ не можетъ относиться равнодушно къ самовольному измѣненію, иногда даже искаженію его произведенія издателемъ и въ правѣ не допускать внесенія измѣненій, если они не вызываются явною необходимостью, настолько, притомъ, явною, что самъ авторъ не могъ бы добросовѣстно отказать въ согласіи своемъ на такія измѣненія. То же относится и къ заглавію произведенія, имѣющему часто весьма важное значеніе, а также и къ обозначенію самого автора, дѣйствительное названіе или псевдонимъ котораго могутъ быть для него дороги не только какъ ручательство успѣха произведенія, но и по нравственнымъ соображеніямъ. Не можетъ быть также допущено помѣщеніе издателемъ предисловія, торгашески восхвалительнаго свойства или, напротивъ, съ порицаніемъ взглядовъ автора.*) Что касается разрѣшенія

*) Въ судебной практикѣ извѣстенъ процессъ между Огюстомъ Контомъ и книгопродавцемъ Башлье, возникшій по поводу того, что послѣдній помѣстилъ въ предисловіи къ шестому тому Cours de philosophie positive свои разсужденія отрицательнаго свойства. Контъ требовалъ уничтоженія этого предисловія во всѣхъ экземплярахъ, оставшихся нераспроданными, и судъ призналъ основательность его требованія (Шершеневичъ, Авт. право, стр. 225).

вопроса о томъ, имѣется ли въ каждомъ данномъ случаѣ *явная необходимость* внесенія издателемъ измѣненій, то, по объясненію мотивовъ, вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судомъ, который, по предположенію мотивовъ, не встрѣтитъ къ тому особыхъ затрудненій, въ виду всегда открытой для него возможности обратиться, для выясненія вопроса, къ экспертамъ.

То же правило относительно запрещенія измѣненій безъ согласія автора содержится и въ ст 20 по отношенію къ случаю отчужденія авторомъ своего авторскаго права, причемъ и въ этомъ случаѣ, послѣ смерти автора, требуется согласіе его наслѣдниковъ. По этому поводу въ Спб. Литературномъ Обществѣ было высказано особое мнѣніе о неосновательности установленнаго этою статьею требованія, чтобы лицо, пріобрѣвшее авторское право, обязано было, послѣ смерти писателя, на всякія измѣненія и дополненія испрашивать разрѣшенія наслѣдниковъ. Помимо затрудненій, которыя могутъ встрѣтиться при розыскѣ наслѣдниковъ, и вызываемой этимъ задержки въ выпускѣ новаго изданія, представляется вообще неумѣстнымъ зависѣть отъ разрѣшенія наслѣдниковъ, которые въ большинствѣ случаевъ являются некомпетентными судьями и своимъ запрещеніемъ или поставленными условіями могутъ помѣшать распространенію превосходныхъ сочиненій, нуждающихся, однако, безусловно въ исправленіяхъ и дополненіяхъ (напр., сочиненія по техникѣ, медицинѣ и т. д.). Такимъ образомъ, лицо, пріобрѣвшее авторское право, можетъ оказаться въ крайне затруднительномъ положеніи, такъ какъ безъ необходимыхъ исправленій и дополненій изданіе не можетъ имѣть сбыта, а разрѣшеніе на измѣненія будетъ зависѣть отъ наслѣдни-

ковъ, которые, пользуясь этимъ положеніемъ, могутъ ставить ему очень тяжелыя условія за свое „разрѣшеніе“.

Нельзя не согласиться, что такіе затруднительные случаи возможны, но едва ли они могутъ встрѣчаться столь часто и обычно, чтобы представлялась надобность, изъ-за такихъ исключительныхъ случаевъ, ломать общій принципъ, по которому наслѣдники являются замѣстителями своихъ наслѣдователей и, какъ таковые, пользуются всѣми принадлежащими послѣднимъ правами.

Далѣе, согласно ст. 74, уступка права на изданіе драматическаго, музыкальнаго или музыкально-драматическаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права на публичное его исполненіе, а, согласно ст. 75, уступка права на изданіе литературнаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права: 1) на переводъ его на другіе языки и 2) на передѣлку повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму или драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму. Постановленія эти не требуютъ особыхъ объясненій. Авторское право на драматическое, музыкальное и музыкально-драматическое произведеніе заключается: 1) въ правѣ изданія ихъ всевозможными способами и 2) въ правѣ публичнаго исполненія. Такимъ образомъ, автору принадлежитъ двоякое право на упомянутыя произведенія, причемъ оба эти права отличаются имущественнымъ характеромъ и могутъ быть самостоятельно, независимо одно отъ другого, осуществляемы. Вслѣдствіе сего, уступка авторомъ одного изъ указанныхъ правъ не предполагаетъ уступки имъ и другого права. Точно такъ же въ составъ авторскаго права, кромѣ непосредственнаго пользованія литера-

турнымъ произведеніемъ путемъ размноженія и распространенія его, входитъ также исключительное право автора на переводъ произведенія на другіе языки и на передѣлку его для сцены или, обратно, на передѣлку драматическаго произведенія въ повѣствовательную. Издатель, которому уступлено авторомъ право *изданія* сочиненія, только въ этихъ предѣлахъ и можетъ пользоваться сочиненіемъ; для пріобрѣтенія же права перевода или права на драматизацію или на передѣлку драматическаго произведенія въ повѣствовательное издатель, какъ и всякое постороннее лицо, долженъ войти въ особое соглашеніе съ авторомъ и, пока такого соглашенія не послѣдовало, авторъ сохраняетъ означенныя права за собою, причемъ можетъ или лично воспользоваться ими или же уступить ихъ, вмѣстѣ либо порознь, другому лицу.

Издательскій договоръ есть договоръ объ уступкѣ авторомъ издателю права *изданія* произведенія. Размѣръ этого права можетъ быть большій или меньшій—въ зависимости отъ того, сколько изданій выпуститъ издатель и въ какомъ количествѣ экземпляровъ будетъ выпущено каждое изданіе. Очевидно, что и для автора и для издателя имѣетъ весьма существенное значеніе опредѣленіе въ договорѣ числа изданій и количества экземпляровъ. Но если соглашенія относительно этого предмета нѣтъ, то, согласно ст. 69, издатель литературнаго или художественнаго произведенія имѣетъ право на одно изданіе въ количествѣ не свыше 1200 экз., а издатель нотъ—на одно изданіе въ 200 экземплярахъ. Меньшая норма для музыкальныхъ произведеній объясняется болѣе ограниченнымъ сбытомъ ихъ въ сравненіи съ литературными произведеніями и соотвѣтствуетъ обычному въ музы-

кальномъ издательствѣ количеству экземпляровъ одного изданія.

Указанное количество экземпляровъ является вполнѣ произвольнымъ, такъ какъ не вытекаетъ ни изъ какихъ опредѣленныхъ основаній. Редакціонная Комиссія полагаетъ, что печатаніе сочиненій въ количествѣ 1200 экземпляровъ каждаго изданія установилось по обычаю русскаго издательскаго дѣла. Если въ прежнее, давнее время, при маломъ развитіи у насъ книжнаго дѣла, заводъ каждаго изданія обычно исполнялся въ такомъ, именно, количествѣ экземпляровъ, то въ послѣднее время, съ значительнымъ ростомъ сбыта книгъ, который въ будущемъ несомнѣнно приметъ все большіе и большіе размѣры, количество въ 1200 экз. не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и во всякомъ случаѣ не можетъ относиться одинаково ко всѣмъ родамъ и категоріямъ сочиненій. Слѣдуетъ еще замѣтить, что законъ обходитъ молчаніемъ случай, когда изданіе печатается стереотипнымъ способомъ, при которомъ исчисленіе количества изданія въ 1200 экз. теряетъ свое значеніе.

Впрочемъ, указанное въ ст. 69 количество экземпляровъ, которое издатель имѣетъ право выпустить при отсутствіи въ договорѣ условія объ этомъ, слѣдуетъ разсматривать не какъ обычную норму, а лишь какъ компромиссъ, на случай пробѣла въ договорѣ, между интересами автора и издателя. Дѣло въ томъ, что интересы автора и издателя въ отношеніи числа экземпляровъ изданія противоположны, такъ какъ авторъ заинтересованъ въ томъ, чтобы уступленное имъ издателю изданіе было выпущено въ меньшемъ количествѣ экземпляровъ, дабы онъ могъ скорѣе выпустить новое изданіе, а издатель заинтересованъ въ томъ, чтобы оно было выпущено въ большемъ коли-

чествѣ экземляровъ, дабы онъ могъ больше выручить за проданные экземпляры. Для примиренія этихъ противоположныхъ интересовъ нѣкоторыя законодательства, въ томъ числѣ новый нашъ законъ, разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ смыслѣ ограниченія права издателя выпускомъ опредѣленнаго количества экземпляровъ. По другимъ же законодательствамъ (швейцарскому, венгерскому) число экземпляровъ изданія опредѣляется издателемъ, если въ договорѣ не постановлено иначе.

Эти же законодательства предусматриваютъ вопросъ о правѣ автора вновь издать сочиненіе, на которое имъ уступлено право одного изданія, и разрѣшаютъ его въ томъ смыслѣ, что пока изданіе, на которое издатель имѣетъ право, не разошлось, авторъ или его правопреемники не могутъ распорядиться, во вредъ ему, ни цѣлымъ произведеніемъ ни какою-либо частью (швейцарское законод.), или же до распродажи изданія авторъ только тогда имѣетъ право предпринять новое изданіе, если онъ готовъ дать издателю соотвѣтственное вознагражденіе за не проданные экземпляры (австрійское законод.).

Въ нашемъ старомъ законѣ (ст. 3 прил. къ ст. 420) было постановлено, что авторъ можетъ „печатать книгу вторымъ изданіемъ по прошествіи пяти лѣтъ со дня появленія ея въ свѣтъ“. Такимъ образомъ, по смыслу этого закона, авторъ лишенъ права до истеченія пятилѣтняго срока выпустить новое изданіе своего произведенія, даже если первое изданіе совершенно распродано издателемъ, и, наоборотъ, издатель лишается черезъ 5 лѣтъ всѣхъ выгодъ, хотя бы имъ были сдѣланы большія затраты на изданіе, которое можетъ расходиться только медленно. Очевидно, что это постановленіе представляется несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ, ибо выпускомъ второго изданія до

истеченія опредѣленнаго въ законѣ срока не могутъ быть нарушены интересы издателя, осуществившаго уже вполнѣ свое право распродажею уступленнаго ему перваго изданія. Съ другой стороны, несправедливо лишать издателя выгодъ только потому, что прошли 5 лѣтъ, хотя изданіе еще не распродано. Новый законъ (ст. 71) дозволяетъ автору предпринять новое изданіе немедленно (слѣдовательно, и до истеченія 5 лѣтъ) послѣ того, какъ уступленное изданіе распродано. На случай недобросовѣстной задержки въ распродажѣ уступленнаго изданія, предоставляется автору право выкупить отъ издателя экземпляры, оставшіеся не распроданными по цѣнѣ, назначенной для ихъ продажи при выпускѣ изданія въ свѣтъ. Этимъ не нарушаются интересы издателей, получающихъ полностью всю имѣвшуюся ими въ виду цѣну изданія, и въ то же время ограждаются интересы не только авторовъ, но и публики, которая, конечно, заинтересована въ скорѣйшемъ выходѣ слѣдующаго, исправленнаго и дополненнаго изданія произведенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во второй части этой же ст. 71 воспроизводится правило стараго закона, по которому, при отсутствіи иного соглашенія, авторъ можетъ во всякомъ случаѣ предпринять новое изданіе своего произведенія по истеченіи пяти лѣтъ со дня появленія въ свѣтъ изданія, а если уступлено право на нѣсколько изданій, то по истеченіи столькихъ пятилѣтій, сколько изданій уступлено. По проекту министра юстиціи, одобренному Думой, это правило относительно пятилѣтняго срока относилось только къ литературнымъ произведеніямъ и не распространялось на музыкальныя и художественныя произведенія, на томъ основаніи, что, какъ объясняютъ мотивы, вслѣдствіе большой медленности изготовленія и сбыта

музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, они весьма часто ко времени истеченія означеннаго пятилѣтняго срока могутъ оказаться еще нераспроданными, и предпринятіе авторомъ новаго изданія существенно нарушило бы интересы первоначальныхъ издателей. Но вѣдь и издатели литературныхъ произведеній могутъ оказаться въ томъ же положеніи, если сбытъ этихъ произведеній, вслѣдствіе спеціальнаго ихъ характера и высокой цѣны, возможенъ лишь въ теченіе продолжительнаго промежутка времени. Комиссія Госуд. Совѣта нашла нужнымъ распространить правило ст. 71 и на музыкальныя произведенія, для того, какъ объясняютъ мотивы, чтобы дать музыкантамъ возможность, по истеченіи пяти лѣтъ, стать въ новыя договорныя отношенія къ издателямъ ихъ произведеній.

Автору, уступившему право на изданіе своего произведенія, дозволяется вновь издать его также въ томъ случаѣ, когда оно настолько существенно переработано, что можетъ быть разсматриваемо какъ новое произведеніе (ст. 73). Въ этомъ постановленіи повторяется общее правило, выраженное въ ст. 3, по которому не считается нарушеніемъ авторскаго права пользованіе чужимъ произведеніемъ для созданія новаго произведенія, существенно отъ него отличающагося. Какими объективными признаками можно опредѣлить степень переработки, которой подверглось произведеніе, для того, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ установить законность или незаконность новаго изданія? Разумѣется, тутъ возможны сомнѣнія и споры, разрѣшеніе которыхъ можетъ представить на практикѣ большія затрудненія, потому что разрѣшеніе такихъ споровъ относится всецѣло къ области литературной или музыкальной критики. Дѣй-

ствовавшій законъ разрѣшалъ этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе вопросы авторскаго права, путемъ установленія ариѳметическаго способа. „Сочинитель—говорится въ ст. 5 прил. къ ст. 420—имѣетъ право, не смотря ни на какія условія, напечатать книгу свою вторымъ изданіемъ, если къ ней прибавлены или перемѣнены по крайней мѣрѣ *двѣ трети* или когда книгѣ сей дана совершенно другая форма, такъ что она можетъ быть почитаема за новое сочиненіе".

Новый законъ, избѣгая въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, примѣненія цифрового подсчета, и стремясь предоставлять суду, при примѣненіи правилъ объ авторскомъ правѣ, возможно большій просторъ, излагаетъ правило ст. 5 дѣйствовавшаго закона въ болѣе общей редакціи. При этомъ Редакціонная Комиссія выражаетъ надежду, что судъ въ сомнительныхъ случаяхъ по этого рода дѣламъ, какъ и въ случаяхъ о заимствованіяхъ, будетъ въ состояніи, обратившись къ содѣйствію свѣдущихъ людей изъ литераторовъ и руководствуясь ихъ заключеніями, правильно разрѣшать въ каждомъ данномъ случаѣ вопросъ о томъ, можетъ ли сочиненіе быть разсматриваемо, по его переработкѣ, какъ новое и въ какой мѣрѣ напечатаніе авторомъ такого переработаннаго сочиненія не вредитъ интересамъ издателя.

Законъ допускаетъ и другой случай, когда авторъ, не смотря на уступку имъ права изданія другому лицу, можетъ перепечатать свое сочиненіе. Именно онъ можетъ помѣстить въ полномъ собраніи своихъ сочиненій также такое сочиненіе, право на изданіе коего имъ уступлено, но не раньше какъ по истеченіи трехъ лѣтъ со времени выхода его въ свѣтъ, въ отношеніи музыкальныхъ и художественныхъ

произведеній—по истеченіи 10 лѣтъ. Авторъ, однако, не въ правѣ продавать эти произведенія отдѣльно отъ полнаго собранія (ст. 72).

Правило это слѣдуетъ считать несправедливымъ и съ юридической точки зрѣнія вполнѣ неправильнымъ. Издатель, пріобрѣвъ отъ автора право на изданіе, имѣетъ право требовать, чтобы въ теченіе срока, условленнаго договоромъ или установленнаго закономъ (ст. 71), авторъ не могъ распоряжаться уступленнымъ сочиненіемъ и не извлекалъ изъ него никакихъ выгодъ. Между тѣмъ, изданіе полнаго собранія сочиненій со включеніемъ въ него уступленнаго сочиненія несомнѣнно должно вредить интересамъ издателя, отвлекая покупателей на его изданіе и уменьшая спросъ на него. Это настолько очевидно, что едва ли это приходится доказывать. Разсужденія Ред. Комиссіи о томъ, что въ напечатаніи авторомъ полнаго собранія сочиненій заинтересовано общество и что этому общественному интересу долженъ быть принесенъ въ жертву частный интересъ издателя, ущербъ котораго, притомъ по мнѣнію Комиссіи, не очень великъ, не выдерживаетъ критики, потому что наличность тутъ интереса общественнаго, по меньшей мѣрѣ, проблематична, а что касается указанія на незначительность ущерба для издателя, то съ точки зрѣнія юридической рѣшительно все равно, великъ или малъ ущербъ, а совершенно достаточна наличность какого бы то ни было ущерба для законнаго обладателя права, чтобы причиненіе этого ущерба было закономъ запрещено. Притомъ, мнѣніе Комиссіи о незначительности ущерба, который можетъ причинить издателю изданіе полнаго собранія сочиненій, основано на невѣрныхъ и, во всякомъ случаѣ, на гадательныхъ соображеніяхъ.

Новый германскій законъ 1907 г. объ издательскомъ договорѣ также допускаетъ право автора помѣщать уступленное произведеніе въ полномъ собраніи, но при этомъ установляетъ очень продолжительный срокъ—20-лѣтній, до истеченія котораго автору воспрещается издать уступленное произведеніе въ составѣ полнаго собранія. При такомъ продолжительномъ срокѣ, разумѣется, устраняется всякая возможность ущерба для издателя отъ переизданія уступленнаго ему произведенія въ составѣ полнаго собранія.

г) Наслѣдованіе.

Авторское право, какъ всякое имущественное право, въ противоположность правамъ чисто личнымъ (напр., праву на алименты), прекращающимся со смертью лица, которымъ они принадлежатъ, можетъ переходить въ порядкѣ наслѣдованія какъ по закону, такъ и по завѣщанію. Это начало и выражено въ ст. 6 закона, которая постановляетъ, что авторское право послѣ смерти автора переходитъ къ наслѣдникамъ его.

Въ Госуд. Думѣ была предложена поправка къ этой статьѣ слѣдующаго содержанія: „авторское право, если оно при жизни не было уступлено третьему лицу, переходитъ къ наслѣдникамъ автора по *завѣщанію*, а если авторъ не оставилъ завѣщанія, то къ его женѣ (мужу, если авторъ женщина) и дѣтямъ, а при ихъ отсутствіи къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ и ихъ дѣтямъ". Поправка эта имѣла въ виду ограничить право наслѣдованія опредѣленными близкими родственниками, устраняя возможность перехода авторскаго права по наслѣдству къ дальнимъ родственникамъ. Поправка эта заимствована изъ доклада комиссіи Спб. Литературнаго О-ва, которая мотивиро-

вала ее слѣдующими соображеніями: автору, конечно, нельзя отказать въ нравственномъ и юридическомъ правѣ озаботиться объ участи своей семьи и близкихъ родныхъ обезпеченіемъ ихъ плодами своего авторскаго труда;вполнѣ естественна и понятна заботливость автора по отношенію къ членамъ своей семьи, къ близкимъ ему лицамъ, которыя постоянно съ нимъ жили, участвовали, можетъ быть, въ его трудахъ и облегчали его жизнь. Но если авторское право переходитъ къ лицамъ совершенно постороннимъ и далекимъ, то такое наслѣдованіе, совершенно случайное, обогащая этихъ чуждыхъ автору, а, можетъ быть, даже враждебныхъ ему людей, препятствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ населенію страны дешево пріобрѣсти произведенія автора возможно скорѣе. Какъ примѣръ, можно привести сочиненія Лермонтова, который не оставилъ близкихъ родныхъ и, вслѣдствіе этого, сочиненія его перешли къ очень отдаленной родственницѣ его, какой то троюродной теткѣ, ничего общаго съ нимъ не имѣвшей, которая это наслѣдство продала книгопродавцу Глазунову и, благодаря этому, публика въ теченіе 50 лѣтъ была лишена возможности имѣть произведенія поэта по доступной цѣнѣ.

Противъ этой поправки высказался докладчикъ думской комиссіи О. Я. Пергаментъ, который указалъ на то, что вопросъ о суженіи круга родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдству, съ цѣлью, въ интересахъ общественныхъ, устранить возможность перехода наслѣдственнаго имущества къ тѣмъ, которыхъ нѣмцы называютъ lachende Erben, къ веселымъ наслѣдникамъ,— уже давно волнуетъ наслѣдственное право. Но измѣнять порядокъ наслѣдованія спеціально въ области авторскаго права, сужать кругъ призываемыхъ наслѣдниковъ въ этой, именно, области, гдѣ и

безъ того сокращенъ объемъ права, по мнѣнію окладчика, нѣтъ основанія и, притомъ, представляется неудобнымъ въ виду того, что такое нововведеніе внесло бы въ общую систему нашего наслѣдственнаго права непослѣдовательность и пестроту.

Дума согласилась съ докладчикомъ, и поправка была отвергнута. Такимъ образомъ, по ст. 6 новаго закона, авторское право послѣ смерти автора переходитъ къ его наслѣдникамъ на общихъ основаніяхъ перехода имущества въ порядкѣ наслѣдованія, т. е. по закону и по завѣщанію. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общій порядокъ наслѣдованія, установленный нашими гражданскими законами, въ примѣненіи къ авторскому праву, представляетъ значительныя особенности. Согласно ст. 1148 т. X ч. I, „законная жена послѣ мужа, какъ при живыхъ дѣтяхъ, такъ и безъ оныхъ, получаетъ изъ недвижимаго имѣнія седьмую часть, а изъ движимаго четвертую". Примѣненіе этого правила къ авторскому праву не вызываетъ никакихъ сомнѣній въ томъ случаѣ, когда, кромѣ пережившаго супруга, имѣются и другіе наслѣдники автора, потому что вдова при наличности другихъ наслѣдниковъ должна получать четвертую долю и въ авторскомъ правѣ, какъ имущественномъ правѣ, подходящемъ подъ понятіе движимостей, а остальныя три четверти переходятъ къ другимъ наслѣдникамъ. Но возникаетъ вопросъ, какъ поступить, когда супругъ, въ порядкѣ наслѣдованія по закону, является единственнымъ наслѣдникомъ автора въ указной долѣ наслѣдства. Затрудненіе въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, что авторское право, при отсутствіи наслѣдниковъ послѣ автора, въ отличіе отъ другихъ имущественныхъ правъ, вовсе прекращается со дня смерти автора, и, слѣдовательно, предъ практикою

ставится неразрѣшимая задача, какъ регулировать пользованіе авторскимъ правомъ, одна четвертая часть котораго принадлежитъ пережившему супругу, а три четвертыя части, за прекращеніемъ авторскаго права, сдѣлались общимъ достояніемъ, т. е. принадлежатъ всѣмъ и каждому.

Также представляется затрудненіе въ томъ случаѣ, когда единственными законными наслѣдниками автора являются его родители. По ст. 1141 т X ч. I, „родители не наслѣдуютъ послѣ смерти дѣтей ихъ въ пріобрѣтенномъ сими послѣдними имуществѣ; но если дѣти умрутъ бездѣтны, то таковыя имѣнія ихъ отдаются въ пожизненное владѣніе отцу и матери совокупно, буде оба въ живыхъ останутся, съ тѣмъ, однако, чтобы они во время пожизненнаго владѣнія продать, заложить и инымъ образомъ перевести имѣнія не могли". Если и въ отношеніи авторскаго права сохранить этотъ порядокъ наслѣдованія, то наслѣдственное право родителей легко можетъ быть лишено всякаго реальнаго значенія, такъ какъ обычный способъ извлеченія изъ авторскаго права доходовъ — отчужденіе произведенія или заключеніе издательскаго договора—былъ бы для родителей, какъ пожизненныхъ владѣльцевъ этого права, почти недоступенъ: едва ли нашлись бы издатели, которые согласились бы пріобрѣсти право изданія, могущее въ каждый моментъ прекратиться, вслѣдствіе смерти пожизненныхъ владѣльцевъ этого права.

Въ виду изложенныхъ соображеній, комиссія Госуд. Совѣта считала нужнымъ установить, въ примѣчаніи къ ст. 6, необходимыя изъятія для авторскаго права въ порядкѣ наслѣдованія по закону на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ. Именно, установлено: 1) что къ супругу, оказывающемуся единственнымъ

наслѣдникомъ въ отношеніи авторскаго права, оно переходитъ не въ указной долѣ, а въ полномъ объемѣ*); 2) что къ родителямъ, оказывающимся единственными наслѣдниками въ отношеніи авторскаго права, оно переходитъ не въ пожизненное владѣніе, а въ собственность, и 3) наконецъ, когда остались супругъ и родители, но нѣтъ другихъ наслѣдниковъ въ отношеніи авторскаго права, то имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе правила объ общей собственности.

Послѣдній пунктъ въ редакціи, принятой Госуд. Совѣтомъ, устанавливалъ иной порядокъ перехода авторскаго права въ указанномъ случаѣ; именно, оно переходитъ къ супругу въ полномъ объемѣ, а къ родителямъ, согласно съ ст. 1141 т. X ч. I, въ пожизненное владѣніе. При обсужденіи этого вопроса въ Госуд. Совѣтѣ было, между прочимъ, указано на то, что, въ условіяхъ нашего быта, нерѣдко между родителями умершаго автора и пережившимъ супругомъ

При этомъ комиссія имѣла въ виду, что неудовлетворительность нашихъ дѣйствующихъ законовъ, опредѣляющихъ наслѣдственныя права пережившаго супруга, была уже давно признана и, въ частности, Госуд. Совѣтъ еще въ 1861 г. нашелъ необходимымъ обратить вниманіе министра юстиціи на недостаточное обезпеченіе остающихся въ живыхъ супруговъ по дѣйствующимъ законамъ и на необходимость пересмотра постановленій о выморочныхъ имуществахъ при жизни одного изъ супруговъ. Затѣмъ, при обсужденіи этого вопроса Редакц. Комиссіею Гражд. Уложенія, также признано цѣлесообразнымъ предоставленіе пережившему супругу всего наслѣдства, если послѣ умершаго не осталось другихъ наслѣдниковъ. Хотя указанное измѣненіе затрагиваетъ дѣйствующіе гражд. законы о наслѣдованіи вообще, но ожидаемый пересмотръ этихъ законовъ, по мнѣнію Комиссіи, не долженъ препятствовать введенію въ жизнь правила, которое оказывается необходимымъ въ данномъ случаѣ, ибо и нынѣ на точномъ основаніи ст. 1184 т. X ч. I, наслѣдованіе произведеній, составляющихъ предметъ авторскаго права, отнесено къ особому порядку, отличному отъ общеустановленнаго.

его, бываютъ несогласныя и даже враждебныя отношенія, и что возможны, вслѣдствіе этого, споры между ними, которые будутъ препятствовать появленію въ свѣтъ произведеній умершаго автора. Также указывалось на то, что супруги обыкновенно бываютъ близки духу писателей, служатъ имъ опорой и дѣлятъ съ ними радости и горести жизни, между тѣмъ какъ родители нерѣдко проявляютъ отрицательное отношеніе къ творческимъ наклонностямъ своихъ дѣтей и, какъ показываютъ факты изъ жизни нѣкоторыхъ нашихъ писателей, ставятъ имъ помѣхи къ вступленію на путь творчества. Поэтому, представляется справедливымъ, чтобы результатами трудовъ умершихъ авторовъ пользовались супруги исключительно, а не вмѣстѣ съ родителями. Госуд. Совѣтъ, однако, не рѣшился отступить въ этомъ случаѣ отъ общаго правила, выраженнаго въ ст. 1141 т. X ч. I. Согласительная же комиссія пошла еще дальше и уровнила супруговъ и родителей, примѣнивъ къ этому случаю правила объ общей собственности.

д) Прекращеніе авторскаго права.

По общему правилу, всякое имущество, въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ послѣ смерти собственника его, становится выморочнымъ и переходитъ къ указаннымъ въ законѣ установленіямъ. Но авторское право, кромѣ защищаемаго имъ имущественнаго интереса автора, имѣетъ еще общественный характеръ, заключающійся въ томъ, что общество заинтересовано въ распространеніи и воспринятіи идей автора, воплощенныхъ въ литературномъ, музыкальномъ или художественномъ произведеніи. Общество поступается своимъ интересомъ, предоставляя автору и его наслѣдникамъ, имъ самимъ назначаемымъ или закономъ опредѣляемымъ, исключительное пользованіе

авторскими правами. Но если послѣ смерти автора не осталось наслѣдниковъ, то исчезаетъ всякое основаніе къ дальнѣйшему устраненію общества отъ пользованія произведеніемъ умственнаго творчества автора, и произведеніе это должно становиться общественнымъ достояніемъ. Поэтому, *выморочное право* казны и разнаго рода сословныхъ и общественныхъ установленій, установленное общимъ закономъ по отношенію къ имуществамъ, оставшимся внѣ наслѣдственныхъ притязаній, не можетъ быть распространено на авторское право. Въ этомъ, между прочимъ, заключается отличительная особенность авторскаго права по сравненію съ матеріальною собственностью.

Указанное начало выражено въ ст. 7, которая постановляетъ, что если авторъ не распорядился при жизни своимъ авторскимъ правомъ и послѣ него не осталось наслѣдниковъ, то авторское право прекращается со дня смерти автора.

Въ связи съ указанными соображеніями объ общественномъ характерѣ авторскаго права, имѣющаго предметомъ не тѣлесныя вещи, а идеи автора, въ распространеніи которыхъ заинтересовано общество, депутатомъ Госуд. Думы П. Н. Милюковымъ было сдѣлано предложеніе о дополненіи ст. 7 постановленіемъ слѣдующаго содержанія: „Если черезъ пять и болѣе лѣтъ послѣ смерти автора какое-либо изъ его произведеній по какимъ бы то ни было причинамъ отсутствуетъ на книжномъ рынкѣ и правопреемникъ автора не имѣетъ намѣренія издавать его вновь, то каждый желающій можетъ сдѣлать это, доведя предварительно о своемъ намѣреніи до свѣдѣнія наслѣдниковъ, сдѣлавъ публикаціи въ наиболѣе распространенныхъ органахъ печати и выждавъ двухлѣтній срокъ со времени указаннаго извѣщенія автора и публикацій“.

Предложеніе это вызвало въ Думѣ обширныя пренія. При первомъ чтеніи законопроекта предложенное дополненіе къ ст. 7 было принято большинствомъ четырехъ голосовъ, но затѣмъ, при третьемъ чтеніи оно было отклонено, не смотря на то, что въ редакцію этого дополненія, во вниманіе къ возраженіямъ и замѣчаніямъ противниковъ дополненія, были внесены П. Н. Милюковымъ и бар. А. Ф. Мейендорфомъ поправки и измѣненія, имѣвшія цѣлью ослабить ригористичность постановленія и оградить интересы автора и его правопреемниковъ. Такъ, между прочимъ, постановленіе измѣнено въ томъ смыслѣ, что авторское право въ указанномъ случаѣ не прекращается вовсе (какъ предполагало Спб. Литературное Общество), а добровольный случайный издатель вступаетъ въ тѣ же права, въ какія вступаетъ издатель по издательскому договору, т. е. онъ имѣетъ право лишь на одно изданіе въ количествѣ 1200 экз., а правопреемникъ, послѣ того какъ это изданіе распродано, получаетъ вновь свои права на всѣ слѣдующія изданія до истеченія обычнаго срока авторскаго права, а если онъ захочетъ воспользоваться своимъ правомъ до распродажи этого изданія, то онъ имѣетъ право выкупить отъ издателя остающіеся не распроданными экземпляры. Кромѣ того, случайный издатель обязанъ предоставить небрежному правопреемнику извѣстный процентъ прибыли своей. Наконецъ, по поправкѣ бар. Мейендорфа, наслѣдники автора могутъ по уважительнымъ причинамъ не допускать, чтобы произведеніе было издано, и такими уважительными причинами считаются: личный характеръ литературнаго произведенія, касающагося частной жизни писателя и третьихъ заинтересованныхъ лицъ, или при жизни

имъ выраженная воля, или иное обстоятельство, которое судъ сочтетъ уважительнымъ.

Измѣнчивое отношеніе Госуд. Думы къ предложенію, внесенному депутатомъ Милюковымъ, объясняется, конечно, случайными причинами. По существу же это предложеніе затрагиваетъ весьма важный вопросъ. Возможны случаи, когда правопреемники автора въ теченіе долгаго времени не издаютъ сочиненій своего праводателя или по незнанію, что къ нимъ перешло авторское право на это сочиненіе, или вслѣдствіе небрежности своей, или потому, что не разсчитываютъ извлечь изъ изданія книги достаточную матеріальную выгоду, или, наконецъ, потому, что не сочувствуютъ содержащимся въ ней идеямъ, или самъ авторъ, пережившій эволюцію своего міросозерцанія, завѣщалъ не переиздавать его сочиненій.*) Между

*) П. Н. Милюковъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, весьма цѣнная по содержанію и фактическому матеріалу книга Славцова—описаніе Сибири,—изданная въ 20 годахъ прошлаго столѣтія, въ теченіе долгаго времени отсутствовала на рынкѣ, и изслѣдователи Сибири были лишены возможности пользоваться ею. Наконецъ, нашелся издатель-меценатъ Сибиряковъ, который сталъ отыскивать наслѣдниковъ, не нашелъ ихъ и на свой страхъ издалъ книгу. Послѣ этого онъ имѣлъ судебный процессъ по поводу изданія этой книги, которою онъ оказалъ большую услугу изслѣдователямъ Сибири. Другой примѣръ представляютъ произведенія кн. Владиміра Федоровича Одоевскаго —замѣчательнаго мыслителя и художника, выдающагося, таланта, нынѣ совершенно забытаго, между тѣмъ какъ онъ могъ бы стать однимъ изъ первоклассныхъ писателей, если бы въ свое время онъ не былъ изъятъ небрежностью правопреемника. Недавно нашелся издатель, который сталъ искать правопреемника. Онъ нашелъ какого то военнаго, который весьма мало цѣнилъ свои права и, вѣроятно, даже не зналъ о нихъ, если не считалъ нужнымъ до сихъ поръ осуществить ихъ, а нынѣ, узнавъ о своихъ правахъ, оцѣнилъ ихъ очень высоко и заломилъ такую цѣну, при которой издателю невозможно предпринять изданіе. То же произошло съ произведеніями Щапова, которыя не издавались, когда этотъ писатель былъ популяренъ.

тѣмъ, произведеніе мысли, разъ изданное, есть общественное достояніе, которое нельзя изъять безъ ущерба для умственнаго и нравственнаго запаса даннаго общества, и общество не можетъ оставаться равнодушнымъ къ такому изъятію произведенія исключительно вслѣдствіе небрежности или личныхъ побужденій правопреемника автора.

Эта мысль весьма рельефно выражена въ англійскомъ законѣ 1842 г., который въ ст. 5 гласитъ: „Такъ какъ важно принять мѣры противъ изъятія изъ оборота книгъ, имѣющихъ значеніе для публики, то судебный комитетъ Тайнаго Совѣта Ея Величества получаетъ право по жалобѣ, что собственникъ авторскаго права на какую-нибудь книгу отказывается по смерти автора переиздать ее или разрѣшить переиздать ее, и вслѣдствіе такого отказа книга оказывается изъятой изъ пользованія публики, — дать разрѣшеніе жалобщику издать такую книгу тѣмъ способомъ и при такихъ условіяхъ, какъ онъ найдетъ нужнымъ. И такой жалобщикъ получитъ право издать такую книгу, согласно этому рѣшенію“.

Тотъ же принципъ, проводится въ нѣкоторыхъ другихъ законодательствахъ, но въ другой формѣ. Тутъ возможны двѣ формы: или интересы общества, при нежеланіи правопреемниковъ въ теченіе извѣстнаго срока издать сочиненіе, ограждаются путемъ признанія авторскаго права прекратившимся; такъ разрѣшается вопросъ въ испанскомъ законѣ, который постановляетъ, что произведенія, не изданныя вновь въ теченіе 20 лѣтъ, *) становятся общественнымъ достояніемъ, и каждый въ правѣ ихъ издавать. Или

*) Общій срокъ дѣйствія авторскаго права въ Испаніи—80 лѣтъ послѣ смерти автора.

государство примѣняетъ къ авторскому праву право экспропріаціи, которымъ оно пользуется относительно всякаго имущества, необходимаго для общественной пользы; на этомъ основаніи законодательства итальянское, португальское, мексиканское, Боливіи опредѣляютъ, что въ случаѣ нежеланія автора или его наслѣдниковъ издать сочиненіе, вышедшее изъ обращенія на книжномъ рынкѣ, право автора или его наслѣдниковъ можетъ быть экспропріировано*.) При этомъ экспропріація производится на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и экспропріація всякой другой собственности, т. е. право оцѣнивается: по итальянскому закону—экспертами, по другимъ законодательствамъ—судомъ, и отчуждается за справедливое вознагражденіе.

Первая форма (испанскаго законодательства) должна быть признана, предпочтительнѣе и цѣлесообразнѣе, чѣмъ форма принудительнаго отчужденія, потому что при первой формѣ, когда авторское право прекращается, произведеніе становится общественнымъ достояніемъ, т. е. достигается та цѣль—обращеніе идей автора,—къ которой законодатель стремится при нежеланіи правопреемниковъ использовать свое право. Между тѣмъ, при принудительномъ отчужденіи (въ особенности, какъ установлено итальянскимъ зако-

*) Итальянскій законъ гласитъ такъ: «Права авторовъ, за исключеніемъ права обнародывать сочиненіе при жизни автора, могутъ быть пріобрѣтены государствомъ, провинціями и общинами путемъ экспропріаціи въ видахъ общественной пользы. Признаніе общеполезности производится по предложенію министра народнаго просвѣщенія и по выслушаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта. Размѣръ вознагражденія опредѣляется добровольнымъ соглашеніемъ; за отсутствіемъ соглашенія, судъ назначаетъ трехъ экспертовъ для опредѣленія цѣнности отчужденнаго права; эта экспертиза приравнивается къ судебной".

номъ, общинами и провинціями), произведеніе становится достояніемъ юридическаго лица, государства или общины, т. е. создается новая монополія на это самое произведеніе. Между прочимъ, въ литературѣ и также на литературномъ конгрессѣ 1883 г. въ Амстердамѣ при обсужденіи этого вопроса было обращено вниманіе на опасность принципа экспропріаціи въ области литературной, потому что она даетъ возможность правительству изъять изъ обращенія и уничтожить дѣйствіе ненавистнаго ему сочиненія. *)

Редакція постановленія, которая была проектирована П. Н. Милюковымъ, какъ мы видѣли, воспроизводитъ форму, принятую англійскимъ закономъ, съ измѣненіями и дополненіями, касающимися установленія условій, при которыхъ должно наступить право каждаго издать произведеніе, отсутствующее на книжномъ рынкѣ.

Доводы противъ внесеннаго Милюковымъ предположенія сводились, главнымъ образомъ, къ тому, что случаи, которые имѣютъ въ виду это постановленіе, весьма исключительны и рѣдки, и изъ-за такихъ маловѣроятныхъ предположеній о возможности ущерба для интересовъ общества нельзя ломать установленный закономъ срокъ авторскаго права и нарушать личные интересы автора и правопреемниковъ. Притомъ, установить обстоятельства и причины, по которымъ правопреемники не издаютъ произведенія, весьма трудно, и равно представляется крайне затруднительнымъ установить условія, при которыхъ правопреемникъ можетъ быть поставленъ въ извѣстность, что кто-либо

*) Шершеневичъ, Авторское право, стр. 236.

гдѣ-либо желаетъ издать отсутствующее на рынкѣ сочиненіе.

Авторское право, въ силу имущественнаго своего характера, можетъ переходить отъ одного лица къ другому не только по договору, или на основаніи завѣщанія или наслѣдованія по закону, но также и вслѣдствіе обращеннаго на него взысканія со стороны кредиторовъ какъ самого автора, такъ и его наслѣдниковъ и правопреемниковъ. Но тутъ мы встрѣчаемся съ одной особенностью авторскаго права, отличающею его отъ всѣхъ другихъ видовъ имущественныхъ правъ. Отличіе это указываетъ на тѣсную связь между объектомъ авторскаго права и *личностью* субъекта этого права, между тѣмъ какъ для всякаго другого имущества совершенно безразлична личность собственника.

Авторъ, какъ творецъ произведенія, въ правѣ одинъ разрѣшить вопросъ, можетъ ли быть выпущено въ свѣтъ его произведеніе. Изъ уваженія къ интересамъ личности автора и его отвѣтственности за свой трудъ предъ обществомъ, нельзя допустить возможности опубликованія сочиненія противъ воли автора. Поэтому, до тѣхъ поръ пока авторъ не изъявитъ самымъ несомнѣннымъ образомъ своей воли на опубликованіе своего произведенія, оно не можетъ быть предметомъ взысканія и подлежать принудительному отчужденію и изданію. Судить же о готовности автора обнародовать свое сочиненіе можно только по тому, что онъ его издаетъ или, по крайней мѣрѣ, передаетъ для напечатанія. Такимъ образомъ авторское право на *рукопись*, не переданную для напечатанія, не можетъ быть продано съ публичнаго торга.

Вызываемая указанными соображеніями необхо-

димость обставить обращеніе взысканія на авторское право извѣстными гарантіями въ пользу автора не вызываетъ сомнѣній ни въ литературѣ ни въ положительныхъ законодательствахъ. Но затѣмъ, вопросъ о предѣлахъ, въ которыхъ допустимо обращеніе взысканія на авторское право, является крайне спорнымъ и разрѣшается различными законодательствами неодинаково.

По мнѣнію Вехтера,*) взысканіе не можетъ быть бращено не только на не опубликованное или не переданное по договору авторомъ къ опубликованію сочиненіе, но также и на опубликованное уже авторомъ сочиненіе. Если авторомъ, напримѣръ, было уступлено лишь право на одно изданіе, то кредиторы не могутъ обратить взысканіе на такое сочиненіе, такъ какъ авторъ, быть можетъ, по научнымъ основаніямъ желаетъ издать это сочиненіе вторично лишь послѣ предварительной переработки. Но послѣ перехода авторскаго права на сочиненіе къ наслѣдникамъ и правопреемникамъ автора, взысканіе можетъ быть обращено на сочиненіе. Такимъ образомъ, въ отношеніи автора взысканіе совсѣмъ не допускается Вехтеромъ.

Другой цивилистъ Pouillet **) находитъ, что всякое опубликованное сочиненіе или переданное уже къ печати, какъ при жизни автора, такъ и послѣ его смерти, можетъ быть отчуждаемо путемъ публичной продажи на удовлетвореніе претензій кредиторовъ.

Возраженія противъ защитниковъ неприкосновенности авторскаго права изложены Делалан-

*) Wächter, Das Autorrecht.

**) Traitè de la propriété litteraire et artistique.

домъ,*) который говоритъ: „Эта ложная система преувеличиваетъ личный характеръ права обнародованія сочиненія. Пусть сохранятъ за авторомъ во всей полнотѣ право самостоятельнаго рѣшенія: слѣдуетъ ли превратить рукопись въ книгу и сообщить ее публикѣ или осудить ее на неизвѣстность; пусть и наслѣдники, какъ продолжающіе личность покойнаго и хранители его памяти, пользуются его правомъ; это дѣло справедливое! Но позволить должнику, чтобы онъ водилъ за носъ своихъ законныхъ кредиторовъ, выставлялъ имъ неприкосновенность своего имущества, въ то время, когда онъ уже создалъ сочиненіе, когда оно было опубликовано и когда новое изданіе могло бы доставить значительныя выгоды, это значило бы принести въ жертву ложному чувству литературной чести уваженіе, должное къ заключеннымъ обязательствамъ, это значило бы не обращать вниманія на тотъ моральный принципъ, въ силу котораго первой добродѣтелью должна считаться уплата своихъ долговъ. Возможно, что книга переизданная по судебному опредѣленію, не будетъ имѣть всего желаемаго достоинства, возможно, что авторъ предполагалъ внести въ нее свои измѣненія, пересмотрѣть ее, даже уничтожить, если онъ считалъ сочиненіе недостойнымъ его таланта и направленія,—что дѣлать! Если литературная репутація автора можетъ быть понижена вслѣдствіе такого принудительнаго изданія, за то будетъ сохранена его репутація „честнаго человѣка“. Проф. Шершеневичъ, присоединяясь къ соображеніямъ Делаланда, приходитъ къ выводу, что до изданія въ свѣтъ сочиненія не можетъ быть рѣчи объ обращеніи взысканія на ру-

*) Delalande, Etude sur la propriété litteraire.

копись, исключая случая, когда она была уступлена по договору издателю; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, какъ только сочиненіе было обнародовано, авторское право подлежитъ по обращенному взысканію принудительному переходу“ *).

Изъ иностранныхъ законодательствъ, германскій законъ 19 іюня 1901 г. допускаетъ принудительное обращеніе взысканія только на авторское право, принадлежащее наслѣдникамъ автора, и, притомъ, лишь въ отношеніи появившихся въ свѣтъ произведеній; произведенія же не опубликованныя и тѣ, авторское право на которыя принадлежитъ самому автору, не могутъ быть, безъ его согласія, предметомъ взысканія. На той же почвѣ стоитъ итальянскій законъ, по которому взысканіе не можетъ быть обращено даже на изданное сочиненіе, пока правообладателемъ его является самъ авторъ. Исключеніе сдѣлано лишь для случаевъ экспропріаціи авторскаго права. Голландскій законъ не допускаетъ вовсе обращенія взысканія на авторское право. По венгерскому закону, пока авторское право принадлежитъ автору, его наслѣдникамъ или легатаріямъ, оно не подвергается принудительному взысканію. Принудительное взысканіе можетъ быть обращено только на матеріальную выгоду, которую эти лица получаютъ отъ изданія книги. По австрійскому закону на авторское право, по общему правилу, не можетъ быть обращено взысканіе, пока оно принадлежитъ самому автору или наслѣдникамъ его. Согласно бельгійскому закону, взысканіе не можетъ быть обращено на не изданныя произведенія. Наконецъ, по финляндскому закону право на изданіе рукописнаго труда автора не можетъ

*) Шершеневичъ, Авторское право, стр. 231.

быть подвергнуто аресту и понудительной продажѣ для взысканія долга, пока трудъ сей находится не изданнымъ въ распоряженіи автора, его вдовы или наслѣдниковъ. Если же произведеніе автора издано имъ или его наслѣдниками, или же если они продадутъ право изданія, то кредиторамъ предоставляется искать удовлетворенія своихъ претензій изъ денегъ, которыя такимъ образомъ могутъ быть выручены за изданіе.

Въ Россіи постановленія объ обращеніи взысканія и публичной продажѣ литературныхъ произведеній на удовлетвореніе кредиторовъ помѣщены не въ законѣ о литературной собственности [приложеніе къ ст. 420 (прим.) т. X ч. I], а въ уставѣ гражд. судопр., именно въ ст. 1040—1042, согласно которымъ пріобрѣтеніе съ публичнаго торга картинъ, статуй и другихъ изящныхъ произведеній, а равно сочиненій и переводовъ не даетъ покупщику права художественной или литературной собственности (ст. 1040); сочиненія и переводы, рукописные и напечатанные, но не обращенные еще въ продажу самимъ сочинителемъ или переводчикомъ, не подлежатъ публичной продажѣ, ни при жизни сочинителя или перводчика безъ собственнаго его на то согласія ни по смерти, безъ согласія его наслѣдниковъ (ст. 1041); рукописи, пріобрѣтенныя для изданія, а равно и право на печатаніе ихъ продаются не иначе, какъ съ обязательствомъ исполнить всѣ условія, заключенныя прежнимъ хозяиномъ (ст. 1042). Такимъ образомъ, по смыслу этихъ статей закона, взысканію могутъ подлежать только изданные и обращенные уже въ продажу *экземпляры* произведенія автора, само же авторское право не можетъ быть принудительно отчуждено отъ автора, и за нимъ или его правопреемниками сохраняется

право изданія сочиненія, хотя бы оно уже нѣсколько разъ издавалось.

Редакціонная Комиссія по составленію проекта Гражд. Уложенія находила, что указанныя статьи нашего закона, стремясь охранять интересы автора, пренебрегаютъ законными интересами кредиторовъ автора и допускаютъ защиту духовныхъ интересовъ автора до такихъ предѣловъ, при которыхъ причиняется несправедливость кредиторамъ. Въ виду этого, Редак. Комиссія проектировала правило, по которому при жизни автора безъ его согласія, а послѣ смерти автора безъ согласія наслѣдниковъ, взысканіе можетъ быть обращено лишь на произведенія, изданныя самимъ авторомъ или переданныя имъ для напечатанія. Такимъ образомъ, по смыслу этого правила, кредиторы для удовлетворенія своихъ претензій могутъ предпринять новое изданіе сочиненія, уже ранѣе изданнаго.

Проектъ министра юстиціи не согласился съ Ред. Комиссіею, находя, что разрѣшеніе кредиторамъ издавать рукопись, переданную авторомъ для напечатанія, или же предпринять новое изданіе произведенія, уже изданнаго авторомъ, сводилось бы къ присвоенію кредиторамъ права, по собственному усмотрѣнію, не считаясь съ волею и указаніями автора, распоряжаться выпускомъ въ свѣтъ его произведенія, а это въ корнѣ нарушаетъ право автора, несущаго нравственную отвѣтственность за свое произведеніе предъ обществомъ. То обстоятельство, что составляющее предметъ взысканія произведеніе уже издано авторомъ, отнюдь не устраняетъ, по мнѣнію министра юстиціи, означеннаго коренного нарушенія права автора: авторъ, выпустившій въ свѣтъ свое произведеніе, можетъ, вѣдь, считая его плохимъ или

вслѣдствіе измѣнившихся убѣжденій, вовсе не желать новаго изданія его, или, хотя и готовъ снова издать свое произведеніе, но въ измѣненномъ и переработанномъ видѣ. Равнымъ образомъ, и авторъ, передавшій свое произведеніе для напечатанія, можетъ впослѣдствіи измѣнить свое рѣшеніе, взять свою рукопись обратно, исправить ее и т. п. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ воля автора, несомнѣнно, оказалась бы нарушенною изданіемъ, безъ его согласія, произведенія кредиторами. Указаніе же Редакц. Комиссіи, что, коль скоро авторъ облекъ свое произведеніе въ матеріальную цѣнность, послѣдняя должна составлять по общему закону предметъ удовлетворенія кредиторовъ (pignus creditorum), — представляется неправильнымъ, ибо произведеніе духовнаго творчества пріобрѣтаетъ значеніе рыночной цѣнности, именно, лишь по скольку *самъ авторъ* желаетъ выпускать его въ свѣтъ.

Въ виду изложеннаго, министръ юстиціи и также согласившіеся съ нимъ Гос. Дума и Гос. Совѣтъ признали цѣлесообразнымъ и впредь остаться при нынѣ дѣйствующемъ порядкѣ, согласно которому взыскателямъ предоставляется обращать взысканіе лишь на экземпляры произведенія, выпущенные уже въ продажу *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, для большей точности и дабы подчеркнуть общественное значеніе авторскаго права, новый законъ считалъ нужнымъ въ ст. 10-ой особо постановить, что авторское право вовсе не можетъ быть предметомъ взысканія при жизни ав-

*) Къ такому же заключенію по возбужденному вопросу пришла, съ своей стороны, Высочайше утвержденная Комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, предположивъ не подвергать ст. 1041 уст. гр. суд. измѣненію по существу.

тора безъ его согласія, а послѣ его смерти безъ согласія его наслѣдниковъ.

Однако, Дума и Госуд. Совѣтъ допустили непослѣдовательность, постановивъ во второй части этой же ст. 10, что право на изданіе или иное изъ принадлежащихъ автору правъ, предоставленное по договору другому лицу, можетъ быть предметомъ взысканія по долгамъ сего лица, но лишь въ предѣлахъ договора. Это дополненіе могло быть оправдываемо, если бы оно относилось къ тому случаю, когда автора нѣтъ въ живыхъ, потому что тогда утрачиваютъ свою силу всѣ тѣ соображенія, по которымъ признано необходимымъ изъять авторское право, какъ предметъ взысканія, и сохранить за авторомъ право изданія сочиненія, даже изданнаго уже имъ. Но если авторъ живъ, то остаются въ силѣ всѣ указанныя соображенія, ибо хотя авторъ и уступилъ свое право третьему лицу, но вѣдь онъ всегда можетъ по какимъ-либо причинамъ перемѣнить свои намѣренія относительно обращенія въ публикѣ своего произведенія и выкупить свое произведеніе отъ своего правопреемника. Съ другой стороны, если законъ допускаетъ отступленіе отъ общаго принципа въ случаѣ, если произведеніе отчуждено третьему лицу, то нѣтъ основанія не допускать такого же отступленія въ случаѣ, когда авторское право перешло къ наслѣдникамъ. И въ этомъ случаѣ отпадаютъ всѣ соображенія объ охранѣ духовныхъ интересовъ автора, потому что, разъ авторъ умеръ, уже не можетъ быть никакого измѣненія его воли относительно переизданія произведенія, уже изданнаго имъ или его наслѣдниками. Поэтому, нѣтъ основанія, въ нарушеніе интересовъ кредиторовъ наслѣдниковъ, не разрѣшать

обращать взысканіе на авторское право, принадлежащее наслѣдникамъ.

Въ виду этого, намъ кажется, представлялось бы болѣе цѣлесообразнымъ и справедливымъ разрѣшеніе настоящаго вопроса въ томъ смыслѣ, что авторское право не можетъ служить предметомъ взысканія только при жизни автора.

Въ отличіе отъ всякаго другого имущественнаго права, авторское право есть право срочное и прекращается по истеченіи установленнаго въ законѣ срока его дѣйствія, становясь общественнымъ достояніемъ.

Срочность авторскаго права является послѣдствіемъ компромисснаго характера этого права. Съ одной стороны, представляется справедливымъ, чтобы авторъ, какъ творецъ произведенія, имѣлъ возможность исключительно въ свою пользу извлекать матеріальныя выгоды изъ своего труда и тѣмъ обезпечить себя и своихъ близкихъ; съ другой стороны, общество заинтересовано въ легкости и доступности распространенія духовнаго творчества, а это можетъ быть достигнуто при дешевизнѣ отдѣльныхъ экземпляровъ произведенія, которая возможна только тогда, когда произведеніе не находится въ исключительномъ обладаніи автора или его правопреемниковъ. Въ результатѣ примиренія этихъ двухъ началъ—противоположныхъ интересовъ автора и общества,—является, какъ компромиссъ, признаніе авторскаго права срочнымъ правомъ, т. е. то положеніе, въ силу котораго за авторомъ произведенія признается право на исключительное пользованіе выгодами, которыя изъ этого права проистекаютъ, но лишь на пространствѣ опредѣленнаго времени, за предѣломъ котораго это право прекращается. На этомъ срочномъ характерѣ авторскаго

права рельефнѣе всего сказывается общественное значеніе этого права, отличающагося отъ всѣхъ другихъ правъ имущественнаго свойства, а въ особенности отъ права собственности, къ которому его приравнивалъ нашъ старый законъ.

Такимъ образомъ, съ принципіальной стороны представляется безспорнымъ то положеніе, что для удовлетворенія имущественныхъ интересовъ автора ему должно быть предоставлено исключительное право на свое произведеніе въ теченіе извѣстнаго срока. Но затѣмъ, вопросъ о продолжительности этого срока представляется крайне спорнымъ и разрѣшается неодинаково въ различныхъ законодательствахъ.

Иностранныя законодательства по этому предмету идутъ въ слѣдующей градаціи.

По законамъ испанскому и колумбійскому авторское право продолжается въ теченіе 80 лѣтъ со времени смерти автора.

По законамъ французскому, бельгійскому, венгерскому, португальскому, шведскому (кромѣ художественныхъ произведеній), норвежскому, финляндскому, монакскому, люксембургскому исландскому тунисскому, Боливіи—авторское право продолжается въ теченіе 50 лѣтъ со времени смерти автора.

По голландскому—50 лѣтъ со дня перваго изданія и, во всякомъ случаѣ, пожизненно.

Согласно итальянскому закону, наслѣдники и правопреемники автора послѣ его смерти имѣютъ исключительное право на его произведенія въ теченіе 40 лѣтъ со времени ихъ *изданія*, по истеченіи же этого срока въ продолженіе еще 40 лѣтъ право наслѣдниковъ и правопреемниковъ автора ограничивается лишь полученіемъ съ издателей сочиненій 5% съ цѣны книги.

По турецкому—40 лѣтъ со дня изданія и, во всякомъ случаѣ, пожизненно.

По законамъ германскому (какъ 1870 г., такъ и 1901 г.), австрійскому, швейцарскому, датскому, японскому авторское право продолжается въ теченіе 30 лѣтъ со времени смерти автора.

Въ англійскомъ законѣ продолжительность срока для наслѣдниковъ и правопреемниковъ автора литеат. произведенія установлена въ теченіе 7 лѣтъ со времени его смерти, но если къ этому сроку не прошло еще 42 лѣтъ со времени перваго изданія сочиненія, то исключительное право наслѣдниковъ и правопреемниковъ продолжается до истеченія этого срока. (На скульптурныя произведенія—14 лѣтъ со дня появленія и еще 14 лѣтъ, если авторъ живъ и не продалъ своего права; на живописныя и фотографическія—7 лѣтъ со дня смерти автора; на гравюры—22 года со дня появленія).

Въ Соединенныхъ Штатахъ авторское право охранялось также въ теченіе 42 л. со времени изданія произведенія, но по новому закону, вышедшему въ 1909 г., срокъ сокращенъ до 28 лѣтъ, съ правомъ продленія еще на 28 лѣтъ, если авторъ или его ближайшіе родственники еще живы.

Въ Таити и Перу—25 лѣтъ со смерти автора.

По законамъ шведскому (для художественныхъ произведеній) и румынскому продолжительность авторскаго права ограничена срокомъ въ 10 лѣтъ со времени смерти автора. Въ Чили—5 лѣтъ со смерти автора и до 10 лѣтъ по постановленію правительства. Въ Греціи—15 лѣтъ со дня изданія, если не дана привиллегія на болѣе долгій срокъ.

Законодательства, не знающія срочности авторскаго права: Мексики, Никарагуа и Венецуэлы, по кото-

рымъ авторское право переходитъ къ наслѣдникамъ и правопреемникамъ безъ ограниченія срока пользованія, т. е. на вѣчное время.

У насъ въ Россіи продолжительность авторскаго права была первоначально установлена, въ силу ст. 135 и 136 Уст. Цензурнаго отъ 22 апрѣля 1828 г., въ 25 лѣтъ со дня смерти автора. Затѣмъ, по закону 8 января 1830 г. послѣдовало измѣненіе Цензурнаго Устава 1828 г. въ смыслѣ удлиненія срока; а именно, было постановлено, что если до окончанія 25-лѣтняго срока наслѣдники сдѣлаютъ новое изданіе за пять лѣтъ до истеченія 25-лѣтняго срока, то право ихъ продолжается еще на 10 лѣтъ сверхъ 25-лѣтняго срока. Вслѣдствіе ходатайства вдовы Пушкина (Ланской), просившей продолжить исключительное право печатанія сочиненій Пушкина для двухъ ея сыновей по конецъ ихъ жизни, послѣдовало Высочайше утвержденное 15 апрѣля 1857 г. мнѣніе Гос. Сов., которымъ дѣйствовавшій срокъ авторскаго права продолженъ до 50 лѣтъ послѣ смерти автора. Основаніемъ къ удлиненію срока послужили слѣдующія соображенія, изложенныя въ докладѣ Главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи графа Блудова отъ 24 января 1857 г. по поводу ходатайства Ланской: „Установленный положеніемъ 1830 года 30- или 35-лѣтній срокъ соотвѣтствуетъ большей части сроковъ, принятыхъ иностранными законодательствами, но должно замѣтить, что въ Россіи сочинители, въ сравненіи съ иностранными, имѣютъ вообще гораздо менѣе выгодъ и слѣдственно вознагражденія за свои труды, иногда соединенные съ неудобствами и расходами. Причиной сего и тѣснѣйшій у насъ кругъ читателей, и отсутствіе духа предпріимчивости или и вкуса и

знаній въ классѣ производящихъ торговлю книгами, и трудность сообщеній, слѣдственно и распространенія книгъ въ разныхъ частяхъ государства, наконецъ, и привычка, съ каждымъ годомъ усиливающаяся, почти ограничиваться чтеніемъ однихъ газетъ и журналовъ. Потому, кажется, было бы справедливо продолжить для наслѣдниковъ авторовъ и особенно прямыхъ наслѣдниковъ и ихъ семействъ время, въ которое они могутъ по закону пользоваться исключительнымъ правомъ перепечатывать и издавать ихъ сочиненія, и такимъ образомъ сохранить выгоды, симъ доставляемыя, по крайней мѣрѣ, всему первому отъ нихъ поколѣнію". На основаніи этихъ соображеній былъ принятъ 50-лѣтній срокъ авторскаго права, который остался безъ измѣненія и установленъ въ ст. 1185 т. X ч. I гражд. законовъ.

Редакціонная Комиссія гражд. улож., при обсужденіи этого вопроса, исходила изъ того взгляда, что хотя въ настоящее время положеніе русскихъ писателей сравнительно съ 1857 г. нѣсколько измѣнилось, тѣмъ не менѣе и нынѣ соображенія графа Блудова въ пользу 50-лѣтняго срока слѣдуетъ признать правильными. По мнѣнію Комиссіи, положеніе русскаго сочинителя далеко не одинаково съ положеніемъ писателей Западной Европы. За границей сочиненія извѣстныхъ писателей (напр., Золя, Додэ и др.) въ теченіе одного года выдерживаютъ по нѣсколько изданій. Спросъ на хорошія беллетристическія или научныя сочиненія великъ не только въ томъ государствѣ, гдѣ они изданы, но и за границей. Въ Россіи кругъ читающей публики и до сего времени не великъ. Требованіе русскихъ сочиненій за границу, по незнанію русскаго языка, совсѣмъ ничтожно. Пути сообщенія, хотя въ послѣднее время улучшились, все-таки не выдержи-

ваютъ сравненія съ заграничными, а вслѣдствіе сего пересылка книгъ сопряжена съ затрудненіями и вызываетъ значительные расходы. При такомъ положеніи, очевидно, русскій сочинитель, его наслѣдники и иные правопреемники не могутъ извлечь въ короткое время достаточной матеріальной выгоды изъ своихъ произведеній. Кромѣ того, нерѣдко литературныя произведенія надлежащимъ образомъ оцѣниваются публикою и на нихъ начинается спросъ по истеченіи уже значительнаго періода времени послѣ выхода ихъ въ свѣтъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Комиссія проектировала сохранить установленный въ дѣйствующемъ законѣ 50-лѣтній срокъ.

По тѣмъ же соображеніямъ принятъ 50-лѣтній срокъ и проектомъ министра юстиціи и думскою комиссіею.

При обсужденіи законопроекта въ Госуд. Думѣ, вопросъ о длительности авторскаго права вызвалъ весьма обширныя и оживленныя пренія. Еще раньше этотъ вопросъ подвергся обсужденію въ комиссіи Спб. Литературнаго Общества. На соображеніяхъ, изложенныхъ въ докладѣ этой комиссіи, главнымъ образомъ, и базировали ораторы Госуд. Думы свои доводы за сокращеніе 50-лѣтняго срока.

Комиссія Спб. Литературнаго Общества, для разрѣшенія этого вопроса, исходитъ изъ практическихъ данныхъ и, прежде всего, задается вопросомъ, какъ великъ тотъ кругъ писателей, для которыхъ имѣетъ значеніе сохраненіе авторскаго права въ теченіе 50 лѣтъ? Въ дѣйствительности, число писателей, интересъ къ которымъ живетъ 50 лѣтъ, столь ничтожно, что класть это число въ основу законодательной нормы—значитъ, писать законы для нѣсколькихъ

исключеній. Большинство писателей не то что спустя 50 лѣтъ послѣ ихъ смерти, но и при жизни сплошь да рядомъ отживаетъ: обычное явленіе и въ Европѣ и у насъ,—что сколько-нибудь зажившіеся писатели умираютъ въ грустномъ сознаніи, что время ихъ отошло.

Вся Европа 40-хъ годовъ воспиталась на Ж. Зандѣ, а кто ее читалъ, когда она доживала свой вѣкъ въ 70-хъ годахъ? На нашихъ глазахъ отошла полоса увлеченія Золя и другими французскими натуралистами. Какъ гремѣлъ у насъ лѣтъ 25 тому назадъ Шпильгагенъ, на которомъ выросло поколѣніе 70-хъ годовъ, и кто интересуется имъ теперь? Изъ русскихъ писателей опредѣленно ослабѣлъ интересъ къ Тургеневу, Островскому, Щедрину, уже не говоря о Писемскомъ и др. Очень ослабѣлъ интересъ къ недавно умершему Гл. Успенскому, сочиненія котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ были проданы одному провинціальному издателю за незначительную сумму. Даже Герценъ, одинъ изъ величайшихъ писателей, чтеніе котораго на людей прежнихъ поколѣній производило опьяняющее дѣйствіе, подвергся той же участи, и изданіе его сочиненій и, между ними, отдѣльное, не урѣзанное изданіе одной изъ глубочайшихъ книгъ, когда-либо написанныхъ—„Съ того берега“—встрѣчаетъ полное равнодушіе публики. А уже прямо трагедія разыгралась съ изданіемъ сочиненій Чернышевскаго, имя котораго 40 лѣтъ было окружено, поистинѣ, легендарными симпатіями. Не смотря на то, что сочиненія Чернышевскаго изданы поразительно дешево, они успѣха никакого не имѣютъ. Еще съ большею быстротою отцвѣтаютъ знаменитости въ наше время. Всѣмъ извѣстны примѣры, когда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ теряли цѣну нѣ-

которые писатели, еще совсѣмъ недавно имѣвшіе огромный успѣхъ. Таковы законы смѣны общественныхъ настроеній.

Эти общія соображенія комиссія подтверждаетъ фактами, приводя данныя литературной некрологіи за время 1855—1860 г.г., т. е. за тотъ періодъ времени, когда умерли писатели, авторское право на сочиненія которыхъ истекло или истекаетъ въ наши дни. Если остановиться только на именахъ громкихъ, оставляя въ сторонѣ писателей второстепенныхъ, то оказывается, что изъ умершихъ за пятилѣтіе 1855—1860 г.г. крупныхъ представителей литературы и гуманитарныхъ наукъ, пользовавшихся въ свое время широкою извѣстностью (Батюшковъ, Грановскій, братья Кирѣевскіе, Надеждинъ, Чаадаевъ, Кудрявцевъ, графиня Растопчина, Сенковскій-Брамбеусъ, Сергѣй Аксаковъ, Константинъ Аксаковъ, Хомяковъ, Булгаринъ), сочиненія одного только Сергѣя Аксакова сохранили рыночную стоимость; сочиненія же другихъ или вовсе не были изданы, или были изданы въ ничтожномъ количествѣ экземпляровъ и вторымъ изданіемъ не выходили, или же, не имѣя никакого успѣха, попадали къ букинистамъ. Такимъ образомъ, изъ цѣлаго ряда крупныхъ писателей, за которыми было сохранено въ теченіе 50 лѣтъ авторское право, этотъ долгій срокъ имѣетъ нѣкоторое коммерческое значеніе только по отношенію къ сочиненіямъ одного Сергѣя Аксакова.

Но если даже взять писателей, умершихъ лишь за 25 лѣтъ до нашего времени, т. е. предположить, что срокъ длительности авторскаго права сокращенъ *вдвое* противъ существующей нормы, то оказывается, что даже и въ этомъ случаѣ рыночную стоимость сохранили весьма немногія и въ очень незначитель-

ной степени. Комиссія воспользовалась трудомъ Д. Д. Языкова, печатавшаго въ „Истор. Вѣст.“ ежегодные обзоры трудовъ умершихъ писателей. По Языкову, въ 1883 г. (т. е. приблизительно 25 лѣтъ тому назадъ) умерло 77 писателей и ученыхъ. Изъ этого числа 55 писателей имѣютъ столь малый удѣльный вѣсъ, что о нихъ и говорить не приходится, а изъ остальныхъ, лучшихъ, можно сказать, избранныхъ, имѣютъ въ настоящее время настоящую цѣнность одинъ Тургеневъ и относительную цѣнность еще двое: Мельниковъ-Печерскій и баронъ Корфъ, какъ авторъ въ свое время распространенныхъ учебниковъ.

Таковы цифры даже при 25-лѣтнемъ срокѣ, а при 50-лѣтнемъ срокѣ, кромѣ Тургенева, не останется никого, сочиненія котораго имѣли бы для его правопреемниковъ какую-нибудь цѣнность.

Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ, приводимыхъ комиссіею Спб. Лит. О-ва, устанавливается съ несомнѣнностью то положеніе, что для огромнѣйшаго большинства писателей сохраненіе авторскаго права въ теченіе 50 лѣтъ лишено всякаго практическаго значенія, потому что сочиненія ихъ послѣ истеченія авторскаго срока, и даже еще гораздо раньше истеченія его, теряютъ свое значеніе, становятся устарѣлыми, пережившими себя и не спрашиваются уже на книжномъ рынкѣ, а между тѣмъ, именно, во время спроса на нихъ, они изъяты изъ общаго пользованія и составляютъ предметъ исключительной монополіи. Слѣдовательно, пятидесятилѣтній срокъ имѣетъ значеніе только для избранниковъ, для произведеній великихъ поэтовъ и мыслителей, значеніе которыхъ сохраняется вѣчно, даже для самыхъ позднѣйшихъ поколѣній. Но сочиненія такихъ писателей, въ интересахъ общества, именно, и слѣдуетъ сдѣлать воз-

можно скорѣе достояніемъ общимъ и не оставлять долго въ собственности частныхъ лицъ. Несомнѣнно, что открытіе памятниковъ Пушкину въ Москвѣ, Петербургѣ и Одессѣ, со всѣми рѣчами, произносившимися по этому случаю, и газетными корреспонденціями, оповѣстившими объ этихъ событіяхъ всю Россію—все это не способствовало столько прославленію великаго поэта и распространенію въ обществѣ его художественныхъ твореній, какъ одинъ день 29 января 1887 года, когда публика ломилась въ книжные магазины, имѣя возможность за полтора рубля пріобрѣсти всѣ сочиненія Пушкина. То же относится къ Крылову, Лермонтову и Гоголю. Другимъ нашимъ великимъ писателямъ — Тургеневу, Достоевскому, Некрасову, Щедрину—придется еще долго ждать такихъ праздниковъ своего имени,—пока истечетъ полстолѣтіе со дня ихъ смерти.

По отношенію къ такимъ писателямъ, произведенія которыхъ составляютъ національную гордость, не можетъ быть вовсе рѣчи о коллизіи между интересами автора и интересами общества,—потому что право общества на то, чтобы великія сокровища духа, заключающіяся въ этихъ сочиненіяхъ, составляли общественное достояніе и имѣли свободный доступъ въ народныя массы, должно покрывать собою право отдѣльныхъ лицъ на матеріальныя выгоды изъ произведеній ихъ великихъ предковъ. Въ дѣйствительности, такой коллизіи вовсе нѣтъ: сами авторы не могутъ имѣть прямого интереса въ удлиненіи авторскаго срока, потому что выгоды продолжительнаго срока падаютъ на долю ихъ далекихъ потомковъ во второмъ или третьемъ поколѣніи, и авторы не могутъ быть заинтересованы чрезъ столь отдаленное время.

Германская Парламентская Комиссія, подготовлявшая законъ 1901 г., въ которомъ былъ сохраненъ 30-лѣтній срокъ авторскаго права, принятый въ законѣ 11 іюня 1870 г., слѣдующими словами предсѣдателя ея мотивируетъ необходимость сокращеннаго авторскаго срока: „Чѣмъ больше я занимаюсь этими вопросами, тѣмъ тверже становится мое убѣжденіе, что какъ въ интересахъ книжной торговли, такъ еще болѣе въ интересахъ національныхъ, въ высшей степени важно, чтобы литературныя произведенія освобождались 30 лѣтъ спустя послѣ смерти автора. Не слѣдуетъ забывать, что большая разница для націи, будутъ ли произведенія Гете 30 лѣтъ послѣ его смерти стоить 6 марокъ, или они будутъ продолжать стоить 50—60 марокъ еще лишнія 20 лѣтъ. Можетъ быть, мнѣ скажутъ, что въ будущемъ времени издатели станутъ умнѣе и научатся раньше издавать дешевыя изданія. Но вѣдь, теоретически объ этомъ разсуждать нельзя. Можетъ быть, попадется умный правопреемникъ, а можетъ быть и очень глупый".

Съ этими разсужденіями согласилась Парламантская Комиссія, которая *единогласно* рѣшила, что необходимо безусловно удержать 30-лѣтній срокъ, а не удлинить этотъ срокъ до 50 лѣтъ, причемъ считала нужнымъ особенно подчеркнуть, что по опыту книжной торговли срокъ одного поколѣнія, со смерти автора, совершенно достаточенъ для хозяйственнаго использованія этого срока наслѣдниками, а *„для культурныхъ интересовъ націи* въ высшей степени важно, чтобы послѣ 30 лѣтъ право авторское отпадало". Дальше указывается, что практически, по опыту книжной торговли, совершенно безразлично, продолжается ли это право 30 или 50 лѣтъ, ибо въ 50 лѣтъ использовать его больше, чѣмъ въ 30 лѣтъ, право-

преемникъ не можетъ или можетъ только въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Таковы взгляды германскихъ законодателей, руководствовавшихся данными и опытомъ представителей книжнаго дѣла.

При обсужденіи законопроекта въ Госуд. Думѣ, докладчикъ комиссіи (О. Я. Пергаментъ) и министръ юстиціи защищали главнымъ образомъ ту точку зрѣнія, что продолжительность авторскаго срока должна находиться въ зависимости отъ условій книжнаго рынка; тамъ, гдѣ книжный рынокъ даетъ возможность быстраго сбыта большого количества произведеній, тамъ для автора можетъ быть достаточно и болѣе краткаго періода времени, въ теченіе котораго онъ пользовался бы исключительнымъ своимъ правомъ. Наоборотъ, при условіяхъ книжнаго рынка, сравнительно медленно поглощающаго произведенія опредѣленнаго автора, слѣдуетъ этотъ срокъ устанавливать болѣе удлиненнымъ, дабы возможно было внести извѣстный коррективъ въ самую медленность распространенія этихъ произведеній. При условіяхъ книжнаго хозяйства у насъ въ Россіи, если сократить срокъ до 30 лѣтъ, то издателю придется на пространствѣ 30 лѣтъ исчерпать и осуществить тѣ выгоды, которыя при нынѣ дѣйствующемъ срокѣ онъ раскладываетъ на пространствѣ 50 лѣтъ, и, поэтому, стоимость книги при сокращенномъ срокѣ должна будетъ повыситься. Притомъ, если издателю придется для изданія и распространенія книги затратить нѣсколько лѣтъ времени и огромную сумму труда и капитала, то у него останется въ теченіе 30 лѣтъ слишкомъ мало времени, чтобы возвратить всѣ тѣ затраты, которыя онъ сдѣлалъ, тѣмъ болѣе что книга, какъ бы она ни отвѣчала спросу, требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ

для того, чтобы привиться на книжномъ рынкѣ. При такихъ условіяхъ, если сократить авторскій срокъ, издательское дѣло будетъ поставлено хуже, чѣмъ теперь, и послѣдствія для народнаго просвѣщенія окажутся менѣе выгодныя, чѣмъ ожидаемыя отъ сокращенія срока. Подтвержденіе этихъ соображеній сторонники удлиненія авторскаго срока находятъ въ томъ, что на послѣдней Берлинской Конференціи 13 ноября 1908 г. 16 государствъ, принадлежащихъ къ Бернской Конвенціи, признали необходимымъ установить срокъ авторскаго права въ 50 лѣтъ.

Указанныя соображенія и ссылка на постановленіе Берлинской Конференціи, едва ли, могутъ представляться убѣдительными въ примѣненіи къ Россіи. Именно, въ Россіи, гдѣ книгоиздательское дѣло имѣетъ характеръ кустарный, примитивный и гдѣ народное просвѣщеніе и культура стоитъ на низкой степени, требуется возможное сокращеніе авторской монополіи, дабы устранить препятствія къ развитію книгоиздательскаго дѣла и къ распространенію въ народныхъ массахъ продуктовъ духовнаго творчества. Какъ правильно указалъ депутатъ П. Н. Милюковъ, въ странахъ, въ которыхъ культура достаточно развита, она прежде всего отражается на установленіи цѣлаго ряда приспособленій, устанавливающихъ общеніе между писателями и публикой, независимо отъ законовъ объ авторскомъ правѣ. Для западнаго издателя было бы чрезвычайно странно и нелѣпо пользоваться авторскимъ правомъ такъ, какъ пользуются имъ наши издатели. За границей издатели въ предѣлахъ срока авторскаго права выпускаютъ дешевыя изданія и обезпечиваютъ книжный рынокъ въ предѣлахъ спроса. А у насъ порядокъ совсѣмъ иной. У насъ съ произведеніями классиковъ наши издатели дѣлаютъ то же,

что дѣлается съ нѣкоторыми колоніальными товарами: ихъ пускаютъ въ продажу въ ограниченномъ количествѣ, чтобы повысить цѣну. За границей кустарная стадія литературнаго производства, въ которой еще находится наше книгоиздательское дѣло, составляетъ воспоминаніе отдаленнаго прошлаго. Между авторомъ и публикой тамъ стоитъ уже окончательно и давно издатель. И если за границей законъ оберегаетъ публику отъ кого-нибудь, онъ оберегаетъ ее отъ издателя, а не отъ автора. У насъ же, къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что самъ авторъ и его правопреемники могутъ явиться препятствіемъ для общенія публики съ производствомъ. Поэтому, за границей нѣтъ такой нужды въ сокращеніи срока, какъ у насъ; тамъ имѣются тѣ культурныя условія, при которыхъ возможно расширить срокъ авторскаго права безъ ущерба для публики, а у насъ это сдѣлать безъ ущерба для публики невозможно, и единственный способъ обезпечить права публики остается тотъ, безъ котораго не можетъ обойтись страна съ низкой культурой — сокращеніе срока авторскаго права.

Что касается указанія на Берлинскую Конференцію, въ которой было принято предложеніе объ удлиненіи срока до 50 лѣтъ, то, какъ выяснилъ документальными данными депутатъ П. Н. Милюковъ, на принятіи этого предложенія настаивала только одна Франція, для которой одной удлиненный срокъ выгоденъ, потому что литература Франціи интернаціональна и представляетъ предметъ экспорта. Это предложеніе Франціи было поддержано только маленькими государствами, какъ Бельгія, Боливія, Венгрія, Коста-Рика, Люксенбургъ, Монако, Норвегія, Португалія, Тунисъ, Финляндія и Эквадоръ. Государства же, наи-

болѣе сильныя въ культурномъ отношеніи, какъ Англія, Германія, не согласились на это предложеніе, которое, благодаря этому, было пріостановлено, хотя за него было большинство, составившееся изъ вышеуказанныхъ маленькихъ государствъ.

Такимъ образомъ, всѣ доводы, выставленные противниками сокращенія срока, были устранены П. Н. Милюковымъ, который, можно сказать, одинъ въ Думѣ вынесъ на себѣ всю борьбу за сокращеніе авторскаго срока. „Если вы примете 30-лѣтній срокъ, то вы окажете этимъ огромное благодѣяніе всему русскому обществу“ — призывалъ Милюковъ Думу въ своемъ заключительномъ словѣ. Но Дума, принявшая предложеніе о 30-лѣтнемъ срокѣ при первомъ чтеніи законопроекта, отвергла его при третьемъ чтеніи. Между тѣмъ, при третьемъ чтеніи доводы въ пользу сокращенія срока были представлены гораздо полнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ при первомъ чтеніи. Этимъ Дума обнаружила не только свою неустойчивость, но и обычную для большинства 3-ей Думы склонность разрѣшать вопросы не согласно съ требованіями, вызываемыми существомъ вопроса, а по соображеніямъ постороннимъ, случайнымъ, партійнымъ.

Въ комиссіи Государственнаго Совѣта вопросъ о срокѣ авторскаго права вызвалъ разногласіе: большинство членъ признавало нужнымъ сохранить 50-лѣтній срокъ и въ подтвержденіе своего мнѣнія высказало слѣдующія соображенія, которыя сторонники этого взгляда, въ ихъ числѣ предсѣдатель комиссіи, проф. Сергѣевичъ, подробно развивали въ засѣданіи Государственнаго Совѣта.

По мнѣнію большинства комиссіи, принципъ ограниченія авторскихъ правъ въ интересахъ общественной пользы, принятый почти всѣми законодатель-

ствами, не даетъ еще основаній къ признанію ихъ общимъ достояніемъ безъ соотвѣтствующаго вознагражденія автора. Указаніе сторонниковъ сокращенія авторскаго срока на преемственность, существующую между авторами предшествующихъ и послѣдующихъ поколѣній и на вытекающую отсюда обязательность для автора дѣлать общимъ достояніемъ то, что онъ самъ получилъ отъ народа, отъ народнаго генія, не можетъ имѣть значенія, потому что это указаніе относится, въ большей или меньшей степени, ко всякой производительной дѣятельности человѣка. Не только авторъ литерат. или музыкальн. произведенія, но и инженеръ, врачъ, даже простой ремесленникъ, въ профессіональной своей дѣятельности, пользуются, несомнѣнно, результатами трудовъ предшедшихъ поколѣній, между тѣмъ они на плоды своей работы получаютъ полное, не ограниченное никакимъ срокомъ, право собственности. Если авторъ для созданія своего произведенія пользуется и тѣмъ, что создано было предшествующими поколѣніями, то взамѣнъ этого онъ передаетъ послѣдующимъ поколѣніямъ новое, по содержанію, по вложенной въ него мысли и по формѣ, произведеніе, носящее на себѣ отпечатокъ его личности, его таланта. За авторомъ остаются формы, въ которыя его идеи и настроенія вылились, и на нихъ, въ этихъ созданныхъ имъ формахъ, ему должно принадлежать исключительное право. Форма эта получается не отъ „народнаго генія“, и, поэтому, „народному генію“ она и не должна быть возвращена.

Далѣе, комиссія считаетъ неубѣдительнымъ указаніе на удешевленіе, благодаря сокращенію срока, необходимыхъ для воспитанія народныхъ массъ сочиненій выдающихся писателей. Комиссія приводитъ разсчетъ стоимости на книж-

номъ рынкѣ листа книги средняго формата для сочиненій, по которымъ авторское право еще не прекратилось, и для сочиненій, сдѣлавшихся, за прекращеніемъ срока, общимъ достояніемъ, и на основаніи этихъ данныхъ приходитъ къ выводу, что прекращеніе авторскаго права не вызываетъ замѣтнаго пониженія цѣнъ и что книги при жизни авторовъ и ихъ правопреемниковъ нерѣдко продаются по той же цѣнѣ, какъ и по истеченіи 50 лѣтъ со времени ихъ смерти. Между тѣмъ, сокращеніе установленнаго дѣйствующимъ закономъ срока авторскаго права явится весьма значительнымъ стѣсненіемъ матеріальнаго положенія писателей, такъ какъ продажная стоимость авторскаго права, очевидно, будетъ весьма различна въ зависимости отъ того, истекаетъ ли срокъ ему чрезъ 50 лѣтъ или уже чрезъ 30 лѣтъ послѣ смерти автора.

Въ особенности несправедливымъ большинство членовъ комиссіи считаетъ уменьшеніе посмертнаго срока въ отношеніи научныхъ сочиненій, требующихъ отъ ученаго долгихъ и напряженныхъ трудовъ по собиранію матеріаловъ и изслѣдованію предметовъ, къ тому еще обыкновенно сопровождаемыхъ матеріальными затратами. Авторъ можетъ лишь тогда спокойно предаваться творчеству, когда онъ будетъ увѣренъ, что плоды его работы обезпечатъ безбѣдное существованіе какъ ему самому, такъ и его семьѣ. Такое сознаніе можетъ являться однимъ изъ могущественныхъ стимуловъ авторскаго творчества, отсутствіе же такого стимула должно неизбѣжно понижать продуктивность труда авторовъ и побуждать лицъ, способныхъ къ творческой дѣятельности, искать себѣ побочныхъ заработковъ и даже вовсе уйти въ

область практической, гораздо щедрѣе оплачиваемой дѣятельности.

Наконецъ, большинство комиссіи ссылается на то, что 50-лѣтній срокъ одобренъ Берлинскою Международною Конференціею 1908 г., созванною для пересмотра Бернской Конференціи, и что желательность принятія всѣми государствами одного и того же 50-лѣтняго срока авторскаго права была единогласно признана на Майнцскомъ Конгрессѣ 1908 г. представителей международнаго литературнаго и художественнаго союза (Association littéraire et artistique internationale).

Меньшинство комиссіи, въ которое вошли проф. Д. Д. Гриммъ, А. А. Донецкій, П. П. Кобылинскій и А. Ѳ. Кони, внесли въ Госуд. Совѣтъ особое мнѣніе о необходимости сократить срокъ до 30 лѣтъ. Соображенія, положенныя въ основаніе этого мнѣнія, были изложены въ засѣданіи Госуд. Совѣта А. Ѳ. Кони, который въ подробной рѣчи остановился на доводахъ защитниковъ удлиненія срока и указалъ на послѣдствія для русской литературы и просвѣщенія въ Россіи отъ закрѣпощенія авторскаго права на долгій срокъ за правопреемниками авторовъ. „Защитники длиннаго посмертнаго срока—говорилъ А. Ѳ. Кони—смотрятъ почти исключительно съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ автора, его семьи и его наслѣдниковъ“. Но есть другая, болѣе широкая точка зрѣнія, отводящая справедливое мѣсто правамъ народа и общества на произведенія ихъ духовныхъ представителей. Литературное творчество, качественно и количественно возбуждаемое денежными соображеніями, есть творчество низшаго порядка, приближающееся къ болѣе или менѣе искусному ремеслу, плоды котораго осуждены на существованіе, измѣряемое не де-

сятками лѣтъ. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на журнальную работу, на передовыя статьи, на фельетоны, которые имѣютъ лишь временный интересъ. Произведенія же, имѣющія не мимолетное значеніе отзывовъ на злобу дня и на изображеніе послѣдней — это произведенія писателей, о которыхъ Эмерсонъ сказалъ: „le littérateur est un dèlegue intellectuel du peuple“. Темы этихъ произведеній въ сущности всегда однѣ и тѣ же и, притомъ, вѣчныя: любовь и ненависть, личность и характеръ, общественное устройство и бытовой укладъ. Вся разница въ формѣ и силѣ выраженія и изображенія, въ умѣньѣ освѣщать ту или другую сторону, въ анализѣ душевныхъ движеній, въ языкѣ, въ стилѣ, въ краскахъ. Клостерманъ („Geistliches Eigenthum“) справедливо указываетъ, что авторское право дается за искусство, съ которымъ извѣстныя идеи и факты приводятся къ свѣту. Поэтому, работа автора является продуктомъ народнаго генія, выразившаго себя въ рядѣ поколѣній. Тургеневъ и Гончаровъ были бы немыслимы, не будь до нихъ проникновеннаго созерцанія Гоголя и чуднаго языка Пушкина, а переходъ къ послѣднему прямо отъ Державина едва ли былъ бы возможенъ безъ точной и изящной прозы Карамзина. Являясь наслѣдникомъ творческаго духа, воплотившагося въ „умственныхъ делегатахъ“ предшествующихъ поколѣній, писатель оставляетъ послѣдующимъ поколѣніямъ свой трудъ какъ продуктъ этого духа, въ иной формѣ, вкладывая въ созданіе ея свои знанія, наблюдательность, воображеніе и фантазію, скованныя во-едино матеріальною работою. За это онъ получаетъ вознагражденіе, связанное съ авторскимъ правомъ. Но полученію этого вознагражденія долженъ быть положенъ извѣстный предѣлъ, народу должно

быть возвращено то, что получено отъ народнаго генія, и возвращено притомъ такъ, чтобы пользованіе произведеніемъ было доступно массамъ, и въ такое время, когда произведеніе еще не утратило своего просвѣтительнаго значенія и не устарѣло по своей формѣ Съ этой точки зрѣнія, быть можетъ, всего справедливѣе было бы принять американскую систему исчисленія срока авторскаго права со времени перваго изданія произведенія. Въ условіяхъ современной культурной жизни тридцать лѣтъ представляютъ достаточное время для признанія и оцѣнки выдающихся сочиненій и для полученія ихъ авторомъ крупнаго заработка.

Благодаря такому сроку, произведенія русскихъ классиковъ не были бы монополизированы въ рукахъ нѣсколькихъ издателей или наслѣдниковъ, а вкладывались бы въ общедоступную народную сокровищницу, не подвергнувшись своего рода художественной „усушкѣ и утечкѣ“. А между тѣмъ, это весьма возможно при существующемъ у насъ срокѣ. Такъ, напримѣръ, сочиненія Гончарова, которыми теперь такъ восхищается итальянская критика, ставя въ нихъ выше всего „Обыкновенную исторію“, стоятъ нынѣ въ своей совокупности около 20 рублей и, слѣдовательно, доступны лишь людямъ очень достаточнымъ, а сдѣлаются они общимъ народнымъ достояніемъ лишь въ 1941 году, такъ какъ авторъ скончался въ 1891 году, т. е. «Обыкновенная исторія“ и «Сонъ Обломова», вышедшіе въ 1847 и 48 годахъ, появятся по общедоступной цѣнѣ лишь черезъ 93 года послѣ того, какъ въ этихъ сочиненіяхъ впервые проявились поучительные художественные пріемы знаменитаго автора. Такъ, сочиненія одного изъ глубочайшихъ русскихъ беллетристовъ-мыс-

лителей, гуманиста и научнаго популяризатора князя Владиміра Ѳеодоровича Одоевскаго, вышедшія въ свѣтъ въ 1844 году, вслѣдствіе отсутствія нѣкоторыхъ документовъ, опредѣляющихъ переходъ къ его наслѣдникамъ авторскаго права, до сихъ поръ не изданы и сдѣлаются общедоступными лишь въ 1919 г., когда истечетъ 50 лѣтъ со дня смерти автора и 75 лѣтъ со дня появленія ихъ въ свѣтъ. А между тѣмъ, было бы весьма полезнымъ ознакомить русское общество съ этимъ замѣчательнымъ писателемъ, умѣвшимъ за пятьдесятъ лѣтъ до Л. Н. Толстого затрогивать одинаковые съ нимъ сюжеты, являться сторонникомъ призыва женщинъ къ широкой дѣятельности, восторженнымъ поклонникомъ и защитникомъ свободы совѣсти и слова; съ писателемъ, впервые ознакомившимъ въ беллетристической формѣ русскую публику съ ученіемъ Шопенгауэра о волѣ, въ то время, когда книга „Die Welt als Wille und Vorstellung“, проданная въ количествѣ 12 экземпляровъ, гнила на складѣ у книгопродавца, покуда въ 1857 году, наконецъ, не были открыты глаза нѣмецкому обществу на его геніальнаго мыслителя. Но если бы у кого-либо и явилось желаніе ознакомиться съ Одоевскимъ въ подлинникѣ, то это желаніе оказалось бы безплоднымъ, такъ какъ достать полное собраніе его сочиненій въ настоящее время почти нѣтъ возможности. Нельзя не отмѣтить, наконецъ, и того обстоятельства, что, благодаря 50-лѣтнему посмертному сроку, П. И. Чайковскій, по собственному признанію, въ 1877 г. едва, и съ большимъ трудомъ, нашелъ необходимый ему экземпляръ сочиненій Пушкина для писанія оперы „Евгеній Онѣгинъ“.

Есть, затѣмъ, случаи, когда позднее знакомство широкихъ общественныхъ и народныхъ круговъ съ

тѣмъ или другимъ сочиненіемъ можетъ вызвать одни лишь безплодныя и горькія сожалѣнія. Въ 1857 г. вышла „Фрегатъ Паллада“ Гончарова, гдѣ съ тонкою наблюдательностью были изображены коренныя свойства японцевъ, хотя иногда и въ комическомъ ихъ проявленіи—ихъ стойкость и настойчивость, ихъ вѣра въ себя и страстная любовь къ родинѣ, ихъ упорная работоспособность въ преслѣдованіи твердо поставленной цѣли, ихъ презрѣніе къ жизни и тонкое искусство въ защитѣ своего права. Какъ было бы полезно своевременное знакомство русскаго народа съ этими свойствами „вождей восточныхъ острововъ“, вмѣсто близорукой похвальбы и пошлаго издѣвательства надъ „япошками“ и „макаками“ и лубочныхъ картинъ, изображающихъ русскаго силача, сталкивающаго плечикомъ сидящаго на лошади микадо въ пропасть!.. А между тѣмъ, эту столь нужную и столь запоздалую характеристику широкіе общественные круги почерпнутъ изъ „Фрегата Паллады“ лишь въ 1941 году, вмѣсто 1887 года, т.-е. не до японской войны, а черезъ 37 лѣтъ *послѣ* ея объявленія! Наконецъ, произведенія писателя могутъ не появляться въ свѣтъ въ теченіе очень долгаго времени не только по небрежности или апатіи наслѣдниковъ, не только по ихъ неразвитости или невѣжеству, но вслѣдствіе тенденціознаго отношенія ихъ къ дѣятельности того, чьи авторскія права они унаслѣдовали. Исторія литературы знаетъ случаи, когда, подъ вліяніемъ измѣнившихся религіозныхъ и политическихъ взглядовъ или суетныхъ удобствъ своего наслѣдственнаго положенія, наслѣдники, носители того же имени, упорно не желали появленія въ свѣтъ произведеній человѣка, отличнаго отъ нихъ по духу и убѣжденіямъ. Здѣсь сокра-

щеніе посмертнаго срока помогло бы устранить такое очень часто противорѣчащее общественнымъ интересамъ явленіе.

Противъ сокращенія посмертнаго срока выставляется рядъ возраженій. Прежде всего, указывается на *научные труды*, требующіе долгихъ и усердныхъ работъ по собиранію матеріаловъ, такъ что сочиненіе, поздно появившееся въ свѣтъ, именно, вслѣдствіе своихъ серьезныхъ достоинствъ, будетъ давать позднюю извѣстность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до крайности сокращать срокъ пользованія авторскимъ правомъ самимъ ученымъ труженикомъ и его близкими. Однако, приходится признать, что, именно, научные то труды и не выдерживаютъ длиннаго срока авторскаго права. Новыя теченія и новая переработка тѣхъ же самыхъ фактовъ и явленій съ новыхъ точекъ зрѣнія въ большинствѣ случаевъ уничтожаютъ такой спросъ на старое произведеніе, который не только окупалъ бы издержки изданія, но и приносилъ бы чистый доходъ. Напримѣръ, многотомная и въ высшей степени цѣнная „Исторія Россіи“ нашего знаменитаго историка Соловьева, едва ли, можетъ разсчитывать на частыя изданія въ теченіе тѣхъ тридцати лѣтъ, которыя еще остаются для пользованія наслѣдниками его авторскимъ правомъ. Важное и необходимое пособіе для ученыхъ, разрабатывающихъ отечественную исторію, этотъ трудъ, въ смыслѣ новизны взглядовъ и богатства новыхъ матеріаловъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ уже заслоненъ работами Ключевскаго, Платонова, Милюкова и др., подобно тому, какъ онъ въ свою очередь и въ свое время заслонилъ историографическіе труды Карамзина и Полевого. То же самое надо сказать объ учебникахъ, если только для распространенія ихъ не при-

звано на помощь нѣкоторое официальное давленіе. Не меньшее вліяніе, чѣмъ время, оказываетъ въ этомъ отношеніи и измѣняющаяся внутренняя политика. Еще недавно біографіи Екатерины Великой—Брикнера и исторія Александра I—Шильдера были почти единственно доступными на русскомъ языкѣ, почтенными и исчерпывающими „все, что можно", сочиненіями объ этихъ представителяхъ верховной власти, но послѣ 1905 года на русскомъ языкѣ появились мемуары Екатерины и мемуары Дашковой, монографія Валишевскаго, и сталъ доступенъ второй томъ Бильбасова—и несомнѣнно, что многое недоговоренное Шильдеромъ (хотя бы, напримѣръ, относительно Павла I) и Брикнеромъ явилось въ новомъ фактическомъ и критическомъ освѣщеніи. То же самое можно сказать и о книгахъ изъ области политической экономіи, государственнаго, уголовнаго и гражданскаго права. Такія открытія, какъ иксъ-лучи и радій, не дѣлаютъ ли устарѣлыми прежніе учебники физики и химіи безъ ихъ основательной переработки? и во что обращаются обширныя и въ свое время весьма распространенныя сочиненія по терапіи и патологіи Эйхгорста и Нимейера, въ виду современныхъ изслѣдованій о заразномъ происхожденіи большинства болѣзней—о фагоцитахъ и лейкоцитахъ и вообще о роли микроорганизмовъ?

Указаніе на то, что сокращеніе этого срока заставитъ уйти талантливыхъ писателей изъ литературы въ область практической, не только болѣе обезпечивающей, но и гораздо щедрѣе оплачиваемой дѣятельности—лишено серьезнаго основанія. Гейне говоритъ про науку, что для однихъ она—богиня, для другихъ—дойная корова. То же можно сказать и про литературу. Тому, кто смотритъ на нее не какъ на

попроще служенія искусству и обществу, а какъ на дойную корову, и завистливо поглядываетъ по сторонамъ, ища взорами другихъ болѣе тучныхъ и доходныхъ коровъ,—тому можно со спокойнымъ сердцемъ сказать: „скатертью дорога!“ Богиня отъ ухода такихъ слугъ ничего не потеряетъ и на нихъ не обидится... Писатель, создавшій не мимолетныя, поверхностныя по содержанію произведенія, а такія, прочность и глубина которыхъ выдерживаетъ въ общемъ признаніи долгіе годы, является не только „un délégué intellectuel“ своего народа. Онъ другъ и утѣшитель образованнаго человѣка,—онъ учитель и руководитель идущаго по пути самообразованія. Поэтому, не только желательно, но и необходимо, чтобы возможно большее число русскихъ людей, обладающихъ скромными средствами и желающихъ расширить свой умственный и нравственный кругозоръ въ свободный часъ своей трудовой жизни, могли протянуть руку къ полочкѣ, на которой тѣсными рядами, наряду съ дешевыми изданіями Пушкина и Гоголя, стояли бы старые, испытанные друзья: Гончаровъ, Тургеневъ, Левъ Толстой, Григоровичъ, Островскій, Некрасовъ, Чеховъ и другіе. Но мы знаемъ, что благодаря длиннымъ срокамъ авторскаго права—Тургеневъ стоитъ 15 рублей, Толстой—въ двухъ изданіяхъ стоитъ 25 и 14 р., и т. д., т. е. знаемъ, что они недоступны ни сельскому учителю, ни развитому рабочему, ни санитару, ни сестрѣ милосердія, ни мелкому торговцу, ни большинству студентовъ и гимназистовъ, ни множеству лицъ, стоящихъ въ одинаковыхъ матеріальныхъ условіяхъ“.

На основаніи этихъ соображеній, А. Ѳ. Кони, поддерживая мнѣніе меньшинства, приходитъ къ заключенію, что уменьшеніе срока авторскаго посмертнаго

права—конечно, безъ обратнаго дѣйствія такого постановленія—является, вполнѣ справедливымъ. „Это сокращеніе—закончилъ А. Ѳ. Кони—будетъ, вѣроятно, названо палліативомъ, но не надо забывать, что все-таки такой палліативъ приблизитъ на будущее время на двадцать лѣтъ возможность пользованія всѣми слоями общества тѣмъ духовнымъ свѣтомъ и тепломъ, которые, по нынѣ дѣйствующему закону, доступны лишь сравнительно немногимъ".

Соотвѣтственно мнѣніямъ большинства и меньшинства членовъ комиссіи, пренія въ Госуд. Совѣтѣ обнаружили два теченія. Въ пользу 50-лѣтняго срока выступили быв. тов. оберъ-прокурора Синода Саблеръ, тов. мин. юстиціи Гасманъ, священникъ Будкевичъ, проф. Сергѣевичъ. Послѣдній, возражая противъ сокращенія срока, исходилъ, главнымъ образомъ, изъ соображеній формальныхъ, заключающихся въ томъ, что ограниченіе дѣйствія авторскаго права на литературныя произведенія 30-лѣтнимъ срокомъ со времени смерти автора противорѣчитъ природѣ этого права и идетъ въ разрѣзъ съ общепризнанными юридическими началами. По его мнѣнію, всякое литературное произведеніе представляетъ собою результатъ умственнаго труда автора, каковой трудъ даетъ ему и его наслѣдникамъ исключительное право распоряжаться судьбою соотвѣтствующаго произведенія. Это исключительное право по природѣ своей ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго права частной собственности, составляетъ простую разновидность его и, поэтому, должно въ сущности имѣть такой же безсрочный, вѣчный характеръ, какъ всякое другое право собственности. Съ этой точки зрѣнія, ограниченіе дѣйствій авторскаго права какимъ бы то ни было срокомъ уже представляетъ собою отступленіе отъ общеустановлен-

ныхъ началъ. Если идти въ этомъ отношеніи на уступки, то, во всякомъ случаѣ, необходимо остановиться на возможно болѣе продолжительномъ срокѣ дѣйствія авторскаго права, in concreto—не менѣе принятаго дѣйствующимъ закономъ 50-лѣтняго срока. Отстаиваніе же 30-лѣтняго срока (какъ это было заявлено въ комиссіи нѣкоторыми изъ защитниковъ взгляда на авторское право какъ на собственность) явно свидѣтельствуетъ о коммунистическихъ тенденціяхъ защитниковъ подобнаго предложенія *).

Эта въ основѣ своей неправильная точка зрѣнія подробно разобрана въ особомъ мнѣніи меньшинства членовъ комиссіи, и возраженія противъ нея изложилъ въ своей рѣчи въ Госуд. Совѣтѣ проф. Д. Д. Гриммъ, который указалъ на то, что въ разсужденіяхъ защитниковъ авторскаго права, какъ вида собственности, прежде всего, неправильно освѣщается значеніе, которое можетъ быть признано за трудовымъ началомъ,

*) Характерна рѣчь члена Госуд. Совѣта Скирмунта 2-го, который предлагалъ голосовать за сокращенный срокъ по слѣдующимъ соображеніямъ. При свободѣ печати, народнымъ массамъ доступны, обыкновенно, ученія всевозможныхъ направленій, даже и сторонниковъ общаго переворота. Разрушительныя ученія кажутся массамъ нерѣдко заманчивѣе, чѣмъ ученія созидательныя. Между тѣмъ, сторонники этихъ разрушительныхъ ученій меньше всего заботятся объ охраненіи авторскаго права. Графъ Л. Н. Толстой, пока стоялъ на почвѣ существующаго строя, не отказывался отъ своихъ авторскихъ правъ, а сдѣлавшись сторонникомъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, онъ отъ нихъ отказался. Такимъ образомъ, произведенія сторонниковъ мирнаго прогресса останутся бронированными на много десятковъ лѣтъ авторскимъ правомъ и будутъ мало доступны читателямъ. Произведенія же, проповѣдующія переворотъ, какъ свободныя отъ этой брони, найдутъ быстрое распространеніе среди массъ, не встрѣтивъ никакого противовѣса. Поэтому, въ интересахъ произведеній защитниковъ мирнаго прогресса слѣдуетъ установить сокращенный 30-лѣтній срокъ.

если только мы желаемъ считаться съ основными принципами, на которыхъ покоится весь современный правовой строй. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ одной изъ современныхъ правовыхъ системъ не проведенъ принципъ, что трудъ, какъ таковой, даетъ исключительное право на результатъ труда, не говоря уже о томъ, что этотъ принципъ совершенно не примѣняется въ отношеніяхъ между работодателями и рабочими (иначе пришлось бы признать, что право собственности на сельскохозяйственные продукты или на продукты фабричной промышленности и т. д. принадлежитъ не хозяевамъ, а подлежащимъ категоріямъ рабочихъ); онъ оказывается непримѣнимымъ и въ той области, гдѣ скорѣе всего можно было бы искать аналогію съ литературнымъ трудомъ,—именно, въ области спецификаціи (выдѣлки изъ даннаго матеріала новой вещи, имѣющей свое самостоятельное назначеніе); и здѣсь наступаютъ совершенно различныя юридическія послѣдствія въ зависимости отъ того, работалъ ли спецификантъ надъ своимъ или надъ чужимъ матеріаломъ, зналъ ли онъ въ послѣднемъ случаѣ о томъ, что матеріалъ чужой или нѣтъ, дѣйствовалъ ли онъ по заказу или по порученію, или онъ работалъ на себя и т. д. Правда, на первый взглядъ могло бы показаться, что въ вопросѣ оцѣнки значенія литературнаго труда дѣло обстоитъ проще въ томъ смыслѣ, что здѣсь рѣчь идетъ не о механическомъ, а о творческомъ трудѣ, гдѣ вопросъ о пользованіи чужимъ матеріаломъ отпадаетъ. Но и это невѣрно. Будемъ ли мы говорить о тѣхъ формахъ литературнаго труда, гдѣ идеи автора воплощаются въ конкретныхъ образахъ, или о тѣхъ его формахъ, гдѣ идеи его воплощаются въ систему абстрактныхъ понятій, всегда значительная часть матеріала, надъ которымъ работаетъ научная или

художественная творческая мысль, дается извнѣ, авторъ находитъ этотъ матеріалъ въ томъ, что ему даетъ окружающая его дѣйствительность, въ томъ, что онъ черпаетъ изъ работъ своихъ предшественниковъ, въ томъ, что онъ извлекаетъ изъ архивовъ и т. д.; его задача—переработка этого матеріала, пополненіе его новыми данными, примѣненіе къ нему новыхъ методовъ, новыхъ руководящихъ точекъ зрѣнія и т. д. Гдѣ тутъ кончается чужое, гдѣ начинается свое, оригинальное, и въ чемъ, именно, оно заключается,—это на практикѣ, какъ извѣстно, нерѣдко трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ, даже съ этой точки зрѣнія, результатъ литературнаго труда всегда представляетъ собою соединеніе своего и чужого. Гдѣ же при такихъ условіяхъ *формальное* основаніе для признанія за авторомъ исключительнаго, вѣчнаго права на результатъ своего труда?

Его нельзя вывести изъ трудового начала. Его столь же мало можно вывести и изъ содержанія тѣхъ правомочій, изъ которыхъ складывается авторское право, ибо никакой аналогіи и въ этомъ отношеніи съ правомъ собственности не существуетъ. Право частной собственности предполагаетъ въ качествѣ объекта реальную вещь, на которую собственникъ непосредственно можетъ оказывать воздѣйствіе—въ смыслѣ пользованія или распоряженія ею. Что же касается авторскаго права, которое по содержанію своему заключается въ томъ, что „автору принадлежитъ исключительное право всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе“, то, останавливаясь на нормальныхъ случаяхъ авторскаго права на литературныя произведенія (т. е. оставляя въ сторонѣ случаи произнесенія рѣчей, чтенія рефера-

товъ на какихъ-нибудь собраніяхъ и т. п.), мы должны различать, по крайней мѣрѣ, четыре момента: а) *процессъ* созданія и трудъ по написанію даннаго произведенія; б) матеріальный *результатъ* этого труда—соотвѣтствующій реальный субстратъ, въ частности рукопись, которая можетъ служить предметомъ воспроизведенія, опубликованія и распространенія, в) далѣе, самый *процессъ* воспроизведенія, въ частности печатанія произведенія, г) наконецъ, окончательный *результатъ*—появленіе извѣстнаго количества экземпляровъ даннаго произведенія, которые могутъ засимъ, въ свою очередь, сдѣлаться предметомъ распространенія.

Очевидно, процессъ созданія даннаго произведенія, равно какъ процессъ механическаго или иного воспроизведенія его, нельзя смѣшивать съ результатами, къ которымъ приводитъ тотъ и другой: одно дѣло—процессъ писанія письма или рукописи, другое дѣло—самое письмо или рукопись; одно дѣло—процессъ печатанія книги, другое дѣло—изданіе въ столькихъ-то экземплярахъ, явившееся въ результатѣ этого процесса. О правѣ собственности можно говорить только по отношенію къ соотвѣтствующимъ матеріальнымъ субстратамъ—къ рукописи, съ одной стороны, къ отдѣльнымъ отпечатаннымъ экземплярамъ даннаго изданія, съ другой стороны. Поскольку же мы имѣемъ дѣло съ творческимъ процессомъ писанія даннаго литературнаго произведенія, или съ техническимъ процессомъ механическаго воспроизведенія его, рѣчь идетъ не о наличныхъ уже, а лишь объ имѣющихъ появиться въ будущемъ объектахъ. Отождествлять эти два отношенія, говорить о правѣ собственности какъ въ томъ случаѣ, гдѣ рѣчь идетъ о настоящихъ объектахъ, такъ и въ томъ, гдѣ имѣются въ виду

res futurae—значитъ, допускать игру словъ: вѣдь, очевидно, не безразлично, является ли данная вещь, данный матеріальный субстратъ *объектомъ* отношенія, на который оказывается непосредственное воздѣйствіе, или же эта вещь должна явиться *въ результатѣ* даннаго отношенія. Да и практически оба отношенія сплошь и рядомъ не совпадаютъ: право собственности на матеріальные субстраты литературнаго творчества можетъ принадлежать одному лицу, а авторское право на нихъ другому. Право автора, въ такомъ случаѣ, является практически правомъ, *ограничивающимъ* право собственника.

Въ связи со сказаннымъ стоитъ цѣлый рядъ нормъ, придающихъ авторскому праву совершенно специфическую, отличную отъ права собственности юридическую структуру; достаточно указать, хотя бы, на нормы, опредѣляющія порядокъ охраны авторскаго права; въ отличіе отъ права собственности, здѣсь допускается, напр., уничтоженіе самовольно изданныхъ экземпляровъ произведенія, а также орудій, изготовленныхъ исключительно для такого изданія.

Если на ряду съ этимъ упоминается о возможности переуступать авторское право третьимъ лицамъ, вообще распоряжаться имъ между живыми и на случай смерти, то это одно обстоятельство, очевидно, недостаточно для того, чтобы приравнять авторское право къ праву собственности, ибо уступать, закладывать, отказывать на случай смерти и т. д. можно и долговыя требованія, и цѣлый рядъ т. н. ограниченныхъ вещныхъ правъ, изъ чего, однако, не дѣлаютъ того вывода, что всѣ эти отношенія тождественны съ правомъ собственности.

Такимъ образомъ, никакихъ формальныхъ, вытекающихъ изъ природы авторскаго права препятствій къ

ограниченію его дѣйствія тѣмъ или инымъ срокомъ не существуетъ. Соображенія же цѣлесообразности всецѣло говорятъ въ пользу установленія 30-лѣтняго срока дѣйствія его.

Подавляющимъ большинствомъ голосовъ Госуд. Совѣтъ принялъ 50-лѣтній срокъ.

Установленный новымъ закономъ (ст. 11) 50-лѣтній срокъ авторскаго права исчисляется со смерти автора только по отношенію къ произведеніямъ, на которыя право возникло впервые въ лицѣ автора, творца произведенія. Для посмертныхъ изданій срокъ считается по однимъ законодательствамъ со времени изданія, когда бы ни умеръ авторъ (по бельгійскому, швейцарскому, также по ст. 1185 т. X, ч. I), по другимъ—со времени смерти автора (герман., венгерск.), по третьимъ—со времени смерти издателя (испанск.). Новый законъ слѣдуетъ герман. закону и установляетъ въ ст. 11, что на произведенія, появившіяся въ свѣтъ послѣ смерти автора, срокъ авторскаго права исчисляется со времени смерти автора. Если произведеніе составлено совокупнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ, т. е. въ случаѣ соавторства, срокъ авторскаго права исчисляется со времени смерти автора, пережившаго остальныхъ (ст. 12). То же исчисленіе со дня смерти примѣняется къ частнымъ письмамъ, дневникамъ и частнымъ запискамъ, не предназначавшимся къ напечатанію (ст. 28—29). По отношенію къ произведеніямъ, на которыя нѣтъ первоначальнаго авторскаго права (произведенія народнаго творчества, также древнія рукописи) срокъ исчисляется со времени ихъ изданія. Также для произведеній, имѣющихъ характеръ сборниковъ (повременныя изданія, словари, альманахи и т. п.) срокъ (уменьшенный до 25 лѣтъ) исчисляется со времени изданія, а не со смерти издателя (ст. 14), причемъ для произ-

веденій, выходящихъ томами или для изданій періодическихъ срокъ исчисляется особо для каждаго тома или каждаго номера, книжки или тетради, а для произведеній, издаваемыхъ выпусками—со времени выхода въ свѣтъ послѣдняго выпуска, если промежутки между изданіемъ отдѣльныхъ выпусковъ не превышаютъ 2 лѣтъ, а въ противномъ случаѣ—со времени выхода въ свѣтъ каждаго отдѣльнаго выпуска (ст. 16). Это правило установлено въ видахъ устраненія возможности для издателя искусственно удлинять срокъ, задерживая выходъ послѣдняго выпуска.

Для псевдонимныхъ и анонимныхъ произведеній срокъ считается со времени выхода въ свѣтъ; но если имя автора обнаружится, то со времени смерти автора (ст. 17).

При исчисленіи сроковъ авторскаго права, срокъ исчисляется съ 1 января того года, въ которомъ авторъ умеръ или произведеніе было выпущено въ свѣтъ (ст. 18). Это правило объясняется тѣмъ, что день смерти автора и, въ особенности, день выпуска произведенія въ свѣтъ не всегда общеизвѣстны и, поэтому, съ цѣлью упростить исчисленіе сроковъ, признано удобнымъ, по образцу нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствъ, начало сроковъ пріурочить къ начальному дню даннаго года смерти автора или выпуска произведенія.

Для фотографическихъ произведеній устанавливается (ст. 61) различный срокъ, въ зависимости отъ различныхъ категорій этихъ произведеній: для обыкновенныхъ фотографическихъ произведеній срокъ установленъ—10-лѣтній со времени выхода ихъ въ свѣтъ; для фотографическихъ произведеній, изданныхъ въ видѣ сборниковъ или серій снимковъ, представляющихъ самостоятельный художественный, историческій,

или научный интересъ 25-лѣтній; для фотографическихъ произведеній, являющихся составною частью литературнаго произведенія, хотя бы въ видѣ приложенія къ нимъ, авторское право продолжается на весь срокъ дѣйствія авторскаго права на означенныя литературныя произведенія; наконецъ, такія произведенія, переданныя при помощи фотографіи, какъ снимки научные, напр., рисунки географическіе, астрономическіе или вообще по естествознанію, хотя составляютъ произведенія фотографіи, подлежатъ, однако, охранѣ въ теченіе общаго 50-лѣтняго срока со дня смерти автора, такъ какъ подходятъ подъ ст. 41, согласно которой на подобныя произведенія распространяются общія правила объ авторскомъ правѣ на литературныя произведенія.

Установленное различіе сроковъдлительности авторскаго права на отдѣльныя категоріи фотографическихъ произведеній мотивы закона объясняютъ различною степенью проявляемаго въ нихъ интеллектуальнаго труда и силы таланта. Обыкновенныя произведенія фотографіи, какъ приближающіяся болѣе къ ремеслу, чѣмъ къ искусству, не должны пользоваться охраною въ теченіе того же срока, который установленъ для художественныхъ произведеній. Сборники же или серіи снимковъ, имѣющіе самостоятельный интересъ, требуютъ, для ихъ изготовленія, предварительной подготовки и примѣненія художественнаго таланта. Поэтому, охрана ихъ должна продолжаться нѣсколько дольше. Наконецъ, что касается произведеній, входящихъ составною частью въ литературныя произведенія, то представляется неудобнымъ и нецѣлесообразнымъ, чтобы части единаго произведенія, связанныя между собою общею творческою мыслью и взаимно другъ друга дополняющія, пользовались различными сроками охраны.

Сокращенный срокъ для фотографическихъ произведеній установленъ также въ иностранныхъ законодательствахъ: въ Германіи, Австріи, Бельгіи и Японіи—въ теченіе 10 лѣтъ со дня появленія; въ Англіи —7 лѣтъ со смерти автора; въ Венгріи, Норвегіи, Швейцаріи—5 лѣтъ со дня появленія.

Сроки авторскаго права распространяются или однообразно на всѣ полномочія автора, входящія въ составъ авторскаго права (на право изданія, размноженія и распространенія, на право перевода, на право передѣлки и переложенія, направо публичнаго исполненія), или различно на отдѣльныя составныя полномочія автора. Въ этомъ отношеніи положительныя законодательства представляютъ большое разнообразіе постановленій.

Во Франціи, Бельгіи, Испаніи, Германіи, Соединенныхъ Штатахъ общій срокъ авторскаго права объемлетъ право перевода, публичнаго исполненія, переложенія и вообще распространяется на все содержаніе авторскаго права.

Въ Португаліи общій срокъ не распространяется на право перевода, для котораго установленъ срокъ въ 30 лѣтъ для подданныхъ и 10 лѣтъ для иностранцевъ.

Въ Италіи общій срокъ не обнимаетъ права перевода, для котораго установленъ срокъ въ 10 лѣтъ, и права постановки или исполненія, для котораго —80 л.; для изданій юридическихъ лицъ—20 лѣтъ.

Въ Австріи и Венгріи общій срокъ не обнимаетъ права перевода, для котораго—5 лѣтъ.

Въ Швеціи общій срокъ въ 50 л. распространяется и на право перевода на одинъ изъ трехъ скандинавскихъ языковъ; для перевода же на другіе языки—10 л.; для права постановки и исполненія—30 л

Въ Норвегіи срокъ объемлетъ право постановки и исполненія. Для права перевода тотъ же срокъ, какъ въ Швеціи; но если переводъ появился не позже года, то примѣняется общій срокъ въ 50 л. Въ Даніи также общій срокъ распространяется и на право перевода, если переводъ появился въ теченіе 10 лѣтъ.

Въ Швейцаріи общій срокъ объемлетъ и право перевода, если авторъ выпустилъ его не позже 5 лѣтъ послѣ появленія оригинала.

Въ Голландіи право перевода—5 лѣтъ, право постановки—10 лѣтъ.

Въ Англіи общій срокъ объемлетъ право постановки и исполненія для неопубликованныхъ произведеній и право перевода для подданныхъ, а для иностранцевъ—10 лѣтъ.

Въ Россіи, по новому закону, общій 50-лѣтній срокъ обнимаетъ всѣ полномочія автора, въ томъ числѣ право переложенія музыкальныхъ произведеній на механическія ноты, за исключеніемъ права перевода, которое продолжается въ теченіе 10 лѣтъ со времени изданія подлинника, — подъ условіемъ напечатанія перевода авторомъ въ теченіе 5 лѣтъ.

V. Защита авторскаго права.

Авторское право можетъ быть охраняемо въ двоякомъ порядкѣ. Съ одной стороны, самовольное и противозаконное осуществленіе чужого авторскаго права можетъ быть разсматриваемо, какъ преступное посягательство на чужія имущественныя права, преслѣдуемое уголовнымъ закономъ; съ другой стороны, всякое нарушеніе постороннимъ лицомъ авторскаго права уменьшаетъ или уничтожаетъ выгоды, которыя авторъ или лицо, обладающее этимъ правомъ, могутъ извлечь изъ произведенія, а потому порождаетъ для потерпѣвшаго право требовать возмѣщенія убытковъ, т. е. составляетъ предметъ гражданскаго иска. Поэтому, всѣми законодательствами устанавливается двоякій порядокъ защиты авторскаго права отъ нарушеній его—предоставленіемъ потерпѣвшему права или возбуждать противъ нарушителя обвиненіе въ уголовномъ порядкѣ, съ присоединеніемъ или безъ присоединенія къ обвиненію гражданскаго иска, или предъявлять искъ объ убыткахъ въ гражданскомъ судѣ. При этомъ, въ тѣхъ иностранныхъ законодательствахъ, въ которыхъ постановленія объ авторскомъ правѣ не включены въ общіе кодексы, а изданы въ видѣ особыхъ законовъ, въ послѣднихъ опредѣлена какъ гражданская, такъ и уголовная отвѣтственность за нарушеніе авторскихъ правъ. Въ другихъ же законодательствахъ, въ которыхъ постановленія объ авторскомъ правѣ введены въ составъ гражданскаго кодекса,—какъ въ нашемъ дѣйствовавшемъ законодательствѣ, въ которомъ авторское право признавалось какъ видъ права собственности и постановленія о немъ включались въ составъ гражд.

законовъ,—постановленія объ уголовной отвѣтственности за преступныя посягательства противъ авторскаго права выдѣлены и входятъ въ составъ уголовнаго кодекса. Такъ, нашъ старый законъ (приложеніе къ ст. 420, прим. 2, т. X ч. I), опредѣляя правила о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности, художествъ и указывая послѣдствія самовольнаго противозаконнаго нарушенія правъ автора, вовсе не касается условій наступленія уголовной отвѣтственности за контрафакцію, а послѣдняя опредѣляется въ ст. 1683—1685 Улож. о наказ.

Редакціонная Комиссія по составленію проекта граж. уложенія сохранила въ своемъ проектѣ такое же расчлененіе постановленій о гражданской и уголовной отвѣтственности,—и это является вполнѣ послѣдовательнымъ, потому что Комиссія, какъ мы знаемъ, принимала авторское право какъ особый видъ права собственности, включивъ постановленія о немъ въ составъ гражданскаго уложенія въ отдѣлѣ вотчинныхъ правъ, и, поэтому, представлялось неумѣстнымъ включить въ гражданскій кодексъ нормы уголовныя.

Но новый законъ, какъ уже было указано, отказался отъ точки зрѣнія Редакц. Комиссіи и конструировалъ авторское право, какъ самостоятельное право. Поэтому, представляется непонятнымъ, почему новый законъ считалъ нужнымъ сохранить прежнюю систему расчлененія и не включилъ въ текстъ закона постановленій, опредѣляющихъ уголовную отвѣтственность. Благодаря этому законъ лишился полноты и цѣльности. Но кромѣ того, въ этомъ можно видѣть предуказаніе, что законъ объ авторскомъ правѣ не останется въ видѣ особаго спеціальнаго закона, а будетъ впослѣдствіи, въ кодификаціонномъ порядкѣ, включенъ въ составъ гражданскаго

кодекса, что поведетъ, какъ нами уже было раньше объяснено (стр. 88), къ искаженію сущности авторскаго права и смѣшенію этого института съ другими институтами гражданскаго права.

а) Отвѣтственность уголовная.

Разсмотримъ сначала уголовную отвѣтственность за нарушеніе авторскаго права.

Нарушенія правъ, принадлежащихъ автору, съ точки зрѣнія уголовной, обозначается общимъ выраженіемъ контрафакція. Подъ этимъ понятіемъ разумѣется воспроизведеніе и распространеніе кѣмъ-либо чужого произведенія, съ цѣлью извлеченія выгоды, въ ущербъ интересамъ автора или его правопреемника. Посягательство на авторское право можетъ выражаться въ различныхъ формахъ и заключать въ себѣ различныя степени виновности контрафактора. Оно можетъ, прежде всего, выразиться въ видѣ плагіата, т. е. заимствованія изъ чужого произведенія идей, мыслей, образовъ, безъ оригинальной ихъ переработки, безъ приложенія творческой самодѣятельности. Въ этомъ видѣ заимствованіе не поддается преслѣдованію со стороны закона, потому что въ немъ нѣтъ объективныхъ признаковъ посягательства на авторское право, устанавливаемыхъ закономъ, но оно можетъ преслѣдоваться судомъ научной и литературной критики, какъ безнравственное, нетерпимое явленіе. Въ этомъ заключается различіе между плагіатомъ и контрафакціею. „Плагіатъ представляется заимствованіемъ не противозаконнымъ, потому что онъ не можетъ перейти предѣловъ, установленныхъ закономъ,—иначе, становится контрафакціею. Не составляя явленія противозаконнаго, оно считается явле-

ніемъ безнравственнымъ, противорѣчащимъ правиламъ литературной жизни и потому подлежащимъ строгому приговору литературной критики" *). Возвышаясь, далѣе, въ степени виновности, съ точки зрѣнія уголовной, посягательство на авторское право можетъ выразиться въ формѣ заимствованія изъ чужого произведенія отдѣльныхъ частей или мѣстъ въ размѣрахъ, превышающихъ закономъ допускаемые,— въ видѣ ссылокъ, выдержекъ, цитатъ, помѣщаемыхъ въ самостоятельномъ сочиненіи. Далѣе, виновность контрафактора выступаетъ еще сильнѣе, когда имѣетъ мѣсто изданіе чужого произведенія въ полномъ объемѣ, причемъ контрафакторъ, безъ надлежащаго уполномочія, располагаетъ завѣдомо чужимъ литературнымъ имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ. Наконецъ, контрафакція достигаетъ высшей степени виновности, когда изданіе чужого произведенія соединяется съ подлогомъ въ авторствѣ, т. е. когда контрафакторъ издаетъ чужое произведеніе подъ своимъ именемъ, выдавая сочиненіе за свое.

Уголовный законъ устанавливаетъ лишь уголов-

*) Шершеневичъ, Авторское право, стр. 277. «Понятія о контрафакціи и плагіатѣ представляются далеко не установленными въ наукѣ и законѣ. Въ началѣ новыхъ вѣковъ подъ контрафакціею понимали только полное перепечатаніе чужого сочиненія, оставляя безнаказаннымъ заимствованіе въ большей или меньшей степени. Подъ плагіатомъ стали понимать съ XVII вѣка присвоеніе авторства, тогда какъ римляне словомъ plagium обозначали продажу въ рабство свободнаго человѣка. Въ настоящее время контрафакція стала выраженіемъ всякаго нарушенія авторскаго права (Toute atteinte mechante ou fraudouleuse portée au droit de l'auteur constitue le dèlit de conftrefaçon,—Бельг. законъ, § 22). Напротивъ, плагіатъ сталъ обозначать заимствованіе въ предѣлахъ, дозволенныхъ закономъ, не причиняющихъ имущественнаго ущерба интересамъ автора» (тамъ же, стр. 278).

ную кару за нарушеніе авторскаго права. Существо же авторскаго права, виды и формы нарушенія этого права, условія, при наличности которыхъ пользованіе чужимъ произведеніемъ умственнаго труда признается дозволеннымъ или недозволеннымъ, предѣлы дозволеннаго заимствованія изъ чужого труда—опредѣляются въ спеціальныхъ узаконеніяхъ объ авторскомъ правѣ. Такимъ образомъ, основаніемъ уголовной отвѣтственности за нарушенія авторскаго права служатъ нормы, содержащіяся въ законѣ объ этомъ правѣ, а санкціею для послѣднихъ служатъ постановленія, содержащіяся въ уголовномъ законѣ. Отсюда опредѣленіе мѣста, которое преступленіе контрафакціи должно занимать въ системѣ особенной части уголовнаго права, зависитъ отъ того, какъ въ законѣ объ авторскомъ правѣ опредѣляется природа этого института. Если смотрѣть на авторское право, какъ на право собственности, то контрафакцію слѣдуетъ признать за кражу. И дѣйствительно, соотвѣтственно взгляду нашего стараго закона (приложеніе къ ст. 420 т. X. ч. I), называющаго право авторовъ „литературною, музыкальною и художественною *собственностью*“, уложеніе о наказаніяхъ помѣщаетъ постановленія о нарушеніяхъ авторскаго права въ Разд. XII „о преступленіяхъ и проступкахъ противъ собственности частныхъ лицъ“, въ гл. IV „о присвоеніи и утайкѣ чужой собственности“, въ отд. III „о присвоеніи ученой или художественной собственности“ (ст. 1683—1685). Но, какъ указываетъ проф. Шершеневичъ, „признанію контрафакціи за кражу препятствуетъ то же обстоятельство, которое мѣшаетъ включенію авторскаго права въ составъ права собственности,—

это нематеріальный характеръ предмета *). Едва ли возможно отнести контрафакцію къ присвоенію отвлеченной собственности, потому что, помимо неправильности признанія отвлеченной собственности съ точки зрѣнія гражданскаго права, этому противорѣчитъ понятіе уголовнаго права о присвоеніи, непримѣнимомъ, напримѣръ, къ недозволенному представленію драматическаго произведенія. Еще болѣе неправильнымъ представляется относить контрафакцію къ мошенничеству и обману **). Обманъ иногда дѣйствительно присущъ контрафакціи, напр., когда издатель выпустилъ въ свѣтъ большее число экземпляровъ, чѣмъ то, которое было условлено и о которомъ онъ не сообщилъ автору. Но въ большинствѣ случаевъ контрафакція не имѣетъ въ себѣ никакого обмана, который составляетъ существенный признакъ мошенничества» ***). Также представляется неправильнымъ отнесеніе контрафакціи къ посягательствамъ противъ личной чести (если смотрѣть на авторское право, какъ на л и ч н о е право), потому что тогда нарушеніе авторскаго права должно было бы сводиться только къ присвоенію авторства. Проф. Шершеневичъ, соотвѣтственно своему взгляду, по которому авторское право принадлежитъ къ разряду особыхъ имущественныхъ правъ, такъ называемыхъ, исключительныхъ правъ, полагаетъ, что въ системѣ преступленій должна быть особая категорія посяг-

*) «Со стороны физической, имущество какъ объектъ похищенія, должно быть вещественнымъ предметомъ внѣшняго міра, занимающимъ какое-нибудь мѣсто въ пространствѣ и доступнымъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ» (Фойницкій, Курсъ угол. права).

**) Такъ опредѣляетъ контрафакцію Лохвицкій (Курсъ русс. угол. права).

***) Шершеневичъ, Автор. право, стр. 285—286.

гательствъ—именно, самовольное пользованіе чужимъ исключительнымъ правомъ, куда должны быть отнесены нарушенія авторскаго права, права на промышленныя изобрѣтенія, права на фирму, на клеймо и др.

Какъ выше указано, большинство иностранныхъ законодательствъ вмѣстѣ съ гражданскою отвѣтственностью заключаетъ въ себѣ и постановленія объ уголовной отвѣтственности, не вводя ихъ въ уголовные кодексы. Благодаря этому, устраняется необходимость искать для этихъ постановленій особаго мѣста въ системѣ уголовнаго права и избѣгаются затрудненія при опредѣленіи этого мѣста. Нашъ новый законъ въ первоначальной редакціи, одобренной Госуд. Думой, оставилъ постановленія объ уголовной отвѣтственности за контрафакцію въ уложеніи о наказаніяхъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ они были, т. е. въ отдѣлѣ о присвоеніи чужой собственности, измѣнивъ только редакцію и значительно смягчивъ размѣры наказаній. Благодаря этому, получилась не только неполнота (на что уже было указано нами), но и явная непослѣдовательность, потому что право, которое, какъ самъ законъ признаетъ, не есть право собственности, не можетъ быть охраняемо постановленіями, относящимися къ посягательствамъ противъ чужой собственности.

По этой редакціи предполагалось замѣнить ст. 1683—1685 дѣйствующаго улож. о наказ. одною статьею 1683 того же улож. о нак., въ которой диспозитивная часть изложена совершенно тождественно съ ст. 620 Высоч. утвержденнаго 22 марта 1903 г. уголовнаго уложенія, съ редакціоннымъ лишь измѣненіемъ, заключающимся въ замѣнѣ выраженія „собственность“ выраженіемъ „авторское право“. Резолю-

тивная же часть, въ виду различія системы наказаній въ обоихъ кодексахъ, устанавливала отвѣтственность, хотя и согласную съ системою наказаній, принятою въ уложеніи о наказаніяхъ, но весьма близкую къ отвѣтственности, указанной въ ст. 620 уголов. уложенія.

Комиссія Госуд. Совѣта нашла болѣе цѣлесообразнымъ, вмѣсто измѣненія дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, въ смыслѣ сближенія его опредѣленій о нарушеніяхъ авторскаго права съ соотвѣтствующими постановленіями новаго уголовнаго уложенія—ввести эти послѣднія постановленія нынѣ же въ дѣйствіе, не ожидая введенія въ дѣйствіе уголовнаго уложенія въ полномъ объемѣ. Такое частичное введеніе постановленій новаго, болѣе совершеннаго кодекса, Высоч. утвержденнаго еще 22 марта 1903 г., имѣло уже мѣсто въ отношеніи преступленій государственныхъ и религіозныхъ, контрабанды, а также, по закону 25 декабря 1909 г., о торгѣ женщинами въ цѣляхъ разврата. Поэтому, по мнѣнію комиссіи, не представляется никакихъ затрудненій для введенія въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія также и въ отношеніи нарушеній авторскаго права.

Наказуемость контрафакціи по ст. 1683—1685 улож. о наказ. отличалась личнымъ характеромъ и крайней суровостью. Въ западныхъ законодательствахъ наказаніе за контрафакцію носитъ имущественный характеръ и только въ случаѣ несостоятельности замѣняется личнымъ взысканіемъ. Такъ, по французскому законодательству, воспроизведеніе чужого произведенія влечетъ за собою штрафъ въ размѣрѣ отъ 100 до 2000 франковъ, а за сбытъ контрафактныхъ книгъ полагается штрафъ въ размѣрѣ отъ 50 до 500 франковъ. По германскому закону, контрафакція

наказывается денежнымъ взысканіемъ, высшій размѣръ котораго опредѣленъ въ 1000 талеровъ, причемъ, въ случаѣ несостоятельности, штрафъ замѣняется лишеніемъ свободы на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Противозаконное же заимствованіе, наказуемое при неуказаніи источника, обложено лишь денежнымъ взысканіемъ до 20 талеровъ, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть замѣняемо лишеніемъ свободы. Австрійское законодательство устанавливаетъ штрафъ въ размѣрѣ отъ 25 до 1000 флориновъ, замѣняя этотъ штрафъ въ случаѣ несостоятельности лишеніемъ свободы на различные сроки отъ одной недѣли до 6 мѣсяцевъ. По венгерскому закону—штрафъ до 2000 флориновъ или въ случаѣ несостоятельности—лишеніе свободы на сроки, исчисляемые по расчету 10 флор. за день. По бельгійскому и швейцарскому законамъ—штрафъ до 2000 франковъ, причемъ по швейцарскому закону этотъ штрафъ удваивается въ случаѣ повторенія преступленія.

Такимъ образомъ, во всѣхъ западно-европейскихъ законодательствахъ, лишеніе свободы примѣняется лишь, какъ замѣна имущественнаго взысканія. По русскому же законодательству контрафакція влечетъ за собою лишеніе свободы, какъ самостоятельное наказаніе, и только въ случаѣ частичной контрафакціи, т. е. заимствованія, превышающаго дозволенные закономъ предѣлы, установлено денежное взысканіе. По ст. 1684 улож. о Наказ. виновный въ воспроизведеніи чужого произведенія, подвергается заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ, а по ст. 1865 виновный лишь въ заимствованіи изъ чужого произведенія въ размѣрѣ, превышающемъ закономъ опредѣленные предѣлы, подвергается денежному взысканію не свыше двойной цѣны всѣхъ напечатанныхъ

экземпляровъ съ такими, заимствованными изъ чужихъ произведеній, частями. Наказаніе за контрафакцію возвышается до очень суровой степени въ случаѣ, если она соединяется съ присвоеніемъ имени автора; именно, по ст. 1683—до лишенія всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылки на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ Сибирскихъ, или заключенія въ тюрьмѣ на время отъ 3 до 3½ лѣтъ.

Новый законъ въ измѣненной редакціи ст. 620 угол. улож., хотя сохранилъ отчасти личный характеръ наказанія, но значительно уменьшилъ размѣры его. Ст. 620 различаетъ: 1) простое нарушеніе чужого авторскаго права, которое наказуемо арестомъ или денежною пенею на свыше 500 руб.; 2) нарушеніе, учиненное самовольнымъ изданіемъ или размноженіемъ произведенія съ цѣлью сбыта, которое наказуемо заключеніемъ въ тюрьмѣ и 3) нарушеніе, учиненное самовольнымъ изданіемъ подъ своимъ именемъ, которое наказуемо заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не ниже трехъ мѣсяцевъ.

По общимъ началамъ уголовнаго права, преступленіе, заключающееся въ самовольномъ противозаконномъ осуществленіи чужого авторскаго права, наказуемо лишь при условіи *умышленности* его, т. е. виновный долженъ знать, что данное произведеніе ограждено авторскимъ правомъ, ему не принадлежащимъ, и желать осуществить его. При отсутствіи въ нарушеніи злого умысла, при неосторожномъ нарушеніи, исчезаетъ уголовный характеръ нарушенія и, поэтому, не можетъ быть рѣчи объ уголовной отвѣтственности, а можетъ быть мѣсто для отвѣтственности въ гражданскомъ порядкѣ. Въ этомъ заключается различіе съ внутренней стороны между

нарушеніемъ авторскаго права, какъ уголовно-наказуемымъ преступнымъ дѣяніемъ, и нарушеніемъ авторскаго права, какъ дѣяніемъ хотя не преступнымъ, но дающимъ право требовать вознагражденія за причиненные убытки, т. е. влекущимъ лишь гражданскія послѣдствія. Этотъ признакъ „умышленности“ опредѣленно отмѣченъ въ измѣненной редакціи ст. 620 угол. улож.: „виновный въ *умышленномъ* нарушеніи“...

Это указаніе закона имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, въ виду того, что, согласно ст. 3 угол. улож. дѣяніе предусмотрѣнное ч. 1 ст. 620, должно считаться проступкомъ, а проступки, по ст. 48, наказываются „при наличности не только вины умышленной, но и неосторожной, за исключеніемъ случаевъ, особо закономъ указанныхъ.“ Поэтому, употребленное въ текстѣ ст. 620 выраженіе „умышленное нарушеніе“ имѣетъ въ виду устранить всякое сомнѣніе въ томъ, что неосторожное нарушеніе авторскаго права не наказуемо, а можетъ влечь за собою лишь гражданскія послѣдствія.

Установляя уголовную отвѣтственность за противозаконное осуществленіе чужого авторскаго права, законъ (ст. 620 угол. улож.), дѣлаетъ различіе въ степени наказанія для виновнаго въ *безкорыстномъ* осуществленіи, хотя и во вредъ собственнику авторскаго права, (напр., безвозмездное распространеніе съ цѣлью просвѣтительною (первая часть ст. 620) и для виновнаго въ нарушеніи путемъ самовольнаго изданія или размноженія чужого произведенія *съ цѣлью сбыта* полученныхъ экземпляровъ; въ послѣднемъ случаѣ наказаніе повышается (вторая часть ст. 620).

Чужое произведеніе можетъ быть повторено виновнымъ или подъ именемъ дѣйствительнаго автора, или же подъ чужимъ и даже своимъ именемъ. По-

слѣдній случай особо выдѣляется уголовнымъ закономъ (часть третья ст. 620) и влечетъ за собою наиболѣе строгое наказаніе, какъ контрафакція, соединенная съ подлогомъ. Этотъ видъ преступнаго дѣянія можетъ относиться только къ изданію чужого произведенія въ цѣломъ. При частичномъ же противозаконномъ воспроизведеніи, т. е. при заимствованіи изъ чужого произведенія для помѣщенія въ собственномъ произведеніи, такое заимствованіе не можетъ считаться нарушеніемъ, соединеннымъ съ подлогомъ въ авторствѣ, и наказываться по 3 ч. ст. 620. Въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ разсматриваетъ указаніе источника, какъ условіе дозволеннаго заимствованія, конечно, отсутствіе этого условія превращаетъ заимствованіе въ недозволенное и открываетъ возможность примѣнять къ виновному какъ гражданско-правовыя, такъ и уголовныя послѣдствія, установленныя за контрафакцію.

Самовольное изданіе кѣмъ-либо чужого произведенія подъ своимъ именемъ именуется иногда въ нашей литературѣ плагіатомъ. Этимъ же терминомъ въ дѣйствовавшемъ законѣ обозначалось, спеціально въ примѣненіи къ художественной собственности, частичное противозаконное заимствованіе изъ чужого произведенія, вслѣдствіе чего нѣкоторыми юристами распространено названіе плагіата на всякое вообще частичное заимствованіе. Какъ выше было указано, въ современной наукѣ и въ положительныхъ законодательствахъ, плагіатъ получилъ другое значеніе; именно, подъ этимъ понятіемъ понимается заимствованіе изъ чужого произведенія въ предѣлахъ закона, но безъ указанія источника—заимствованіе, хотя, можетъ быть, предосудительное съ точки зрѣнія литературной этики, но не противозаконное съ точки зрѣнія положитель-

наго права,а потому само по себѣ не наказуемое.Такимъ образомъ, элементъ преступности въ плагіатѣ заключается исключительно въ неуказаніи источника, если таковое указаніе требуется закономъ. Такъ какъ по новому закону указаніе источника при всѣхъ заимствованіяхъ обязательно (ст. 19), то нарушеніе этого требованія составляетъ плагіатъ, и виновный долженъ будетъ подлежать наказанію по 1 ч. ст. 620 угол. улож.

Необходимымъ предположеніемъ состава дѣянія, наказуемаго какъ посягательство на авторское право, является причиненіе вреда или ущерба собственнику права; иначе говоря, самовольное осуществленіе права на отвлеченную собственность тогда лишь наказуемо, когда оно не только противозаконно, но и вредоносно. Поэтому, напримѣръ, самовольное распоряженіе чьею-либо статьею отдачею ея для напечатанія не въ тотъ журналъ, гдѣ авторъ хотѣлъ ее помѣстить, можетъ быть весьма непріятно автору, но составляетъ нарушеніе личной, а не имущественной стороны авторскаго права*).

Со стороны внѣшней, осуществленіе авторскаго права должно быть самовольнымъ, т. е. должно состоять въ нарушеніи принадлежащаго другому лицу авторскаго права. Для этого, слѣдовательно, необходимо: 1) *существованіе на данное произведеніе авторскаго права.* Произведенія, авторскимъ правомъ не огражденныя, составляютъ общее достояніе и могутъ быть безнаказанно повторяемы всѣми способами; безразлично при этомъ, отсутствовало ли такое право съ самаго начала, или прекратилось за истеченіемъ

*) См. объяснит. записку къ ст. 620 и 621 уголовнаго уложенія; Таганцевъ, Угол. Уложен., стр. 927.

установленныхъ сроковъ; 2) *принадлежность такого права не виновному, а иному лицу*, физическому или юридическому. Признакъ самовольности отпадаетъ и осуществленіе становится правильнымъ, если осуществитель имѣлъ на него право. Но для этого, конечно, онъ долженъ остаться въ предѣлахъ послѣдняго; превышеніе ихъ превращаетъ его дѣйствіе изъ дозволеннаго въ самовольное; 3) *отсутствіе согласія лица*, имѣющаго авторское право, на осуществленіе его. Такое согласіе можетъ быть или одностороннее или выраженное въ формѣ обоюднаго соглашенія. Отъ отсутствія согласія нужно отличать неисполненіе обязательствъ, принятыхъ въ вознагражденіе за изъявленное согласіе; такое неисполненіе можетъ служить основаніемъ лишь для гражданской отвѣтственности за нарушеніе договора, не превращая осуществленіе авторскаго права изъ дозволеннаго въ наказуемое.

Всѣ эти отдѣльные признаки сводятся къ одному общему условію, по которому самовольность зависитъ отъ отсутствія у даннаго лица права на дѣйствія, составляющія осуществленіе права. Если виновному не принадлежало никакого права на произведеніе, то всякое повтореніе имъ послѣдняго есть повтореніе самовольное. Болѣе сложнымъ представляется вопросъ въ случаяхъ, когда виновному это право было предоставлено, но его раздѣляли съ нимъ иныя лица; дѣятельность его при этомъ становится самовольною лишь тогда и настолько, насколько онъ превысилъ свое право и, выйдя за предѣлы его, вторгся въ область чужой правовой сферы. Такъ, авторъ, продавшій первое изданіе своей книги и приступившій ко второму прежде истеченія установленнаго закономъ 5-лѣтняго срока, совершаетъ самовольное изданіе, если не выговорилъ себѣ права не ожидать исте-

ченія этого срока или не сдѣлалъ во второмъ изданіи существенныхъ перемѣнъ. Равнымъ образомъ, издатель и типографщикъ, уполномоченные авторомъ на печатаніе опредѣленнаго числа экземпляровъ, совершаютъ самовольное изданіе отпечатаніемъ большаго числа экземпляровъ. Всѣ эти лица отвѣчаютъ какъ самостоятельные виновники, а не по правиламъ соучастія *).

Съ какого момента считается оконченнымъ преступное дѣяніе, именуемое контрафакціею? Мотивы къ уголовному уложенію (къ ст. 620) считаютъ, что оконченнымъ самовольное осуществленіе чужого авторскаго права становится съ момента, когда состоялось то дѣйствіе, которое уполномоченъ предпринимать лишь авторъ, напр., при изданіи—отпечатаніе хотя бы части чужого произведенія. Наступленія какихъ-нибудь дальнѣйшихъ послѣдствій, какъ то: выпускъ въ свѣтъ, наступленіе вредныхъ послѣдствій для потерпѣвшаго, или полученіе виновнымъ имущественной выгоды,—для этого не требуется. Покушеніе здѣсь не наказуемо **).Такимъ образомъ, ст. 620 угол. улож. признаетъ моментомъ преступности — *воспроизведеніе* чужого произведенія, независимо отъ *распространенія* его. Такого воззрѣнія придерживается большинство положительныхъ законодательствъ. Оно объясняется, обыкновенно, практическимъ удобствомъ, большею уловимостью воспроизведенія, нежели распространенія, при чемъ предполагается, что единственною цѣлью воспроизведенія можетъ быть распространеніе. Такъ Wächter, оправдывая соотвѣтственное положеніе германскаго закона, говоритъ: «Въ

*) См. объяснит. записку къ ст. 620; Таганцевъ, Угол. улож. стр. 929.

**) Тамъ же, стр. 930.

основаніи такого постановленія закона лежитъ то соображеніе, что контрафакторъ, противозаконное воспроизведеніе которымъ чужого сочиненія доказано, обыкновенно распостранялъ уже экземпляры, хотя это едва ли подается доказыванію, и потому, вслѣдствіе трудности совершеннаго распространенія, которое обыкновенно слѣдуетъ немедленно за воспроизведеніемъ, слѣдуетъ признать цѣлесообразнымъ допустить дѣйствіе уголовнаго закона уже тогда, когда совершено только воспроизведеніе» *). Тотъ же взглядъ проводитъ Спасовичъ: «существенный ущербъ матеріальнымъ интересамъ автора причиняетъ не само заготовленіе контрафактныхъ экземпляровъ, но распространеніе ихъ въ публикѣ, даровое или коммерческое, открытое (съ публикаціею объ изданіи въ вѣдомостяхъ и продажею въ лавкахъ) или секретное (безъ публикацій, въ кругу однихъ только знакомыхъ). Но контрафакція принадлежитъ къ разряду такихъ преступленій, какъ подлогъ или поддѣлка монеты, въ которыхъ приготовленіе затруднительно, требуетъ и времени и многихъ сложныхъ операцій, наконецъ, обнаруживаетъ почти несомнѣннымъ образомъ преступные замыслы виновника, между тѣмъ какъ совершеніе дѣлается скоро, легко, мгновенно. Не дожидаясь причиненія дѣйствительнаго вреда, законодательство воспрещаетъ само заготовленіе, ни чьихъ еще правъ не нарушающее, какъ самостоятельный полицейскій проступокъ, и наказываетъ его независимо отъ того, успѣлъ ли контрафакторъ распространить контрафактные экземпляры или нѣтъ» **).

Съ этимъ взглядомъ не соглашается проф. Шер-

---

*) Шершеневичъ, Авт. право, стр. 280.

**) Права авт. и контрафакція.

шеневичъ, который, напротивъ, относитъ преступность контрафакцій къ моменту распространенія чужого произведенія, а не къ болѣе раннему моменту—воспроизведенію его. Нельзя не согласиться съ соображеніями проф. Шершеневича, который указываетъ на то, что „контрафакція является преступленіемъ, направленнымъ противъ частно-правовой сферы, а потому понятіе о немъ должно обусловливаться гражданскимъ понятіемъ объ авторскомъ правѣ. Уголовный законъ стоитъ на стражѣ у границы частно-правовой области и только вторженіе въ нее должно влечь за собою наказаніе. Между тѣмъ, гражданское понятіе авторскаго права исчерпывается распространеніемъ произведенія, потому что воспроизведеніе само по себѣ составляетъ только средство къ достиженію основной цѣли и не выражаетъ ни имущественнаго, ни личнаго интереса автора. Представимъ себѣ, что книгопродавецъ, въ виду предстоящаго въ скоромъ времени истеченія срока авторскаго права, заготовилъ изданіе и держитъ его пока въ своемъ складѣ, выжидая момента, когда можно будетъ обратить книги въ продажу. Исходя изъ точки зрѣнія, что преступное дѣяніе выражается въ воспроизведеніи, слѣдуетъ допустить возможность преслѣдованія такого книгопродавца за контрафакцію, можетъ быть, наканунѣ истеченія исключительнаго права. Напротивъ, признавая преступнымъ дѣйствіемъ распространеніе сочиненія, а не воспроизведеніе, мы избѣгаемъ такого вывода, противорѣчащаго логикѣ, справедливости и способнаго привести на практикѣ къ страннымъ положеніямъ“ *).

Съ принятіемъ указанной точки зрѣнія, отпадаетъ вопросъ о томъ, наказуемо ли покушеніе въ области

*) Шершеневичъ, Авт. право, стр. 281—282.

контрафакціи, потому что при опредѣленіи контрафакціи, какъ противозаконнаго распространенія, всѣ дѣйствія контрафактора--не только наборъ перваго листа, репетиція и т. д., но и законченное воспроизведеніе,—остаются внѣ наказанія. Но если признать моментомъ совершенія преступленія не распространеніе, а самое воспроизведеніе, то открывается широкая область для покушенія, напр., въ выше приведенномъ проф. Шершеневичемъ случаѣ съ книгопродавцемъ, заготовившимъ изданіе въ ожиданіи скораго прекращенія исключительнаго авторскаго права: вся дѣятельность этого книгопродавца представлялась бы оконченнымъ преступленіемъ, подлежащимъ наказанію, даже если онъ напечаталъ только одинъ листъ, одну страницу, потому что, если законъ защищаетъ право автора во всѣхъ его частяхъ, то и отпечатанная одна страница есть уже контрафакція—по отношенію къ этой страницѣ.

Нарушителями авторскаго права могутъ быть, прежде всего, постороннія лица, не обладающія авторскимъ правомъ и безъ согласія автора издающія его произведеніе, или и свое произведеніе, но такое, которое въ какомъ-либо отношеніи нарушаетъ права другого автора. Затѣмъ, нарушителями авторскаго права могутъ быть и лица, состоящія съ авторомъ въ извѣстномъ соглашеніи относительно его произведенія, если ими при изданіи нарушены условія договора. Такъ, издатель, имѣющій въ силу договора съ авторомъ право на одно изданіе, долженъ быть признанъ отвѣтственнымъ за повтореніе изданія. Такая же отвѣтственность для издателя возникаетъ въ случаѣ изданія имъ произведенія въ большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ это ему было предоставлено на основаніи договора съ авторомъ. Наконецъ, и самъ

авторъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за самовольное изданіе, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ по отчужденіи своего авторскаго права, предпринимаетъ самовольно и вопреки договору новое изданіе своего произведенія. По отчужденіи авторомъ своего права на литературное произведеніе, авторское право въ предѣлахъ договора, переносится на другое лицо, а потому къ автору, въ случаѣ самовольнаго изданія имъ такого произведенія, должны быть примѣняемы общія правила о противозаконномъ нарушеніи чужого авторскаго права лицами посторонними. Нѣкоторые писатели (Шершеневичъ, Авт. право, стр. 288) полагаютъ, что авторъ можетъ явиться виновнымъ въ контрафакціи лишь въ случаѣ полнаго отчужденія имъ авторскаго права. Если же онъ передалъ лишь право на ограниченное число изданій, то, выпустивъ незаконное изданіе, можетъ отвѣчать только за нарушеніе договора, но не за контрафакцію. По мнѣнію другихъ писателей (Wächter, Gierke), даже и при ограниченной передачѣ авторскаго права должно быть признано контрафакціею незаконное изданіе авторомъ своего произведенія, нарушающее права издателей. Такого же взгляда придерживается и дѣйствовавшій законъ (ст. 13 прил. къ ст. 420 т. X ч. I) и уголовное уложеніе, какъ видно изъ объясн. зап. къ ст. 620 этого уложенія.

Контрафакція принадлежитъ къ числу частно-уголовныхъ преступленій, на которыя государство реагируетъ своею судебной властью только по желанію потерпѣвшаго. Поэтому почти во всѣхъ законодательствахъ, возбужденіе преслѣдованія по дѣламъ контрафакціи принадлежитъ исключительно потерпѣвшему, т. е. допускается только въ частномъ порядкѣ. Исключеніе составляетъ только итальянское законодатель-

ство, по которому подлежащая власть можетъ возбуждать уголовное преслѣдованіе, не ожидая частной жалобы. Во французскомъ законодательствѣ по этому предмету не имѣется никакихъ постановленій и, поэтому, нѣкоторые писатели допускаютъ возможность преслѣдованія за контрафакцію въ публичномъ порядкѣ.

Въ нашемъ законодательствѣ (отдѣлъ VII новаго закона) сохранено прежде дѣйствовавшее правило (прим. къ ст. 1685 ул. о нак.), по которому дѣла о нарушеніи чужого авторскаго права начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго. Приговоръ о наказаніи виновнаго отмѣняется, если принесшій жалобу примирится съ виновнымъ прежде исполненія приговора.

Вмѣстѣ съ ст. 620 угол. улож., новый законъ вводитъ въ дѣйствіе также ст. 622 этого же уложенія, по которой торговецъ, виновный въ храненіи для продажи или ввозѣ изъ-за границы для продажи или въ продажѣ предмета, завѣдомо изготовленнаго въ нарушеніе авторскаго права или привилегіи на изобрѣтеніе, наказывается арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

Какъ видно изъ мотивовъ Редакц. Комиссіи *) ст. 622 имѣетъ въ виду дѣянія, примыкающія къ контрафакціи, при томъ лишь условіи, если они совершаются въ корыстныхъ цѣляхъ, для извлеченія выгоды изъ чужого права лицами, профессія которыхъ состоитъ въ торговлѣ произведеніями этого рода. Поэтому, субъектомъ ихъ могутъ быть только торговцы, причемъ безразлично, какимъ родомъ торговли занимался виновный и имѣлъ ли онъ по

*) Таганцевъ, Угол. уложеніе, стр. 935.

закону право на торгъ или занимался торгомъ противозаконно. Лица же, не занимающіяся торговлей, за продажу и сбытъ предметовъ, завѣдомо изготовленныхъ въ нарушеніе авторскаго права, несутъ передъ потерпѣвшими лишь гражданскую отвѣтственность, не подвергаясь отвѣтственности уголовной. Необходимымъ условіемъ наказуемости дѣянія, указаннаго въ ст. 622, является завѣдомость нарушенія авторскаго права. При отсутствіи этого условія наказуемость отпадаетъ.

б) Отвѣтственность гражданская.

Обратимся теперь къ опредѣленію условій гражданской отвѣтственности за нарушеніе авторскаго права. Какъ уже было указано, отличіе между двумя порядками преслѣдованія нарушителей авторскаго права—уголовнымъ и гражданскимъ — заключается въ томъ, что уголовная отвѣтственность за контрафакцію можетъ имѣть мѣсто лишь при наличности *умышленнаго* нарушенія авторскаго права, гражданская же отвѣтственность за нарушеніе авторскаго права возникаетъ безразлично, какъ при умышленномъ, такъ и при неосторожномъ нарушеніи чужого авторскаго права—на основаніи общаго начала, выраженнаго въ ст. 684 т. X ч. I о вознагражденіи за вредъ и убытки. Поэтому, для гражданской отвѣтственности безразличны и другія условія нарушенія авторскаго права, имѣющія значеніе для примѣненія уголовной отвѣтственности. Такъ, если въ уголовномъ законѣ представляется необходимость дѣлать различіе между самовольнымъ изданіемъ чужого произведенія безъ присвоенія имени автора и изданіемъ подъ собственнымъ именемъ самовольнаго издателя, съ назначеніемъ за послѣднее дѣяніе, какъ особенно

преступное, болѣе тяжкаго наказанія, то это различіе представляется излишнимъ для примѣненія гражданской отвѣтственности. Присвоеніе авторскаго имени, какъ посягательство на авторскую славу, конечно, нарушаетъ личные интересы автора и является дѣяніемъ весьма безнравственнымъ. Но такая безнравственность дѣянія сама по себѣ не даетъ еще права на требованіе потерпѣвшимъ вознагражденія за убытки. Послѣднее право можетъ быть признано только вслѣдствіе того, что подлогомъ въ авторствѣ причиняются дѣйствительному автору убытки, подлежащіе возмѣщенію. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи отвѣтственность за подлогъ (квалифицированная контрафакція) совершенно одинакова съ отвѣтственностью за всякое другое простое, неквалифицированное нарушеніе авторскаго права, потому что основаніе этой отвѣтственности, какъ при подлогѣ авторства, такъ и при обыкновенной контрафакціи, будетъ ли она умышленная или неосторожная, заключается только въ фактѣ причиненія убытка потерпѣвшему, подлежащаго, по общему правилу, возмѣщенію.

Также безразлично то или иное разрѣшеніе вопроса, имѣющаго столь важное значеніе для уголовной отвѣтственности,—о томъ, съ какого момента должно считаться оконченнымъ дѣяніе контрафакціи: съ момента ли воспроизведенія чужого произведенія или съ момента его распространенія. Ибо для примѣненія гражданской отвѣтственности, т. е. для наступленія права требовать возмѣщенія причиненныхъ убытковъ, имѣетъ значеніе только одинъ вопросъ: были ли нарушеніемъ авторскаго права причинены убытки или не были, и возмѣщенію подлежатъ только убытки, дѣйствительно причиненные потерпѣвшему. Наконецъ,

не имѣетъ практическаго значенія споръ о томъ, отвѣчаетъ ли авторъ, передавшій право изданія и выпустившій незаконное изданіе вопреки издательскому договору, за контрафакцію или только за нарушеніе договора. Какъ ни разрѣшать этотъ вопросъ (имѣющій весьма важное значеніе для уголовнаго права, потому что, если авторъ не отвѣчаетъ за контрафакцію, то его дѣяніе является уголовно-безразличнымъ),—авторъ, во всякомъ случаѣ, обязанъ вознаградить издателя, потерпѣвшаго отъ незаконнаго осуществленія авторомъ своего авторскаго права.

Соотвѣтственно указаннымъ основаніямъ гражданской отвѣтственности, новый законъ въ ст. 21 формулируетъ эту отвѣтственность въ видѣ общаго положенія о томъ, что всякое нарушеніе, умышленное или неосторожное, правъ автора или его правопреемниковъ порождаетъ обязанность для нарушителя вознаградить потерпѣвшаго за весь причиненный ему убытокъ. Законъ считаетъ излишнимъ, въ противоположность старому закону, перечислять, какія, именно, нарушенія составляютъ контрафакцію, потому что для примѣненія гражданской отвѣтственности безразличны отдѣльныя особенности незакономѣрнаго пользованія чужимъ произведеніемъ, а важны лишь два момента: незаконность пользованія и причиненіе этимъ пользованіемъ убытковъ. Только если оба момента налицо, наступаетъ право потерпѣвшаго и обязанность нарушителя.

Но возможны случаи, когда незаконное пользованіе чужимъ авторскимъ правомъ, хотя и причинившее убытки, не можетъ, однако, служить основаніемъ для требованія возмѣщенія убытковъ въ полномъ размѣрѣ. Это—случаи нарушенія авторскаго права посторонними лицами, дѣйствовавшими добро

совѣстно, по извинительной ошибкѣ. Такъ, напр., издатель можетъ напечатать пріобрѣтенное имъ по договору произведеніе, а впослѣдствіи окажется, что авторъ былъ уже связанъ договоромъ съ другимъ издателемъ, или что произведеніе вовсе не принадлежало тому лицу, которое его уступило, и издатель сдѣлался жертвою обмана. Въ такомъ же положеніи можетъ оказаться издатель, невѣрно разсчитавшій время смерти автора, если были какія-либо данныя къ такой ошибкѣ и если заблужденіе раздѣлялось большинствомъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ издатель дѣйствуетъ не только вполнѣ добросовѣстно, но его нельзя обвинять даже въ отсутствіи должной внимательности. Поэтому, нѣкоторыя законодательства, напр., австрійское и венгерское, признаютъ справедливымъ въ случаѣ добросовѣстнаго, по извинительной ошибкѣ, нарушенія авторскаго права освободить нарушителя отъ возмѣщенія потерпѣвшему всѣхъ убытковъ полностью, обязавъ его лишь къ возвращенію полученной имъ прибыли—по общему началу, что никто не можетъ обогащаться на чужой счетъ. Это правило было принято и проектомъ мин. юстиціи, одобреннымъ Госуд. Думой. Но комиссія Госуд. Совѣта обратила вниманіе на то, что такимъ постановленіемъ цѣль законодателя—облегчить отвѣтственность для добросовѣстнаго нарушителя—можетъ оказаться недостигнутой: въ то время, какъ умышленно нарушившій чужое авторское право отвѣтствуетъ въ размѣрѣ причиненнаго убытка,—лицо, дѣйствовавшее добросовѣстно, отвѣтствуетъ въ размѣрѣ всей полученной прибыли, которая можетъ иногда значительно превосходить причиненный автору убытокъ. Напримѣръ, благотворительное общество, нарушившее постановкою пьесы авторскія права, можетъ, благодаря

имени участниковъ, а также энергіи устроителей, получить прибыль, во много разъ превосходящую тотъ гонораръ, который причитался бы автору, если бы устроители къ нему обратились. Если благотворительное общество дѣйствовало умышленно, оно платитъ только гонораръ, а если добросовѣстно—всю прибыль, которая иногда превышаетъ гонораръ. Въ видахъ достиженія большей справедливости, законъ (ст. 22) постановляетъ, что лицо, добросовѣстно и по извинительной ошибкѣ нарушившее авторское право, отвѣтствуетъ за причиненный имъ убытокъ лишь въ размѣрѣ, не превышающемъ полученной прибыли.

Гражданская отвѣтственность заключается не только въ вознагражденіи потерпѣвшаго за причиненные уже ему убытки, но и въ огражденіи его отъ могущихъ въ будущемъ послѣдовать убытковъ отъ незаконнаго изданія. Существованіе у самовольнаго издателя незаконно изданныхъ экземпляровъ угрожаетъ интересамъ потерпѣвшей стороны возможностью распространенія ихъ въ публикѣ въ будущемъ. Угрозою интересамъ лицъ, обладающимъ авторскимъ правомъ, служитъ также нахожденіе у самовольнаго издателя орудій для изготовленія самовольнаго изданія, какъ-то: клише, стереотипныхъ шрифтовъ, досокъ, камней, служащихъ для гравированія, литографированія и т. д. Для предупрежденія возможности нанесенія въ будущемъ потерпѣвшему убытковъ, законъ (ст. 24) предоставляетъ потерпѣвшей отъ противозаконнаго изданія сторонѣ право требовать, чтобы изданные экземпляры и изготовленныя для производства незаконнаго изданія орудія были переданы ей, потерпѣвшей сторонѣ, по оцѣнкѣ ихъ дѣйствительной стоимости, или были приведены въ состояніе, негодное къ употребленію, съ оставленіемъ ихъ у само-

вольнаго издателя. Если изданіе признано противозаконнымъ лишь относительно извѣстной части произведенія и эта часть можетъ быть безъ особаго затрудненія отдѣлена отъ остальной, то, разумѣется, только на указанную часть произведенія можетъ быть распространено требованіе потерпѣвшаго о приведеніи въ негодность или о передачѣ ему.

Такъ какъ опасность распространенія самовольныхъ экземпляровъ, уже изготовленныхъ или могущихъ быть изготовленными при помощи клише, стереотипныхъ шрифтовъ и т. п. орудій, существуетъ для автора не только тогда, когда эти экземпляры и орудія находятся у самовольнаго издателя, но и когда они находятся у другихъ лицъ, по роду своихъ занятій, заинтересованныхъ въ распространеніи, какъ-то: книгопродавцевъ, типографщиковъ, фабрикантовъ механическихъ нотъ,—то искъ о приведеніи въ негодность или передачѣ истцу можетъ быть направленъ и противъ этихъ лицъ; разумѣется, это требованіе истца не можетъ быть примѣнено къ отдѣльнымъ экземплярамъ самовольнаго изданія, разошедшимся уже въ публикѣ, потому что каждый покупщикъ отдѣльнаго экземпляра самовольнаго изданія пріобрѣтаетъ на него право собственности, какъ на вещь.

Правило ст. 24, хотя оно помѣщено въ отдѣлѣ общихъ положеній, относится только къ литературнымъ и музыкальнымъ произведеніямъ. Примѣненіе этого правила во всей его строгости къ художественнымъ произведеніямъ представлялось бы нецѣлесообразнымъ. Возможны случаи, когда контрафактныя произведенія, по своему художественному значенію, не уступаютъ оригиналамъ или даже стоятъ выше ихъ. Въ этихъ случаяхъ, приведеніе контрафакт-

ныхъ произведеній въ негодность или передача ихъ, хотя бы по оцѣнкѣ, потерпѣвшей сторонѣ, подобно тому, какъ передаются самовольно изданныя книги и ноты—представляются недопустимыми. Поэтому, въ отношеніи художественныхъ произведеній законъ (ст. 58) ограничиваетъ примѣненіе правила ст. 24 въ томъ отношеніи, что противозаконно воспроизведенныя художественныя произведенія, а равно служащія для ихъ изготовленія орудія (формы, камни, доски и т. п.) могутъ, по ходатайству нарушителя авторскаго права и за его счетъ, вмѣсто приведенія въ негодность, быть изъяты изъ пользованія и подвергнуты описи и аресту на срокъ дѣйствія авторскаго права на эти произведенія.

Само собою разумѣется, что къ архитектурнымъ произведеніямъ и къ сооруженнымъ памятникамъ ст. 24 и 58 вовсе не могутъ относиться, потому что построенный домъ или воздвигнутый памятникъ, хотя бы они и явились результатомъ наказуемой контрафакціи, ни приведенію въ негодность, ни аресту подвергнуться не могутъ. Въ этихъ случаяхъ, виновный несетъ лишь уголовную и гражданскую отвѣтственность безъ обращенія какихъ-либо мѣръ на незаконно сооруженныя архитектурныя произведенія и памятники.

в) Усмотрѣніе суда.

Законъ объ авторскомъ правѣ заключаетъ въ себѣ нормы, опредѣляющія пространство осуществленія этого права и устанавливающія отвѣтственность за нарушенія этого права. Но этотъ законъ, какъ и всякое законодательное опредѣленіе матеріальнаго права, самъ по себѣ не даетъ еще автору защиту въ каждомъ конкретномъ случаѣ отъ посягательства на

его права. Для этой защиты автору или его правопреемнику необходимо обращаться къ содѣйствію судебной власти, отъ которой зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ установить, во-первыхъ, наличность нарушенія авторскаго права и, во-вторыхъ, размѣръ причиненныхъ этимъ нарушеніемъ дѣйствительныхъ убытковъ, подлежащихъ возмѣщенію. И такъ какъ никакая норма закона, ни по своему формальному выраженію, ни по своему внутреннему содержанію, не можетъ обнимать все многообразіе и всѣ разновидности конкретныхъ случаевъ жизни, то очевидно, что суду принадлежитъ огромная роль въ установленіи защиты всякаго права. Это тѣмъ болѣе относится къ защитѣ столь своеобразнаго, во многихъ отношеніяхъ исключительнаго, спеціальнаго, авторскаго права.

Между тѣмъ, въ нашемъ дѣйствовавшемъ законѣ роль судовъ по дѣламъ о нарушеніяхъ авторскаго права была поставлена въ такія рамки, что они являлись простыми механизмами, автоматически примѣняющими мертвую букву закона. Отличительною чертою нашего стараго законодательства является стремленіе вполнѣ точно указать въ самомъ законѣ предѣлы дозволеннаго заимствованія изъ чужихъ произведеній, путемъ ариѳметическаго подсчета размѣровъ такого заимствованія. Такъ, въ силу ст. 5 прил. къ ст. 420 (прим. 2) т. X ч. I, сочинитель имѣетъ право, несмотря ни на какія условія, напечатать книгу свою вторымъ изданіемъ, если въ ней прибавлены или измѣнены, по крайней мѣрѣ, *двѣ трети*. Еще нагляднѣе выражается это стремленіе закона въ правилахъ ст. 14—17. Такъ, заимствованіе не почитается самовольнымъ изданіемъ, если въ сихъ ссылкахъ выписано въ сложности не болѣе *третьей*

части книги, заключающей въ себѣ болѣе *одного печатнаго листа*, и если текстъ самого сочинителя *вдвое* болѣе противъ ссылокъ изъ одной какой-либо книги. Установленіе въ законѣ такихъ чисто механическихъ способовъ опредѣленія наличности контрафакціи открываетъ широкій просторъ злоупотребленіямъ. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на ст. 16 прилож. къ ст. 420 т. X ч. I, по смыслу которой возможна, безъ нарушенія авторскаго права, выписка въ новомъ переводѣ изъ текста ранѣе сдѣланнаго перевода той же книги около *двухъ третей сряду, слово въ слово* (такъ какъ переводъ считается самовольнымъ лишь въ томъ случаѣ, если выписка эта составляетъ сполна двѣ трети сряду), причемъ выраженіе „*сряду*“ даетъ право предполагать, что, если послѣ указанной выписки, въ размѣрѣ менѣе двухъ третей текста, будетъ помѣщена извѣстная часть самостоятельнаго перевода, то далѣе вновь можетъ слѣдовать буквальная перепечатка прежняго перевода. Положеніе суда при наличности такихъ явныхъ, но какъ бы совершаемыхъ на законномъ основаніи, злоупотребленій представляется въ высшей степени затруднительнымъ и не соотвѣтствующимъ высокой задачѣ суда охранять законныя права гражданъ, ибо, по прямому тексту закона, судъ вынужденъ оставлять подобныя завѣдомыя злоупотребленія безнаказанными и отказывать въ удовлетвореніи справедливыхъ, по существу, претензій лицъ потерпѣвшихъ *).

Новый законъ отказывается отъ такого механическаго принципа при опредѣленіи наличности нарушенія. Онъ вводитъ новый принципъ, по которому

*) См. объясн. зап. къ проекту мин. юстиціи, стр. 39.

предѣлы дозволенности заимствованія обусловливаются не механическимъ подсчетомъ количества списанныхъ мѣстъ, а наличностью элемента самостоятельнаго творчества, элемента новизны въ произведеніи, въ которомъ помѣщено заимствованіе,—безразлично и независимо отъ того, много или мало заимствовано. Вопросъ же о наличности этого не внѣшняго, а внутренняго признака есть вопросъ факта и, какъ таковой, подлежитъ разрѣшенію въ каждомъ данномъ случаѣ по усмотрѣнію суда, основанному на свободной оцѣнкѣ конкретныхъ данныхъ, при участіи свѣдущихъ людей въ той области, которой будетъ касаться возбуждаемый вопросъ.

Это начало свободнаго отношенія суда къ оцѣнкѣ наличности самаго факта правонарушенія проводится закономъ и въ отношеніи установленія послѣдствій правонарушенія—опредѣленія количества убытковъ, причиненныхъ имущественной сферѣ того лица, въ правовую область котораго вторгся контрафакторъ. Очень часто исчисленіе размѣра убытковъ представляется болѣе труднымъ и болѣе важнымъ, чѣмъ установленіе наличности самого факта правонарушенія, послѣдствіемъ котораго убытки являются, и если законъ въ этомъ отношеніи не предоставляетъ суду возможности конкретной оцѣнки, то защита потерпѣвшаго сводится къ римскому афоризму: non deficit mihi jus, sed deficit probatio.

Между тѣмъ, именно, въ такое положеніе ставился потерпѣвшій постановленіями нашего стараго закона объ опредѣленіи размѣра убытковъ, причиненныхъ контрафакціею. Согласно ст. 20 прил. къ ст. 420, взысканіе за самовольное изданіе (контрафакцію) состоитъ... въ возвращеніи отъ виновнаго законному издателю всего того убытка, который „*исчисляется*

по соображенію дѣйствительной платы за все изготовленіе экземпляровъ самовольнаго изданія съ продажною цѣною, отъ законнаго издателя прежде (т. е. при собственномъ изданіи того же произведенія) объявленною".

Не говоря о крайне неясной и нескладной редакціи этой статьи закона, порождающей различныя истолкованія ея смысла, самый способъ, указанный въ ней, для разсчета убытковъ представляется вполнѣ неудачнымъ. Весь этотъ разсчетъ основанъ на крайне неопредѣленныхъ данныхъ—на неизвѣстномъ количествѣ напечатанныхъ и проданныхъ экземпляровъ, на неопредѣленномъ исчисленіи расходовъ, представляющихъ для суда и и для истца вполнѣ неизвѣстныя величины, на произвольномъ соображеніи гадательной разницы расходовъ. Между тѣмъ, судъ связанъ указанными въ этой статьѣ основаніями и предѣлами при опредѣленіи размѣра причиненнаго убытка и долженъ этими основаніями руководствоваться, а истецъ поставленъ въ затрудненіе, потому что судъ, на основаніи п. 3 ст. 257 уст. гражд. судопроизводства, требуетъ отъ него точнаго опредѣленія исковой суммы убытковъ и можетъ ему отказать въ искѣ, если онъ не удовлетворитъ этому требованію.

Новый законъ отрѣшается отъ проникающаго наше старое законодательство стремленія, путемъ ариѳметическихъ подсчетовъ, устанавливаемыхъ въ самомъ законѣ, опредѣлить способы исчисленія убытковъ при нарушеніи границъ дозволенныхъ заимствованій. Ст. 23 освобождаетъ судъ отъ подчиненія его сужденія въ каждомъ данномъ случаѣ какимъ-либо формальнымъ признакамъ и указаніямъ закона, а предоставляетъ ему, по *соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла*,

установить размѣръ вознагражденія за убытки *по справедливому усмотрѣнію.*

Предоставляя суду широкій просторъ основывать свое сужденіе на свободной оцѣнкѣ фактическихъ данныхъ, Редакціонная Комиссія, какъ и объясн. записка министра юстиціи, не скрываетъ отъ себя, что задача суда, при опредѣленіи какъ наличности нарушенія авторскаго права, такъ и размѣра убытковъ отъ такого нарушенія, весьма трудная, такъ какъ при разрѣшеніи споровъ по этого рода дѣламъ требуется извѣстное литературное образованіе и знакомство съ техническою стороною книжнаго и издательскаго дѣла. Но выражается надежда, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при разрѣшеніи дѣлъ о нарушеніи авторскаго права возникнутъ затрудненія, суды будутъ приглашать въ качествѣ свѣдущихъ людей авторовъ, книгопродавцевъ, издателей, обладающихъ литературными и техническими свѣдѣніями, которые будутъ способствовать правильному разрѣшенію этихъ вопросовъ.

Въ виду затрудненій, которыя могутъ возникать при разбирательствѣ дѣлъ о контрафакціи, по нѣкоторымъ иностраннымъ законамъ (германскому 1901 г. и венгерскому) установлены особыя камеры экспертовъ или литературные комитеты, обязанность которыхъ заключается въ оказаніи судамъ помощи, въ качествѣ свѣдущихъ людей по дѣламъ литературнымъ. Въ Германіи эти комитеты (die litterarische Sachverständigenverein) учреждены въ каждомъ изъ ея составныхъ государствъ, и каждый комитетъ состоитъ изъ 7 членовъ, назначаемыхъ правительствомъ изъ числа ученыхъ, писателей, книгопродавцевъ, издателей и другихъ лицъ, обладающихъ знакомствомъ съ книжно-издательскимъ дѣломъ. Ко-

митеты эти обязаны являться на помощь суду, когда послѣдній обращается къ ихъ содѣйствію. Именно, въ случаѣ возникновенія по какому-либо литературному дѣлу затрудненій или сомнѣній, судъ обращается въ комитетъ съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе. Мнѣніе комитета, однако, судомъ только принимается къ свѣдѣнію и не имѣетъ для него обязательнаго значенія. Мотивы къ германскому закону слѣдующимъ образомъ объясняютъ необходимость учрежденія подобныхъ комитетовъ: «Своеобразный характеръ споровъ объ авторскомъ правѣ требуетъ отъ свѣдущихъ лицъ, которыя должны представить свое мнѣніе, множества техническихъ свѣдѣній, значительнаго литературнаго знакомства, знанія книжнаго дѣла и постановленій законодательства, каковыя могутъ встрѣтиться только въ комитетѣ, который состоитъ изъ различныхъ элементовъ, причастныхъ къ литературному міру, ученыхъ, писателей, книгопродавцевъ. При этомъ, постоянный комитетъ имѣетъ то преимущество, что продолжительное занятіе этимъ дѣломъ вырабатываетъ твердыя начала и устойчивую практику, такъ что является возможность избѣгнуть колебаній и противорѣчій въ обсужденіи различныхъ случаевъ» *).

Въ Венгріи число членовъ литературнаго комитета точно не опредѣлено, но ихъ должно быть не менѣе пяти, и комитеты учреждены въ Пештѣ и Аграмѣ. Въ этихъ комитетахъ, по предложенію судовъ, разсматриваются спорные вопросы и по разрѣшеніи ихъ большинствомъ голосовъ заключенія представляются въ суды.

Признавая очевидную пользу для правосудія та-

*) Шершеневичъ, Авт. право, стр. 299.

кихъ комитетовъ, Редакц. Комиссія полагала, что въ Россія учрежденіе ихъ встрѣтило бы большія затрудненія, въ виду того, что вслѣдствіе обширности русскаго государства потребовалось бы весьма значительное число комитетовъ, причемъ не вездѣ нашлись бы и лица, обладающія необходимыми свѣдѣніями для исполненія обязанности экспертовъ. Поэтому, по мнѣнію Комиссіи, въ нашемъ законодательствѣ приходится ограничиться, по общему правилу, предоставленіемъ суду права требовать заключенія свѣдущихъ людей во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ необходимы особыя ученыя, техническія или хозяйственныя свѣдѣнія.

Это соображеніе Редакціонной Комиссіи, едва ли, можно признать основательнымъ. Если дѣйствительно въ Россіи можно найти лицъ, обладающихъ необходимыми свѣдѣніями по литературнымъ дѣламъ, только въ большихъ умственныхъ центрахъ, то вѣдь и дѣла такого рода могутъ возникать только въ этихъ центрахъ. При этомъ, указанное соображеніе Комиссіи относится одинаково и къ свѣдущимъ людямъ, которые должны давать, по новому закону, свои заключенія по требованію суда. Слѣдовательно, напрасно законъ установляетъ это право суда, если оно во многихъ мѣстахъ Россіи должно остаться неосуществимымъ, за невозможностью найти подходящихъ, въ качествѣ литературныхъ экспертовъ, людей. Вовсе нѣтъ надобности учреждать комитеты во многихъ мѣстахъ. Дѣлъ объ авторскомъ правѣ вообще очень мало и они сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ нѣсколькихъ крупныхъ центрахъ издательской дѣятельности, какъ Петербургъ, Москва. Въ этихъ двухъ-трехъ городахъ и можно было бы учреждать указанные комитеты, которые, несомнѣнно, благодаря

постоянному функціонированію, представляются болѣе полезными, чѣмъ случайные свѣдущіе люди, приглашаемые судомъ.

г) Порядокъ возбужденія дѣлъ о контрафакціи.

Какъ уже было указано, контрафакція является дѣяніемъ съ двойственнымъ характеромъ. Съ одной стороны, она, при наличности умысла, составляетъ преступное дѣяніе, наказуемое уголовнымъ закономъ. Съ другой стороны, нарушая установленное и охраняемое гражданскими законами авторское право, контрафакція причиняетъ вредъ и убытки лицу, которому оно принадлежитъ, т. е. сопряжено съ гражданско-правовыми послѣдствіями и даетъ потерпѣвшему право на гражданскій искъ—право, подтверждаемое какъ спеціальными постановленіями закона объ авторскомъ правѣ, такъ и обще-гражданскими и общеуголовными постановленіями.

По общему правилу дѣйствующаго закона (ст. 5 уст. гражд. суд., ст. 6 уст. уг. суд.) гражданскій искъ объ удовлетвореніи за вредъ или убытокъ, причиненный преступленіемъ или проступкомъ, можетъ быть предъявленъ двоякимъ порядкомъ: 1) при самомъ производствѣ уголовнаго дѣла, съ примѣненіемъ въ такомъ случаѣ особыхъ постановленій уст. угол. суд. (ст. 6, 7, 17—20, 31, 779), и 2) отдѣльно отъ уголовнаго производства въ судѣ гражданскомъ до истеченія срока давности. Однако, въ послѣднемъ случаѣ, на основаніи ст. 6 уст. гр. суд., судъ гражданскій приступаетъ къ производству не прежде, какъ послѣ окончанія уголовнаго производства по тому предмету или послѣ пріостановленія производства по ст. 356 и 851 уст. гр. суд. Означенная ст. 6 въ связи съ ст. 8 уст. гр. суд. можетъ дать поводъ

къ сомнѣнію относительно возможности предъявить въ судѣ гражданскомъ искъ о контрафакціи, помимо уголовнаго преслѣдованія виновнаго. Такія сомнѣнія, въ дѣйствительности, и возникали, при чемъ, на основаніи цѣлаго ряда соображеній (ср. улож.. о нак., ст. 157 и 160; уст. гр. суд., ст. 16, 18, 1368 и др.), разрѣшались какъ судебною практикою (ср. рѣш. гр. кас. д. сен. 1882 г. № 76), такъ и юридическою литературою, въ томъ смыслѣ, что разсмотрѣніе вопроса объ убыткахъ отъ контрафакціи можетъ, на общемъ основаніи, подлежать суду гражданскому.

Въ такомъ же смыслѣ разрѣшается вопросъ и въ иностранныхъ законодательствахъ (въ австрійскомъ, германскомъ, венгерскомъ) и также въ иностранной литературѣ, т. е. допускается предъявленіе какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ порядкѣ иска объ убыткахъ, причиненныхъ контрафакціею, и также о приведеніи въ негодность или передачѣ потерпѣвшему экземпляровъ и орудій контрафакціи.

Новый законъ, для устраненія всякихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи, считаетъ нужнымъ въ самомъ законѣ (ст. 25) положительно постановить, что искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные нарушеніемъ авторскаго права, а также требованія о приведеніи въ негодность могутъ быть предъявляемы, по усмотрѣнію истца, въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства безъ возбужденія уголовнаго дѣла.

При обсужденіи этой статьи въ Госуд. Думѣ, было, по предложенію министра юстиціи, принято дополненіе, по которому предъявленіе въ гражданскомъ судѣ, до возбужденія уголовнаго преслѣдованія, иска объ убыткахъ, причиненныхъ нарушеніемъ авторскаго права, почитается отказомъ истца отъ

уголовнаго преслѣдованія. Дополненіе это министръ юстиціи мотивировалъ тѣмъ соображеніемъ, что, такъ какъ по нашимъ судебнымъ уставамъ въ случаѣ обращенія потерпѣвшаго въ судъ гражданскій разсмотрѣніе въ гражданскомъ судѣ пріостанавливается до разрѣшенія уголовнымъ судомъ вопроса о преступномъ дѣяніи, то при возможности для потерпѣвшаго послѣ обращенія въ гражданскій судъ возбудить также уголовное преслѣдованіе онъ долженъ будетъ съ производствомъ его иска ждать до разрѣшенія уголовнаго дѣла, а вслѣдствіе этого утратится практическое значеніе правила ст. 25, которое имѣетъ въ виду облегчить, а не затруднять потерпѣвшему возможность пользоваться гражданскимъ или уголовнымъ судомъ для отысканія вознагражденія за убытки. Поэтому, по мнѣнію министра, слѣдуетъ дополнить ст. 25 указаннымъ правиломъ, при существованіи котораго гражданскому суду не придется ждать разрѣшенія дѣла въ уголовномъ судѣ, ибо дѣло въ уголовномъ судѣ, согласно этому правилу, совсѣмъ не можетъ возникнуть.

Правило, содержащееся въ предложенномъ министромъ дополненіи къ ст. 25, само по себѣ, слѣдуетъ признать справедливымъ, такъ какъ, можетъ быть, нѣтъ надобности, поощрять потерпѣвшаго послѣ того, какъ онъ обратился въ гражданскій судъ для отысканія своихъ убытковъ, поддерживать въ себѣ, въ теченіе всего давностнаго срока, мстительное чувство по отношенію къ контрафактору, и предоставлять ему возможность искать еще дополнительнаго уголовнаго возмездія. Но аргументація министра юстиціи едва ли можетъ считаться удачной, ибо уголовныя дѣла о контрафакціи принадлежатъ къ посягательствамъ частно-правовымъ, которыя могутъ возбу-

ждаться только по жалобѣ потерпѣвшаго, и, слѣдовательно, разъ всецѣло отъ самого потерпѣвшаго зависитъ возбуждать уголовное преслѣдованіе, то онъ самъ позаботится возбудить это преслѣдованіе не до, а послѣ разрѣшенія его дѣла въ гражд. судѣ,—для избѣжанія указываемаго министромъ юстиціи неудобства отъ необходимости для гражд. суда выжидать рѣшенія уголовнаго суда.

Комиссія Гос. Совѣта исключила это дополненіе, по тому соображенію, что вводимое имъ правило противорѣчитъ общимъ началамъ нашего процесса и, кромѣ того, представляетъ собою не вызываемое необходимостью ограниченіе права потерпѣвшаго и облегченіе нарушителя.

д) *Давность.*

Нарушенія авторскаго права по свойству своему таковы, что мѣры противодѣйствія имъ имѣютъ существенное значеніе для потерпѣвшей стороны, по преимуществу, въ теченіе ближайшаго времени послѣ ихъ обнаруженія. Этимъ объясняется установленіе въ современныхъ законодательствахъ, и также въ нашемъ дѣйствовавшемъ законодательствѣ болѣе краткаго срока давности сравнительно съ общею давностью, какъ для уголовнаго преслѣдованія, такъ и для гражданскихъ исковъ. На основаніи прим. 2 къ ст. 158 улож. о наказ. и ст. 549 зак. суд. гражд., т. XVI ч. 2., срокъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія по дѣламъ о присвоеніи ученой или художественной собственности полагается двухлѣтній, а для истцовъ, находящихся за границею, четырехлѣтній со времени совершенія нарушенія.

Новый законъ увеличилъ по отношенію къ гражданскимъ искамъ срокъ давности до 5 лѣтъ (ст. 26),*)

*) По герм. закону давностный срокъ установленъ въ 3 года.

причемъ не дѣлается различія между истцами, которые находятся въ предѣлахъ Россіи, и истцами, находящимися за границей. Срокъ этотъ исчисляется со времени нарушенія права автора. Пятилѣтній давностный срокъ погашаетъ только иски о вознагражденіи за убытки, но не распространяется на возникающіе изъ нарушенія авторскаго права иски объ отобраніи самовольно изданныхъ экземпляровъ и орудій незаконнаго производства. Это само собою понятно. Нарушитель авторскаго права не можетъ, конечно, пріобрѣсти никакихъ правъ на продолженіе самовольнаго изданія или на изданіе его вновь—вслѣдствіе истеченія установленнаго пятилѣтняго срока давности для иска о вознагражденіи за убытки. Очевидно, что авторъ всегда въ правѣ преслѣдовать существующее или продолжающееся самовольное изданіе, хотя бы и утратилъ право на взысканіе убытковъ. На этомъ основаніи къ требованію объ отобраніи экземпляровъ самовольнаго изданія и орудій незаконнаго производства не могутъ быть примѣняемы какіе-либо сроки и, пока таковые существуютъ, авторъ можетъ требовать ихъ уничтоженія или передачи ему.

По отношенію къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія новый законъ отмѣнилъ правило прим. 2 къ ст. 158 улож. о нак., по которому установленъ двухлѣтній срокъ для истцовъ, находящихся въ Россіи и четырехлѣтній—для находящихся за границей. Вмѣстѣ съ введеніемъ въ дѣйствіе ст. 620 и 622 угол. улож., введена также, въ отношеніи къ нарушеніямъ, предусматриваемымъ этими статьями—глава первая Угол. улож., изд. 1909 г. По ст. 68 угол. улож., наказаніе за давностью не примѣняется, если со дня учиненія преступныхъ дѣяній до дня возбужденія противъ обвиняемаго

уголовнаго преслѣдованія истекли: въ отношеніи преступленій *) три года и въ отношеніи проступковъ—одинъ годъ. Слѣдовательно, давность для нарушеній по 1 ч. ст. 620 и ст. 622 (относящихся къ числу проступковъ) будетъ одинъ годъ, а для нарушеній по 2 и 3 ч. ст. 620 (относящихся къ числу преступленій)—три года. Наказаніе за давностью также не примѣняется, если со дня учиненія преступленія до дня постановленія приговора о виновномъ истекли двойные, а со дня учиненія проступка до дня постановленія приговора—тройные противъ указанныхъ сроки (п. 2 ст. 68); наконецъ, наказаніе не примѣняется, если со дня постановленія приговора до дня обращенія его къ исполненію истекли установленные въ п. 2 ст. 68 сроки, которые въ сихъ случаяхъ исчисляются сообразно наказанію, назначенному судебнымъ приговоромъ (п. 3 ст. 68).

е) *Подсудность.*

По дѣйствующему закону (ст. 217 уст. гр. суд.), дѣла о нарушеніи правъ литературной, художественной и музыкальной собственности начинаются, по усмотрѣнію истца, или въ томъ окружномъ судѣ, въ вѣдомствѣ коего послѣдовало нарушеніе сего права, или въ томъ, коему подсуденъ отвѣтчикъ по мѣсту жительства.

Такимъ образомъ относительно подсудности исковъ о нарушеніи авторскаго права установлены два изъятія

---

*) По терминологіи угол. улож., *преступленіями* именуются преступныя дѣянія, за которыя какъ высшее наказаніе опредѣлены заключеніе въ исправ. домѣ, крѣпости или тюрьмѣ, и *проступками*—если высшее наказаніе—арестъ или денежная пеня. (Угол. улож., ст. 3).

изъ общихъ правилъ: 1) они подсудны только окружному суду, независимо отъ суммы иска, и 2) они могутъ быть предъявляемы не только на общемъ основаніи (ст. 203 у. гр. суд.) по мѣсту жительства отвѣтчика, но и по мѣсту нарушенія права.

Новый законъ сохранилъ ст. 217 у. гр. суд., измѣнивъ лишь редакцію этой статьи въ отношеніи терминологіи („авторское право“ вмѣсто „собственность“), какъ это законъ дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ дополнилъ ст. 31 уст. гр. суд. новымъ (5) пунктомъ, по которому вѣдомству мирового судьи не подлежатъ дѣла о предоставленіи права переложенія музыкальнаго произведенія на инструменты, воспроизводящіе его механически, т. е. тѣ дѣла, которыя предусмотрѣны въ послѣдней части тс. 42 новаго закона. Слѣдовательно, и эти дѣла подсудны только окружнымъ судамъ, независимо отъ суммы искового требованія.

Подсудность дѣлъ о контрафакціи, какъ преступнаго дѣянія, т. е. возбуждаемыхъ въ порядкѣ уголовномъ, подлежала, по дѣйствовавшему закону, также исключительно вѣдомству окружныхъ судовъ. Эта подсудность сохранена и по новому закону. Въ виду введенія въ дѣйствіе ст. 620 и 622 угол. улож., представлялось необходимымъ точно опредѣлить эту подсудность, для чего ст. 200 и п. 5 ст. 1260 уст. уг. суд. дополнены указаніемъ, что дѣла о нарушеніяхъ авторскаго права, предусмотрѣнныя ст. 620 и 622 угол. улож., подлежатъ разсмотрѣнію и рѣшенію Окружнаго Суда.

Мѣстная подсудность, по общему правилу, опредѣляется мѣстомъ совершенія преступнаго дѣйствія.

Одобренное Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою и Высочайше утвержденное 15 Марта 1911 г. Положеніе объ авторскомъ правѣ.

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній установить прилагаемое при семъ Положеніе объ авторскомъ правѣ.

II. Пунктъ 1 статьи 1184 Законовъ Гражданскихъ (свод. зак., т. X ч. 1, изд. 1900 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

1184. Особенный порядокъ наслѣдованія, различный отъ общаго, установляется въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ наслѣдованіи авторскаго права;

См. ст. 6 и примѣчаніе къ ней Положенія объ авт. правѣ.

III. Статью 31 Устава Гражданскаго Судопроизводства (св. зак., т. XVI ч. I, изд. 1892 г. и по Прод. 1906 г.) дополнить новымъ (5) пунктомъ, изложивъ таковой слѣдующимъ образомъ:

31. Вѣдомству Мирового Судьи не подлежатъ:.. 5) дѣла о предоставленіи права переложенія музыкальнаго произведенія на инструменты, воспроизводящіе его механически.

IV. Статьи 217 и 1040 Устава Гражданскаго Судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

217. Дѣла о нарушеніяхъ авторскаго права начинаются, по усмотрѣнію истца, или въ томъ окружномъ судѣ, въ вѣдомствѣ коего послѣдовало нарушеніе сего права, или въ томъ, коему подсуденъ отвѣтчикъ по мѣсту жительства.

Подсудность по гражданскимъ дѣламъ о нарушеніяхъ авторскаго права.

1. На основаніи ст. 217 уст. гр. суд., дѣла о нарушеніи права литературной собственности, безъ цѣны, начинаются не иначе, какъ въ окружномъ судѣ (Рѣш. Гр. Касс. Д-та Сен. 1888 г. № 22).

2. Правительствующій Сенатъ находитъ: жалобою прежде всего возбужденъ вопросъ, подсудны ли коммерческому или общимъ судамъ иски, возникающіе изъ сдѣланнаго авторомъ книги, выпускаемой имъ въ продажу, заказа типографщику о печатаніи оной. Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ рѣшенія вопроса, составляетъ ли продажа авторомъ изданной имъ книги торговый для него оборотъ. Сей послѣдній вопросъ разрѣшается: а) 42—46 ст. Уст. Судопр. Торговаго изд. 1887 года, въ коихъ указаны подвѣдомственныя коммерческому суду дѣла, возникающія изъ оборотовъ, обязательствъ и договоровъ, торговлѣ свойственныхъ, безъ поименованія въ числѣ, таковыхъ дѣлъ, возникающихъ изъ сдѣлокъ авторовъ относительно литературной ихъ собственности, и б) 1, 2 и 4 ст. Т. V, Устава о пошл., изд. 1886 г., также не относящихъ этихъ сдѣлокъ къ торговымъ или промышленнымъ дѣйствіямъ. Перечисленныя въ этихъ законахъ категоріи торговыхъ оборотовъ ясно показываютъ, что ни подъ одну изъ нихъ не можетъ быть подведена продажа авторомъ изданной имъ книги. Въ этомъ окончательно убѣждаетъ сопоставленіе 1-й статьи Уст. о пош., Т. V изд. 1886 г., признающей торговлею продажу товаровъ, съ 1-ою статьею прилож. къ ст. 420 примѣчаніе 2 ч. 1 Т. X, Зак. Гражд., изд. 1887 г., въ коей постановлено: „каждый сочинитель или переводчикъ книги имѣетъ исключительное право пользоваться во всю

жизнь свою изданіемъ и продажею оной по своему усмотрѣнію, какъ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ". Посему, за отсутствіемъ въ продажѣ авторомъ книги своей характера торговаго дѣйствія сдѣланный для этой продажи заказъ о печатаніи книги составляетъ со стороны автора не торговый оборотъ, а пользованіе принадлежащимъ ему по закону правомъ литературной собственности, почему и возникающіе изъ условія объ означенномъ заказѣ, не составляющаго сдѣлки торговой для обѣихъ договорившихся сторонъ (рѣш. 1884 г. № 69), иски подсудны не коммерческому, а общимъ судамъ.

3. По вопросу — слѣдуетъ ли признать искомъ, истекающимъ изъ торговыхъ оборотовъ и подсуднымъ коммерческому суду искъ автора сочиненія къ книгопродавцу объ отобраніи отъ него книгъ, сданныхъ на комиссію, и о взысканіи денегъ за недостающія книги—Правительствующій Сенатъ нашелъ, что «всѣ сдѣлки автора-собственника, направленныя имъ къ отчужденію произведеній, не могутъ по отношенію къ нему—автору произведенія—почитаться торговыми, такъ какъ въ обусловленныхъ этими сдѣлками дѣйствіяхъ собственника не заключается того признака посредничества, которымъ существенно отличается отъ экономическаго или имущественнаго оборота вообще входящій въ составъ его (въ качествѣ видового понятія) оборотъ торговый. Затѣмъ и принимая во вниманіе, что для подсудности коммерческому суду иска, возникшаго изъ договорныхъ отношеній, необходимо, чтобы самый договоръ, положенный въ основаніе искового требованія, представлялся торговымъ для обоихъ договорившихся сторонъ (рѣш. 1884 г. № 69), и что при наличности торговаго значенія комиссіоннаго договора въ отношеніи одного лишь комиссіонера-книгопродавца искъ все-таки долженъ подлежать вѣдѣнію гражданскихъ судовъ за отсутствіемъ торговаго характера того же договора по отношенію къ коммитенту-автору, передающему комиссіонеру произведеніе своего умственнаго труда, а не товаръ, пріобрѣтенный имъ для дальнѣйшаго торговаго оборота», — предложенный вопросъ разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ (Рѣш. гр. 1902 г. № 89).

1040. Пріобрѣтеніе съ публичнаго торга литературнаго, музыкальнаго, художественнаго или фотографическаго произведенія не даетъ покупщику авторскаго права на это произведеніе.

См. ст. 10 Положенія объ авт. правѣ.

V. Статьи 620 и 622 Высочайше утвержденнаго, 22 Марта 1903 г., Уголовнаго Уложенія (п. с. з., № 22704) изложить слѣдующимъ образомъ:

620. Виновный въ умышленномъ нарушеніи чужого авторскаго права наказывается:

арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

Если нарушеніе сего права учинено самовольнымъ изданіемъ или размноженіемъ произведенія, съ цѣлью его сбыта, то виновный наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ.

Если же виновный самовольно издалъ чужое произведеніе подъ своимъ именемъ, то онъ наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не ниже трехъ мѣсяцевъ.

1. Такъ какъ потерпѣвшимъ лицомъ является не только собственникъ вещи, но всякій фактическій владѣлецъ этою вещью или имѣющій обязанность охранять владѣніе его, то и за обществомъ русскихъ драматическихъ писателей, обязаннымъ охранять право литературной собственности на драматическія произведенія его членовъ, нельзя не признать права предъявлять иски какъ въ уголовномъ, такъ и въ гражданскомъ порядкѣ, смотря по свойству самаго правонарушенія (Рѣш. Уг. Касс. Д-та Сен. 1878 г. № 63 по д. Выходцева).

2. Ст. 1684 улож. о нак. можетъ быть примѣняема только въ томъ случаѣ, когда представленіе драматическаго произведенія произошло безъ надлежащаго дозволенія автора: одна же неуплата приходящагося автору вознагражденія можетъ быть только предметомъ гражданскаго иска. Поэтому, вопросъ о существованіи согласія автора представляется крайне существеннымъ и безусловно долженъ быть разсмотрѣнъ судомъ уголовнымъ. (Рѣш. уг. 1877 г. № 16 по д. Полуева).

3. Ст. 1684, предусматривая самовольное со стороны какого-либо лица распоряженіе чужимъ драматическимъ произве-

деніемъ, находящимся у этого лица по какому-либо случаю, вовсе не подразумѣваетъ подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ какого-либо необыкновеннаго, не всякому доступнаго, способа, пріобрѣтенія чужого произведенія или, другими словами, какого-либо чрезвычайнаго случая, а признаетъ это равносильнымъ выраженію «по какому бы то ни было случаю» (Рѣш. уг. 1879 г. № 34 по д. Сервье).

4. Въ постановленіи ст. 1684 о самовольномъ распоряженіи чужими драматическими произведеніями не дѣлается никакого различія между напечатанными и не напечатанными произведеніями, такъ какъ право литературной собственности нарушается въ обоихъ случаяхъ одинаково. (Рѣш. уг. 1879 г. № 34 по д. Сервье)

5. Ст. 1684 примѣняется лишь къ случаямъ перепечатки безъ надлежащаго уполномочія цѣлой чужой книги, но не къ случаямъ составленія самостоятельной статьи изъ выдержекъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ чужой книги (Рѣш. уг. 1896 г. № 2).

6. Замѣна имени дѣйствительнаго издателя, имѣющаго на изданіе право собственности, именемъ того лица, которое нарушаетъ это право издателя, если этимъ причиняется имущественный ущербъ, можетъ составить одно изъ преступленій противъ авторскихъ правъ (Рѣш. уг. 1877 г. № 3).

622. Торговецъ, виновный въ храненіи для продажи или ввозѣ изъ-за границы для продажи или въ продажѣ предмета, завѣдомо изготовленнаго въ нарушеніе авторскаго права или привилегіи на изобрѣтеніе, наказывается:

арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

VI. Не ожидая введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 г., Уголовнаго Уложенія въ полномъ его объемѣ, ввести въ дѣйствіе, по дѣламъ о нарушеніяхъ авторскаго права, статьи 620 и 622 сего Уложенія, и въ отношеніи къ этимъ

нарушеніямъ—главу первую Уголовнаго Уложенія (изд. 1909 г.)

Глава первая Уголовнаго Уложенія, озаглавленная «О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще», содержитъ въ себѣ слѣдующія отдѣленія: I. Положенія общія. II. О пространствѣ дѣйствія уголовнаго уложенія. III О наказаніяхъ. IV. Объ условіяхъ вмѣненія и преступности дѣяній. V. О видахъ виновности. VI. О смягченіи и замѣнѣ наказаній. VII. Объ обстоятельствахъ, усиливающихъ отвѣтственность. VIII. Объ обстоятельствахъ, устраняющихъ наказуемость.

По отношенію къ нарушеніямъ авторскаго права могутъ имѣть значеніе: ст. 3—14 (о пространствѣ дѣйствія ст. 620 и 622), 20, 21, 24 (о наказаніяхъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, арестомъ, уплатой денежной пени), 48—52 (о винѣ умышленной и неосторожной, о покушеніи и приготовленіи, о соучастіи), 68 (о давности).

Согласно ст. 3, преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, заключеніе въ исправительномъ домѣ, крѣпости или тюрьмѣ, именуются *преступленіями*, а преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, арестъ или денежная пеня, именуются проступками. Слѣдовательно, нарушенія, предусмотрѣнныя ч. 1 ст. 620 и ст. 622, относятся къ проступкамъ, а нарушенія, предусмотрѣнныя ч. 2 и 3 ст. 620,—къ преступленіямъ.

По ст. 48, преступленія наказываются при наличности вины умышленной, при наличности же вины неосторожной — только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ; проступки наказываются при наличности не только вины умышленной, но и не осторожной, за исключеніемъ случаевъ, особо закономъ указанныхъ. Такъ какъ ст. 620 прямо опредѣляетъ отвѣтственность только за *умышленное* нарушеніе авторскаго права, то въ этого рода нарушеніяхъ неосторожная вина должна считаться не наказуемой.

Согласно постановленію ст. 49, *покушеніе* на нарушеніе авторскаго права должно считаться не наказуемымъ.

Согласно ст. 68, наказаніе за *давностью* не примѣняется, если со дня учиненія дѣянія, до дня возбужденія противъ обвиняемаго уголовнаго преслѣдованія истекли сроки: въ отношеніи преступленій—три года, въ отношеніи проступковъ—одинъ годъ; 2) если со дня учиненія преступленія до дня постановленія приговора о виновномъ истекли двойные, а со дня учиненія проступковъ до дня постано-

вленія приговора—тройные, противъ указанныхъ въ п. 1, сроки; 3) если со дня постановленія приговора до дня обращенія его къ исполненію истекли установленные въ п. 2 сроки, которые въ сихъ случаяхъ исчисляются сообразно наказанію, назначенному судебнымъ приговоромъ.

Слѣдовательно, согласно ст. 68, давность для нарушеній по 2 и 3 ч. ст. 620 угол. ул. будетъ три года (и шесть лѣтъ), а для нарушеній по 1 ч. ст. 620 и по ст. 622—*одинъ* годъ (и три года).

VII. Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Дѣла о нарушеніи чужого авторскаго права (угол. улож., ст. 620 и 622) начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго. Приговоръ о наказаніи виновнаго отмѣняется, если принесшій жалобу примирится съ виновнымъ прежде исполненія приговора.

VIII. Статью 200 и пунктъ 5 статьи 1260 Устава Уголовнаго Судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, по прод. 1909 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

200. Окружнымъ судамъ, въ общемъ порядкѣ судопроизводства, подсудны всѣ уголовныя дѣла, изъятыя изъ вѣдомства мировыхъ судей, дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 73, 74, 78—80, 82—90, 93—98, 500 (ч. 1 п. 2, ч. 2 и 3) и 524—527 Уголовнаго Уложенія (т. XV, изд. 1909 г.), а равно дѣла о нарушеніяхъ авторскаго права, предусмотрѣнныхъ статьями 620 и 622 того же уложенія.

[Примѣчанія къ сей (200) статьѣ въ Сводѣ и по продолженію (1909 г.) остаются въ силѣ].

1260, п. 5. Дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 73, 74, 78—80, 82—90, 93—98, 500 (ч. 1 п. 2, ч. 2 и 3) и 524—527 Уголовнаго Уложенія (т. XV, изд. 1909 г.), а равно дѣла о нарушеніяхъ авторскаго права, предусмотрѣнныхъ статьями 620 и 622 того же Уложенія, —подлежатъ разсмотрѣнію и рѣшенію окружнаго суда.

IX. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Во все время существованія повременнаго изданія не допускается выпускъ въ свѣтъ другихъ изданій одного съ нимъ наименованія*).

X. Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Воспроизведеніе, безъ согласія фабриканта, механическихъ нотъ (дисковъ, пластинокъ, цилиндровъ и т. п.), предназначенныхъ для исполненія произведенія посредствомъ граммофоновъ, фонографовъ, піанолъ и тому подобныхъ инструментовъ, если на этихъ нотахъ означены фирма или имя и фамилія фабриканта,—воспрещается. Самовольно издавшій механическія ноты обязанъ вознаградить потерпѣвшаго за весь причиненный ему убытокъ. Размѣръ вознагражденія установляется судомъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, по справедливому усмотрѣнію *).

XI. Примѣчаніе 2 къ статьѣ 420, приложеніе къ

*) Объ уголовной отвѣтственности за нарушенія, указанныя въ отд. IX и X,—см. выше на стр. 155—156 и 234—235.

нему *), статью 1185 **) и примѣчаніе къ ней Законовъ Гражданскихъ (свод. зак., т. X ч. 1, изд. 1900 г. и по прод. 1906 г.), а также примѣчаніе 2 къ статьѣ 158***) и статьи 1683, 1684 и 1685 съ примѣчаніемъ****) къ ней Уложенія о Наказаніяхъ (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1906 г.)—отмѣнить.

XII. Дѣйствіе настоящаго закона распространить на губерніи Царства Польскаго и Прибалтійскія. Статьи 1971, 3981—3993, 3994 и примѣчаніе къ ней Свода Гражданскихъ Узаконеній губерній Прибалтійскихъ (свод. мѣстн. узак. губ. остзейск., ч. III, изд. 1864 г.)—отмѣнить.

XIII. Въ отношеніи литературныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, появившихся въ свѣтъ до вступленія настоящаго закона въ силу, постановить слѣдующія правила:

1. Законъ объ авторскомъ правѣ примѣняется къ появившимся уже въ свѣтъ: а) произведеніямъ, сроки авторскаго права на кои, установленные приложеніемъ къ примѣчанію 2 къ статьѣ 420 Законовъ Гражданскихъ (свод. зак., т. X ч. 1, изд. 1900 г.), а равно статьею 1971 и примѣчаніемъ къ статьѣ 3994 Свода Гражданскихъ Узаконеній губерній При-

---

*) О мѣстѣ „Положенія объ авторскомъ правѣ“ въ Сводѣ Законовъ—см. выше на стр. 88.

**) Ст. 1185 т. X ч. I замѣнена ст. 6 и примѣч. Положенія.

***) Прим. 2 къ ст. 158 замѣнено ст. 68 Угол. улож.

****) Прим. къ ст. 1685 замѣнено Отд. VII.

балтійскихъ (свод. мѣстн. узак. губ. остзейск., ч. III, изд. 1864 г.), не истекли до вступленія сего закона въ силу, причемъ охраною авторскаго права означенныя произведенія пользуются въ теченіе установленныхъ до вступленія сего закона въ силу сроковъ, если сроки сіи продолжительнѣе сроковъ, опредѣляемыхъ настоящимъ закономъ, и б) произведеніямъ иностранныхъ подданныхъ, которыя не пользовались до вступленія сего закона въ силу охраною въ Россіи, если срокъ авторскаго права на эти произведенія, по законамъ страны, въ подданствѣ коей состоитъ авторъ, не истекъ до вступленія настоящаго закона въ силу.

2. Дѣйствіе настоящаго закона не распространяется на произведенія, появившіяся въ свѣтъ до вступленія сего закона въ силу, если выпускъ ихъ не составлялъ нарушенія авторскаго права по законамъ, дѣйствовавшимъ до его вступленія въ силу.

3. Установленные настоящимъ закономъ сроки исковой давности примѣняются ко всѣмъ нарушеніямъ авторскаго права, по коимъ, ко дню вступленія закона объ авторскомъ правѣ въ силу, не истекъ установленный дѣйствующими законами срокъ давности.

4. Къ издательскимъ договорамъ, заключеннымъ до времени вступленія настоящаго закона въ силу, статьи 9, 67, 68, 71 и 72 Положенія объ авторскомъ правѣ не примѣняются.

Положеніе объ авторскомъ правѣ.

Глава первая.

Общія Положенія.

1. Авторское право распространяется:

1) на литературныя произведенія какъ письменныя, такъ и изустныя (рѣчи, лекціи, рефераты, доклады, сообщенія, проповѣди и т. п.);

1. Сочиненія или статьи, составленныя при пособіи общедоступныхъ матеріаловъ или свѣдѣній, должны считаться литературными произведеніями, дающими первому издателю право исключительной литературной собственности на эти сочиненія или статьи (Рѣш. Угол. Касс. Д-та 1871 г. № 1591).

2. Въ Цензурномъ Уставѣ не установлено, чтобы при рѣшеніи вопроса о томъ, составляетъ ли данное произведеніе литературную собственность опредѣленнаго лица, слѣдовало обращать вниманіе на мѣру участія ума и фантазіи владѣльца или автора въ напечатанной имъ книгѣ или статьѣ (Рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1868 г. № 478, по дѣлу Старчевскаго).

3. Законъ охраняетъ всякій умственный трудъ, употребленный на изложеніе какихъ бы то ни было мыслей или свѣдѣній въ извѣстной литературной формѣ, независимо отъ того, насколько изложенныя мысли или свѣдѣнія, по содержанію своему, принадлежатъ автору или первому издателю. Для признанія за сочинителемъ, переводчикомъ, первымъ издателемъ или сочинителемъ книги права литературной собственности необходимо только, чтобы ихъ произведеніе не было простымъ воспроизведеніемъ чужого труда, чтобы лица сіи, если они воспользовались чужими мыслями или собранными другими лицами свѣдѣніями, какъ матеріалами, дали имъ другую литературную форму, принимая это слово въ самомъ обширномъ его значеніи (Рѣш. Угол. Касс. Д-та 1871 г. № 1591 по д. Гатцука).

4. Календарь, какъ справочный указатель извѣстнаго рода свѣдѣній, состоящій преимущественно изъ чиселъ и собственныхъ именъ и предназначаемый для общаго употребленія, а не для руководства учащихся, и вовсе не имѣющій характера учебной книги,

долженъ быть причисленъ къ тѣмъ литературнымъ произведеніямъ, о которыхъ упоминается въ ст. 17 прил. къ ст. 420, а не къ хрестоматіямъ и учебнымъ книгамъ, о которыхъ говорится въ ст. 14 (Рѣшеніе Угол. Касс. Деп. 1871 года, № 149, по дѣлу Гатцука).

2) на музыкальныя произведенія, въ томъ числѣ и на музыкальныя импровизаціи;

3) на художественныя произведенія (живопись, гравированіе и другіе виды графическаго искусства, ваяніе и зодчество), и

4) на фотографическія и подобныя имъ произведенія, охраняемыя на основаніяхъ, въ главѣ шестой указанныхъ.

2. Автору принадлежитъ исключительное право всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе.

3. Не считается нарушеніемъ авторскаго права пользованіе чужимъ произведеніемъ для созданія новаго произведенія, существенно отъ него отличающагося, а равно снятіе копій съ чужого произведенія исключительно для личнаго употребленія и безъ помѣщенія притомъ въ копіяхъ художественнаго произведенія подписи или монограммы автора подлинника.

4. Авторское право признается:

1) въ отношеніи произведеній, появившихся въ свѣтъ въ Россіи,—за всѣми авторами и ихъ правопреемниками, независимо отъ ихъ подданства;

2) въ отношеніи произведеній, появившихся въ свѣтъ за границею,—за авторами, состоящими въ

русскомъ подданствѣ, и за ихъ правопреемниками, независимо отъ подданства послѣднихъ, и

3) въ отношеніи произведеній, не появившихся въ свѣтъ,—за всѣми авторами и ихъ правопреемниками, независимо отъ ихъ подданства и мѣстонахожденія произведнія.

5. Авторское право на произведеніе, составленное совокупно нѣсколькими лицами и образующее одно нераздѣльное цѣлое, принадлежитъ всѣмъ авторамъ, причемъ имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе правила объ общей собственности.

Ср. ст. 15.

6. Авторское право послѣ смерти автора переходитъ къ его наслѣдникамъ.

Примѣчаніе. Въ порядкѣ изслѣдованія по закону на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ (св. зак., т. X. ч. I.) устанавливаются слѣдующія изъятія для авторскаго права:

1) къ супругу, оказывающемуся единственнымъ наслѣдникомъ въ отношеніи авторскаго права, оно переходитъ не въ указной долѣ, а въ полномъ объемѣ;

2) къ родителямъ, оказывающимся единственными наслѣдниками въ отношеніи авторскаго права, оно переходитъ не въ пожизненное владѣніе, а въ собственность, и

3) когда остались супругъ и родители, но нѣтъ другихъ наслѣдниковъ въ отношеніи авторскаго права, то имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе правила объ общей собственности.

По дѣлу о наслѣдствѣ послѣ умершаго свящ. А. Смирнова, автора «Сборника краткихъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни», возникъ вопросъ о томъ, подлежитъ ли оплатѣ наслѣдственною пошлиною авторское право на литературное произведеніе при переходѣ его по наслѣдству или по духовному завѣщанію. Правительствующій сенатъ, по гражд. кассац. д-ту, разъяснилъ, что хотя наслѣдникъ автора или переводчика, осуществляя свое наслѣдственное право, путемъ ли продажи сочиненія или перевода наслѣдователя, или путемъ изданія литературныхъ его трудовъ, и можетъ получить извѣстную прибыль, т. е. доходъ отъ наслѣдственнаго имущества, но такой доходъ къ предметамъ обложенія наслѣдственною пошлиною не принадлежитъ, какъ, равнымъ образомъ, не принадлежитъ къ подобнымъ предметамъ и переходящее къ наслѣдникамъ срочное право пользованія чужимъ недвижимымъ имуществомъ.

Такой выводъ, по мнѣнію сената, вытекаетъ изъ опредѣленія закономъ существа авторскаго права, какъ права исключительнаго пользованія сочинителемъ или переводчикомъ книги, на время жизни, изданіемъ и продажею таковой; такое опредѣленіе авторскаго права, прежде всего, исключаетъ возможность отождествленія его съ правомъ собственности на матеріальныя вещи, являющіяся результатомъ духовнаго творчества, напр., книги, рукописи. Далѣе, авторское право неразрывно связано съ лицомъ автора, вслѣдствіе чего, при пріобрѣтеніи съ публичнмго торга сочиненій или переводовъ, право литературной собственности къ покупщику не переходитъ. Наконецъ, по природѣ своей, авторское право не можетъ имѣть и опредѣленной рыночной стоимости, а потому и оцѣнка его со стороны наслѣдниковъ сочинителя или переводчика была бы совершенно произвольною. Всѣ эти соображенія заставляютъ отнести авторское право на литературное произведеніе къ особаго рода имуществу, не предусмотрѣнному законами о налогахъ и пошлинахъ, не терпящими къ тому же распространительнаго толкованія и, потому, не допускающими примѣненія ихъ за предѣлы содержащихся въ нихъ опредѣленій (Рѣш. Гр. Касс. Д-та 3 марта 1910 г.).

7. Если авторъ не распорядился при жизни своимъ авторскимъ правомъ и послѣ него не осталось наслѣдниковъ, то авторское право прекращается со дня смерти автора.

Авторское право послѣ смерти одного изъ авто-

ровъ произведенія, составленнаго совокупно нѣсколькими лицами, переходитъ, если умершій не распорядился своимъ авторскимъ правомъ при жизни и не оставилъ наслѣдниковъ, къ остальнымъ авторамъ того произведенія.

8. Договоръ объ отчужденіи авторскаго права, объ уступкѣ права на изданіе или о предоставленіи права перевода, публичнаго исполненія произведенія или какого-либо иного изъ принадлежащихъ автору правъ другому лицу долженъ быть изложенъ на письмѣ.

9. Предусмотрѣнные въ предыдущей (8) статьѣ договоры относительно будущихъ произведеній автора сохраняютъ силу на срокъ не свыше пяти лѣтъ, хотя бы въ договорѣ была условлена большая его продолжительность или безсрочность.

Автору всякаго литературнаго произведенія принадлежитъ право передать или уступить изданіе своего сочиненія, т. е. осуществленіе своего права собственности, постороннему лицу или вполнѣ или условно съ назначеніемъ срока или безъ онаго. Онъ въ правѣ уступить право на одно изданіе одному лицу, а на другое или на всѣ другія изданія другому. Въ этомъ только смыслѣ можетъ быть понимаема исключительность правъ автора, или сочинителя, или же тѣхъ лицъ, которымъ сіи права переданы законнымъ порядкомъ. Въ томъ случаѣ, когда авторъ какого-либо литературнаго произведенія уступилъ сперва право на одно изданіе его одному лицу, а потомъ самое право собственности на оное другому, второй добросовѣстный пріобрѣтатель не въ правѣ преслѣдовать перваго за контрафакцію на томъ основаніи, что хотя онъ и позже пріобрѣлъ, но ранѣе перваго осуществилъ свое право. Убытокъ, понесенный вторымъ пріобрѣтателемъ, можетъ быть взыскиваемъ съ автора, а не съ перваго пріобрѣтателя, если тотъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ пріобрѣтеннаго имъ законнымъ порядкомъ права (Рѣш. Гр. Касс. Д-та Сен. 1892 г. № 107).

10. Авторское право не можетъ быть предметомъ

взысканія при жизни автора — безъ его согласія, а послѣ его смерти — безъ согласія его наслѣдниковъ. Право на изданіе или иное изъ принадлежащихъ автору правъ, предоставленное по договору другому лицу, можетъ быть предметомъ взысканія по долгамъ сего лица, но лишь въ предѣлахъ договора.

Уст. гражд. судопр.:

Ст. 1040: Уст. гр. суд. въ измѣненной редакціи помѣщена выше въ отд. IV.

Ст. 1041. Сочиненія и переводы рукописные и напечатанные, но не обращенные еще въ продажу самимъ сочинителемъ или переводчикомъ, не подлежатъ публичной продажѣ, ни при жизни сочинителя или переводчика, безъ собственнаго его на то согласія, ни по смерти, безъ согласія наслѣдниковъ.

Ст. 1042. Рукописи, пріобрѣтенныя для изданія, а равно и право на печатаніе ихъ продаются не иначе, какъ съ обязательствомъ исполнить всѣ условія, заключенныя прежнимъ ихъ хозяиномъ.

11. Авторское право на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія принадлежитъ автору въ теченіе всей его жизни, а наслѣдникамъ или инымъ правопреемникамъ его—въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени смерти автора.

На произведенія, появившіяся въ свѣтъ послѣ смерти автора, срокъ авторскаго права исчисляется со времени смерти автора, хотя бы въ подлежащихъ статьяхъ сего Положенія было указано исчисленіе срока со времени появленія въ свѣтъ произведенія.

12. Срокъ авторскаго права на произведеніе, составленное совокупнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ и образующее одно нераздѣльное цѣлое, исчисляется для правопреемниковъ авторовъ со времени смерти того автора, который пережилъ остальныхъ.

13. Составители сборниковъ народныхъ пѣсенъ и мелодій, пословицъ, сказокъ, повѣстей, былинъ и тому подобныхъ произведеній народнаго творчества, сохранившихся въ изустномъ преданіи, а равно составители сборниковъ, рисунковъ и иныхъ произведеній народнаго искусства имѣютъ авторское право на эти сборники въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени ихъ изданія.

Право это не препятствуетъ другимъ лицамъ издавать тѣ же произведенія въ самостоятельной обработкѣ или въ самостоятельныхъ сборникахъ.

Изданіе лекцій умершаго профессора, если издателемъ употребленъ особый умственный трудъ на собираніе ихъ, приведеніе въ извѣстность и редакцію, составляетъ случай, къ которому, по аналогіи, согласно ст. 9 и 10 уст. гр. суд., можетъ быть примѣнена ст. 2 прил. къ ст. 420 т. X ч. I (этой статьѣ соотвѣтствуетъ ст. 13 новаго закона) (Рѣш. Гр. Кас. Д-та 1872 г. по д. Молеріуса и Калининой).

14. Издатели газетъ, журналовъ и другихъ повременныхъ изданій, а также словарей, альманаховъ и инаго рода сборныхъ изданій, составленныхъ изъ отдѣльныхъ произведеній различныхъ авторовъ, имѣютъ авторское право на эти изданія въ теченіе двадцати пяти лѣтъ со времени появленія ихъ въ свѣтъ. Сотрудникъ означенныхъ изданій имѣетъ авторское право на свое отдѣльное произведеніе, если противное не установлено въ договорѣ.

По иску Карѣевой съ Павлова за долги его отца, послѣ котораго ему досталась газета «Русскія Вѣдомости», Сенатъ нашелъ: «Цензурныя законоположенія, до изданія Высочайше утвержденныхъ правилъ 6 апрѣля 1865 г., не заключали положительно опредѣлен-

наго различія между издателемъ и редакторомъ, этими двумя агентами журнальнаго дѣла. Понятія: издатель и редакторъ смѣшивались даже часто на практикѣ и принимались за однозначащія и получили опредѣленный юридическій смыслъ только на основаніи цензурныхъ правилъ 6 апрѣля 1865 года. Законъ, возлагая на издателя только обязанность извѣщать цензурное начальство, для свѣдѣнія, о передачѣ его журнала или газеты другому издателю, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, въ случаѣ перемѣны отвѣтственнаго редактора, предварительное разрѣшеніе цензурнаго начальства. Это различіе, постановленное закономъ относительно правъ и отношеній къ цензурному вѣдомству издателя и редактора, приводитъ къ тому несомнѣнному заключенію, что редакторъ пользуется только правомъ личнымъ, а издатель — имущественнымъ правомъ. Законъ ограничиваетъ право редакторское личнымъ правомъ потому, что отъ редактора зависитъ внутреннее направленіе повременнаго изданія, а слѣдовательно, правительственной власти необходимо заранѣе имѣть ручательство въ его благонадежности. Въ совершенно другомъ положеніи находится издатель въ отношеніи къ издаваемому имъ журналу или газетѣ. На издателѣ лежитъ собственно матеріальная сторона журнальнаго дѣла. Онъ затрачиваетъ свой капиталъ и свой трудъ на періодическое изданіе для извлеченія дохода, т. е. процента съ своего капитала, а потому издательское его право, разъ законно пріобрѣтенное и не утраченное, въ силу цензурныхъ правилъ, какъ и всякое другое имущественное право, не можетъ быть поставлено внѣ закона, ограждающаго имущественное право, и издатель, какъ и всякій собственникъ, долженъ пользоваться всѣми тѣми правами, кои нераздѣльно связаны съ правомъ собственности. Если законъ предоставляетъ издателю отчуждать свое право посредствомъ дара, продажи или иной сдѣлки, извѣщая только объ этомъ высшее цензурное вѣдомство, то нѣтъ правильнаго юридическаго основанія къ ограниченію издательскаго права въ отношеніи его перехода въ порядкѣ наслѣдованія по духовному завѣщанію или по закону. Такое право, составляющее естественное послѣдствіе правъ собственности, не ограничиваетъ законъ, а притомъ это право нисколько не стѣсняетъ власть цензурную. Если установленная правительственная власть признаетъ изданіе журнала вреднымъ, то она, съ соблюденіемъ указаннаго въ законахъ порядка, можетъ пріостановить и даже прекратить изданіе журнала; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы повременное изданіе подлежало прекращенію, а тѣмъ менѣе передачѣ постороннему лицу, по усмотрѣнію главнаго управленія по

дѣламъ печати, потому только, что издатель умеръ, не успѣвъ при жизни передать свое право по сдѣлкѣ другому лицу. По симъ основаніямъ и постоянно руководствуясь тою мыслію, что при неполнотѣ закона, когда ему можетъ быть дано двоякое толкованіе, надлежитъ принимать смыслъ естественнѣйшій, ближайшій къ общему духу нашего законодательства,—смыслъ, который служитъ къ огражденію и укрѣпленію правъ собственности, Сенатъ нашелъ, что по общему духу и разуму нашихъ цензурныхъ законовъ, право собственности издателя въ повременномъ изданіи, пріобрѣтенное въ силу даннаго правительствомъ разрѣшенія, можетъ быть, съ соблюденіемъ цензурныхъ правилъ, не только отчуждаемо самимъ издателемъ при жизни всѣми дозволенными закономъ способами, но переходитъ къ его наслѣдникамъ по закону или по завѣщанію (Рѣш. Гр. Кас. Д-та 1868 г. № 552).

15. Распоряженіе произведеніемъ, составленнымъ совокупнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ и состоящимъ изъ частей, сохраняющихъ самостоятельное научное, литературное, музыкальное или художественное значеніе, можетъ послѣдовать лишь съ общаго согласія всѣхъ авторовъ, если изъ существа взаимныхъ отношеній авторовъ не явствуетъ противное; каждый изъ соавторовъ сохраняетъ, однако, авторское право на свое отдѣльное произведеніе.

16. Срокъ авторскаго права, въ случаяхъ исчисленія его со времени появленія въ свѣтъ произведенія, опредѣляется: для произведеній, издаваемыхъ томами,—особо для каждаго тома; для изданій періодическихъ—особо для каждаго номера, книжки или тетради; для произведеній, издаваемыхъ выпусками, —со времени появленія въ свѣтъ послѣдняго выпуска, если промежутки между изданіемъ отдѣльныхъ выпусковъ не превышаютъ двухъ лѣтъ, а въ противномъ

случаѣ—со времени выхода въ свѣтъ каждаго отдѣльнаго выпуска.

17. Если произведеніе появилось въ свѣтъ безъ означенія фамиліи автора (анонимно) или подъ вымышленнымъ именемъ (псевдонимно), авторское право на него продолжается въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ произведенія; но если, до истеченія этого срока, авторомъ либо правопреемниками его заявлено будетъ авторское право на произведеніе, то они вступаютъ въ свои права, на общемъ основаніи.

18. Срокъ авторскаго права исчисляется съ 1 января того года, въ которомъ авторъ умеръ или произведеніе появилось въ свѣтъ.

19. При всякихъ разрѣшаемыхъ закономъ заимствованіяхъ изъ чужого произведенія обязательно указаніе автора и источника заимствованія.

20. Лицо, которому вполнѣ или въ части уступлено авторское право на произведеніе, не въ правѣ безъ согласія автора или его наслѣдниковъ издавать или публично исполнять это произведеніе съ дополненіями или сокращеніями и вообще съ измѣненіями, кромѣ такихъ, вызываемыхъ явною необходимостью, измѣненій, въ согласіи на которыя авторъ не могъ бы по доброй совѣсти отказать.

21. Лицо, умышленно или по неосторожности нарушившее права автора или его правопреемниковъ,

обязано вознаградить потерпѣвшаго за весь причиненный ему убытокъ.

1. Требованіе о возстановленіи авторскаго права можетъ быть предметомъ самостоятельнаго иска, хотя бы оно и не было связано съ фактомъ понесенія авторомъ убытковъ отъ нарушенія его права и потому можетъ быть предметомъ разсмотрѣнія суда и при отсутствіи требованія о такихъ убыткахъ (Рѣш. Гр. Касс. Деп. 21 Января 1909 г. по д. Сиверса).

2. Ст. 304 уст. ценз. опредѣляетъ имущественную отвѣтственность лица, которое не только самовольно перепечатало чужое произведеніе, но и пустило его въ продажу, т. е. воспользовалось плодами своего преступнаго дѣянія, получивъ незаконную отъ такой продажи прибыль, и тѣмъ причинило законному собственнику матеріальный ущербъ, такъ какъ, съ одной стороны, обязанность возвратить убытокъ можетъ быть возложена лишь на контрафактора, получившаго уже незаконную прибыль продажею самовольнаго изданія, а съ другой стороны, подвергать денежному взысканію въ пользу законнаго собственника за самовольное перепечатаніе его изданія, которое само по себѣ никакого непосредственнаго матеріальнаго ущерба ему причинить не можетъ, было бы несогласно съ основными положеніями нашего законодательства о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступными дѣяніями,—положеніями, выраженными въ ст. 59 улож. о наказ. и ст. 644 и послѣд. т. X ч. I, зак. гражд. (Рѣш. Гр. Касс. Д-та 1886 г., № 46).

22. Лицо, дѣйствовавшее добросовѣстно и нарушившее авторское право по извинительной ошибкѣ, отвѣтствуетъ предъ авторомъ или его правопреемниками за причиненный имъ убытокъ въ размѣрѣ, не превышающемъ полученной прибыли.

23. Размѣръ вознагражденія, причитающагося автору или его правопреемникамъ на основаніи статей 21 и 22 сего Положенія, установляется судомъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, по справедливому усмотрѣнію.

24. Въ случаѣ противозаконнаго изданія, посредствомъ тисненія, произведенія, изданные экземпляры, а также орудія, изготовленныя исключительно для сего изданія, какъ-то: стереотипные шрифты, доски, камни и прочее, по требованію потерпѣвшей стороны, или передаются ей по цѣнѣ, опредѣленной соглашеніемъ, либо по оцѣнкѣ суда, въ счетъ возмѣщенія причиненныхъ убытковъ, или же приводятся въ состояніе, негодное къ употребленію, и оставляются у ихъ собственника.

Если изданіе признано противозаконнымъ лишь относительно извѣстной части произведенія и эта часть можетъ быть отдѣлена отъ остальной, то только указанная часть произведенія приводится въ негодность или передается истцу.

Приведенію въ негодность или передачѣ истцу подлежатъ всѣ противозаконно изданные экземпляры и орудія противозаконнаго производства, которые окажутся какъ у издателя, такъ и у книгопродавца, типографщика и вообще у лицъ, имѣющихъ эти экземпляры для распространенія.

См. ст. 58.

Примѣчаніе. Незаконнымъ изданіемъ почитается и самовольное переложеніе музыкальнаго произведенія на всякаго рода механическія ноты.

25. Искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные нарушеніемъ авторскаго права, а также требованія, указанныя въ предыдущей (24) статьѣ, могутъ быть предъявлены, по усмотрѣнію истца, въ

порядкѣ гражданскаго судопроизводства безъ возбужденія уголовнаго дѣла.

26. Право на искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные нарушеніемъ авторскаго права, погашается истеченіемъ, со времени его нарушенія, пятилѣтняго срока давности.

Возникающіе изъ нарушенія авторскаго права иски объ отобраніи (ст. 24) противозаконно изданныхъ экземпляровъ и орудій противозаконнаго производства могутъ быть, въ предѣлхъ срока авторскаго права, предъявляемы, пока существуютъ самовольно изданные экземпляры и орудія, изготовленныя для сего производства.

Глава вторая.

Авторское право на литературныя произведенія.

27. Публичное изложеніе непоявившагося въ свѣтъ литературнаго произведенія или опубликованіе содержанія такого произведенія безъ согласія автора не допускается.

28. Частныя письма, не предназначавшіяся авторомъ къ напечатанію, могутъ быть изданы лишь съ обоюднаго согласія автора и лица, которому они были писаны; въ случаѣ же смерти кого-либо изъ означенныхъ лицъ и за отсутствіемъ особаго съ ихъ стороны распоряженія,—съ согласія лицъ, имѣющихъ послѣ нихъ право наслѣдованія по закону. По исте-

ченіи пятидесяти лѣтъ со времени смерти послѣдняго изъ лицъ, которыя вели между собою переписку, для изданія частныхъ писемъ требуется согласіе лишь пережившихъ супруговъ и дѣтей названныхъ лицъ.

29. Дневники и всякія частныя записки, не предназначавшіеся къ напечатанію, могутъ быть изданы послѣ смерти автора лишь съ согласія лицъ, имѣющихъ послѣ него право наслѣдованія по закону, если по сему предмету умершимъ не было сдѣлано особаго распоряженія. По истеченіи пятидесяти лѣтъ со времени смерти автора, для изданія требуется согласіе лишь пережившаго супруга и дѣтей автора.

30. Издатель древней рукописи пользуется авторскимъ правомъ на свое изданіе въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени появленія его въ свѣтъ; это право не препятствуетъ, однако, другимъ лицамъ издавать, въ самостоятельной обработкѣ, ту же рукопись.

31. Передѣлка повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму или драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму безъ согласія автора или его наслѣдниковъ не допускается.

32. Перепечатка въ Россіи изданныхъ за границею литературныхъ произведеній не допускается безъ согласія лицъ, имѣющихъ по законамъ страны, въ которой были изданы эти произведенія, авторское на нихъ право, поскольку это право не про-

стирается за предѣлы, установленныхъ настоящимъ Положеніемъ, сроковъ авторскаго права.

33. Авторъ сочиненія, изданнаго въ Россіи, а также русскій подданный, издавшій свое сочиненіе за границею, и ихъ наслѣдники пользуются исключительнымъ правомъ перевода его на другіе языки, если на заглавномъ листѣ или въ предисловіи сочиненія ими заявлено о сохраненіи за собою этого права.

Исключительное право перевода принадлежитъ автору въ теченіе десяти лѣтъ со времени изданія подлинника, подъ условіемъ напечатанія перевода авторомъ въ теченіе пяти лѣтъ со времени изданія подлинника.

Обратный, на языкъ подлинника, переводъ съ перевода не допускается въ теченіе всего срока авторскаго права на подлинное произведеніе.

34. Произведенія, изданныя одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, признаются на всѣхъ этихъ языкахъ подлинниками.

35. Появившіяся въ свѣтъ за границею сочиненія иностранныхъ подданныхъ могутъ быть издаваемы въ Россіи въ переводѣ на русскій или иные языки и безъ согласія авторовъ или ихъ правопреемниковъ, если необходимость такого согласія не установлена въ договорахъ объ охранѣ авторскихъ правъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными государствами.

На основаніи такихъ договоровъ иностраннымъ

подданнымъ не могутъ быть предоставлены большія права, чѣмъ тѣ, которыми пользуются русскіе подданные по силѣ статьи 33 настоящаго Положенія; въ означенныхъ предѣлахъ исключительное право перевода сочиненій, появившихся за границею, можетъ быть предоставлено иностраннымъ подданнымъ только подъ условіемъ равной охраны правъ русскихъ подданныхъ въ договаривающемся государствѣ.

36. Переводчикъ пользуется авторскимъ правомъ на свой переводъ. Это право не препятствуетъ, однако, другимъ лицамъ самостоятельно переводить то же произведеніе.

37. Не составляютъ предмета авторскаго права: законы и правительственныя распоряженія, постановленія законодательныхъ учрежденій, земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраній и матеріалы, на коихъ эти законы, распоряженія и постановленія основаны, а также рѣшенія судебныхъ установленій.

38. Рѣчи, произнесенныя публично въ законодательныхъ учрежденіяхъ, въ судебныхъ установленіяхъ, въ земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ и, вообще, во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, могутъ быть печатаемы въ повременныхъ изданіяхъ, а также въ отдѣльныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ означенныхъ учрежденій и собраній, безъ согласія автора. За авторомъ сохраняется,

однако, исключительное право на изданіе какъ отдѣльныхъ рѣчей, такъ и сборника ихъ.

Передача въ печати простого разговора, не имѣвшаго формы выработаннаго литературнаго или научнаго труда, хотя бы такая передача послѣдовала и безъ согласія говорившаго, не можетъ быть подведена подъ понятіе контрафакціи (Рѣш. Угол. Кас. Д. 1870 г. № 1659).

39. Въ литературныхъ произведеніяхъ допускаются небольшія выписки изъ появившихся уже въ свѣтъ чужихъ сочиненій или даже полная перепечатка чужихъ, незначительныхъ по объему, произведеній, подъ условіемъ помѣщенія такихъ выписокъ или перепечатокъ въ сочиненіи, составляющемъ самостоятельное цѣлое, или же въ хрестоматіяхъ и другихъ сборникахъ съ учебною, научною, либо техническою цѣлью.

40. Въ газетахъ, журналахъ и прочихъ повременныхъ изданіяхъ допускается перепечатка изъ другихъ повременныхъ изданій извѣстій о текущихъ событіяхъ и новостяхъ дня, а равно иногородныхъ сообщеній по телеграфу и телефону, хотя бы получаемыхъ отъ собственныхъ корреспондентовъ. Другія статьи повременныхъ изданій могутъ быть перепечатываемы въ тѣхъ случаяхъ, когда по отношенію къ нимъ не послѣдовало воспрещенія автора.

Постоянныя изъ одного и того же изданія перепечатки воспрещаются.

Иногородніе сообщенія по телеграфу и телефону, снабженныя запретительною оговоркою, не дозволяется воспроизводить въ мѣстныхъ газетахъ въ те-

ченіе восемнадцати часовъ со времени ихъ опубликованія.

41. Постановленія настоящей главы имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе къ авторскому праву на географическіе, топографическіе, астрономическіе и инаго рода карты, глобусы, атласы, рисунки по естествознанію, строительные и другіе техническіе планы, рисунки, чертежи и тому подобныя произведенія, если по главной цѣли своей и назначенію такія произведенія не относятся къ числу художественныхъ.

Глава третья.

Авторское право на музыкальныя произведенія.

42. Авторское право на музыкальное произведеніе заключаетъ въ себѣ также исключительное право композитора на составленіе и изданіе сокращеній, извлеченій и попурри изъ его музыкальнаго произведенія, на переложеніе его, въ части или въ цѣломъ, на одинъ или нѣсколько голосовъ, на другіе тона, на отдѣльные инструменты или цѣлый оркестръ, на переинструментовку произведенія, а также на переложеніе его на всякаго рода механическія ноты (диски, пластинки, цилиндры и т. п.), предназначенныя для исполненія произведенія посредствомъ граммофоновъ, фонографовъ, піанолъ и тому подобныхъ инструментовъ.

Если композиторъ лично или, съ его разрѣшенія, другое лицо воспользовались правомъ переложенія музыкальнаго произведенія на инструменты, воспроизводящіе его механически (фонографы, граммофоны и т. п.), для его продажи, то этимъ дается право и всякому другому, имѣющему въ предѣлахъ Россіи механическое для сего заведеніе, войти въ соглашеніе съ композиторомъ относительно уступки права такого же переложенія, а въ случаѣ отказа композитора— ходатайствовать о предоставленіи этого права передъ судомъ, который одновременно съ разрѣшеніемъ ходатайства опредѣляетъ по справедливому усмотрѣнію и размѣръ причитающагося композитору вознагражденія, а также условія и способъ его осуществленія.

1. Хотя дѣйствующіе законы и не опредѣляютъ, что именно разумѣется подъ музыкальнымъ сочиненіемъ, исключительное право на которое обезпечивается за композиторомъ, но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы такое право могло принадлежать всякому перелагателю на ноты какого-либо общедоступнаго напѣва, когда приложенный для такого переложенія трудъ не выходитъ изъ области механической работы записыванія (Рѣш. Гр. Деп. 1890 № 130).

2. Если въ музыкальномъ переложеніи нѣтъ художественнаго труда, вызываемаго необходимостью обработки собираемаго матеріала въ художественную форму, судъ имѣетъ законное основаніе отказать въ признаніи за такимъ составителемъ права музыкальной собственности на такое переложеніе (Рѣш. Гр. Деп. 1890 г. № 130).

43. Не признается нарушеніемъ авторскаго права на музыкальное произведеніе: 1) изданіе варіацій, транскрипцій, фантазій, этюдовъ на цѣлое или часть чужого музыкальнаго произведенія или вообще заимствованіе изъ него, если всѣ эти сочиненія настолько уклоняются отъ оригинала, что должны быть

разсматриваемы какъ новое и самостоятельное музыкальное произведеніе, и 2) приведеніе въ изданіяхъ съ учебною или ученою цѣлью, въ видѣ примѣровъ, отдѣльныхъ мѣстъ изданнаго или публично исполненнаго музыкальнаго произведенія.

Подъ хрестоматіею музыкальной слѣдуетъ разумѣть составленный для пособія къ школьному преподаванію систематическій сборникъ музыкальныхъ пьесъ, предложенныхъ въ видѣ образцовъ частью въ извлеченіи, частью вполнѣ, смотря по относительной величинѣ сочиненій и пригодности ихъ для педагогическихъ потребностей. При этомъ, для возможности появленія такихъ сборниковъ въ свѣтъ необходима также защита, какая оказывается составителямъ хрестоматій литературныхъ. Но могутъ быть случаи, что посягательство на чужой трудъ только прикрывается названіемъ учебнаго руководства, и въ такихъ случаяхъ отъ суда, зависитъ указать, на основаніи фактическихъ данныхъ, существуютъ ли признаки контрафакціи, прикрытой внѣшней формой дозволеннаго по закону изданія и принадлежитъ ли спорная хрестоматія къ разряду учебныхъ пособій къ музыкальному преподаванію (Общ. Соб. 1896 г. № 30).

44. Перепечатка въ Россіи музыкальныхъ произведеній, изданныхъ за границею, не допускается безъ согласія лицъ, имѣющихъ, по законамъ страны, въ которой были изданы эти произведенія, авторское на нихъ право, посколько это право не простирается за предѣлы, установленныхъ настоящимъ Положеніемъ, сроковъ авторскаго права.

45. Композиторъ можетъ воспользоваться для своего сочиненія текстомъ, заимствованнымъ въ части или въ цѣломъ изъ напечатаннаго уже литературнаго произведенія. Изданіе этого текста допускается лишь вмѣстѣ съ музыкальнымъ произведеніемъ или отдѣльно

отъ него въ концертной программѣ. Однако, пользованіе литературнымъ произведеніемъ, написаннымъ именно съ цѣлью служить текстомъ для музыкальнаго произведенія, разрѣшается композитору не иначе, какъ съ согласія автора литературнаго произведенія.

46. Авторское право на музыкальное произведеніе съ текстомъ, написаннымъ по заказу композитора, принадлежитъ, въ цѣломъ его составѣ, композитору, но право на отдѣльное изданіе такого текста имѣетъ, за отсутствіемъ иного соглашенія, авторъ.

Глава четвертая.

Право публичнаго исполненія драматическихъ, музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній.

47. Авторское право на драматическое, музыкальное и музыкально-драматическое произведеніе заключаетъ въ себѣ также исключительное право на публичное исполненіе сихъ произведеній.

1. Права сочинителей и переводчиковъ драматическихъ пьесъ и оперъ, принятыхъ для представленія на Императорскихъ театрахъ, на вознагражденіе за литературную собственность, опредѣляются Положеніемъ 13 ноября 1827 года. Министру Императорскаго Двора предоставляется, впредь до изданія новыхъ законовъ о драматической собственности, дѣлать въ означенномъ Положеніи всякія измѣненія и дополненія, сообразно современнымъ потребностямъ [Примѣчаніе къ ст. I прил. къ ст. 420 (прим.) т. X ч. I].

2. Въ законѣ 13-го ноября 1827 г., объ управленіи Императорскими театрами (Полн. Собр. Зак. 1827 г., № 1533), установлено было, между прочимъ, особое положеніе о вознагражденіи

сочинителямъ и переводчикамъ драматическихъ пьесъ и оперъ На основаніи § 7 этого Положенія, сочинители принятыхъ пьесъ и оперъ пользуются во всю свою жизнь частію сбора, послѣдовавшаго въ дни представленія ихъ пьесъ на которомъ-нибудь изъ Императорскихъ театровъ обѣихъ столицъ; далѣе же, въ § 14 того же Положенія предоставлено сочинителямъ право безплатнаго входа въ театры въ дни казенныхъ представленій. Очевидно, что такого рода права, ограниченныя личностью автора, никакъ не могутъ входить въ составъ его имущественныхъ правъ на сочиненіе и что эти права составляютъ особенность права автора на дарованныя его лицу преимущества, совершенно отдѣльныя отъ правъ собственника на сочиненіе. (Дѣло шло о томъ, что композиторъ продавъ издателю свою оперу, продолжалъ пользоваться поспектальнымъ сборомъ, который, по мнѣнію издателя, долженъ принадлежать ему. Палата и Сенатъ отказали въ искѣ и тѣмъ признали, что право на поспектакльную плату есть право личное, не принадлежащее къ праву изданія (Рѣш. Гр. Кас. Д. 1870 г. № 798).

3. На основаніи § 7 Положенія 13 ноября 1827 г. сочинители принятыхъ для представленія въ Императорскихъ театрахъ пьесъ и оперъ пользуются всю жизнь своею частью сбора, поступившаго въ дни представленія ихъ пьесъ въ какомъ-либо изъ Императорскихъ театровъ въ обѣихъ столицахъ. Но это право пользованія авторомъ поспектакльной платой ограничено его жизнію и слѣдовательно, какъ право пожизненное, не можетъ переходить къ его правопреемникамъ. Въ силу § 10 Положенія 1882 г., Дирекціи предоставлено право назначать вознагражденіе автору возобновленныхъ на сценѣ пьесъ или на основаніи положенія 1827 г., или же по особому соглашенію съ послѣднимъ, но на нее не возложено обязанности назначать упомянутое вознагражденіе только по соглашенію съ авторомъ (Рѣш. Гр. Касс. Д-та 1904 г. № 115).

48. Право композитора на публичное исполненіе музыкальнаго произведенія охраняется лишь въ томъ случаѣ, если имъ на каждомъ экземплярѣ музыкальнаго произведенія указано, что композиторъ оставилъ за собою это право.

49. Для публичнаго исполненія музыкальнаго

произведенія съ текстомъ достаточно согласія композитора.

50. Публичное исполненіе музыкальнаго произведенія допускается безъ согласія композитора:

1) если исполненіе ни непосредственно, ни косвенно не преслѣдуетъ цѣлей наживы;

2) если исполненіе совершается во время народныхъ празднествъ, или

3) если выручка назначена исключительно для благотворительныхъ цѣлей и исполнители вознагражденія не получаютъ.

По дѣлу по обвиненію, возбужденному противъ Т. обществомъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ въ самовольной постановкѣ пьесъ означеннаго общества въ купеческомъ обществѣ для взаимнаго вспоможенія, Прав. Сенатъ нашелъ, что вопросъ о виновности Т. находится въ зависимости отъ вопроса о томъ, имѣютъ ли собранія купеческаго общества, въ которыхъ ставились этимъ обществомъ пьесы общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, характеръ публичныхъ представленій. Законъ, преподаваемый въ раздѣлѣ III уст. о пред. и пресѣч. прест. (св. зак. т. XIV, изд. 1876 г.), запрещаетъ давать общенародныя игры или забавы и театральныя представленія безъ дозволенія начальства (ст. 145) и изъ этого общаго правила дѣлаетъ исключеніе лишь по отношенію къ домашнимъ забавамъ и увеселеніямъ, когда въ оныя не входитъ что-либо законамъ противное (ст. 140), причемъ предписываетъ — публичными маскарадами, концертами и балами считать не только тѣ, которые даются за установленную при входѣ въ оные плату, но и всѣ, для коихъ, на основаніи ст. 145, нужно дозволеніе полиціи (примѣч. къ ст. 156 и 180). Хотя въ этихъ двухъ послѣднихъ статьяхъ о театральныхъ представленіяхъ прямо и не упоминается, но очевидно, они не могутъ быть изъяты отъ дѣйствія общаго опредѣленнаго закономъ правила, такъ какъ подлежатъ тому же ограниченію, которое ст. 145 установлено для маскарадовъ, баловъ и концертовъ. Поэтому и такъ какъ Правительствующимъ Сенатомъ, въ рѣшеніи 1871 г. № 921, было уже дано надлежащее разъясненіе по возбужденному судебною

палатою вышеизложенному вопросу, нельзя не признать, что заключеніе палаты о непубличности театральныхъ представленій, даваемыхъ купеческимъ обществомъ для взаимнаго вспоможенія, лишено законнаго основанія. Не можетъ также быть признано правильнымъ и соображеніе судебной палаты о непримѣненіи приведеннаго рѣшенія Правительствующаго Сената къ данному случаю въ виду необязательности для купеческаго общества, въ силу устава онаго, испрашиванія разрѣшенія полиціи для устройства общедоступныхъ зрѣлищъ, ибо, независимо отъ того, что исполненіе купеческимъ обществомъ постановленія ст. 145 уст. о пред. и пресѣч. прест. не можетъ обусловливаться упоминаніемъ о томъ въ его уставѣ, уставъ этотъ не только не ставитъ общество въ какое-либо въ семъ отношеніи привилегированное положеніе, но, напротивъ того, указываетъ на обязанность общества испрашивать разрѣшеніе полиціи на театральныя представленія, предписывая предоставлять представителю полиціи, очевидно, въ видахъ наблюденія какъ за порядкомъ въ публичномъ мѣстѣ, такъ и за выполненіемъ даннаго разрѣшенія, соотвѣтствующее кресло на каждый спектакль или представленіе (4 прим. къ § 2) (Рѣш. Уг. Касс. Д-та 1887 г. № 28).

Глава пятая.

Авторское право на художественныя произведенія.

51. Отчужденіе художникомъ художественнаго произведенія не переноситъ на пріобрѣтателя авторскаго права на это произведеніе, если въ договорѣ не упомянуто объ этомъ.

52. За отсутствіемъ иного соглашенія, художнику принадлежитъ авторское право на художественныя произведенія, исполненныя имъ по заказу другого лица. Правило это не распространяется на портреты и бюсты; право повторять, выставлять и издавать таковые принадлежитъ лицу, съ котораго написанъ

портретъ или сдѣланъ бюстъ, либо его наслѣдникамъ.

53. Собственникъ художественнаго произведенія не обязанъ допускать художника къ пользованію этимъ произведеніемъ для повторенія, размноженія или изданія его.

54. Снятіе копій съ художественнаго произведенія, пріобрѣтеннаго непосредственно отъ художника въ собственность для храмовъ Божіихъ, Императорскихъ дворцовъ, музеевъ, правительственныхъ и общественныхъ установленій, допускается, съ разрѣшенія подлежащей власти, и безъ согласія художника.

55. Признается нарушеніемъ авторскаго права на художественное произведеніе повтореніе, размноженіе или изданіе произведенія, въ цѣломъ или въ части:

1) всякимъ способомъ, относящимся къ тому же роду искусства, и

2) не только съ подлинника, но и съ копіи.

56. Не признается нарушеніемъ авторскаго права на художественное произведеніе:

1) изображеніе произведеній живописи средствами ваянія и, наоборотъ, произведеній ваянія средствами живописи;

2) воспроизведеніе отдѣльныхъ художественныхъ произведеній въ самостоятельномъ научномъ изслѣдованіи или же въ книгѣ, предназначенной для учеб-

ныхъ цѣлей, и притомъ исключительно для поясненія текста;

3) повтореніе художественныхъ произведеній, находящихся на улицахъ, площадяхъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, въ иной отрасли того же искусства;

4) помѣщеніе отдѣльныхъ частей художественнаго произведенія въ издѣліяхъ заводской, фабричной и ремесленной промышленности, и

5) помѣщеніе произведеній на публичной выставкѣ.

57. Каждый можетъ производить постройки и сооруженія по опубликованнымъ авторомъ архитектурнымъ, инженернымъ и инымъ техническимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ, если авторъ, при самомъ опубликованіи, не оговоритъ, что такое право онъ сохраняетъ за собою. Лицо, пріобрѣвшее отъ автора технические планы, чертежи или рисунки, за отсутствіемъ иного соглашенія, можетъ производить по нимъ постройки и сооруженія, но не можетъ, безъ согласія автора, переуступать этого права постороннимъ лицамъ.

58. Въ случаяхъ противозаконнаго воспроизведенія всякаго рода художественныхъ произведеній, за исключеніемъ архитектурныхъ произведеній и сооруженныхъ памятниковъ, имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе правила статьи 24, съ тѣмъ, однако, что подлежащія приведенію въ негодность художественныя

произведенія, а равно служащія исключительно для ихъ изготовленія орудія (формы, камни, доски и т. п.) могутъ, по ходатайству нарушителя авторскаго права и за его счетъ, вмѣсто приведенія въ негодность, быть изъяты изъ пользованія и подвергнуты описи и аресту на срокъ дѣйствія авторскаго права на сіи произведенія.

Глава шестая.

Авторское право на фотографическія произведенія.

59. Фотографу принадлежитъ исключительное право повторенія, размноженія и изданія фотографическаго произведенія свѣтописнымъ, механическимъ, химическихъ или инымъ подобнымъ способомъ.

Въ отношеніи портретовъ и другихъ фотографическихъ произведеній, исполненныхъ по заказу, авторское право принадлежитъ лицу, сдѣлавшему заказъ.

60. Для сохраненія за фотографомъ авторскаго права на фотографическія изображенія требуется означеніе на каждомъ экземплярѣ:

1) фирмы или имени, фамиліи и мѣста жительства фотографа или издателя фотографіи, и

2) года выпуска въ свѣтъ фотографическаго произведенія.

61. Авторское право на фотографическія произ-

веденія ограничивается десятью годами со времени появленія въ свѣтъ произведенія.

Означенный срокъ увеличивается до двадцати пяти лѣтъ, если фотографическія произведенія изданы въ видѣ сборниковъ или серій снимковъ, представляющихъ самостоятельный художественный, историческій или научный интересъ.

Авторское право на фотографическія произведенія, являющіяся составною частью литературныхъ произведеній, хотя бы въ видѣ приложенія къ нимъ, продолжается на весь срокъ дѣйствія авторскаго права на означенныя литературныя произведенія.

62. Не признается нарушеніемъ авторскаго права на фотографическія произведенія:

1) снятіе копіи для личнаго употребленія;

2) помѣщеніе произведенія на публичной выставкѣ;

3) воспроизведеніе его въ самостоятельномъ научномъ изслѣдованіи или же въ книгѣ, предназначенной для учебныхъ цѣлей, и притомъ исключительно для поясненія текста, и

4) воспроизведеніе его, хотя бы цѣликомъ, въ издѣліяхъ промышленности заводской, фабричной и ремесленной.

63. Къ фотографическимъ произведеніямъ имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе статьи 4—8, 11 ч. 2, 14, 16, 18—26 настоящаго Положенія.

64. Правила настоящей главы примѣняются не только къ фотографическимъ, но и къ другимъ, подобнымъ фотографіи, произведеніямъ.

Глава седьмая.

Издательскій договоръ.

65. Въ силу издательскаго договора авторъ, уступившій другому лицу (издателю) право на одно или нѣсколько изданій своего произведенія, обязанъ предоставить послѣднее въ распоряженіе издателя, который, съ своей стороны, обязанъ издать это произведеніе въ надлежащемъ видѣ и въ условленномъ количествѣ экземпляровъ и принять всѣ обычно соблюдаемыя мѣры къ распространенію изданія.

66. Издатель, насколько это представляется необходимымъ для огражденія правъ его по издательскому договору, пользуется въ отношеніи какъ автора, такъ и третьихъ лицъ, авторскимъ правомъ на произведеніе, съ тѣми лишь изъятіями, которыя установлены въ законѣ или договорѣ.

67. Переуступка пріобрѣтеннаго издателемъ права другому лицу допускается только съ согласія автора или его правопреемниковъ.

68. За отсутствіемъ соглашенія относительно срока изданія произведенія, издатель обязанъ выпустить его въ свѣтъ въ соотвѣтствующій обстоятельствамъ

срокъ и, во всякомъ случаѣ, не позже трехъ лѣтъ со дня заключенія договора или полученія произведенія, если оно передано позже. Если изданіе не послѣдуетъ въ теченіе трехъ лѣтъ, то договоръ, по заявленію автора, прекращается.

Равнымъ образомъ, по заявленію автора, договоръ прекращается, если обнаружатся уважительныя обстоятельства, хотя и не предусмотрѣнныя въ статьѣ 684 Законовъ Гражданскихъ (свод. зак., т. X ч. I., изд. 1900 г.), но вынуждающія его отказаться отъ опубликованія своего произведенія; въ этомъ случаѣ авторъ обязанъ возмѣстить издателю понесенныя имъ издержки по изданію.

69. За отсутствіемъ соглашенія относительно числа изданій или количества экземпляровъ, издатель литературнаго или художественнаго произведенія имѣетъ право на одно изданіе въ количествѣ не свыше одной тысячи двухсотъ экземпляровъ, издатель же нотъ—на одно изданіе въ количествѣ не свыше двухсотъ экземпляровъ.

70. Издатель не въ правѣ, безъ согласія автора или его наслѣдниковъ, вносить какія-либо дополненія, сокращенія и вообще измѣненія ни въ самое произведеніе, ни въ заглавіе его, ни въ обозначеніе на немъ автора, за исключеніемъ лишь такихъ, вызываемыхъ явною необходимостью, измѣненій, въ согласіи на которыя авторъ не могъ бы по доброй совѣсти отказать.

71. Авторъ, уступившій право на изданіе своего произведенія, можетъ предпринять новое изданіе немедленно послѣ того, какъ уступленное имъ изданіе распродано издателемъ. Автору принадлежитъ право выкупить отъ издателя оставшіеся нераспроданными экземпляры по цѣнѣ, назначенной для ихъ продажи при выпускѣ изданія въ свѣтъ.

За отсутствіемъ инаго соглашенія, авторъ можетъ предпринять новое изданіе по истеченіи пяти лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ изданія, а если уступлено право на нѣсколько изданій, то по истеченіи столькихъ пятилѣтій, сколько изданій уступлено.

72. Въ полномъ собраніи своихъ произведеній авторъ можетъ помѣстить и такія произведенія, право на изданіе коихъ уступлено имъ другимъ лицамъ, если со времени появленія ихъ въ свѣтъ прошло болѣе трехъ лѣтъ, а въ отношеніи музыкальныхъ и художественныхъ произведеній—болѣе десяти лѣтъ. Авторъ, однако, не въ правѣ продавать эти произведенія отдѣльно отъ полнаго собранія.

73. Авторъ, уступившій право на изданіе своего произведенія, можетъ вновь издать его, если оно настолько существенно переработано, что должно быть разсматриваемо, какъ новое произведеніе.

74. Уступка права на изданіе драматическаго, музыкальнаго или музыкально - драматическаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права на публичное его исполненіе и на переложеніе музы-

кальныхъ произведеній на инструменты, воспроизводящіе ихъ механически.

75. Уступка права на изданіе литературнаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права:

1) на переводъ его на другіе языки и

2) на передѣлку повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму или драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму.

Алфавитный указатель.

(*Цифры, заключенныя въ скобкахъ, означаютъ статьи закона; цифры безъ скобокъ означаютъ страницы книги*).

Авторское право, какъ право собственности,—13—26, 77—88, 322—328.

Альманахи (14). См. сборныя изданія.

Анонимное произведеніе (17); 186—188.

Арестъ (58).

Архитектурныя произведенія (1, 57, 58); 164 — 168, 245, 359.

Астрономическія карты и т. д. (41).

Атласы (41).

Безплатное исполненіе (50).

Благотворительная цѣль (50).

Будущія произведенія (9); 258.

Былины (13).

Бюстъ (52); 161—163.

Варіаціи (43).

Ваяніе (1). См. художественныя произведенія.

Взысканіе (10 и отд. IV); 289—297.

Вознагражденіе (21, 22, 23, 25, 26).

Возникновеніе авт. права—248—253.

Воспроизведеніе (2); 347.

Выкупъ (71).

Выморочное право—283.

Выписки—см. заимствованіе.

Выпуски (16).

Газетная собственность (отд. IX.) См. повременныя изданія.

Газеты—см. повременныя изданія.
Географическіе карты, глобусы и др. (41).
Глобусъ (41).
Голосъ (42).
Гравированіе (1).
Граммофоны (42). См. переложеніе.
Граммофонные диски, пластинки, цилиндры (42).
Графическое искусство (1).
Давность исковая (26); 370. Давность уголовная—371, 379.
Дворцы (54); 242.
Добросовѣстное нарушеніе (22); 355.
Договоръ (8, 9, 10); 257; издательскій (65—75); 259—289; съ иностранными государствами (35).
Доказательства авт. права—248.
Дневники (29); 121—129.
оклады (1).
Драматизація (31, 75); 199—203.
Драматическое произведеніе (47, 74). См. публичное исполненіе.
Дѣти автора (28, 29); 121, 123, 125.
Живопись (1). См. художественныя произведенія.
Журналы—см. повременныя изданія.
Заводская промышленность (56, 62).
Заглавіе (70); 109.
Заглавный листъ (33).
Заграничныя произведенія—см. иностранные подданные.
Заимствованіе (19, 39, 40, 43); 217—247.
Заказанныя произведенія (52, 59).
Законодательныя учрежденія (37, 38).
Законодательства иностранныя объ авт. правѣ— 12; русское—69—88.
Законы (37); 143—146.

Записки частныя (29); 121—122.
Запретительная оговорка (40).
Защита авт. права—333—373.
Заявленіе о сохраненіи за собою права (33, 48, 57).
Зодчество (1). См. архитектурныя произведенія.
Изданіе—см. издательскій договоръ.
Издатель (14, 24, 30, 65,—75); 182; добровольный издатель—283; 391.
Издательскій договоръ (65—75).
Измѣненія (20, 70); 266.
Изустное преданіе (13). См. народное творчество.
Изустныя произведенія (1, 38); 138—143.
Импровизаціи (1).
Инженерные планы, чертежи, рисунки (41, 57).
Иностранные подданные (4, 32, 35, 44); 92 — 95, 98—104. См. также международная защита авт. пр.
Инструменты музыкальные (42). См. переложеніе.
Искъ (25, 26). См. отвѣтственность гражданская.
Источникъ заимствованія (19); 233.
Карты (41); 146.
Кинематографическія произведенія—173—174.
Книгопродавецъ (24).
Комитеты литерат. экспертовъ—364.
Компиляціи—219.
Композиторъ (42, 45, 46, 48, 49, 50).
Конвенціи (35) 55. См. международная защита.
Контрафакція—335. См. нарушеніе авт. права, отвѣтственность уголовная.
Концертная программа (45); 159.
Копіи (3, 54, 55).
Кредиторы—см. взысканіе.
Лекціи (1). См. изустныя произведенія.
Либретто (45, 46, 49); 157—161.
Литературныя произведенія (1, 27—41); 13—26, 77—88.

Личное употребленіе (3, 62).
Лишенные правоспособности—193.
Матеріалы законодательные (37); 143—146.
Международная защита авт. права—51—67.
Мелодіи (13); 149.
Механическій способъ (59).
Механическое исполненіе (42). См. переложеніе.
Модель—см. художественно-промышленныя произведенія.
Монограмма (3).
Музеи (54); 242.
Музыкально-драматическое произведеніе (47, 74). См. публичное исполненіе.
Музыкальныя произведенія (1, 42—50. 74); 36—38, 147—161, 214.
Мѣсто изданія (4).
Наименованіе повременнаго изданія (Отд. IX); 234.
Народное искусство (13).
Народное творчество (13); 129—134.
Народныя празднества (50).
Нарушеніе авт. права (3, 21, 22, 23, 24, 25, 26, отд. V, VI, VII, VIII). См. отвѣтственность.
Наслѣдованіе (6, 7, 28, 29); 120, 124, 125, 277—282.
Необходимость явная (20, 70).
Неопубликованныя произведенія (4, 27).
Нераспроданные экземпляры (71).
Неосторожная вина—342, 379.
Новое изданіе (71); 272.
Новое произведеніе (3, 43, 73); 218, 274.
Номеръ (16)
Ноты механическія (24, 42, отд. X.); 155-157. См переложеніе.
Обработка самостоятельная (13, 30).
Обратный переводъ (33); 209.

Общая собственность (5, 6).
Общественныя собранія (37. 38).
Объектъ авт. права—104—174.
Опубликованіе (2).
Оркестръ (42).
Орудія противозаконнаго изданія (24, 26, 58); 357.
Отвѣтственность гражданская (21—26); 353—359.
Отвѣтственность уголовная (отд. V, VI и VII); 335—353.
Отобраніе самовольно изданныхъ экземпляровъ (24, 26, 58); 357, 371.
Отчужденіе (8, 9, 51); 257; принудительное—см. взысканіе.
Ошибка извинительная (22); 355.
Памятники (58); 359.
Переводчикъ (36).
Переводы (33, 35, 36, 75); 55—67, 92—95 98—104, 114—115, 203—210.
Передѣлка (31, 75).
Переинструментовка (42).
Переложеніе (24, 42); 150—154.
Перепечатка (32, 44); 192. См. заимствованіе.
Переуступка (57, 67).
Переходныя правила (отд. XIII); 97.
Переходъ авт. права;—254—289. См. отчужденіе, наслѣдованіе.
Періодическія изданія (16). См. повременныя изданія.
Письма частныя (28); 116—129.
Письменныя произведенія (1).
Піанола (42).
Планы (41, 57); 146. См. архитектурныя произведенія.
Плагіатъ—335, 344.
Пластинки (42).

Площади (56); 239
Повременныя изданія (14, 38, 40, отд. IX); 224—236.
Повѣствовательная форма (31, 75); 202.
Повѣсти (13).
Подданство (4, 35); 188—190.
Подлинникъ (3, 33, 34, 55).
Подлогъ въ авторствѣ (отд. V); 336, 344.
Подпись (3).
Подсудность (отд. III, IV и VIII); 372, 375.
Покушеніе—349, 379.
Полное собраніе (72); 275.
Попурри (42); 148.
Портретъ (52, 59); 161—163.
Пословицы (13).
Посмертныя произведенія (11).
Поспектакальная плата—212.
Постройки (57). См. архитектурныя произведенія.
Потерпѣвшій (21—26).
Пошлины наслѣдственныя—387.
Правительственныя распоряженія (37),
Право-дѣеспособность—193.
Правопреемникъ—см. наслѣдованіе, отчужденіе, издательскій договоръ.
Преданіе изустное (13).
Предисловіе (33); 267.
Прекращеніе авт. права (7); 282—332
Прибалтійскія губерніи (отд. XII); 96.
Прибыль (22).
Приведеніе въ негодность (24, 26, 58); 357, 371.
Привилегіи на право изданія—10,—69
Примѣненіе новаго закона къ произведеніямъ, уже появившимся въ свѣтъ (отд. XIII); 97.
Продажа съ публичнаго торга (отд. IV и ст. 10).
Проповѣди (1). См. изустныя произведенія.

Промышленность (56, 62); 240, 247. См. художественно-промышленныя произведенія.
Псевдонимное произведеніе (17); 186—188.
Публичная выставка (56, 62); 241.
Публичная продажа—см. взысканіе.
Публичное исполненіе (20, 47—50, 74); 210—217, 269.
Публичность—215, 406
Публичныя мѣста (56); 239.
Публичныя собранія (38).
Пѣсни (13).
Пятилѣтіе (71).
Распространеніе (2, 65); 260, 347.
Регистрація авт. права—248—253.
Редакторъ—182; 391
Режиссерство—216.
Ремесленная промышленность (56, 62).
Рефераты (1).
Рисунки (13, 41, 57). См. архитектурныя произведенія.
Родители автора (6); 280.
Рукопись древняя (30); 133.
Рѣчи (1, 38); 138—143.
Самовольное изданіе—см. нарушеніе.
Самостоятельное произведеніе (3, 39, 43, 62).
Свѣтописный способъ (59).
Сборники (13, 38, 61); 131—133.
Сборныя изданія (14); 134—137, 182—186. См. повременныя изданія.
Свобода переводовъ—См. переводы.
Свѣдущіе люди—364.
Сказки (13).
Словари (14). См. сборныя изданія.
Смерть (6, 7, 11).
Собственникъ художеств. прозведенія (53). 244.

Собственность общая (5, 6); 180.
Соавторство (5, 7, 12, 15); 178—182.
Совокупный трудъ—см. соавторство.
Совѣсть добрая (20, 70).
Содержаніе авт. права—194—247.
Сокращенія (20, 42, 70).
Сообщенія (1). Сообщенія по телеграфу и телефону (40). См. повременныя изданія.
Сооруженія (57). См. архитектурныя произведенія.
Срокъ (9, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 26, 28, 29, 30, 33, 40, 61, 68, 71, 72); 121; 136, 262, 297—332.
Составители сборниковъ (13).
Сотрудникъ (14); 184. См. сборныя изданія, повременныя изданія.
Сохраненіе права (33, 48, 57).
Строительные чертежи, планы (41, 57).
Субъектъ авторскаго права—175—193.
Судебныя рѣшенія (37).
Супруги (6, 28, 29); 121, 123, 125, 279.
Текстъ для музыкальнаго произведенія (45, 46, 49); 157—161, 214.
Техническіе планы, рисунки (41, 57).
Типографщикъ (24).
Томы (16).
Тона (42).
Топографическіе рисунки, планы (41, 57).
Торговцы (отд. V); 352.
Транскрипціи (43).
Убытки (21—26); 355, 362.
Уголовное преслѣдованіе (25, отд. V, VI, VII, VIII).
Улицы (56); 239.
Умыселъ—342, 353, 379.
Уничтоженіе экземпляровъ (24, 26).
Усмотрѣніе суда (23, 42); 359—367.

Учебная цѣль (39, 43, 56, 62); 223.
Фабриканты механич. нотъ (отд. X и ст 42).
Фабричная промышленность (56, 62).
Фантазіи (43).
Фирма газетная (отд. IX); 234.
Фонографъ (42).
Фотографическія произведенія (1, 59—64); 48—50, 168—173, 246.
Химическій способъ (59).
Храмы Божіи (54); 242.
Хрестоматіи (39).
Художественно-промышленныя произведенія—41—48, 107.
Художественныя произведенія (1, 51—58); 38—50, 236—246, 358.
Художникъ (51, 52, 53, 54).
Царство Польское (отд. XII).
Частный порядокъ преслѣдованія (отд. VII); 351.
Чертежи (41, 57); 146. См. архитектурныя произведенія
Число изданій (69); 270.
Число экземпляровъ (69); 270.
Шрифты (24).
Экземпляры самовольные (24, 26); 357; нераспроданные—(71).
Эксперты—364.
Экспропріація авт. права—287.
Этюды (43).
Юридическія лица—176—178.

Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданія при Юридическомъ книжномъ складѣ „ПРАВО“.
С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 19. Телеф. 41-61.

Я. КАНТОРОВИЧЪ. — АВТОРСКОЕ ПРАВО.

1911.

Ц. 1 р. 50 к.